

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2019 (№ 60)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Кузьмин Евгений Петрович, председатель ред. совета, канд. ист. н., директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)
Пенькова Мария Викентьевна, секретарь ред. совета, канд. филол. н., зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)
Аеранат Татьяна Борисовна, д-р филол. н., ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)
Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. н., старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)
Зайцева Нина Григорьевна, д-р филол. н., зав. сектором языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (г. Петрозаводск)
Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. н., доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)
Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. н., главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)
Куришева Галина Александровна, д-р ист. н., директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)
Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)
Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. н., декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)
Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Будапешт, Венгрия)
Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. н., главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)
Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. н., ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)
Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)
Чузаев Родион Иванович, канд. ист. н., директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Никитина Татьяна Багшиевна – главный редактор, д-р ист. н., главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Абукаева Любовь Алексеевна – зам. редактора, д-р филол. н., главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Пекшеева Эльвира Ивановна – отв. секретарь, канд. филол. н., старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Григорьева Людмила Яковлевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. н., зам. директора МарНИИЯЛИ
Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. н., ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Михеев Алексей Викторович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. н., ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Молотова Тамара Лаврентьевна – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. н., ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. н., ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. н., ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Глухова Наталья Николаевна – д-р филол. н., профессор Марийского государственного университета
Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. н., профессор Марийского государственного университета
Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2019
© Авторы статей, 2019

Editorial Review Board:

Kuzmin E.P., Candidate of History, Director of the Mari Research Institute, Editorial Board Chairman (Yoshkar-Ola)

Penkova M.V., Candidate of Philology, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute, Editorial Board Secretary (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher of the Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Zaitseva N.G., Doctor of Philology, Head of Linguistics Sector of the Institute of Language, Literature, and History, Carelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Uric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Perm Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, PhD, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Dean of the Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Budapest, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, PhD, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzhaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Nikitina T.B., Editor-in-Chief, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Deputy Editor, Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Peksheeva E.I., Executive Secretary of the journal, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Grigoryeva L.Ya., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Deputy Director of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Mikheev A.V., Executive Editor of the series «Archeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Molotova T.L., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Glukhova N.N., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Беленов Н.В.</i> Географическая лексика шелехметского говора мокша-мордовского языка	5
<i>Зайцева Н.Г., Жукова О.Ю.</i> Вепское vs русское в происхождении наименований понятий «корзина» и «ушат» в языке вепсов (на материале ЛАВЯ).....	9
<i>Пекшеева Э.И.</i> Историко-генетический анализ некоторых названий охотничьих ловушек в марийском языке	18
<i>Сергеев О.А.</i> Из истории изучения переводной христианской литературы на марийском языке XIX – начала XX в.	24
<i>Теуш О.А.</i> Прибалтийско-финская по происхождению лексика с семантикой «заболоченное место» в диалектах Европейского севера России.....	31
<i>Цыпанов Е.А.</i> Значения древнекоми названий месяцев <i>ураcьѓм</i> 'февраль' и <i>косму</i> 'апрель'.....	50
<i>Эрцикова Г.А.</i> О союзах следствия в современном марийском языке.....	53

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Камитова А.В.</i> Фольклорные экспедиции Кузубая Герда: малоизвестные страницы	59
<i>Лисовская Г.К.</i> Преемственность или новизна: к вопросу о современных тенденциях в коми литературоведении (на примере анализа стихотворения И.А. Куратова «Менам муза»)	66
<i>Остапова Е.В.</i> Особенности перевода на русский язык диалогии В. Савина (Небдінса Витора) «Райын» / «В раю» и «Инасьтѓм лов» / «Неприкаянная душа»	73

ИСТОРИЯ

<i>Акишков А.Г.</i> Марийские тамги (тисте): некоторые проблемы изучения	77
<i>Бажин В.В.</i> Филигранные на тряпичной бумаге ручного производства Угличских бумажных фабрик XVIII – первой половины XIX в. в документах Государственного архива Республики Марий Эл	83
<i>Кудрявцев А.Н.</i> Мобилизованные из запаса в 1914 году уроженцы Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии.....	95

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Алыбина Т.И.</i> Марийские религиозные обряды в объективе камеры: экспедиции Тии Пездумяе в Марий Эл в 1991–1992 гг.	106
<i>Васильева Р.М., Балтаев Н.М.</i> Роль чувашской традиционной вышивки в системе воспитания детей	119
<i>Воронова З.И.</i> Особенности национальных головных уборов разных этнических групп чувашей	124
<i>Медведев В.В.</i> «Вышел я за околицу и поклонился – расстался со всею деревнею»: полевые изгородь и ворота в традиционных воззрениях чувашей.....	127
<i>Михайлов В.Т.</i> Теоретические основы этнокультурной составляющей содержания современного российского образования	132
<i>Молотова Т.Л.</i> Роль народных студий и мастеров в развитии современного марийского костюма.....	139
<i>Молотова Т.Л., Веткина Л.В.</i> Традиционные особенности орнаментации костюма сернурских марийцев.....	147
<i>Мушкина Н.В.</i> Любовная лирика в музыкально-песенной традиции марийцев	151
<i>Попов Н.С.</i> Монотеистические тенденции в религиозных представлениях чувашей и мари	160

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Максимов В.Н.</i> К юбилею Л.А. Абукаевой	170
<i>Никитин В.В., Никитина Т.Б.</i> А.В. Михееву – 50.....	176
<i>Пенькова М.В.</i> Собиранье народной мудрости (к 90-летию со дня рождения Александра Ефимовича Китикова) (1929–2013)	179
<i>Сергеев О.А., Максимов В.Н.</i> Сиркка Сааринен – исследователь марийского языка из Суоми	187

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Карпов И.П.</i> Рец.: Федосеева Н.А. Истоки формирования художественной словесности народа мари. – Йошкар-Ола, 2017. – 232 с.	191
---	-----

ХРОНИКА

<i>Григорьева Л.Я.</i> Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «I Ёпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): актуальные проблемы современной компаративистики»	196
<i>Орлова О.В., Молотова Т.Л.</i> XIII Конгресс антропологов и этнологов России	198
<i>Титова О.В.</i> VI Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы»	200
Памяти Александра Сергеевича Казимова (19.08.1948–23.08.2019)	202

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

<i>Belenov N.V.</i> Geographical Vocabulary of the Shelekhmet Sub-dialect of the Moksha-Mordvin Language	5
<i>Zaitseva N.G., Zhukova O.Y.</i> Vepsian vs Russian in the Origin of the Concepts names «basket» and «barrel» in the Language of the Veps (on the Material of The Linguistic Atlas of the Vepsian Language)	9
<i>Peksheeva E.I.</i> Historical-genetic Analysis of Hunting Traps Naming in the Mari Language	18
<i>Sergeev O.A.</i> The 19 th – Early 20 th Centuries Christian Literature Translated into Mari: the History of Studies.....	24
<i>Teush O.A.</i> The Lexicon of Baltic-Finnish Origin with the Semantics of «Wetland» in the Dialects of the Russian European North.....	31
<i>Tsypanov E.A.</i> The Meaning of the Words <i>урацьѡм</i> ‘february’ and <i>косму</i> ‘april’ in the Old Komi Language.....	50
<i>Ertsikova G.A.</i> On the Conjunctions of Consequence in the Modern Mari Language	53

LITERATURE AND FOLKLORE STUDIES

<i>Kamitova A.V.</i> Kuzebay Gerd’s Folklore Expeditions: Little-Known Facts	59
<i>Lisovskaya G. K.</i> Continuity vs Novelty: on the Issue of Modern Trends in Komi Literary Criticism (Using an Example of the Poem «My Muse» by I. A. Kuratov)	66
<i>Ostapova E.V.</i> The Translation of the Dilogy «In Paradise» and «The Restless Soul» by V. Savin from Komi into Russian: Main Characteristics.....	73

HISTORY

<i>Akshikov A.G.</i> The Mari Tamga (Tiste): Some Aspects of Study	77
<i>Bazhin V.V.</i> Filigrees on Hand-made Rag-paper Produced by Uglich Paper-mills in the 18 th -first half of the 19 th Centuries in the Documents of the State Archive of The Republic of Mari El.....	83
<i>Kudryavtsev A.N.</i> Mobilized from the Reserve People – the Natives of the Vilotovvrazh volost, Kozmodemyansk uyezd, Kazan Governorate.....	95

ETHNOLOGY

<i>Alybina T.I.</i> The Religious Traditions of the Mari People Viewed through the Camera Lens: Field Work Conducted by Tiia Peedumäe in The Republic of Mari El in 1991–1992	106
<i>Vasilyeva R.M., Baltaev N.M.</i> The Role of Chuvash Traditional Embroidery in the Upbringing of Children	119
<i>Voronova Z.I.</i> Features of National Headgears of Different Chuvash Ethnic Groups	124
<i>Medvedev V.V.</i> «I Went out of the Village and Bowed – Parted with the Whole Village»: Field Fence and Gate in the Traditional Views of the Chuvash	127
<i>Mikhailov V.T.</i> Theoretical Foundations of Ethno-Cultural Component of Contemporary Russian Education	132
<i>Molotova T.L.</i> The Role of Folk Workshops and Masters in the Development of Modern Mari Costume and Preservation of Embroidery Traditions	139
<i>Molotova T.L., Vetkina L.V.</i> Traditional features of the Sernur Mari’s national costume ornamentation	147
<i>Mushkina N.V.</i> Love Lyrics in Mari Musical Traditions	151
<i>Popov N.S.</i> Monotheistic Tendencies in the Chuvash and Mari Beliefs.....	160

PROMINENT FIGURES

<i>Maksimov V.N.</i> To L.A. Abukaeva’s Anniversary	170
<i>Nikitin V.V., Nikitina T.B.</i> A.V. Mikhchev is 50.....	176
<i>Penkova M.V.</i> The Compiler of People’s Wisdom (to A.E. Kitikov’s 90 th Anniversary) (1929–2013)	179
<i>Sergreev O.A.</i> Sirkka Saarinen – the Mari Language Researcher from Suomi.....	187

REVIEWS

<i>Karpov I.P.</i> Review on the book: Fedoseeva N.A. The Formation Sources of the Mari’s Literary Works. – Yoshkar-Ola, 2017. – 232 p.	191
--	-----

CURRENT EVENTS

<i>Grigoryeva L.Ya.</i> All-Russian Scientific Conference with International Participation «I Ёпымарий лудмаш» (The I Vasilyev Readings): Current Issues of Modern Comparative Studies.....	196
<i>Orlova O.V., Molotova T.L.</i> The XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia	198
<i>Titova O.V.</i> The VI All-Russian Scientific Conference of the Finno-Ugrists «The Finno-Ugric World in the Polyethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges».....	200
To the Memory of Alexander Sergeevich Kazimov (19.08.1948–23.08.2019)	202

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 94(09)(=16=91)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ШЕЛЕХМЕТСКОГО ГОВОРА МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

© 2019 г. Н.В. Беленов

В статье вводится в научный оборот и анализируется географическая лексика одного из мокша-мордовских говоров Самарской Луки – шелехметского, бытующего у жителей села Шелехметь Волжского района Самарской области. В системе географической лексики шелехметского говора выявляются общемордовские, общемокшанские и заимствованные лексемы, прослеживается изменение семантики ряда географических терминов. Работа выполнена на основе полевых материалов автора.

Ключевые слова: топонимика; мордва; мокша-мордовский язык; географическая лексика; Шелехметь.

Шелехметский говор мокша-мордовского языка находится в системе мокшанских говоров мордовского населения Самарской Луки, значительно различающихся как от других диалектов мокша-мордовского языка, так и между собой. Особенности мокшанских говоров Самарской Луки (их в настоящее время три: торновский (бытует у жителей с. Торнового Волжского района Самарской области), шелехметский (бытует у жителей с. Шелехметь Волжского района Самарской области) и бахилловский (бытует у жителей с. Бахилово Ставропольского района Самарской области, ранее, по всей вероятности, распространялся также на жителей Бахиловой Поляны, в настоящее время полностью обрусевших) сформировались в ходе этноязыковой истории мордовских групп на полуострове, которая значительное время протекала обособленно от остального мордовского населения и основные аспекты которой во многом ещё остаются неизвестными.

В условиях отсутствия архивных источников по ранней истории самаролукской

мордвы, а также лакуны в археологических мордовских памятниках на данной и прилегающих территориях XV–XVI вв. [Малкова, 2000: 197] основным источником по этноязыковой истории мокшан Самарской Луки остаются языковые материалы. В полной мере сказанное относится к географической лексике мордовского населения Самарской Луки, которая, наряду с другими лексическими кластерами, отражает межъязыковые контакты, экстралингвистические и внутрилингвистические факторы развития мокша-мордовских говоров на полуострове.

В данной статье не ставится цель решить фундаментальные вопросы этноязыковой истории мокшан Самарской Луки. Задача автора – ввести в научный оборот сведения по географической лексике одного из местных мокша-мордовских говоров, а именно шелехметского.

Исследования топонимического пространства мокшанских сёл Самарской Луки проводились нами в течение полевых сезонов 2017 и 2018 гг. в рамках реализации проекта РФФИ

«Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки» (грант № 18-412-630002/18). При этом был не только собран и обобщён собственно топонимический материал, но и собраны образцы лексики различных мокша-мордовских говоров Самарской Луки в основном по кластерам, наиболее часто получающим отражение в топонимии: географическая, фаунистическая, флористическая, хозяйственная лексика.

Шелехметский говор мокша-мордовского языка характеризуется рядом черт, объединяющих мокша-мордовские говоры Самарской Луки: переход ударения в слове преимущественно на последний слог, добавление финального гласного [e/э], а также, по сравнению с литературным мокшанским языком, переход [e/э] в [и], [я] в [e/э].

При этом по сравнению с другими мокша-мордовскими говорами Самарской Луки шелехметский говор, согласно нашим исследованиям, содержит больше эрзянизмов, что также нашло отражение и в географической лексике шелехметской мордвы. Помимо этого, ряд изменений в системе географической лексики шелехметской мордвы, аналогично торновскому и бахиловскому говорам, произошёл в процессе её приспособления к местным природно-географическим реалиям. Природно-географические условия на Самарской Луке значительно отличаются от тех, которые присущи большинству территорий расселения носителей мордовских языков. Кроме того, имеются и существенные локальные различия в этом плане между окрестностями с. Шелехметь, Торновое и Бахилово. Для окрестностей с. Шелехметь характерно сочетание горного рельефа, обусловленного наличием цепи возвышенностей Жигулёвских гор к северо-западу от села, изрезанных оврагами различной степени крутизны, с системой пойменных озёр, тянущихся от самого села до волжского побережья. Такое расположение села позволило жителям Шелехмети избежать общего для центральных районов Самарской Луки дефицита водных источников, что также отразилось на географической лексике шелехметского говора мокша-мордовского языка.

Рассмотрим далее примеры географической лексики шелехметского говора мокша-мордовского языка с кратким анализом.

Рав. Мокшане Самарской Луки называют Волгу *Рав* или *Рау*. Характерно, что при далеком зашедшем процессе обрусения, это название в их среде не забыто. Литература, посвящённая происхождению данного гидронима у мордвы и его этимологии, насчитывает сотни источников. Между тем вопрос этот до сих пор остаётся дискуссионным. Ф.И. Гордеев видел в мордовском *Рав* балтское заимствование [1969: 129], В.И. Абаев считал, что мордва заимствовала гидроним у ираноязычного населения [1965: 33], А. Лома постулирует переход топонимической кальки «Ра – Волга» из индоиранской этноязыковой среды в славянскую [2010: 15]. Д.В. Цыганкин полагает, что в ряде мордовских гидронимов можно усмотреть переход собственного имени *Рав* в нарицательное [2005: 47], что на материале мокшанских говоров Самарской Луки не прослеживается. Как представляется, на современном этапе точно идентифицировать этноязыковую среду, из которой произошло заимствование гидронима *Рав* в мордовские языки, затруднительно, можно лишь утверждать с большой степенью вероятности, что эта среда была индоевропейской. При этом полагаем, что поиск здесь не должен ограничиваться лишь историческими индоевропейскими языками, поскольку в Среднем Поволжье, на основании заимствований в мордовских и других финно-угорских языках, фиксируется бытование в прошлом индоевропейских языков, не сохранившихся к историческому времени [Кнабе, 1962: 53].

Грай. Название волжского побережья в шелехметском говоре мокша-мордовского языка используется только в словосочетании *Рав-грай*. В других говорах мокша-мордовского языка Самарской Луки термин *грай* нами не зафиксирован. Это объясняется, вероятно, тем, что топонимические пространства Торнового и Бахилово не распространяются на волжское побережье. Термин *грай* в шелехметском говоре мокша-мордовского языка является заимствованием из русского (от русского «край; сравните, в литературных мордовских языках: мокшанское *търва*, эрзянское *чире*), применяется только к обозначению берега Волги.

Панда. Обозначение горы, а также горного склона в шелехметском говоре мокша-мордовского языка аналогично литературным мор-

довским языкам (мокшанское *панда*, эрзянское *пандо*). Встречается в составе топонима *Ош-панда-нерь* – «Городище горного мыса».

Пандалу. Этим термином в шелехметском говоре мокша-мордовского языка обозначаются озёра. Термин *эръхе* им также известен, но употребляется в ином значении (смотрите ниже). В других говорах мокша-мордовского языка на Самарской Луке данный термин отсутствует. По нашему мнению, *пандалу* буквально означает «подгорный». По-видимому, первоначально это название относилось к цепочке озёр, тянущихся вдоль подножия Жигулёвских гор, между ними и с. Шелехметь, известных на путеводителях и географических картах как «Клюквенные озёра», местными жителями же именуемые просто «болота». Затем оно было распространено в данном говоре на озёра вообще, возможно, не в последнюю очередь, в связи с тем что термин *эръхе* получил иное значение.

Эръхе. Термин имеет в шелехметском говоре мокша-мордовского языка двоякое значение: либо «пруд», либо «озеро подкруглой формы, остающееся на полях и в местах покосов после весенних разливов». По словам местных жителей, такие объекты встречаются только в пойменной части окрестностей села.

Кужо. В литературных мордовских языках этим термином обозначаются поляны и лесные лужайки. Д.В. Цыганкиным в ряде работ этот географический термин в мордовских языках отнесён к архаизмам [1976: 57]. В шелехметском говоре мокша-мордовского языка лексема *кужо* употребляется в значении «окраина населённого пункта», «граница возделанной земли». Это значение близко к тому, которое данный термин имеет в торновском говоре мокша-мордовского языка: «кужо – это то, что за огородами»¹. Поляна в шелехметском говоре мокша-мордовского языка обозначается русским заимствованием «луга» (ударение на последний слог), либо мокшанским словом *нар* 'трава'.

Вирь. Термин, обозначающий лес в шелехметском говоре мокша-мордовского языка, аналогичен литературному термину.

Шудерькс. Термин, обозначающий ручей в шелехметском говоре мокша-мордовского языка, аналогичен литературному термину. Надо отметить, что сохранение данной лексемы в шелехметском говоре и утрата её в торновском говоре мокша-мордовского языка, где термин «ручей», как и термин «овраг», обозначаются одинаково – *баряк*, по нашему мнению, связаны с различием природно-географических условий, в которых проживают носители данных говоров. Многочисленные пойменные озёра в окрестностях с. Шелехметь часто соединяются протоками, которые здесь также называются ручьями, в окрестностях же Торнового ручья в классическом понимании термина нет. Есть лишь временные водотоки, вода в которых имеется лишь в период таяния снега в горах. В остальное время они представляют собой сухие русла оврагов, что, по-видимому, и послужило причиной утраты термина *шудерькс* в торновском говоре мокша-мордовского языка, при сохранении в нём термина *шуди* 'течение'.

Байрак (байрак). Термин, обозначающий жигулёвские овраги в шелехметском говоре мокша-мордовского языка. Приведём две наиболее часто встречающиеся вариации. В торновском говоре мокша-мордовского языка данный термин зафиксирован в форме *баряк*. Мордва Самарской Луки убеждена, что этот термин – их собственный, мордовский, хотя надо отметить, что он издавна бытует также у русского населения полуострова в форме «буерак». Первое упоминание данного термина находим на карте Адама Олеария 1636 г. в составе ойконима «Schirai boirak» – «Ширяевский буерак» [Olearius, 1647: 360]. На одном из старейших картографических источников по Самарской Луке – Чертеже Печёрской слободы 1684 г. – этот термин также фиксируется в форме *боярак* в составе таких надписей, как «липовой крутой боярак» и «боярачная вершина». Происхождение данного термина дискуссионно, большинство исследователей сходятся во мнении, что в славянских языках оно является заимствованием из тюркских языков [Шипова, 1976: 93]. Однако, учитывая особенности этноязыковых процессов в Самарском Поволжье, нельзя исключать возможности прямого заимствования в мокшанские говоры Самарской Луки данного термина из

¹ Полевые материалы автора, Самарская область, Волжский район, с. Торновое, 2018.

тюрко-монгольской этноязыковой среды, мина русское посредство.

Река. Это русское заимствование настолько прочно вошло в географический лексикон жителей с. Шелехметь, что они считают его общим, русско-мордовского, происхождения. Термин «ляй/лей» им неизвестен и не употребляется ни в каком значении.

Подводя промежуточный итог исследова-

ниям географической лексики шелехметского говора мокша-мордовского языка, можно отметить значительную долю русских и тюркских заимствований в этом лексическом кластере, а также выраженную зависимость эволюции географической терминологии в данном говоре от природно-географических условий, характерных для топонимического пространства с. Шелехметь.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. – М.: Наука, 1965. – 168 с.
- Гордеев Ф.И.* О происхождении гидронима Волга // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 122–129.
- Кнабе Г.С.* Словарные заимствования и этногенез // Вопросы языкознания. – М., 1962. – № 1. – С. 52–64.
- Лома А.* Из топонимии древней Скифии – в поисках страны будинов // Вопросы ономастики. – Москва – Екатеринбург, 2010. – № 1. – С. 5–17.
- Малкова Н.М.* Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.: дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Самара, 2000. – 330 с.
- Цыганкин Д.В.* Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. – Саранск, 1976. – С. 54–59.
- Цыганкин Д.В.* Память, запечатлённая в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск: Красный Октябрь, 2005. – 432 с.
- Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 392 с.
- Olearius A.* Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise. – Schlesswig: Bey Jacob zur Glocken, 1647. – 368 s.

Nikolay Belenov

GEOGRAPHICAL VOCABULARY OF THE SHELEKHMET SUB-DIALECT OF THE MOKSHA-MORDVIN LANGUAGE

The article introduces and analyses a geographical vocabulary of the Shelekhmet sub-dialect, one of the Moksha-Mordvin sub-dialects in Samarskaya Luka used by the inhabitants of Shelekhmet settlement in Volzhsky district, Samara region. Common Mordvin, common Moksha and borrowed lexemes have been revealed; a number of geographical terms have changed their semantics. The research is based on the author's fieldwork.

Key words: toponymy; the Mordvins; the Moksha-Mordvin language; geographic vocabulary; Shelekhmet.

Беленов Николай Валерьевич

доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара
e-mail: belenov82@gmail.com

Nikolay Belenov

Associate Professor of the Chair of Information-Communication Technologies, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
e-mail: belenov82@gmail.com

УДК 811.511.11: 81'28

ВЕПССКОЕ vs РУССКОЕ В ПРОИСХОЖДЕНИИ НАИМЕНОВАНИЙ ПОНЯТИЙ «КОРЗИНА» И «УШАТ» В ЯЗЫКЕ ВЕПСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАВЯ¹)

© 2019 г. Н.Г. Зайцева, О.Ю. Жукова

Вепский язык, являясь типичным прибалтийско-финским языком, на фоне родственных языков выделяется как значительной архаикой, так и многими инновативными процессами, нашедшими отражение в ЛАВЯ, который был подготовлен при поддержке РГНФ (РФФИ) в 2012–2018 гг. В представленной статье в лингвогеографическом и этимологическом аспектах рассмотрены некоторые именованья домашней утвари в вепском языке. На основе анализа этого материала можно обнаружить как прибалтийско-финское наследие и вепские лексические инновации, так и следы языковых контактов, прежде всего с русскими диалектами, что иллюстрирует распространение и заимствование различных явлений в области культуры ведения домашнего хозяйства.

Ключевые слова: вепский язык; лингвистическая география; этимология; языковые контакты; семантика; мифология.

Вепсы, язык которых входит в прибалтийско-финскую ветвь уральской языковой семьи, проживают в России на стыке трех регионов: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. По переписи населения 2010 г. вепсами в России назвали себя 5936 человек, из них в Карелии – 3423 человека, в Ленинградской области – 1380 человек, в Вологодской области – 412 человек [Строгальщикова, 2016: 13–14].

Представления о диалектном членении вепского языка сложились в первой половине XX в. благодаря прежде всего полевым исследованиям финских лингвистов Э. Сетяля, Э. Леннрот, Л. Кеттунен, Э. Тункело и многих других, совершивших многочисленные поездки в места расселения вепсов. Анализ собранных материалов позволил впоследствии выделить в языке вепсов три диалекта – северновепский, или прионежский, средневепский и южновепский [Tunkelo, 1946: 15–17; Зайцева, 2016: 10–58]. Наименования диалектов указывают на реальное расположение диалектных

ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) на юго-западном побережье Онежского озера, средний – в бассейне Свири (западные говоры), на Онежско-Белозерском водоразделе (восточные, или белозерские говоры) и, наконец, южный – на р. Лиди в верховьях Волжского бассейна. В группе средневепских принято выделять также так называемые переходные говоры, ареально тяготеющие к южным и бытующие в верховьях р. Капши (Тихвинский и Бокситогорский районы Ленинградской области). Это членение, основанное прежде всего на наиболее значимых фонетических и морфологических маркерах, впоследствии было принято и российскими исследователями (см. рис. 1).

Планомерное полевое и научное исследование вепского языка и вепского народа отечественными учеными началось лишь в 1950-е гг. Именно тогда стали предприниматься и поездки в места расселения вепского народа российскими исследователями Института языка, литературы и истории Карельского на-

¹ ЛАВЯ – «Лингвистический атлас вепского языка».

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Рис. 1. Вепские диалектные ареалы

учного центра РАН². За это время было совершено более полутора сотен выездов для сбора языкового, этнографического, фольклорного материала, который хранится сейчас в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (около 500 часов оцифрованных магнитофонных записей звучащей вепсской речи разного содержания). Это одна из самых крупных вепскоязычных коллекций материалов малочисленного вепсского народа, язык которого занесен в «Красную книгу языков народов России» [1994: 21–22].

В свое время в 1930-х гг., когда Д.В. Бубрих приехал в Карелию с идеей создания диалектологического атласа карельского языка, к этой работе присоединились и вепсологи Н.И. Бог-

данов и М.М. Хмяляйнен, которые под руководством и при консультациях Д.В. Бубриха приступили к составлению вопросника по сбору материала для диалектологического атласа вепсского языка. И такой вариант вопросника был составлен, но работа по сбору материала для атласа, когда владение вепсским языком было значительно лучше и сетка мест с вепским населением – гуще, не была по разным причинам начата.

В последнее время вепсский язык выступил объектом двух лингвистических атласов: 1) Лингвистического атласа Европы, где спорадически можно обнаружить данные по прибалтийско-финским языкам, в том числе вепские и карельские, материал по которым собирался специалистами ИЯЛИ КарНЦ РАН [ALE, 1983]; 2) Лингвистического атласа при-

² В дальнейшем в статье – ИЯЛИ КарНЦ РАН.

балтийско-финских языков, три тома которого содержат значительный материал и по диалектам вепского языка [ALFE].

В 2012 г. при поддержке РГНФ (РФФИ) была начата работа по составлению самостоятельного лингвистического атласа вепского языка.

Новый вариант вопросника по сбору диалектного материала включает 395 вопросов, из которых 83 – по фонетике, 46 – по грамматике и 265 – по лексике [Вепские ареальные исследования, 2013: 7–46]. Все лингвистические карты построены по единому принципу, включая и саму карту, и список картографируемого материала, и научные комментарии. Собранный материал позволяет обращаться к закартографированным реалиям, исследовать их разные аспекты: ареальный, этимологический, этнографический, культурологический и т.д.

Лексическая часть ЛАВЯ построена по тематическому принципу, что позволяет ориентироваться в ее семантических группах, дает возможность исследовать их далее, вне атласа, объединяя и подвергая более углубленному рассмотрению. В данной статье мы обратились к именованию лишь двух понятий «корзина, лукошко» и «кадка, ушат» в диалектах вепского языка, к ареальному распространению вариантов, их происхождению, связанному как с прибалтийско-финским наследием, так и возможными результатами контактов с родственными и неродственными народами.

Именованя понятия «корзина, лукошко» (см. рис. 2)

Предложенное к анализу понятие важно для материальной культуры вепского народа. Вепсы вели в прошлом лишь сельский образ жизни, пользуясь широко плодами и дарами леса, к которому относились особенно бережно. Вепсов иногда называли «детьми леса», поскольку они его одухотворяли и старались «жить с ним в ладу». Всем группам вепсов широко известна поговорка «В лесу и каждое дерево слышит и видит» [Vepsa vanasõnad, 1992: 351]. Она повторяется во многих сказках и легендах. К сожалению, у вепсов нет такого богатого фольклорного наследия, эпических произведений калевальского размера, как у финнов и карелов, тем не менее идеей одушев-

ления и почитания леса пронизаны все рассказы и легенды жителей вепского края о своей природе, жизни в ладу с нею. И в вепском эпосе, который вышел в свет лишь в 2012 г. и несколько раз переиздавался, также широко использованы эти рассказы:

Vepsläižile – sel’ged: mecas pu-ki, velled, nägeb, kuleb kaiken, olgat hilläd, vaikne. A mec teile siloi toškab äjan ilod, avaidab se süvüt, andab ičez hüvüt.	Вепсы это знают, часто примечают, что деревья видят и округу слышат. Кто лес уважает, тот секрет узнает, распахнет лес дали, где вы не бывали
---	--

[Zaiceva, 2016: 32–33].

Использование даров природы требовало умения обзаводиться соответствующими орудиями труда: рыболовными снастями, различными приспособлениями для охоты, сбора грибов и ягод и т.д. Самым доступным и универсальным средством для изготовления разного рода приспособлений и домашней утвари было, конечно же, дерево. Исследователи-этнографы начала XX в. отмечали, что вепсы были виртуозными мастерами особенно в работе с берестой, из которой готовили корзинки, черпаки, чашки, солонки и т.д. Причем сами вепсы посуду из бересты называли «серебряной посудой» [Розов, 1927: 152], достигая в ее изготовлении такого мастерства, что в ней можно было хранить не только масло, но и молоко, настолько плотно она была сплетена.

Понятие «корзина, лукошко» в диалектах вепского языка обладает несколькими именованями. Очевидно, сказались некоторые различия и в изготовлении корзины, и в материале, из которого ее изготовляли. Наиболее распространенной лексемой, известной всем диалектам вепского языка, является *puzi*. Слово принадлежит к этимологическому гнезду *pusi* и имеет в близкородственных языках значение «деревянная или берестяная посуда» [SKES, 1962: 660]. Фиксируются и диминутивные формы лексемы *puzine* и *puzjine*, где во втором варианте *ui* > *ji* [Tunkelo, 1946: 804]. В южновепских пунктах Маслово (Mas) и Сидорово (Sod; оба пункта находятся в Бокситогорском районе Ленинградской области) записана форма *puzik*, представляющая образование от слова *puzi* с именным суффиксом *-ik*,

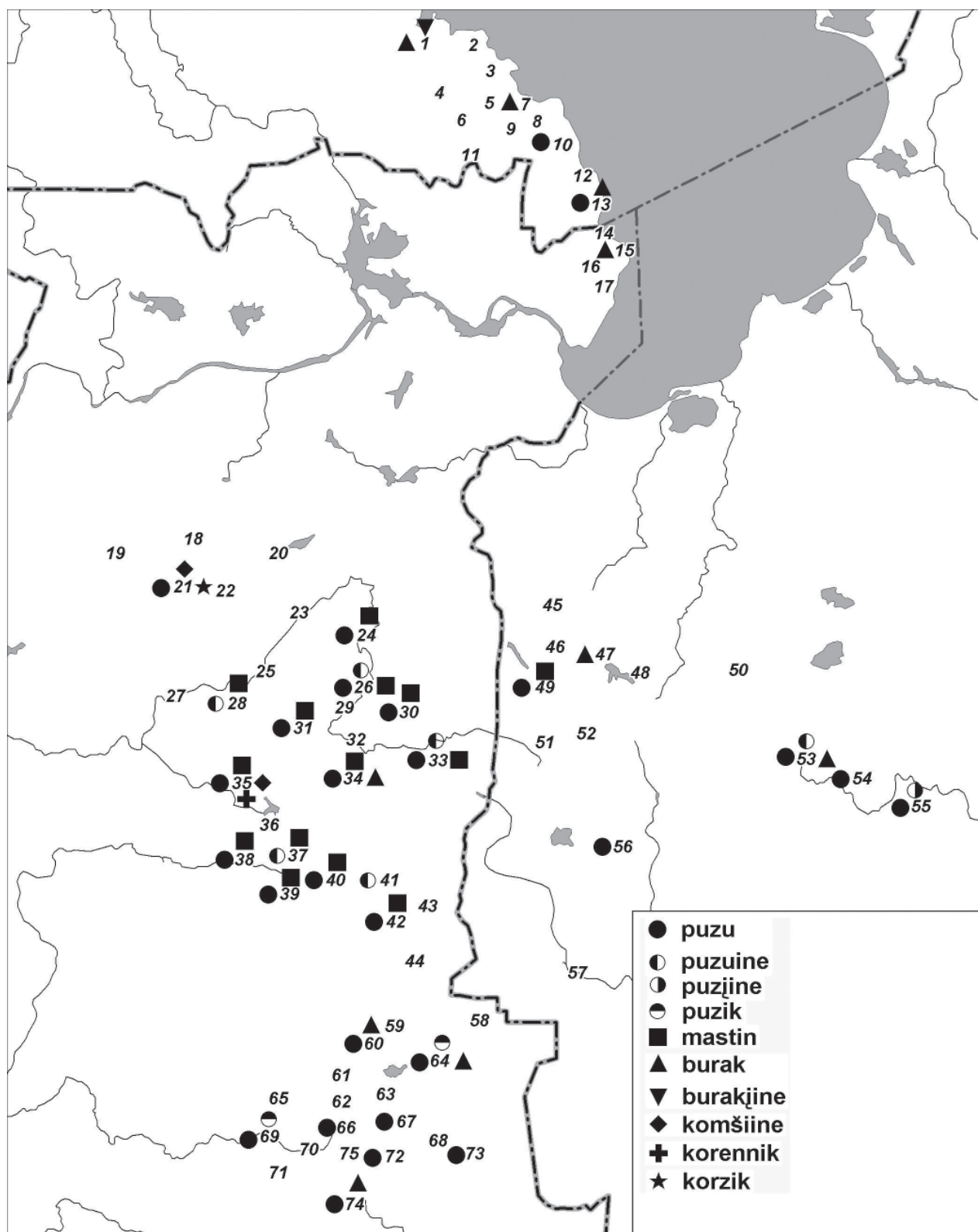

Рис. 2. Именования понятия «корзина, лукошко»³

³ На карту нанесены номера вепских пунктов, расшифровки которым даны в конце статьи в списке сокращений, а также соответствующие легенде значки. В правом углу лингвистической карты находится легенда.

которое также носит отчасти диминутивный характер.

Еще одно слово со значением «небольшая корзинка, лукошко из бересты» – *komšiine* [СВЯ, 1972: 223] – встречается в отдельных пунктах западновепского ареала. Полагаем, что лексема имеет прибалтийско-финское происхождение и может быть отнесена к гнезду *komsa* ‘берестяной короб, корзина’ [SSA, 2000: 395]. В известных этимологических словарях вепский материал отсутствует, тем важнее обнаруженное соответствие, которое дополняет данную этимологическую статью вепским материалом. В СРНГ также находим лексему *komša* ‘берестяная корзина’ с пометой об употреблении ее в Олонецкой губернии [СРНГ, 1978: 240], что считают заимствованием из южнокарельских диалектов, где *komššu* ‘берестяное лукошко’ [KKS, 1974: 306].

Для западновепских говоров характерна еще и лексема *mastin*. При этом информанты отмечали некоторую разницу в семантике этих двух слов: *puzu* (*puzuine*) ‘корзина, сплетенная из бересты, реже из ивы, иногда без ручки’; *mastin* ‘корзина, сделанная из лучины (щепы)’. Существительное *mastin* пришло в вепский язык из русских народных говоров, где встречается в форме *мастина* или *мостина* ‘большая плетеная корзина’ [СРНГ, 1982: 289].

В свою очередь, лексема *burak* (диминутив – *burakjine*) употребляется во всех диалектах вепского языка с некоторой детализацией значения. В северновепском – это ‘корзина’, в средневепском – ‘туес, берестяной короб, в который клали еду с собой в лес’, и даже ‘берестяной черпак для воды’ [СВЯ, 1972: 52]. Слово известно практически всем прибалтийско-финским языкам, являясь древним славянским заимствованием. В финском языке данная лексема имеет вид *purakka* ‘деревянная посуда’, в карельском *burakko* ‘берестяная посуда’ [SKES, 1962: 650]. В говорах русского языка *бурак* ‘сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы, а также корзина или короб, плетеные из лучины или бересты’ [СРНГ, 1968: 280].

В п. Вонозеро (Еп, Лодейнопольский район Ленинградской области) зафиксировано слово *korennik* ‘корзина’, вероятное диалектное заимствование из русского языка. Аналогичное слово находим в СРНГ: *кореник, корен-*

ник ‘круглая чашка из корней, короб с крышкой, сплетенный из тонких прутьев’ [СРНГ, 1978: 316].

Интересна лексема *korzik* ‘корзина’, не записанная в ходе заполнения вопросников, но указанная в диалектном словаре вепского языка в средневепском п. Каргиничи (Кар, Подпорожский район Ленинградской области) [СВЯ, 1972: 227]. По всей видимости, слово образовано от существительного *korz* ‘стебель’ при помощи суффикса *-ik*. Очевидно, в названии отражен материал, из которого плели корзины. Полагаем, что данное слово является вепской инновацией, внесшей в ряд именованных домашней утвари свой вклад.

Именования понятия «кадушка, ушат» (см. рис. 3)

Именование «кадушка» и «ушат» были даны в вопроснике как одно понятие, что, с одной стороны, очевидно, не совсем правомерно, с другой стороны, информанты часто путались в объяснениях, не всегда понимали, как точно объяснить тонкую разницу в данных понятиях, поскольку их хозяйственное назначение достаточно близко друг к другу. Поэтому было решено представить их именования на одной лингвистической карте атласа с некоторыми дополнительными пояснениями в научных комментариях.

Во всех диалектах вепского языка «ушат» именуется лексемой *kerandez*, которую носители языка объясняют как круглую деревянную бочку со своеобразными возвышениями стенок по бокам, обладающими отверстиями (ушами), в которой раньше носили воду на коромысле. Слово, вероятнее всего, является исконно вепской инновацией. В нем можно усмотреть отыменное образование при помощи суффикса *-andez*, являющегося малопродуктивным в современном вепском языке. В этом случае наиболее показательным является существительное *ojandez* ‘русло пересохшего ручья’ < *oja* ‘ручей’ + суффикс *-andez*. Полагаем, что по аналогии могло быть образовано и слово *kerandez* от слова *kerä* ‘клубок’, где во внимание была принята круглая форма предмета, + суффикс *-andez*.

Широкое распространение по всему вепскому ареалу имеет также лексема *lač* ‘кадка,

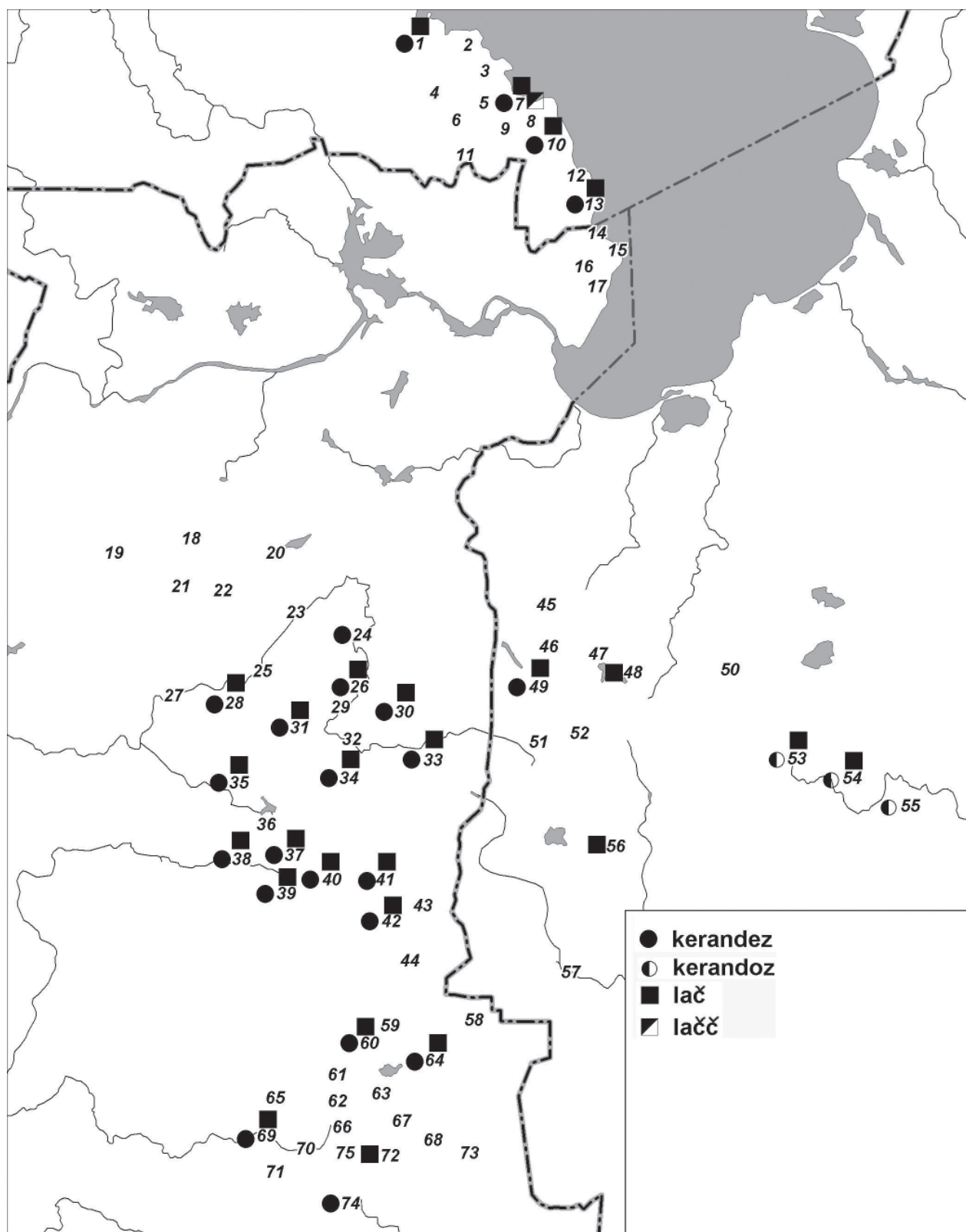

Рис. 3. Именования понятия «кадушка, ушат»

деревянная бочка'. Она могла быть с ушами или без них, на ножках или также без них, удлиненной или приплюснутой [СВЯ, 1972:

269]. По поводу размеров высказывались разные мнения. В СВЯ приведен такой пример из д. Пондала (Бабаевский район Вологодской об-

ласти): *lačhu mänob ii üks' kerandes vet* 'в бочку вмещается не один ушат воды' [СВЯ, 1972: 269].

В СРНГ находим слово *лача* со значением 'плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи' [СРНГ, 1980: 297]. Интересно, что данная лексема зафиксирована и в русских говорах Марий Эл. Слова *лач*, *лачи* отмечены также в севернорусских фольклорных текстах и соотносятся исследователями с вепским *lač* [Мызников, 2004: 73]. Помимо того, в диалекте коми языка бытует лексема *latš* 'бочка с крышкой для кваса или воды', которую некоторые лингвисты считают вепским заимствованием [Лыткин, 1956: 179–189].

При этом довольно широко распространены сходных по звучанию и семантике вариантов этимология обсуждаемой лексемы не ясна. На наш взгляд, в качестве рабочей гипотезы можно высказать собственно вепскую этимологию слова *lač*. В вепском языке употребительно прилагательное *lačak* 'приплюснутый, вогнутый' [СВЯ, 1972: 269], которое входит в прибалтийско-финское этимологическое гнездо *latsakka* 'плоский, приплюснутый' [SKES, 1958: 279]. Вполне возможно, что и здесь во внимание принята, как и в случае с *kerandez*, о чем речь шла выше, несколько приплюснутая форма предмета.

Таким образом, при анализе материала на данный момент не удалось обнаружить прямых свидетельств о заимствовании лексем *kerandez* и *lač* в язык вепсов. Отметим, что любопытен и факт отсутствия аналогичных слов в близкородственных прибалтийско-финских языках. Можно предположить, что обе лексемы обладают исконным правепским происхождением, являясь его собственными языковыми инновациями.

В качестве вывода отметим, что именованные представленные понятий, важных с точки

зрения культуры домашнего хозяйствования, в диалектах вепского языка не являются яркими ареальными маркерами, поскольку, как свидетельствуют и лингвистические карты, довольно широко употребляются по всей вепской территории, свидетельствуя, скорее всего, как о правепском происхождении слов, так и о способах пополнения вепского лексического тезауруса. Их названия передаются различными лексемами, семантически отличающимися по принципу материала изготовления, размера или использования. В именовании понятий наличествует:

1) прибалтийско-финское наследие, которое вполне естественно, поскольку язык вепсов является прибалтийско-финским языком. Вепский язык, конечно же, внес свои коррективы в фонетическое оформление слов, прежде всего в озвончение согласных звуков, находящихся между двумя гласными (напр. *ruzi* < *pusu* 'корзина' [Tunkelo, 1946: 185–215]), а также в отпадение конечных гласных в форме номинатива (*komš* < *komssu* 'корзина, берестяное лукошко'), характерное для тех двухсложных слов вепского языка, первый слог которых был закрытым [Tunkelo, 1946: 755–757];

2) вепские инновации, которым в данной статье предложены свои этимологические версии (*korzik* 'корзина', *kerandez* 'ушат', *lač* 'кадка');

3) результаты контактов с русскими народными говорами (*burak* < *бурак* 'сосуд из бересты цилиндрической формы'; *korennik* < *коренник* 'круглая чаша из корней'; *mastin* < *мастина* 'большая плетеная корзина'). Заимствованные термины пришли из диалектов русского языка, пополняя, а также отчасти конкретизируя синонимический ряд названий предметов, и являются свидетельством взаимодействия народных культур в области хозяйственной деятельности.

СПИСОК СООТНОШЕНИЙ НОМЕРОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАРТ С НАЗВАНИЯМИ ВЕПССКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И ИХ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Северновепский диалект:

1. Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Išan' (Ишанино) – // –
3. Vehkoja (Вехручей) – // –
4. Haršom (Габшема) – // –
5. Krik (Крюкова Сельга) – // –

6. Vanhimsel'g (Вангимова Сельга) – // –
7. Šoutarv (Шелтозеро) – // –
8. Mecantaga (Залесье) – // –
9. Mägi (Горнее Шелтозеро) – // –
10. Kaleig (Рыбрека) – // –
11. Matvejansel'g (Матвеева Сельга) – // –
12. Tožeg (Другая Река) – // –

13. Kaskezoja (Каскесручей) – // –
 14. Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 15. Pervakat (Урицкая) – // –
 16. Himd'ogi (Гимрека) – // –
 17. Kal'1' (Щелейки) – // –

Средневепский диалект (западные говоры):

18. Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 19. Pečal (Печеницы) – // –
 20. Čikl (Чикозеро) – // –
 21. Karhil (Каргиничи) – // –
 22. Nirgl (Ниргиничи) – // –
 23. Kuzra (Кузра) – // –
 24. Nemž (Немжа) – // –
 25. Norj (Норгина) – // –
 26. Järved (Озера) – // –
 27. Koskenpä (Надпорожье) – // –
 28. Vil'häl (Ярославичи) – // –
 29. Sarjärv (Сарозеро) – // –
 30. Rihaluine (Подовинники) – // –
 31. Pecoil (Пелдуши) – // –
 32. Šondjal (Шондовичи) – // –
 33. Ladv (Ладва) – // –
 34. Mäggär' (Мягозеро) – // –
 35. Epar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.
 36. Ozgoil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
 37. Korbal (Корбеничи) – // –
 38. Jogens (Усть-Капша) – // –
 39. Naragl (Харагеничи) – // –
 40. Nürgl (Нюрговичи) – // –
 41. Rebagi (Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 42. Noidal (Нойдала) – // –
 43. Čidoi (Чидово) – // –
 44. Korval (Корвала) – // –

Средневепский диалект (восточные говоры):

45. Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 46. Šatjärv (Шатозеро) – // –
 47. Šimgär' (Шимозеро-Сюрья), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
 48. Pütkask (Пелкаска) – // –
 49. Väräsjärv (Кривозеро) – // –
 50. Särgjärv (Сяргозеро) – // –
 51. Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 52. Vahtkär' (Вахтозеро) – // –
 53. Pondal (Пондала) – // –
 54. Kuja (Куя) – // –
 55. Voilaht (Войлахта) – // –
 56. Pärjar' (Пягозеро) – // –
 57. Kerčak (Керчаково) – // –

Южновепский диалект:

58. Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 59. Laht (Ляхта) – // –
 60. Šidjärv (Прокушево) – // –
 61. Čaigl (Чайгино) – // –
 62. Sar' (Остров) – // –
 63. Peloo (Пелуши) – // –
 64. Sodjärv (Сидорово) – // –
 65. Žarad (Жары) – // –
 66. Vušak (Бошаково) – // –
 67. Kortlaht (Кортлахта) – // –
 68. Sirj (Перелесок) – // –
 69. Maslagj (Маслозеро) – // –
 70. Tutuk (Сташково) – // –
 71. Tedroo (Тедрово) – // –
 72. Maigär' (Боброзеро) – // –
 73. Vaagedjärv (Белое озеро)
 74. Arskaht' (Радогощь) – // –
 75. Požarišš (Пожарище) – // –

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вепские ареальные исследования / науч. ред.: Зайцева Н.Г., Мызников С.А. – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2013. – 192 с.

Зайцева Н.Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2016. – 394 с.

Красная книга языков народов России: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Ред.-изд. фирма «Academia», 1994. – 117 с.

Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику В.В. Виноградову к его 60-летию: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 179–189.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.

Розов Н.С. Работы Ленинградской этнологической экспедиции 1926 г. среди вепсов Лодейнопольского уезда // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Т. 1. – Л.: Ленинградское общество изучения местного края, 1927. – С. 149–158.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен И.И. Словарь вепского языка. – Л.: Наука, 1972. – 746 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – СПб.: Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49.

Строгальщикова З.И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. – Петрозаводск: Периодика, 2016. – 199 с.

ALE – Atlas Linguarum Europae. – Vol. 1. Premier fascicule, Cartes et Commentaires. – Assen: Van Corcum, 1983.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum (Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков). – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2004–2010. – Vol. I–III.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. – Helsinki: Suomal.-ugrilainen seura, 1968–2005. – Vol. I–VI.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki: Suomal.-ugrilainen seura, 1955–1981. – Vol. I–VII.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. – Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992–2000. – Vol. I–III.

Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. – Helsinki, 1946. – № 228. – 922 s.

Vepsa vanasõnad / Koostanud: Mälk V., Hussar A., Kährik A., Viitso T.-R., Toimetanud Krikmann A., Kährik A., Mälk V., Viitso T.-R. – Tallinn: Eesti Teaduste Akademia, Keele ja Kirjanduse Instituut, 1992. – Vol. I–II.

Zaiceva N. Virantanaz. Vepsläine epos. – Petroskoi: Periodika, 2016. – 215 с. (Зайцева Н. Вирантаназ (Вотчина Вира). Вепский эпос / пер. на рус. яз. В.А. Агапитова).

Nina Zaitseva, Olga Zhukova

VEPSIAN vs RUSSIAN IN THE ORIGIN OF THE CONCEPTS NAMES

«BASKET» AND «BARREL» IN THE LANGUAGE OF THE VEPS

(ON THE MATERIAL OF THE LINGUISTIC ATLAS OF THE VEPSIAN LANGUAGE)

The Vepsian language is a typical Baltic-Finnish language; nevertheless, against the background of related languages, it is distinguished by both significant archaics and many innovative processes. They were reflected in The Linguistic Atlas of the Vepsian Language (LAVL), prepared with the support of the Russian Foundation for the Humanities (RFH), The Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in 2012–2018. In the presented article, in linguogeographic and etymological aspects, some naming of household utensils in the Vepsian language is considered. Even on the basis of a small amount of material the Baltic-Finnish heritage and Vepsian lexical innovations, as well as language contacts, primarily with Russian dialects can be found, which illustrates the distribution and borrowing of various phenomena in household culture.

Key words: Vepsian language; linguistic geography; etymology; language contacts; semantics; mythology.

Зайцева Нина Григорьевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
сектора языкознания
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук,
г. Петрозаводск
e-mail: zng@ro.ru

Nina Zaitseva

Doctor of Philology,
Leading Researcher of the Linguistics Sector,
The Institute of Language,
Literature and History, The Karelian Research
Center of The Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk
e-mail: zng@ro.ru

Жукова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
сектора языкознания
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук,
г. Петрозаводск
e-mail: olgazhukovaveps@mail.ru

Olga Zhukova

Candidate of Philology,
Junior Researcher of the Linguistics Sector,
The Institute of Language,
Literature and History, The Karelian Research
Center of The Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk
e-mail: olgazhukovaveps@mail.ru

УДК 811.511.151

ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ ОХОТНИЧЬИХ ЛОВУШЕК В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019 г. Э.И. Пекшеева

В статье освещаются сравнительные и этимологические исследования некоторых марийских названий охотничьих ловушек. Они выступают составной частью традиционной культуры марийского народа. С учетом мнений исследователей (финно-угроведов, тюркологов), данных сравнительных исследований, обобщаются уже имеющиеся этимологии наименований ловушек в марийском языке. Иноязычная лексика представлена чувашскими, татарскими и русскими заимствованиями.

Ключевые слова: этимология; лексика охоты; ловушки; историко-генетические пласты; общемарийский пласт; чувашские заимствования; татарские заимствования.

Общеизвестно, что взаимодействие и взаимовлияние языков начинается с лексики. Лексический состав марийского языка отражает многовековую историю марийского народа. Основу его составляют исконно марийские слова. В то же время в нем имеется значительное количество слов иноязычного происхождения. Основным фактором, влияющим на развитие словарного состава языка, на его обогащение и совершенствование, является процесс постоянного роста лексики за счет появления новых слов, которые строятся либо по существующим уже в языке словообразовательным моделям, либо заимствуются. Данная работа посвящена рассмотрению некоторых марийских названий охотничьих ловушек с точки зрения происхождения, ибо «более плодотворным, чем этимологизация отдельных слов, считается этимологический анализ семантических групп» [Хаузенберг, 1972: 159].

Лексика традиционных промыслов в словарном фонде марийского языка занимает значительное место. Она содержит ценнейшую информацию о материальной культуре мари, об устройстве их социальной жизни, так или иначе связанных с духовными ценностями народа.

Среди различных промыслов, свойственных марийскому народу, охота являлась доминантной. Об этом говорят многие факты как исторического, археологического, так и линг-

вистического характера. О развитой охоте марийцев IX–XI вв. свидетельствуют археологические материалы. Во многих памятниках найдены кости диких животных, части орудий охоты, такие как лук, наконечники стрел и т.д. Орудия охоты были несложными по устройству. Способы охоты отличались архаичностью, а охотники были искусными и опытными [Крюкова, 1956: 31].

Марийский язык богат синонимами, диалектными вариантами в названиях охотничьих ловушек. С точки зрения происхождения анализируемая нами лексика подразделяется на две большие группы: 1) исконно марийская лексика, к которой относятся слова, унаследованные от языка-основы, а также слова, возникшие в период самостоятельного развития марийского языка с помощью собственных словообразовательных ресурсов; 2) заимствованная лексика; слова этой группы вошли в марийский язык в разное время и из разных источников.

1. Исконно марийская лексика

В зависимости от времени возникновения в исконно марийской лексике, обозначающей охотничьи ловушки, можно выделить группы слов, относящихся к различным историческим эпохам: а) слова, общие для родственных языков; б) собственно марийские слова.

1.1. Финно-угорский пласт лексики

Имеется несколько слов, связанных с охотой, а именно с названиями ловушек, восходящих к периоду финно-угорской языковой общности. Они представляют собой древнейший пласт марийской лексики. К финно-угорскому пласту относятся следующие наименования охотничьих ловушек.

Ванш ‘тенета; приспособление для ловли зверей из натянутой сети’ [Саваткова, 1981: 182], **вантыш** ‘сеть для ловли зайцев’ [Васильев, 1928: 33], **вэви** Г. ‘тенета для зверей; сеть для ловли зверей’ [Шорин, 1920: 10], **вонтыш**, **вантыш** ‘сеть для ловли зверей’ [Васильев, 1928: 38] < Общеперм. **вантесе* – имя существительное, образованное от несохранившегося до настоящего времени глагола *vānt* – ‘поймать’ [Гордеев, 1983: 51]. Г. Березки вслед за предшествующими ему лингвистами, как и составители «Краткого этимологического словаря коми языка» (1970) В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев, мар. *ванш* (*vānш*) сопоставляет с удм. *вотэс* ‘паутина’, что ошибочно, так как пермскому ‘паутина’ в марийском языке этимологически соответствует *вот*: *энгыремышвот* ‘паутина’. Слово *ванш* сопоставляем с эст. *võt-та*, ф. *ottaa* ‘брать, взять’, коми-з. *вотны* ‘собирать, собрать; рвать, нарвать’ / манс. *waat* [Гордеев, 1983: 40]. Вариант *вантес* ‘рыболовная сеть’, *вантыш* л. ‘сеть для ловли зайцев и рыб’ сопоставляется с коми словом *ветӧс*: Общеперм. **vetes* или **vētes* ‘сеть’ // = Доперм. **vzptzs* ‘сеть’ (-s – суффикс); доперм. *-*pt* > *-*tp* > -*t* [Лыткин, 1970: 54; Галкин, 2001: 4].

Лүдӧ, **лӧдӧ**, **лӱш**, **рӱдӧ** ‘ловушка для птиц’ [Васильев, 1928: 110], **лӧдӧ** [МРС, 1956: 296; Словарь, 1994: 398], **лӱдӧ**, **лӱдыш** ‘силки, ловушка из петель конского волоса; приспособление для ловли птиц и мелких зверей’ – **лӧдӧ**, **лӱдӧ**, **рӱдӧ** ‘мышеловка’, Г. *калялӱдӧ* [Вершинин, 2017: 291], **rita* > ф. *rita*, ? саам. *ratte*, мар. *рӱды*, *рӱдӧ*, *лӱдӧ*, *лӱдӧ*, к. диал. *ri* ‘рычаг на рассохе’; ‘журавль (колодца)’; ‘коромысло в ловушке’ [Основы, 1974: 431].

Оптыш ‘силок; петля для ловли птиц и зайцев, длиной около одного аршина или более’ [Словарь, 1998: 330] – *оптыш*, бир. тж. *октыш*, кр.-уф. *воктуш* ‘силок’ (в прошлом из конского волоса, СЗ.: из нитей волокон коноп-

ли, Упша: тж. из лыка), привязанный к пригнутой ветке, дверцу, доске, *оптышым пышташ* морк., *оптышым пӱш.штӧш* СЗ. ‘поставить силок (ловушку)’; ф.-у. **akta-*, саам. *vuokteje*, *vuoktinje* ‘вбитый в землю кол для сушки сетей’ [Вершинин, 2018: 384].

Чӱчаиш ‘силок, ловушка на мелких птиц в виде затягивающейся петли’ [Словарь, 2003: 453]; **тӱчаиш** ‘силок для ловли птиц’ [МРС, 1956: 612], **цицӱш** ‘силок, капкан; петля для ловли птиц и мелких животных’ [Иванов, 1971: 261] – **чӱчаиш**, **чӱчӱш**, **цӱцӱш** ‘капкан, ловушка’, яр., туж., **цицӱш** ‘силок’, шар. **цӱцӱш** ‘западня’. По мнению В.И. Вершинина, слово имеет ономапоэтический корень. Вслед за К. Редеем он с сомнением выводит из *ф.-у.: саам. *šiešše* ‘помост из ветвей дерева для силка’ - ? мар. - ? х. *sesə*, *sesə*, *ses* ‘ловушка’; диал. мар. *чӱчӱш* ‘силок’. Ср. *чӱчаиштараш* ‘насторожить (капкан)’. Ср. к., к.-п. *чӧс* ‘ловушка, западня, слопец; сельк. *чесын* ‘петля (на зверя); ловушка’ [Вершинин, 2018: 625].

Шӱртӧ ‘петля из нити (для ловли зверей)’ [Словарь, 2004: 426], **шӱртӧ** ‘тенета для зверей’ – **шӱртӧ**, **шӱртӧ**, **шӱртӧ** ‘нить, прядь’: **šärtz* > мар. *шӱртӧ*, удм. *шорт*, к. *шӧрт* [Основы, 1974: 433; Вершинин, 2018: 696].

Итак, к финно-угорскому пласту относятся пять названий ловушек. Словарный состав показывает, что носители финно-угорского праязыка были охотниками и в эти периоды охота (а именно ловля птиц и зверей) была одним из основных занятий людей.

1.2. Собственно марийская лексика

Большая часть словарного фонда марийского языка, связанная с лексикой охоты, состоит из собственно марийских слов. В образовании данной лексико-семантической группы использованы внутренние ресурсы языка. В период самостоятельного развития марийского языка некоторые слова для их обозначения возникли от именных и глагольных основ, например:

шӧрга ‘петля, силок; приспособление в виде затягивающейся петли для ловли птиц и зверей’, ‘тенета, сеть для ловли птиц и зверей’ [Васильев, 1928: 270; Словарь, 2004: 269], **шӧргыш** ‘тенета для зверей, а также силок для ловли птиц’ [Васильев, 1928: 271; Шорин, 1920: 154]. По мнению В.И. Вершинина, Л.,

В. *шõрга*, яр., тонш. *шõргä*, Г., шар. *шõргëиш* ‘петля’, *шõргаиш* ‘обмётывать, сделать петлю’, урж. *шõргалтаиш*, с’*ергалтаиш*, *шерг-* с марийского перешло в чувашский язык: *шурке* ‘петля; захватывать петлей’, *шуркëш* ‘петля’, *шёркет* ‘делать петельку при вязании’ [Вершинин, 2018: 676]. М.Р. Федотов чув. *шурке* ‘петля (веревочная)’ выводит из Г. *шõркыиш* ‘тенета для дверей; силок для птиц; петля’, Л. *шõрга* ‘петля; силок для ловли птиц’ [Федотов, 1990: 321].

Большинство собственно марийских наименований являются сложными образованиями, компоненты которых разные по происхождению.

Меранвот ‘капкан, силок’ [Васильев, 1928: 131] – сложное наименование ловушки, которое состоит из слов: *меран* ‘заяц’ + *вот* ‘леса, леска’. Лексема *меран*, в диалектах *меранге*, *мõран*, *мõранГëи*, Г. *морен* (кукм., д. Чигайка), *миран* (возможно обратное заимствование из тат.). В словаре В.М. Васильева представлен вариант *мойран* ‘заяц’ (-й- вторичный звук). Возможно, *мер-*, *мõр-*, *мор-* ономот., ср. мар. *мрек-мрек* – звукоподражание крикам зайца. По Р.Г. Ахметьянову, тат. *миран* ‘заяц’ < монг. *морэн* ‘лошадь’. Ср. чув. *морен*, *морин*, *мор’ан*, *мõрик*, ‘заяц’; тушканчик из Г. *морен* [Вершинин, 2017: 323]. Слово *вот* Л., В., Г. – один из компонентов в составе сложного слова. Общемарийская форма может быть представлена в виде **вата* со значением ‘петля’, которую обычно сопоставляют с ф. *vato* ‘леса, леска’, х. *ват* ‘ремень в лыжных ботинках’ [Гордеев, 1983: 145].

Мераноптыиш ‘сеть-тенета длиной до 30–40 м., шириной до 2 метров’ (*меран* ‘заяц’ + *оптыиш* ‘силок; петля для ловли птиц и зайцев, длиной около одного аршина или более’) [Васильев, 1928: 131]. Этимологии лексемы *меран* и второго компонента сложного слова *оптыиш* смотрим выше.

Меранчеп ‘проволока для ловли зайцев’ (*меран* ‘заяц’ + *чеп* ‘цепь; ряд металлических (или других крепких) звеньев, продетых одно в другое’) [Васильев, 1928: 131]. Сложное наименование приспособления, где лексема *меран* указывает на объект ловли. Лексическая единица заимствована из русского языка, ср. рус. *цепь*.

Мераншуртõ ‘затягивающая петля из проволоки для ловли зайцев’ (*меран* ‘заяц’ + *шуртõ* ‘нить, нитка’) [Васильев, 1928: 131]. Марийское слово *шуртõ* финно-угорского происхождения: * *šäqz* > удм. *шорт*, к. *шõрт* [Основы, 1974: 432]. Этимологию *меран* см. выше.

Шаргур ‘силок; петля для ловли птиц (из конского волоса)’ (*шар* ‘конский волос’ + *гур* ‘самостоятельно слово не употребляется’) [Словарь, 2004: 42], *шаргул* ‘тенета, сеть для ловли птиц и зверей’ [Васильев, 1928: 261]. По мнению В.И. Вершинина, слово *шаргур* образовано из *шар* ‘волос (в хвосте лошади)’ и *кур* ‘кора’ [Вершинин, 2018: 644, 646], *шар* уст. ‘струна, нить из волокна конопли, льна’; *шар-вонтыиш* (*шаркуктаиш*) ‘ловушка из конского волоса’ – ф.-у. (? мар. – манс. – в.). – Ср. морд. *шаййар*, *чейер*. Мнение К. Редеев относительно марийского и мордовского слова о древних монгольских заимствованиях В.И. Вершинин опровергает: ср. нен. *тår* ‘шерсть, меховой’, к. *-сер*, в диалектах *нисер*, *нивсер* ‘шерсть овцы второй стрижки’, в. *szõr* ‘волос(ок), шерсть; щетина’, манс. *šäär* ‘хвост лошади’, *säyær* ‘конский волос’ [Вершинин, 2018: 644]. Лексическая единица *кур*, в диалектах *кюр*, *кёр* ‘кора, луб’ финно-угорского происхождения: ф.-у. *kere* ‘кора’ – ф. *keri*, *kere* ‘луб’, саам., морд. *керь* ‘кора’, мар., удм. *кур* ‘кора дерева, луб’, к. *кор* ‘луб’, мордМ. *кår* ‘кора, лубок’, саам. *garrå* ‘кора’, манс. *kër*, х. *kår*, *kar*, в. *kér* [Вершинин, 2017: 244].

Шаронго ‘силок; петля для ловли птиц и мелких животных’ (*шар* ‘конский волос’ + *онго* ‘петля’) [Васильев, 1928: 258]. *Онго*, *онгы* ‘кольцо, петля’; *кудырым онго дене* кучена. UEW 719, SKES 431-2: фин.-волж. – саам. *вунцк* (*вунк*) ‘рыболовный крючок’ [Вершинин, 2018: 382].

Шароптыиш ‘силок; петля из конского волоса для ловли птиц’ (*шар* ‘конский волос’ + *оптыиш* ‘силок; петля для ловли птиц и зайцев, длиной около одного аршина или более’) [Словарь, 2004: 52]. Этимологии см. выше.

Шарона ‘силок; доска с петлями для ловли птиц (из конского волоса)’ (*шар* ‘конский волос’ + *она* ‘доска’). Л., В. *она*, Г. *ханга* – заимствование из чувашского языка, ср. *хåма*, сунд. *хума* доска [Федотов, 1990: 263; Федотов, 1965: 67].

2. Заимствованная лексика

Как известно, в процессе исторического развития народы вступают между собой в языковые контакты, что неизбежно приводит к заимствованию ими иноязычной лексики. В лексике марийского языка существуют слова, вошедшие из различных источников и в разные эпохи. Не являются исключением и наименования охотничьих ловушек и принадлежностей, при формировании которых тоже имело место заимствование. Можно выделить следующие пласты иноязычных названий.

2.1. Татарские заимствования

Как правильно отмечает Н.И. Исанбаев, заимствования из татарского и башкирского языков вошли в основном в восточные говоры марийского языка [1978: 22, 49]. В наименованиях ловушек нами выделено одно слово, вошедшее из татарского языка.

Кöсак ‘дубинка (орудие охоты)’ – тат. *күсәк* ‘дубина’, башк. *күсәк*, чув. *күсак* ‘рычаг, дубинка’ [Исанбаев, 1978: 41; Илиева, 2009: 70]. Данная лексическая единица в марийском литературном языке употребляется в форме *көсак* и обозначает ‘дубина, жердь, вага, рычаг’, а в горномарийской литературной норме – *косяк* [Словарь, 1994: 48].

Татарский язык оказал определенное влияние на развитие словарного состава марийского языка, но анализируемая лексика подвергнута влиянию татарского языка в меньшей степени.

2.2. Чувашские заимствования

Результаты контактирования марийского народа с чувашами отразились и в формировании названий ловушек. В марийский язык из чувашского языка вошло следующее наименование охотничьей ловушки.

Атма ‘сачок, черпак; намет; сеть (для ловли рыбы и зверей)’ [Васильев, 1928: 27] < общемар. **ätmä* < булг. **ätmä* ‘сеть для ловли рыбы и зверей’, чув. *атма*, казан.-тат. *йтмә*, *жәтмә* ‘невод, сеть’, башк. *этмә* ‘западня’. По-видимому, и в татарском, и в башкирском языках – болгарское наследие (<**svätmä* ~ **ätmä*) [Гордеев, 1979: 164; Егоров, 1964: 36, Федотов 1990: 171].

3. Русские заимствования

Пополнение системы названий охотничьих ловушек в собственно марийский период происходит также за счет русских заимствований. Русские заимствования относятся к более позднему периоду по сравнению с заимствованиями из других неродственных языков. Многие названия вошли в марийский язык через посредство русского языка. Среди таких названий ловушек можно выделить одно, которое употребляется в марийском языке без фонетических изменений, например, **капкан** ‘капкан, западня, ловушка’, ср. рус. *капкан*.

4. Лексика неясной этимологии

До настоящего времени была неясна этимология лексемы **лүйүс** ‘капкан в виде лука с тетивой для ловли маленьких зверьков’ [Словарь, 1994: 453]. С уверенностью можно утверждать, что первый компонент сложного слова восходит к глаголу *лүйиш* ‘стрелять’. С неясной этимологией остается слово Л. **шопшар**, Г. **шанишар** *перен.* ‘сеть, клетка’ [Словарь, 2004: 237].

Таким образом, в марийском языке можно выделить слова финно-угорского и собственно марийского происхождения. Собственно марийский пласт исследуемой тематической группы слов охватывает значительное количество лексических единиц, образованных в период самостоятельного развития марийского языка с помощью внутренних словообразовательных средств на базе лексики, унаследованной от предков предыдущих периодов, с привлечением лексем иноязычного происхождения.

Наряду с исконными лексическими единицами функционируют слова, в незначительном количестве заимствованные из других неродственных языков: татарского, чувашского и русского.

Охота, как и рыболовство, является традиционным видом занятий марийского народа, восходящих к глубокой древности, о чем свидетельствуют названия орудий охоты, общие для финно-угорских языков. Именно этим обстоятельством объясняется, по-видимому, тот факт, что в системе наименований предметов охоты в марийском языке мало лексических заимствований.

СОКРАЩЕНИЯ

башк.	башкирский язык
бир.	бирский говор восточного наречия марийского языка
в.	венгерский язык
В.	восточное наречие марийского языка
Г.	горномарийская литературная норма
диал.	диалектное слово
к.	коми язык
коми-з.	коми-зырянский язык
к.-п.	коми-пермяцкий язык
кр.-уф	говор красно-уфимских мари
кукм.	кукморский говор восточного наречия марийского языка
Л.	лугово-восточная литературная норма марийского языка
манс.	мансийский язык
мар.	марийский язык
монг.	монгольский язык
морд.	мордовский язык
мордМ.	мокшанский язык
мордЭ.	эрзянский язык
нен.	ненецкий язык
общемар.	общемарийское слово
общеперм.	общепермское слово
рус.	русский язык
саам.	саамский язык
СЗ.	северо-западное наречие марийского языка
сельк.	селькупский язык
тат.	татарский язык
тел.	телеутский диалект алтайского языка
туж.	тужинский говор марийского языка
тур.	турецкий язык
турк.	туркменский язык
тюрк.	тюркские языки
удм.	удмуртский язык
урж.	уржумский говор марийского языка
уст.	устаревшее название
ф.	финский язык
фин.-волж.	финно-волжские языки
ф.-у.	финно-угорские языки
х.	хантыйский язык
чув.	чувашский язык
шар.	шарангский говор марийского языка
эст.	эстонский язык
яр.	яранский говор марийского языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Васильев В.М. Марий мутэр. Тўрлө вэре ильшэ марийын мутшым тагастарен нэргэлымэ кнага. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1928. – 347 с.

Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь). В 2-х т. I том. (А–М). – Йошкар-Ола: ООО ЧПФ «Стринг», 2017. – 346 с.

Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь). В 2-х т. II том. (Н–Я). – Йошкар-Ола: ООО ЧПФ «Стринг», 2018. – С. 347–741.

Галкин И.С. О марийско-пермских лексических параллелях // Вопросы марийской ономастики. Вып. IX. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. – С. 3–16.

- Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1: А–Б / Ф.И. Гордеев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. – 255 с.
- Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2: В–Д. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. – 288 с.
- Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 335 с.
- Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. – 304 с.
- Илиева А.А. Словарь балтачевского говора марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2009. – 160 с.
- Исанбаев Н.И. Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. – С. 3–51.
- Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. – 159 с.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 429 с.
- МРС, 1956 – Марийско-русский словарь. – М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных языков, 1956. – 863 с.
- Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.
- Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 235 с.
- Словарь марийского языка. Т. III: К–Л (косараш – ляпкыме) / сост.: Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. – 504 с.
- Словарь марийского языка. Т. IV: М – Õ (ма – öрчыктарымаш) / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.Н. Васильев и др. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. – 384 с.
- Словарь марийского языка. Т. VIII: У–Ч / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.И. Вершинин и др. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2003. – 511 с.
- Словарь марийского языка. Т. IX: Ш, Щ / сост.: А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 520 с.
- Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. И.С. Галкина. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. – 336 с.
- Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чувашско-марийские связи. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – Ч. 1. – 160 с.
- Хаузенберг А.Р. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). – Таллинн: [б.и.], 1972. – 238 с.
- Шорин В.С. Маро-русский словарь горного наречия. – Казань: Центр. издат. мари, 1920. – 174 с.

Elvira Peksheeva

HISTORICAL-GENETIC ANALYSIS OF HUNTING TRAPS NAMING IN THE MARI LANGUAGE

The article deals with comparative and etymologic research on Mari hunting traps naming. They are part of traditional Mari culture. On the basis of the research done by specialists in Finno-Ugric and Turkic studies and comparative analysis, the traps naming etymologies are summarized. Foreign vocabulary is represented by the Chuvash, Tatar and Russian borrowings.

Key words: etymology; hunting vocabulary; traps; historical-genetic layers; common Mari layer; Chuvash borrowings; Tatar borrowings.

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник направления
«Лингвистика» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of Philology,
Senior Researcher of Linguistics Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

УДК 811.511.151

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ XIX – НАЧАЛА XX В.

© 2019 г. О.А. Сергеев

В статье рассматривается история изучения марийской православной литературы (1804–1916) ведущими лингвистами и литературоведами, как отечественными, так и зарубежными. На эту тему впервые обращено пристальное внимание в 1883 г. профессором Н.И. Ильминским. Из марийских ученых первым, кто затронул эту область, был С. Ибатов (С. Эман). Тема переводных священных книг до сегодняшнего дня остается актуальной в марийском языкознании.

Ключевые слова: марийская письменность; научные архивы; национальная интеллигенция; переводчик; церковно-миссионерская литература.

В марийском языкознании тема «памятники ранней письменности (церковно-миссионерская литература)» изучена недостаточно полно. Главной причиной подобной картины считалось «наследие эпохи воинствующего атеизма». «Политизированная наука» также не занималась изучением богатейшего наследия марийского народа (марийской культуры) 200–250-летней давности. Вплоть до 90-х гг. прошлого столетия считалось, что язык миссионерской литературы является чуждым, враждебным. Если были отдельные работы по этой тематике, то в них кроме поверхностного критического анализа ничего не обнаруживается. Даже отрицательная оценка была дана без подробной лингвистической интерпретации той или иной переводной религиозно-духовной литературы. Скудные сведения о конфессиональных книгах, встречающиеся в научной литературе, не могут полностью удовлетворить потребность современной науки.

Вопросам письменности раннего периода посвящено лишь несколько работ. Общие сведения о клерикальной переводной литературе в основном представлены в монографиях И.Г. Иванова [1975] и Н.А. Федосеевой [2017]. Отрывочные сведения можно найти в работах С. Эмана [1939: 42–62; 1940: 119–149; 1945: 135–192], В.М. Васильева [1953: 255–271],

Н.Т. Пенгитова [1955: 93–94], И.Г. Иванова [1969: 90–95; 1975], О.А. Сергеева и М.С. Янгеловой [2005: 181–185; 2006 а: 87–91; 2006 б: 184–185], Н.А. Федосеевой [2006: 182–185; 2008 а: 278–283; 2008 б: 218–221], иерея Николая Чузаева [2011: 134–140], М.А. Ключевой [2017: 146–149] и некоторых других.

Первым специалистом, кто обратил внимание на памятники церковно-богослужебного стиля марийского языка, является известный ученый-востоковед, профессор Н.И. Ильминский (1822–1891). В своей знаменитой книге «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия» (Казань, 1883) в сравнительно-сопоставительном плане он впервые дает обзор переводов катехизиса 1803 г. на татарском, чувашском, мордовском, «черемисском» (переводы Казанской и Вятской епархии), «вотяцком» и персидском языках. Отдельная глава посвящена переводам катехизиса с исповедью, напечатанным в 1808 г. на мордовском, «черемисском», татарском и чувашском языках. По мнению Н.И. Ильминского, переводчиком вероучительной книги, скорее всего, был русскоязычный человек. Далее он замечает: в тексте присутствует много заимствованных слов из русского языка, синтаксис текста также русский [Ильминский, 1883: 328].

Первым марийским исследователем, акцентировавшим внимание на памятниках письменности, является литературовед и критик С.И. Ибатов (С. Эман). В статье «Дореволюционные письменные памятники на марийском языке», описывая «условия возникновения первых письменных памятников на марийском языке», он останавливается на анализе первой марийской грамматики 1775 г., акцентирует внимание на книге немецко-русского историка Г.Ф. Миллера, на первых марийских стихах (1769, 1782, 1795), написанных (переведенных с русского) марийскими учащимися казанских новокрещенских школ и семинарии. Вторая глава данной работы называется «Основные вехи в издании религиозной миссионерской литературы на марийском языке». В этой части С. Эман основное внимание уделяет языку перевода церковных книг первой половины XIX в. По его замечанию, «качество переводов этих первых опытов миссионерской литературы стоит на очень низком уровне... Переводы сделаны людьми, не знавшими, вероятно, не только законов марийской фонетики и хотя бы наиболее обычных явлений морфологии, но и не понимавшими смысл многих марийских слов, им употребляемых при переводах. ... синтаксис русского языка просто копируется... Сплошь и рядом встречаются семантические искажения слов, неверная передача форм...» [Эман, 1939: 56].

В следующей работе С. Эман также обращается к описанию и характеристике переводных православных книг, изданных как до образования переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия, так и после образования переводческой комиссии. Он отмечает некоторые недостатки и положительные моменты церковно-миссионерской литературы. С. Эман приводит статистику перевода книг религиозно-нравственного содержания с 1867 по 1877 г. и с 1877 по 1898 г. Так, по его статистическим данным, с 1867 по 1877 г. было переведено на марийский язык всего 8 книг, а с 1877 по 1898 г. переведено и издано 47 книг. Из них 8 книг переведено выпускником Казанской учительской семинарии П.П. Еруслановым, им же составлен букварь на восточном наречии марийского языка [Эман, 1945: 175]. В этой же статье С. Эман указывает фамилии членов

переводческой комиссии, из мари отмечены имена священников из с. Уньжа и Арино: Гавриила Яковлева и Александра Смирнова. Из переводчиков особо выделены имена Павла Вишневецкого, Гавриила Яковлева, Трофима Удюрминского и И. Троицкого¹.

Ранние письменные памятники неоднократно являлись объектом исследования одного из основоположников отечественного марийского языкознания В.М. Васильева. Он в своей работе «Письменные памятники на марийском языке конца XVIII и первой половины XIX в.» [Васильев, 1953: 255–271] останавливается на анализе первых марийских стихотворений, дает краткие сведения о «Словаре черемисского языка с российским переводом» (в истории лексикографии он известен как словарь Дамаскина), о марийско-русском словнике и молитве «Отче наш», изданных в книге немецко-русского историка Г.Ф. Миллера (Казань, 1791). К сожалению, автор статьи не видит ценности этих памятников письменности марийского языка XVIII в. По словам В.М. Васильева, «...они весьма малой ценности, о них можно бы и совсем умолчать» [Васильев, 1953: 255].

Обращают на себя внимание пункты 6 и 7 данной статьи. Они озаглавлены следующим образом: «О первых переводах на марийском языке» и «К характеристике работ по

¹ По материалам С. Эмана, И. Троицкий – священник, составитель «Русско-марийского словаря» [Эман, 1940: 125; 1945: 169]. В действительности же составителем «Черемисско-русского словаря» (Казань, 1894) является сын священника с. Пернангаши Порфирия Львовича Троицкого – Виктор Троицкий. В одно время Виктор Порфирьевич работал сельским учителем в Именецкой школе современного Звениговского района Республики Марий Эл [см. также: Сергеев, 2019: 177]. Его брат Максимилиан Порфирьевич в сентябре 1879 г. закончил Казанскую учительскую семинарию, знал чувашский язык. К сожалению, в этом же году он потерял свидетельства «на звание сельского учителя» и «о знании чувашского языка». В связи с этим М.П. Троицкий написал «прошение» «его Превосходительству Господину Директору Казанской учительской семинарии» о получении дубликатов. Заявление было написано в г. Козьмодемьянске в «октября числа 1880 г.». Максимилиан Порфирьевич просит передать дубликат его брату Виктору Порфирьевичу. В то время В.П. Троицкий жил в г. Казани. Он получил документы М.П. Троицкого 15 ноября 1880 г. [Ф. 93. Оп. 1. Д. 1597, л. 30–30 об].

марийскому языкознанию». В этих разделах В.М. Васильев детально останавливается на характере и структуре предложений марийских переводных текстов конца XVIII – первой половины XIX в. Критическому анализу подвергнуты такие произведения, как первая марийская грамматика (СПб., 1775), «Сокращенный катехизис...» (М., 1804)², евангелие 1821 г., грамматики миссионера-просветителя А. Альбинского (Казань, 1837), финского лингвиста М.А. Кастрена (Kuorio, 1845) и Ф.Й. Видемана из Эстонии (Reval, 1847), работа немецкого исследователя Г.К. фон Габеленца (1841). Подытоживая вопрос «о первых переводах на марийском языке», В.М. Васильев отмечает, что «переводы были абсолютно негодны, как буквальные, составившиеся с нарушением требований «инородческих» языков как в части фонетики и морфологии, так и синтаксиса» [Васильев, 1953: 257].

В 1958 г. была опубликована статья Г.С. Патрушева «Из истории изучения марийского языка» [1958: 3–28]. Отметим, что Г.С. Патрушевым даны объективные оценки памятникам марийского языка XVIII в., в целом они положительные. В связи с этим он пишет: «Конечно, часть лингвистического наследия по марийскому языку, относящаяся особенно к XVIII–XIX вв., не имеет большой ценности в настоящее время или совершенно непригодна, но некоторые данные, факты, сохранившиеся в различных собраниях, изданиях, при строго критическом подходе к ним, могут быть использованы с успехом» [Патрушев, 1958: 3].

Пенгитов Н.Т., рассматривая пути развития марийского литературного языка, отмечает: «В начале XIX века был осуществлен перевод на марийский язык нескольких книг, в том числе Евангелия, полицейского устава и др. Переводы эти были сделаны русскими священниками, у которых, кстати сказать, не было ни необходимой филологической подготовки, ни более или менее основательного знакомства

со строем марийского языка» [Пенгитов, 1964: 4–5]. Что касается богослужебных книг, то он подчеркивает: «...только в 1910–1914 годах было издано 47 названий религиозно-миссионерской литературы» [Пенгитов, 1964: 5].

Вопрос конфессиональной литературы был в центре внимания профессора И.Г. Иванова. В статье «Марла кнаган историйже гыч» («Из истории марийской книги») [1969: 90–95] он упоминает о первой печатной продукции миссионеров «Сокращенный катехизис с присовокуплением некоторых молитв веры и десяти заповедей» (М., 1804). Книга была переведена в Казани и издана в Москве. К сожалению, памятник начала XIX в. до наших дней не сохранился [Иванов, 1969: 90]. В 1808 г., продолжает И.Г. Иванов, вышла в свет следующая книга подобного содержания. Она также была издана в небольшом количестве. В настоящее время один экземпляр хранится в Ньюберрийской библиотеке США [Иванов, 1969: 90]. В работе И.Г. Иванова также упоминается письменный памятник первой половины XIX в. «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на черемисский язык лугового наречия переведенный» (Казань, 1841). Хотя в основе книги лежат языковые особенности лугового наречия, однако, как отмечает И.Г. Иванов, переводчик/переводчики старались приспособить ее язык для широкого круга читателей, т.е. для представителей и других наречий марийского языка. Автор знакомит читателей с первыми переводчиками церковных книг на марийский язык. Среди них особо выделены имена Д. Пернянгашского, И. Померанцева, А. и И. Альбинских, Н. Ардатского³, А. Кудрявцева, А. Филимонова и Т. Удюрминского [Иванов, 1969: 91; 92]. В статье дана оценка «просветительской системе» Н.И. Ильминского.

Вопросы изучения развития марийской письменности первой половины XIX в., пе-

² В.М. Васильев пишет: «сокращенный катехизис», изд. 1803 года [Васильев, 1953: 257]. В других научных изданиях, в частности в монографии И.Г. Иванова, годом публикации данного памятника указан 1804 г. [Иванов, 1975: 21, 248].

³ В действительности же, не Н. Ардатский, а И. Ардацкий. Иван (отец Иоанн) Ардацкий, один из первых марийских просветителей с правобережья Волги. Родственник выдающихся личностей XIX в. земли марийской И. Кедрова и М.С. Кроковского [подробнее о нем см.: Сергеев, 2017: 110–119].

реводов середины XIX в., «просветительская система Н.И. Ильминского, миссионерских изданий второй половины XIX в. продолжены и обобщены И.Г. Ивановым в монографии «История марийского литературного языка» [1975: 32–33; также см.: Иванов, 2002: 30–34; 39–43; 46–49; 51; 2003: 61–64; 70–72; 77–81; 2007: 13–15]. Исследователем выявлена роль памятников письменности XVIII – начала XX в. в формировании марийского литературного языка. Наиболее ценным в монографии «История марийского литературного языка» является приложение «Книги, изданные на марийском языке с 1769 по 1917 год». Список начинается от первого переводного марийского стихотворения «Тынь мямнамь моць...» («Ты нашел нас...») (1769) и заканчивается изданием «Св. Ермоген патриархын илымыжы» («Жизнь святого патриарха Ермогена») (Казань, 1917). В «Приложении» включено 255 источников, изданных на марийском языке до Октябрьской революции, в т.ч. книги, изданные на русском языке, но содержащие значительное количество марийского материала. В нем нашли место как церковно-миссионерская, так и светская литература. В основе этих письменных памятников лежат языковые особенности лугового, восточного и горного наречий марийского языка.

В статье «Развитие горномарийской письменности» А.А. Саваткова упоминает первое «Евангелие» на горном наречии, изданное в 1821 г. в Петербурге. Далее она продолжает: «В течение первой половины XIX в. было напечатано еще несколько работ религиозного содержания (апокалипсис, С.-Петербург, 1827 г., Казань, 1832 г., священная история и краткий катехизис)... Во второй половине XIX в. стали издаваться буквари и книги религиозного содержания (буквари И. Кедрова и другие издания братства св. Гурия)». По подсчетам А.А. Саватковой, «до Великой Октябрьской революции на горномарийском наречии было издано более 20 названий книг» [1977: 141].

По данным одного из авторов книги «История Марийской АССР. Том I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», за 1867–1905 гг. на марийском языке было выпущено более 80 названий букварей и других книг... В результате плодотворной

деятельности И. Кедрова, Т.З. Удюрминского, П.П. Ерусланова, Г.Я. Яковлева, Т.С. Семенова, И.Я. Молярова и др. формировался письменный марийский язык [Попов, 1986: 260].

Васин К.К. в разделе «Дореволюционная марийская литература. У истоков», включенном в книгу «История марийской литературы», касающуюся марийской литературы 200-летней давности, отмечает: «Марийская письменная литература в первой половине XIX в. почти целиком состояла из религиозных, миссионерских произведений. Начиная с 1803 года (с 1804 г. – О.С.) на марийском языке издано сотни книг, служивших христианизаторским целям («Катехизис» – 1803 (1804 г. – О.С.); «Евангелие» – 1821, «Священная история» – 1831⁴ и т.д.). В книге «Начатки христианского учения (Краткая священная история)⁵», напечатанной в 1832 г., как приложение был опубликован марийский букварь, состоящий из азбуки без текста для чтения» [Васин, 1989: 22].

Вопросы истории письменности XVIII–XIX вв. более подробно раскрыты в пособии для учителей А.Е. Иванова. По его мнению, марийская письменность возникла во второй половине XVIII в. [Иванов, 1993: 7]. Мы не согласны с этим мнением. Рождение новой марийской письменности связано с концом XVII в., точнее – 1697 г. [более подробно см.: Сергеев, 2006 в: 91–101].

Темы ранней марийской письменности коснулись О.А. Сергеев и М.С. Янгелова. Две их работы посвящены графофонетическому и лексическому анализам «Требника на луговом наречии черемисского языка» 1885 г. издания [2006 а: 87–91; 2006 б: 181–185]. Она отпечатана в Казани на типолитографии им. В.М. Ключникова. В следующей их совместной статье главное внимание уделено синтаксису «Требника...» [2006 б: 184–189].

⁴ В «Приложении» монографии И.Г. Иванова «Священной истории», относящейся к 1831 г., не значится. Первая «Священная история ветхого завета на луговом черемисском наречии» издана в 1873 г. в Казани [Иванов, 1975: 248].

⁵ Полное название книги следующее: «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на черемисском языке горного наречия с присовокуплением кратких правил для чтения» (Казань, 1832) [Иванов, 1975: 248].

Федосеева Н.А., исследуя истоки формирования художественной словесности, также остановилась на вопросе марийской письменности. В ее работах затронуты такие актуальные вопросы, как история перевода текстов священного писания на марийский язык [2008 а: 278–283], просветительская деятельность духовенства Марийского края по переводу литературы на черемисский язык [2008б: 218–221]. В статье «Первый перевод Евангелия на марийский язык» [2006: 182–185] автор констатирует, что перевод сделан священником А.Д. Альбинским. Знакомит с биографией просветителя, кратко останавливается на графической и лексико-семантической характеристике текста Евангелия. В своей монографии она продолжила исследовать письменные памятники и переводную христианскую литературу на марийском языке XVIII – начала XX в. [Федосеева, 2017: 44–115]. Ценным в ее работе является «Приложение 2»: «Список литературных памятников и художественных произведений XVIII – начала XX в.» [Федосеева, 2017: 188–204]. По замечанию автора, список «составлен по изданию: И.Г. Иванов. «История марийского литературного языка, с изменениями и дополнениями» Федосеева, 2017: 188]. Ранние письменные сочинения разделены на следующие части: «Памятники второй половины XVII – первой половины XIX вв.», «Переводная литература второй половины XIX – начала XX века», «Поучения, беседы, письма, послания, катехизисы», «Тексты Священного Писания, молитвословы, богослужебные произведения», «История», «Учебные пособия и буквари», «Фольклор и марийская религия», «Разные тексты» и «Художественные произведения начала XX века».

Теме «Лексико-грамматические особенности перевода Священного Писания на марий-

ский язык (на примере Нового Завета и Псалтыри)» (современный перевод и издание) посвящена статья иерея Николая Чузаева [2011: 134–140].

Ключева М.А. в своей работе рассматривает диалектную основу книги «Начатки христианского учения...» (1839) [2017: 146–149]. Ею же подготовлены электронные словари: «Словарь по памятнику марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1841) и «Словарь по рукописному марийскому «Евангелию от Матфея» (1821).

В последнее время к переводным церковным текстам вернулся А.А. Туранов. В статье «К истории первых вятских переводов христианских текстов на марийский язык» он, ссылаясь на архивные материалы, рассматривает историю создания в Вятской епархии первых переводов христианских вероучительных текстов на марийский язык [Туранов, 2018: 80–87].

В вопросах марийского языка и письменности из зарубежных исследователей крупным специалистом является Г. Березки. Он считает, что «первые письменные памятники марийского языка относятся к XVIII веку...». Далее автор отмечает, что «с начала XIX века сохранилось несколько фрагментов переводов библии, а также несколько других марийских религиозных изданий... они в очень незначительной мере повлияли на развитие единого литературного языка. Однако одну положительную сторону все же имели» [цит. по работе Домокош, 1993: 57, также см.: Bereczki, 1971: 6–7; 1982: 576–580].

Хотя имеющиеся работы дают определенное освещение, анализ того или иного источника, однако в них многие положения имеют лишь общие выводы и остаются нераскрытыми и недетализированными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Васильев В. Письменные памятники на марийском языке конца XVIII и первой половины XIX в. // Ученые записки. Вып. V. Язык, литература и история. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1953. – С. 255–271.

Васин К.К. Дореволюционная марийская литература. У истоков // История марийской литературы. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – с. 18–30.

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – 288 с.

Иванов А.Е. Марий литератур. Туныктышылан польш. – Йошкар-Ола: Марий кн. савыктыш, 1993. – 279 с.

Иванов И. Марла кнаган историйже гыч // Ончыко. – Йошкар-Ола, 1969. – № 2. – С. 90–95.

- Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 256 с.
- Иванов И.Г.* Марий литератур йылмын тунгалтыш ошкылжо. – Йошкар-Ола: Марий туныктыш институт, 2002. – 76 с.
- Иванов И.Г.* Марий литератур йылме историй / Студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. – 299 с.
- Иванов И.Г.* Вехи марийской письменности: краткий исторический очерк. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. – 46 с.
- Ильминский Н.И.* Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1883. – 356 с.
- Ключева М.А.* О диалектной основе памятника марийской письменности «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия, переведенный в Казани 1839 года» // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (9–13 октября 2017 г., Сыктывкар) / отв. ред. Ю.А. Крашенинникова. – Сыктывкар, 2017. – С. 146–149. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН).
- Ключева М.А.* Словарь по памятнику марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1841). URL: <http://lingvodoc.ispras.ru>
- Ключева М.А.* Словарь по рукописному марийскому «Евангелию от Матфея» (1821). URL: <http://lingvodoc.ispras.ru>
- Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1597.
- Патрушев Г.С.* Из истории изучения марийского языка // Учёные записки МГПИ. Т. 16. – Йошкар-Ола: МГПИ, 1958. – С. 3–28.
- Пензитов Н.Т.* Первый марий грамматика // Ончыко. – 1955. – № 4. – С. 93–94.
- Пензитов Н.Т.* Пути развития марийского литературного языка // Вопросы марийского языкознания. Сборник статей. Вып. 1. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – С. 3–16.
- Попов Н.С.* Просвещение. Исследования о марийском народе // История Марийской АССР. Том I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. – С. 257–263.
- Саваткова А.А.* Развитие горномарийской письменности // 200 лет – марийской письменности. Материалы научной сессии. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. – С. 140–143.
- Сергеев О.А., Янгелова М.С.* «Требникъ на луговомъ наречіи черемисскаго языка» книган йылмыже // Марийская филология: Ученые записки, посвященные 70-летию профессора И.Г. Иванова. Вып. 5. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. – С. 181–185.
- Сергеев О.А., Янгелова М.С.* «Требникъ на луговомъ наречіи черемисскаго языка» книган графофонетикиже // Труды Института финно-угроведения. Вып. 2. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006 а. – С. 87–91.
- Сергеев О.А., Янгелова М.С.* «Требникъ на луговомъ наречіи черемисскаго языка» юмо текстын синтаксисше // Марийская филология: Ученые записки историко-филологического факультета. Вып. 7 (Посвящен 75-летию профессора И.С. Галкина). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006 б. – С. 184–189.
- Сергеев О.А.* Марийские слова в дневниках финского дипломата Х. Бреннера // Ашмаринские чтения: Материалы межрегиональной научной конференции / сост. и науч. ред. Г.И. Федоров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2006 в. – С. 91–101.
- Сергеев О.А.* Иван Ардацкий – один из первых марийских просветителей с правобережья Волги // XVI Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Региональной науч.-практ. конф. «Наследие горных мари: история и современность» (Козьмодемьянск, 1 апреля 2016 г.). – Йошкар-Ола, 2017. – С. 110–119.
- Сергеев О.А.* Из биографии марийского просветителя XIX века Тимофея Артизанова (по данным Национального архива Республики Татарстан) // XVIII Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной Региональной науч.-практ. конф. «Роль просветителей в истории, культуре и образовании горных мари», посвященной 175-летию со дня рождения педагога-священника Г.Я. Яковлева (1843–1912) (Козьмодемьянск, 10 апреля 2018 г.). – Йошкар-Ола, 2019. – С. 173–178.
- Туранов А.А.* К истории первых вятских переводов христианских текстов на марийский язык // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 12. Вып. 4. – Ижевск, 2018. – С. 80–87.
- Федосеева Н.А.* Первый перевод Евангелия на марийский язык // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения IX научно-богословской конференции, 25 мая 2006 г. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 182–185.

Федосеева Н.А. К истории перевода текстов священного писания на марийский язык // VIII Игнатъевские чтения. Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования. Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции, 1 апреля 2008 г. – Йошкар-Ола, 2008 а. – С. 278–283.

Федосеева Н.А. Просветительская деятельность духовенства Марийского края по переводу литературы на черемисский язык // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: материалы VII науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 2008 б. – С. 218–221.

Федосеева Н.А. Истоки формирования художественной словесности народа мари. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017. – 232 с., ил.

Чузаев Н. Лексико-грамматические особенности перевода Священного Писания на марийский язык (на примере Нового Завета и Псалтыри) // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XIV научно-богословской конференции (16–17 мая 2011 г.). – Йошкар-Ола, 2011. – С. 134–140.

Эман С.И. Дореволюционные письменные памятники на марийском языке // Труды МарНИИСК. Вып. 1. Вопросы языка, литературы, фольклора и истории мари. – Козьмодемьянск: Горномарийский филиал Мар. гос. изд-ва, 1939. – С. 42–62.

Эман С.И. Дореволюционные письменные памятники на марийском языке (продолжение) // Труды МарНИИСК. Вып. 2. Вопросы языка, литературы, фольклора и истории мари. – Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1940. – С. 119–149.

Эман С.И. Революций деч ожно марла возымо памятник-шамыч // Марий фольклор ден литература. Статья-шамыч. – Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1945. – С. 135–192.

Bereczki G. Cseremisiz (mari) nyelvkönyv. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1971. – 93 h.

Bereczki G. A cseremisiz irodalmi nyelv kialakulása // Filológiai közlöny. – 1982. – № 4. – Н. 576–580.

Oleg Sergeev

THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES CHRISTIAN LITERATURE TRANSLATED INTO MARI: THE HISTORY OF STUDIES

The article considers the history of studies of Mari Orthodox literature (1804–1916) by leading linguists and literature researchers, both national and foreign. In 1883, Professor N. I. Ilminsky was the first to pay his close attention to this question; and among Mari scholars it was S. Ibatov (S. Eman). The subject of translated sacred books is still a current issue in Mari linguistics.

Key words: Mari writing; scientific archives; the national intelligentsia; translator; clerical-missionary literature.

Сергеев Олег Арсентьевич

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник направления
«Лингвистика» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail:olsemar@rambler.ru

Oleg Sergeev

Candidate of Philology,
Leading Researcher of Linguistics Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail:olsemar@rambler.ru

УДК 811.511.11

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКАЯ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ
ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ «ЗАБОЛОЧЕННОЕ МЕСТО»
В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

© 2019 г. О.А. Теуш

Статья посвящена лексемам, заимствованным из прибалтийско-финских языков, номинирующим участки болотистой местности в диалектах Европейского севера России. Весь выявленный комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей. Выявляются языки-источники заимствования.

Ключевые слова: лексема; семантика; значение; русский язык; прибалтийско-финские языки.

Европейский север России относится к территориям с сильной заболоченностью. Заимствованные обозначения болотистых мест в севернорусской лексике представляют собой обширную группу слов. Основной корпус заимствованных лексем, обозначающих болота и объекты, находящиеся на болоте, является прибалтийско-финским по происхождению. В настоящей статье предлагается этимологическая интерпретация алфавитного сегмента Б-Л.

Прибалтийско-финские истоки имеют лексемы *búrda*, *бурда́* ‘низкое сырое место’ (Влг.: Бел.), *бурда́* ‘топкое место в болоте’ (Влг.: Бел., У.-Куб.), ср. *búrda* ‘ил, грязь, тина’ (Арх.: Уст.; Влг.: Бел.) [КСГРС]: < приб.-фин., ср. фин. *puurtaa* ‘вызывать след или рябь на поверхности воды (о подводном камне)’, диал. также ‘делать колею, тропу’, ‘пробираться по снегу’, ‘быстро подниматься и снижаться (о поверхности моря)’, ‘копать’, ‘сверлить’, *puurre*, *puurto*, *puurtava*, *puurtamo* ‘водоворот’, *lähteenpuurto* ‘небольшой родник’, ‘водяное место’, карел. *puurie* ‘клубиться’, ‘суетиться’, ‘катиться’, ‘пробиваться’, вепс. *purde* ‘родник’, *purtkišt* ‘обильное родниками место в лесу’ [SSA 2, 1995: 446]. Нужно предполагать вепсское происхождение, ср. вепс. *purde* ‘родник’ и показательный контекст «*Sigä notktat tahod, purtked, sinna ka uptad*» ‘там вязкие места, родники, там утонешь’ [СВЯ, 1972: 440]. Этимология предложена А.К. Матвеевым [2002: 47].

Диалектные *váxканец* ‘болотистое место, заросшее трилистником’ (Арх.: Он.; Влг.: Выт.) [КСГРС], *váxканик* ‘то же’ (Арх.: Он.; Влг.: Выт.) [КСГРС] производны от *váxка* ‘растение вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata*)’ (Арх.: Он., Плес.; Влг.: Бел., Выт.) [КСГРС] (< приб.-фин., ср. фин. *vehka*, *suovehka* ‘белокрыльник’ (*Calla palustris*), ливв. *vehka*, *vehku* ‘белокрыльник, вахта трехлистная’, люд., вепс. *vehk* ‘вахта трехлистная’, водск. *vehka*, эст. *võhk* ‘белокрыльник’ [SKES, 1974–1981: 1681; SSA 2, 1995: 421]). Огласовка русского слова объясняется с учетом соответствия фин. *e* ~ субстр. *a* [Матвеев, 1973: 339; Матвеев, 1995: 32].

Широк спектр значений лексемы *véльга*: ‘чистое болото’ (Влг.: Баб., Чаг.) [КСГРС], ‘низкое сырое заболоченное место’ (Влг.: Баб., Кад., Устюж., Чаг.) [КСГРС], (Влг.: Чаг.) [СРГК 1, 1994: 171], (Новг.: Борович., Новг., Хв.) [НОС 1, 1992: 111], ‘топкое место, топь на болоте’ (Влг.: Устюж., Чаг.) [КСГРС], ‘заросший травой участок озера’ (Новг.: Хв.) [НОС 1, 1992: 111], ‘сухое место на болоте’ (Влг.: Баб., Бел., Кад., Чаг.) [КСГРС], ‘покос на болотистом месте’ (Влг.: Баб., Кад., Устюж., Чаг.) [КСГРС], ‘заливной луг’ (Новг.: Мош., Пест., Хв.) [НОС 1, 1992: 111], ‘кочка на болотах’ (Влг.: Кад.) [СРГК 1, 1994: 171], (Новг.: Мош.) [НОС 1, 1992: 111]. Вторична ботаническая семантика: *véльга* ‘трава с болотистого покоса’ (Влг.: Баб., Устюж., Чаг.) [КСГРС], (Новг.: Борович., Любыг., Мал., Солец., Хв.)

[НОС 1, 1992: 111], *вельжина* 'то же' (Влг.: Баб., Чаг.) [КСГРС], (Влг.: Чаг.) [СРГК 1, 1994: 171], (Новг.: Хв.) [НОС 1, 1992: 111], *вельжина* 'то же' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *вележный* 'заготовленный на болотистом месте (о сене)' (Влг.: Чаг.) [КСГРС], *вельжинный* 'то же' (Влг.: Чаг.) [КСГРС].

Слово имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *väljä* 'обширный, широкий, большой, обильный (о воде)', 'редкий (например, ткань, сеть, зубья и т.п.)', 'общественный лес, выгон, пастбище', 'открытое море (или озеро)', 'разница, различие, промежуток', карел. *väl'l'ä*, ливв. *väl'l'ü* 'широкий, неплотный, неприкрепленный, обширный, редкий', 'неогороженный (лес)', люд. *väl'l'ü*, *väl'l'e*, *väl'* 'широкий', вепс. *väl'* 'слабый', 'неплотный, рыхлый, свободный', 'тощий (о почве)' [SKES, 1974–1981: 1837; SSA 3, 2000: 481]. Ср. также фин. *välkeä* 'обширный, широкий, просторный, редкий', 'чистый', *välköinen* 'широкий, большой', 'чистый', *välkevä* 'пустой, пустынный (о месте)', 'просторный', 'широкий', *välkkeä* 'довольно свободный', 'неплотный, широкий, обильный (о воде)', *välkki* 'обширный, широкий', *välkky* 'редкий, просторный, обширный', 'открытое место (в лесу), невсхожее место, проталина, пятно', юж.-карел. (< фин.) *välkkü* 'оставшееся незасеянным место на поле' [SKES, 1974–1981: 1838; SSA 3, 2000: 481]. Перечисленные лексемы производны от фин. *väli* 'промежуток, пространство, расстояние', ливв. *väli*, *väl'i* 'дисциплина, порядок, соединение, связь', 'перегородка', люд. *väli* 'промежуток' [SKES, 1974–1981: 1836–1837; SSA 3, 2000: 480–481].

Сопоставление удовлетворительно в фонетическом отношении: прибалт.-фин. *ä* в русском языке передается не только через *'a*, но и достаточно часто через *e* [Kalima, 1919: 52–53]; русское *g* может восходить как к прибалт.-фин. *k*, так и к *g* (< *j*).

С точки зрения семантики в основе термина, заимствованного русским языком, могут лежать различные семы: «широкий», «чистый», «рыхлый», «тощий (о почве)», «пустой». По крайней мере, для значения «чистое травянистое или моховое болото» представление об открытом, свободном от деревьев, «чистом» пространстве на болоте является ведущим и

актуализируется в контекстах: «*Бывают болота, а бывают вельги, на вельгах деревья не растут*» (Баб., Ципелево), «*Вельга – моховое болото, чистое, осока растет и клюква*» (Чаг., Наумовское), «*На вельге мы раньше косили, это чистое место на болоте, трава там хорошая, высокая*» (Чаг., Олисово), «*Пойду на вельгу косить, никакой деревинки нет, все голо*» (Баб., Торопово), «*Тут много вельг, на вельге только трава одна, кустарника нет*» (Баб., Горка), «*Вельга – ну болото такое чистое, деревья не растут, зыбка там, косить можно*» (Баб., Ворохобино). Совмещение в лексеме *вельга* значения как «топкое место на болоте», так и «сухое место на болоте» позволяет говорить об исходной семантике, связанной не с качествами болота, а с представлением о пространстве, промежутке между двумя однотипными объектами. В компонентах контекстной семантики достаточно устойчиво проявляется представление о вельге как об объекте, выделяющемся из окружающего ландшафта: «*Между лыв островок такой, вельгой зовется*» (Бел., Ванютино), «*Вельга посушае, иногда долго тянется*» (Бел., Панёво), «*Морошка на вельгах, на грядках растет*» (Бел., Акинино), «*Вельга – это между болот пространство, вельга водяная с водой болотина, вельга между грив бывает*» (Устюж., Марфино), «*По вельгам-то ходить можно, ягоды собирать, а топь между ими, льва, там уж не походишь*» (Кад., Аксентьевская), «*После гривы место ниже, там трава прорастает, это вельга*» (Баб., Заполье). Наличие во всех значениях русск. *вельга* семы «болото» связано с географическими особенностями региона, в границах которого зафиксировано слово. Эта территория (запад Вологодской и восток Новгородской областей) характеризуется сильной заболоченностью и отсутствием обширных сухих лесных массивов. В свете этих данных и контекстной семантики слова инвариантное значение лексемы *вельга* может быть определено как «участок заболоченной местности, отличающийся от окружающего ландшафта отсутствием деревьев и кустарника, травянистым покровом, возможностью использования под покос, обилием ягод, относительно более высоким или низким положением». Семантически к русской лексеме наиболее близки фин. *väljä* 'разница, раз-

личие, промежуток', *välkku* 'открытое место (в лесу), невсхожее место, проталина, пятно', *välkkö* 'промежуток, проход, пустое место', карел. *välkkü* 'оставшееся незасеянным место на поле' [SKES, 1974–1981: 1838; SSA 3, 2000: 481]. Отмеченное в СРНГ значение «отведенный под сенокос участок леса, обычно на низком месте» (Влг., Новг.) [СРНГ 4, 2002: 110] позволяет усматривать связь с приоб.-фин. терминами землепользования, ср. фин. *väljä* 'общественный лес, выгон, пастбище', карел. *väl'l'ä*, ливв. *väl'l'ü* 'неогороженный (лес)' [SKES, 1974–1981: 1837; SSA 3, 2000: 481]. Значение «болотная трава» возникло на русской почве.

Прибалтийско-финского происхождения лексема *вэ́ндура* 'место на болоте, не заросшее деревьями' (Карел.: Медв., Сег.) [СРГК 1, 1994: 171], ср.: ливв. *veänteä, viäntiä, veändeä* 'гнуть', 'покривить, покосить', люд. *viättä, viätä, viätä, viettä* 'вертеть, крутить', фин. *vääntää* 'покривить, искривлять', 'вертеть, выворачивать' [SKES, 1974–1981: 1850], фин. *vääntää* 'гнуть, сгибать, загибать, искривлять', 'скручивать, свивать, сплетать', 'крутить, вращать, вертеть, поворачивать', 'ворочать, выворачивать' [БФРС, 2001: 769].

Может представляться производным от *вить* диалектное *в́иваться* 'качаться, трястись (о поверхности болота)' (Арх.: С.-Дв.) [КСГРС], против чего, однако, ударение на первом слоге, локальный характер слова и специфика семантики. Лексема находит фонетическую параллель в фин. *vivuta* 'поднимать или гнуть рычагом', 'черпать воду из колодца с журавлем', ливв. *vivuta, vibuta* 'поднимать рычагом', 'метать, бросать, метнуть' [SKES, 1974–1981: 1782]. Развитие семантики 'качаться, трястись (о поверхности болота)' проясняется через родственные формы: фин. *vipata* 'поднимать (рычагом)', 'вывертывать', 'внезапно толкать', 'бросать, кидать', 'взмахнуть, вильнуть, качнуть', 'вскакивать', 'качаться, покачиваться, колебаться', 'трястись, дрожать', *vipaista* 'качаться, покачиваться, колебаться', 'идти неуверенно, нерешительно', карел. (< ? фин.) *vipata* 'бросать, кидать', 'идти' [SKES, 1974–1981: 1780; SSA 3, 2000: 454]. Контекстная семантика русского слова («Где вивается – не ходи» (С.-Дв., Ненокса); «Идёшь – оно так вивает-

ся, всё равно проходишь» (С.-Дв., Ненокса) [КСГРС] позволяет уточнить значение: 'качаться, трястись под ногами (о поверхности болота)'.

Слово *в́ихта* 'небольшая возвышенность среди болота' (Арх.: Шенк.) [СГРС 2, 2002: 122] < приоб.-фин., ср.: фин. *viiste* 'кривое положение', 'место, превращенное в косую поверхность', *viisto, viistu, visto* 'косой, наклонный, являющийся накренившимся', ливв. *viiste, viisto* 'косой', 'косой кусок ткани' [SKES, 1974–1981: 1754; SSA 3, 2000: 445], ср. также фин. *viisto* 'косой; наклонный, покатый', *viisto pinta* 'наклонная плоскость', *viistous* 'косое положение (или направление); покатошь' [БФРС, 2001: 740]. Преобразование *-*cm-* > -*xm-* является результатом диссимилиации. Семантически сопоставление приемлемо: названия возвышенностей, пригорков, холмов нередко образуются от лексем со значениями «косой», «кривой», «наклонный», «изогнутый», «покатый» и т.п. [Галинова, 2000: 33].

Лексема *в́орга* имеет широкий спектр значений, включающих семы «болото», «заболоченный»: 'низкое топкое труднопроходимое место, болотина' (Арх.: Котл., Лен., Мез., Плес., Прим.; Влг.: Выт.) [КСГРС], (Арх.: Леш., Мез., Прим.) [АОС 5, 1987: 86], 'топь на болоте' (Арх.: Котл., Прим.) [КСГРС], 'сырая, затапливаемая территория вдоль реки, озера' (Арх.: Прим.) [АОС 5, 1987: 86], (Арх.: Лен., Прим.) [КСГРС], 'болотистое место в низинных берегах мелководных заливчиков, губ' (Помор.) [Гемп, 2004: 471], 'заросшая кустарником или мелким лесом болотистая местность' (Арх.: Мез., Прим.) [КСГРС], (Арх.: Запечор.) [Подвысоцкий, 1885: 21], (Арх.: Мез.) [АОС 5, 1987: 86], 'болотистая лощина, поросшая мелким лесом' (Арх.: Мез.) [Опыт, 1852: 28], (Арх.) [Даль 1, 1955: 242], ср. *в́орга* 'ручей, протока между островами, отмелями, болотными кочками' (Арх.: Пин., Прим., С.-Дв.) [КСГРС], 'длинное близ моря углубление в земле, образующее в прилив род речки или ручья' (Арх.: Запечор.) [Подвысоцкий, 1885: 21], 'заросший ручей или протока, старица' (Арх.: Прим.) [КСГРС], 'ров, промытый дождевой водой в песчаном берегу' (Арх.: Пин.) [КСГРС], 'узкий пролив, промой' (Арх.: Шенк.) [Доп.-Опыт, 1858: 25], 'овраг, лог, ложбина' (Арх.: Котл., Пин., Прим., С.-Дв.) [КСГРС],

(Помор.) [Мосеев, 2005: 49], ‘залив или пролив по ложине’ (Арх.) [Даль 1, 1955: 242], ‘ровное, прямое, свободное от деревьев и кустарника, протяженное место’ (Арх.: Мез.) [АОС 5, 1987: 86], ‘труднопроходимый лес’ (Арх.: Прим.) [КСГРС], ‘редколесье’ (Арх.: Мез.) [КСГРС], ‘глухое место в лесу’ (Олон.) [Куликовский, 1898: 12], ‘сырое сенокосное место с густой травой’ (Арх.: Прим., Холм.) [КСГРС], ‘каменистая гряда, идущая к реке’ (Арх.: Плес.) [КСГРС].

Указанная «болотная» семантика позволяет считать источником лексемы прибалтийско-финские языки, ср. фин. *orko* ‘глубокая ложбина с сырым дном, низина’, ‘узкая долина между гор’, ‘береговая промоина, прорытая весенней водой’, *orkko* ‘ямка, вмятина’, ‘промоина’, *orkonen* ‘углубление, вмятина, ямка’, ‘выбоина, рубец, рана’, карел. *orko* ‘промежуток между двумя холмами’, ‘сырое темное место, поросшее высоким ельником’, *orgo* ‘низменное место между холмами, заливаемое весенней водой и пышно цветущее летом’, ‘луг на берегу реки, расчищенный от ельника’, ‘глухой еловый лес’, ливв. *orgo* ‘овраг, долина между двух горных гряд, имеющая обычно илистое дно’, люд. *org*, *orko* ‘низина, сырое низменное место, заросшее лесом’, вепс. *org* ‘ложина, заросшая лесом’ [SKES, 1974–1981: 438; SSA 2, 1995: 271]. Начальный согласный *vorga* является протетическим.

Прибалтийско-финское происхождение имеют лексемы *gаль* ‘низкое и мокрое место’ (Арх.: Вель.; Влг.: Кадн., Тот.) [Дилакторский, 1902: 80], *гальё* ‘лесная заболоченная поляна с множеством луж, заболоченное, пересохшее озеро’ (Помор.) [Мосеев, 2005: 51]: в истоке слов лежит номинация по цвету, типичная для апеллятивных наименований болот, ср. фин. *haalea* ‘блеклый, полинявший, бесцветный’, *halea*, *halia*, *halja* ‘бледный’, ‘светлосерый’, ‘мягкий (например, вода, воздух)’, эст. *hale* ‘светлый, слабо окрашенный’ [SKES, 1974–1981: 45], фин. *haljakka*, *haljakas* ‘светлосерый’, ‘светлый’, ‘бледный’, эст. *haljak*, *haljakas*, *haljas* ‘светлый’, ‘пустой, никудышный’ [SKES, 1974–1981: 51; SSA 1, 1992: 132].

Лексема *гивушка* ‘сухое место на болоте, поросшее лесом’ (Влг.: Вож.) [КСГРС] является дериватом от незасвидетельствованного **giva* < приоб.-фин., ср. фин. *hyuväs*, *hyuvös*

‘ямка’, ‘вырытое укрытие’ [SKES, 1974–1981: 95; SSA 1, 1992: 201]. Энантисемичное развитие значения с типичным переходом ‘верх’ <> ‘низ’.

Локальное *зénка* ‘окно воды в болоте’, *зénка*, *зínка* ‘топкое место на болоте’ (Влг.: К.-Г.) [СГРС 4, 2009: 264, 270] является производным от *зénки* ‘глаза’ [ТСРЯ, 2008: 227] и может быть проинтерпретировано как калька соответствующей финно-угорской модели, ср. фин. *silmänne* ‘родник, ключ; окно в болоте’, *silmäke*, *silmäkkö* ‘омут, окно в болоте’, *silmäs* ‘ключ, родник в болоте’ при *silmä* ‘глаз’ [SKES, 1974–1981: 1026], вепс. *süumlähte*, *silmälähte* ‘окно в болоте’ при *süum*, *silm* ‘глаз’ [СВЯ, 1972: 535–536], коми *му син* ‘окно на болоте, тряпина; родник, ключ’ при *син* ‘глаз’ [ССКЗД, 1961: 336]. Однако, учитывая связь русского *зénки* ‘глаза’ с *зиять*, *зевать* [Фасмер 2, 1967: 94], можно считать географическое значение не метафорическим, а параллельным. В то же время с ориентацией на географию следует предполагать и возможность заимствования из коми *син* ‘глаз’ с дальнейшей аттракцией к русскому *зенки*, ср.: *синки* ‘глаза’ [СРНГ 37, 2003: 334], которое сопоставляется с коми источником [Мызников, 2010: 302].

На территории Беломорья отмечены *индола* ‘тряпина, топкое место на болоте, поросшее травой или мхом’ (Арх.: Он.) [КСГРС], (Арх.: Он.; Карел.: Белом., Сег.; Мурман.: Севмор.) [СРГК 2, 1995: 291], ‘небольшая возвышенность, кочка на болоте’ (Арх.: Он.) [КСГРС; СРГК 2, 1995: 291], ‘низкорослый лес на болоте’ (Арх.: Он.), ‘край болота, заросший травой’ (Арх.: Он.) [КСГРС], *индала* ‘тряпина, топкое место на болоте, поросшее травой или мхом’ (Арх.: Он.) [КСГРС], (Арх.: Он.; Карел.: Белом., Сег.; Мурман.: Севмор.) [СРГК 2, 1995: 291], ‘небольшая возвышенность, кочка на болоте’ (Арх.: Он.) [КСГРС; СРГК 2, 1995: 291], *индальный* ‘топкий (о болоте)’ (Карел.: Белом.) [СРГК 2, 1995: 291].

Прямых соответствий лексема и ее варианты в финно-угорских языках не обнаруживают, однако география, консонантизм (сочетание *-нд-*) и финаль *-ла* (может быть сопоставлена с финским отыменным суффиксом *-lo*) позволяют предполагать финно-угорское происхождение.

Существует две возможности. С одной стороны, слово может быть сопоставлено с фин. *vento* ‘топкий, сырой, водянистый (о почве, болоте)’, ‘торфяное болото’, ‘топкое место’, карел. ливв. *vendo* ‘рыхлый, топкий, водянистый, жидкий’ [SKES, 1974–1981: 1698], саам. *vieDD^d* ‘топкий, сырой, водянистый’ [KKLS 1, 1958: 739], которые, однако, не являются прямым источником заимствования. Приведённые формы позволяют восстановить древнюю прибалтийско-финско-саам. основу **went-*. При заимствовании древний **e* мог передаваться в русском языке как *ы* [Матвеев, 1970: 210–211]. В таком случае возможно **went-* > русск. **вынд-*. Учитывая сочетаемость прибалтийско-финско-саам. суффикса *-la/-lä* с именными основами, первоначальную форму заимствования можно восстановить как **вындола*. На русской почве в результате утраты начального *v-* и перехода *ы* > *и* в начале слова **вындола* > *индола* (ср.: *вымя* > *имя*, *выскорь* > *искорь* [СРНГ 12, 2002: 195, 213]). Утрата начального билабиального **w* могла произойти ещё в процессе заимствования или даже в языке-источнике (подобное явление характерно для саамского языка [KKLS 1, 1958: 30]): **went-* > русск. **ынд-*.

С другой стороны, лексема может быть сопоставлена с коми *ийджны* ‘всасываться, впитываться’, ‘проникать, просачиваться’, мар. *йончаш* ‘сочиться, просачиваться’, для которых восстанавливается доперм. **jзпцз-* [КЭСК, 1970: 111]. Эти данные позволяют в силу соответствия ф.-у. **пц ~* прибалтийско-фин. *nt/nn* [ОФЯ, 1974: 145] реконструировать прибалтийско-финское (несохранившееся или незафиксированное) **jVnt-/jVnn-* (где *V* – гласный переднего ряда) с предполагаемым значением «то, что сочится; вода», ср. зафиксированное Е.В. Барсовым в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии *инда* ‘вода’ [СРНГ 12, 2002: 197]. В качестве источника заимствования для русского *индола*, *индала* в таком случае следует предполагать лексему вымершего языка прибалтийско-финского типа **jVntVlō* со значением «место, где сочится вода (источник, ключ)».

Таким образом, лексему *индола*, *индала* можно считать заимствованием из субстратного языка, сохранявшего древнее прибалтийско-финско-саамское состояние.

Слово *кай* ‘кочка на болоте’ (Арх.: Нянд.) [КСГРС] находит соответствие в прибалтийско-финско-фин. ср. фин. *kaivaa* ‘рыть, копать’, ‘сверлить, просверлить, высверлить’, ‘проточить, пробить’, ливв. *kaiva-*, *kaivo*, люд. *kaivada*, вепс. *kaida*, водск. *kaivā*, эст. *kaevata* ‘рыть, копать, ковырять, толкать’ [SKES, 1974–1981: 144; SSA 1, 1992: 279]. Существительное может быть производно как на прибалтийско-финской, так и на русской почве (**кайв* > *кай*).

Лексемы *калега* ‘болотистое топкое место’ (Влг.: В.-Уст.) [КСГРС] (ср. *калега* ‘заросшее место в лесу’ (Арх.: Вил.) [КСГРС], ‘ветвистое дерево’ (Арх.: Вил.) [КСГРС]), *калиньга* ‘болото, поросшее мелким лесом’ (Арх.: Холм.) [КСГРС] интерпретируются на прибалтийско-финской почве, ср. фин. *kallas* ‘наклонный, косой’, ‘наклонный склон’, карел. *kaldele-* ‘наклонять’, ливв. *kaldavu-* ‘клониться’, водск. *kaltoza* ‘отлогий’, эст. *kalde*, *kallak* ‘склон’, *kalduda* ‘гнуть, клониться, вывертываться’ [SKES, 1974–1981: 150; SSA 1, 1992: 287], эст. *kalle* ‘наклон, крен’ [ЭрзРС, 1988: 144].

Фасмер М. считал самодийским по происхождению слово *калтус* ‘не слишком вязкое болото’ [Фасмер 2, 1967: 170]. Лексикографические источники предоставляют широкую информацию о лексеме, ее вариантах и производных: *калтус* ‘сырое, болотистое место, поросшее травой, кустарником или редким лесом’ (Арх.: К.-Б., Леш., Мез., Пин.) [КСГРС], (Арх.) [Даль 2, 1955: 79], ‘место в болоте, заросшее травой и кустарником, заболоченный луг’ (Арх.: К.-Б., Леш., Мез., Пин.) [КСГРС], (Печор.) [СРНП 1, 2003: 299], ‘лес или кустарник, растущий на болотистом месте’ (Арх.: Мез.) [Опыт, 1852: 78; Подвысоцкий, 1885: 62; КСГРС], ‘чистое безлесное болотистое место’ (Арх.: К.-Б., Леш., Мез., Пин., Холм.) [КСГРС], (Печор.) [СРНП 1, 2003: 299], ‘кочковатое болото’ (Арх.: Леш., Пин.) [КСГРС], ‘покрытое водою болото’ (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий, 1885: 62], ‘островок леса на болоте’ (Арх.: Леш., Мез.) [КСГРС], ‘густая высокая трава, растущая на болотистом месте’ (Арх.: Леш.) [КСГРС], ‘чаща дремучего леса’ (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий, 1885: 62], ‘место на реке, где зимой не замерзает вода; полынья’ (Арх.: Леш.) [КСГРС], *калтус* ‘место в болоте, заросшее травой и кустарником, заболоченный

луг' (Арх.: К.-Б., Пин.) [КСГРС], *калдус* 'сырое моховое заболоченное место' (Арх.: Мез.) [КСГРС], *калтусок* 'маленькое болотце в лесу' (Арх.: Пин.) [КСГРС], *калтусина* 'сырое, болотистое место, поросшее травой, кустарником или редким лесом' (Арх.: Мез.) [КСГРС], (Печор.) [СРГНП 1, 2003: 299], 'место в болоте, заросшее травой и кустарником, заболоченный луг' (Арх.: Леш., Мез.) [КСГРС], 'чистое безлесное болотистое место' (Арх.: Леш., Мез., Пин.) [КСГРС], 'кочковатое болото' (Арх.: Леш.) [КСГРС], 'густая высокая трава, растущая на болотистом месте' (Арх.: К.-Б.) [КСГРС], *калтузина* 'небольшое болото' (Арх.: Леш.) [КСГРС], *калтучина* 'сырое, болотистое место, поросшее травой, кустарником или редким лесом' (Печор.) [СРГНП 1, 2003: 299], *калтусной* 'низкий, сырой, заросший кустарником' (Печор.) [СРГНП 1, 2003: 299].

Вопреки М. Фасмеру, лексему нужно считать прибалтийско-финской по происхождению, ср. фин. *kallas* (род. п. *kaltaan*), *kalta*, *kalto*, *kaltto* 'наклонный, косой', 'наклонный склон', 'берег, круча', 'уступ', карел. *kalda-* 'клонить (лодку)', *kaldele-* 'наклонять', ливв. *kaldavuu-* 'клониться', люд. *kaldaududa* 'клониться, быть на боку', водск. *kaltoza* 'отлогий', эст. *kallas* (род. п. *kalda*), *kald* (род. п. *kalla*) 'круча, берег, крутой берег', *kalde*, *kallak* 'склон', *kalduda* 'гнуть, клониться, вывертываться' [SKES, 1974–1981: 150; SSA 1, 1992: 287].

Для слова *кара* «болотная» семантика вторична (представлена значением 'трясина, топкое, труднопроходимое место' (Влг.: Ваш., Вож.) [КСГРС], (Ленингр.: Лод.) [СРГК 2, 1995: 328]). Производным является *карошка* 'заболоченная ложбинка' (Влг.: Выт.) [КСГРС]. Основная семантика слова такова: *кара* 'залив, заводь на озере или реке' (Арх.: Карг.; Влг.: Бел., Выт.) [КСГРС], (Влг.: Выт.; Ленингр.: Лод., Подп.) [СРГК 2, 1995: 327–328], (Олон.) [Куликовский, 1898: 34], 'поворот реки' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'извилистый берег' (Влг.: Бел.) [КСГРС].

География и семантика в пользу заимствования из вепсского языка: *kar*, *kara* 'небольшой залив, бухта', 'щель', 'отверстие', 'дыра', 'яма, углубление, выемка' [СВЯ, 1972: 179], ср. фин. *kar* 'небольшой залив', люд. *kuar* 'залив', а также люд. *kari* 'наиболее глубокое место под

порогом, куда падает вода' [SKES, 1974–1981: 162], которые соотносятся с фин. *kaarre* 'изгиб, поворот, вираж', *kaareke* 'изгиб, дуга', 'дужка', *kaari* 'дуга, изгиб', 'дуга, дужка', 'арка', 'шпангоут', 'кривая (жизни, развития)', *kaarikäytävä* 'аркада', 'полукружной канал', *kaarros* 'изгиб, поворот', 'закругление', 'круг, крюк', *kaarre* 'изгиб', 'поворот', 'вираж' [БФРС, 2001: 182], морд. эрз. *карамс* 'долбить, выдалбливать', 'ковырять', 'копать', 'разрывать', 'размывать' [ЭрзРС, 1993: 234].

Для отмеченного только в Холмогорском районе Архангельской области слова *керэндус* значения 'непроходимое болото' (Арх.: Холм.) [КСГРС], 'заболоченное место в лесу или на покосе' (Арх.: Холм.) [КСГРС] не являются первичными. Основная семантика лексем *керэндус* – 'поле на склоне холма' (Арх.: Холм.) [КСГРС], < приоб.-фин., ср. ливв. *kierro*, *tiero*, *t'iero* 'невыгоревшее место на подсеке', 'небольшой участок земли', 'открытое место', фин. *tiera*, *tiero* 'невыгоревшее место на подсеке', 'незасеянный, невспаханный или заросший участок поля', 'клочок поля', *tiere*, *tieranne* 'невыгоревшее место на подсеке' [SKES, 1974–1981: 1284; SSA 3, 2000: 289]. Лексема *керэндус/керэндус* содержит производную основу **kierent-/t'ierent-*, сопоставимую с фин. *tieranne* с учетом чередования *-nn-/nt-*.

Заимствованием из карельского языка является *кэчкара* 'низкий топкий берег моря' (Арх.: Он.) [КСГРС], 'низкий, топкий берег у моря, поросший травой и заливаемый водой во время прибою' (Арх.: Он.; Карел.: Белом.) [СРГК 2, 1995: 342], (Помор.) [Гемп, 2004: 289], 'жидкая няша; ровное низменное илистое морское побережье, оголяемое отливом' (Арх.) [Даль 2, 1955: 106], 'болото' (Карел.: Медв.) [СРГК 2, 1995: 342], ср. *кэчкара* 'морской песчаный берег, на котором нет камней' (Арх.) [Опыт, 1852: 82], (Арх.: Кем.) [Подвысоцкий, 1885: 65], 'полоса берега моря, обнажающаяся при отливе' (Арх.: Он.) [КСГРС]: < карел. *ketčkerä* 'небольшая возвышенность на болоте' [Kalima, 1919: 115; Фасмер 2, 1967: 227]. Лексема в вариантах *кэчкара*, *кэчкор*, *кэчкорь* в значении 'морской берег, на котором нет камней' (Арх.: Кем.) фиксировалась ранее А. Подвысоцким [1885: 65].

Может быть сопоставлено с фин. *kika* ‘ком снега’, *kikale* ‘маленький ком или комок’, эст. диал. *kigal* ‘маленькая часть’ (? < фин.) [SKES, 1974–1981: 193; SSA 1, 1992: 361], русск. диал. *кíка* ‘возвышенное место среди болота’ (Влг.: Вож.) [КСГРС], ср. *кíка* ‘полянка в лесу’ (Влг.: Вож.) [КСГРС]. Финская лексема саамского происхождения: < саам., ср. швед., лул. *tjikka*, нот., лул. *čákke* ‘ком снега’ [SSA 1, 1992: 361; Субботина, 1983: 83]. Географическая семантика является частотной реализацией значения «маленький ком».

Карельского происхождения лексема *кíчара* ‘зыбкое, болотистое место’ (Арх.: Прим.) [КСГРС]: < карел. люд. *kit’škerä* ‘горький’, ‘кислый’, *kitku*, *kitšku* ‘чад (в бане)’, ‘угар’, которая находит соответствие в фин. *kitkerä* ‘горький’ [SKES, 1974–1981: 202; SSA 1, 1992: 375]. Прибалтийско-финские лексемы производны от карел. люд. *kit’šku*, фин. *kitku* ‘дым’ [SKES, 1974–1981: 202; SSA 1, 1992: 375]. Внутренняя форма русской лексемы в связи с прибалтийско-финскими словами определяется тем, что в болотах при разложении органики образуется углерод, который выделяется в атмосферу в составе углекислого газа; кроме того, болота являются одним из источников бактериального метана.

Лексема *кóлка* ‘топкое сырое место’ (Арх.: Карг.) [КСГРС] < приб.-фин., ср. фин. *koltto* ‘ямка, яма’, ‘складка, сборка’, ‘полость’, ‘колея, выбоина’, которое имеет также негеографическую семантику: фин. *kolle*, род. п. *kolteen* ‘изгиб, прогиб (например, в стене)’, эст. *kolle* (род. п. *kolde*), *kolda*, *kolde* ‘находящаяся в передней части пекарной печи угольная, пепельная яма’ [SKES, 1974–1981: 211; SSA 1, 1992: 391], фин. уменьш. *kolttonen* ‘маленькая складка, сборка’ [SSA 1, 1992: 391]. Преобразование -лд- > -лк- произошло на русской почве в результате аттракции к русскому суффиксу -к-.

Наименование *кóпнак* ‘большая кочка’ (Арх.: Плес.) [КСГРС] находит соответствие в эст. *komr*, *komba* ‘маленькая выпуклость, кочка’, мокш. *komba* ‘в болоте на гниющем пне возникшая кочка’, которые родственны фин. *kumri* ‘холмик, бугор, пригорок’, карел. *kumri* ‘возвышенное место на болоте’, лул. *kábbá*

‘маленькая горка в середине леса или болота’ [SKES, 1974–1981: 238; SSA 1, 1992: 436].

Прибалтийско-финского происхождения *кóнга* ‘сухое, поросшее редким лесом место среди болота’ (Арх.: Пин.) [КСГРС], ‘поросший мхом или травой участок болота’ (Арх.: Пин.) [КСГРС], *кóнгáрь* ‘место на болоте, поросшее кустами’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС], *кóнгор* ‘сухое, поросшее редким лесом место среди болота’ (Арх.: Пин.) [КСГРС], ср. *кóнга* ‘сердцевина, ядро древесного ствола (чаще сосны), крепкая его часть’ (Арх.: Вель., Уст.; Влг.: Бабуш., В.-Важ., В.-Уст., Ньюкс., Тот.), ‘строевое крепкое дерево (обычно сосна)’ (Арх.: Вель., В.-Т., Уст., Шенк.; Влг.: Бабуш., В.-Важ., В.-Уст., Ник., Тарн., Тот.) [КСГРС]: < приб.-фин., ср. фин. *honka*, ливв. *hongu*, вепс. *hong* ‘сосна (кондовая)’, эст. *honga-pü* ‘старая сосна со свисающими ветвями и жесткой древесиной’ [SKES, 1974–1981: 80], фин. *honka* ‘высокая старая сосна’, *hongisto* ‘сосновый лес’, *honkio* ‘выдолбленная из осины плоскодонка’, карел. *honka* ‘высохшая старая сосна’, ‘высокая старая сосна’, *honko*, *honkoi* ‘залом из старых сосен, растущих на корню’, люд. *hong*, *hongē* ‘высокая старая сосна’, *hongik* ‘дровяной лес’, *hongoi* ‘выдолбленная из осины лодка’, вепс. *hong* ‘сосна’, *hongišť* ‘сосняк’, водск. *honka* ‘большое толстое дерево’, *kuusin honka* ‘высокая старая сосна’, ‘сосна’, эст. *hong*, *hongarui*, *hongaspuu* ‘высокая старая сосна’ [SSA 1, 1992: 172]. Представленные русские формы – результат диссимилиации из *гонга: *гонга > конга ‘сосна’ [Kalima, 1919: 238; Фасмер 2, 1967: 308].

В западной части Европейского севера России отмечено *кóрба* ‘труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место’ (Арх.: Плес.; Влг.: Баб., Бел., Ваш., Выт.) [КСГРС], (Карел.: Кондоп.; Ленингр.: Тихв.; Новг.: Солец.) [СРГК 2, 1995: 420], ‘болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым’ (Олон.) [Даль 2, 1955: 161], (Арх.: Он., Плес.; Влг.: Баб., Бел., Ваш., Вож., Выт.) [КСГРС], ‘сырая поляна в лесу’ (Арх.: Он.; Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘низкое, топкое, неровное место’ (Арх.: Карг., Он., Плес.; Влг.: Баб., Бел., Ваш., Выт.) [КСГРС], (Влг.: Выт.; Карел.: Кондоп., Прион.; Ленингр.: Лод., Подп., Тихв.) [СРГК 2, 1995: 420], ср. *кóрба* ‘чаща, непроходимый

лес' (Олон.) [Опыт, 1852: 89; Даль 2, 1955: 161], (Ленингр.: Лод., Подп.) [СРГК 2, 1995: 420], 'дремучий еловый лес в сырых низинах' (Олон.) [Куликовский, 1898: 40], (Помор.) [Моисеев, 2005: 71], 'лес с суковатыми, кривыми деревьями, плохой лес' (Арх.: Плес.; Влг.: Баб., Бел.) [КСГРС], 'возвышенное место, поросшее лесом' (Влг.: Ваш.) [КСГРС]. Производные многочисленны: *кóрбатъ* 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *кóрбина* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Арх.: Он.; Влг.: Бел.) [КСГРС], 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Арх.: Он.) [КСГРС], *корбiна* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Влг.: Баб.) [КСГРС], 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *корбiнистое мéсто* 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *корбiстое мéсто* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Влг.: Ваш.) [КСГРС], 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Баб., Бел., Выт.) [КСГРС], *кóрбица* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *корбовáтое мéсто* 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Баб., Бел.) [КСГРС], *кóрбовина* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Влг.: Ваш., Выт.) [КСГРС], *корбовiна* 'то же' (Влг.: Бел.) [КСГРС], 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Бел., Выт.) [КСГРС], (Влг.: Выт.) [СРГК 2, 1995: 421], *корбовiнье* 'низкое, топкое, неровное место' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *корбовiстое мéсто* 'низкое, топкое, неровное место' (Влг.: Ваш.) [КСГРС], *корбовицина* 'болото, поросшее мелким лесом, чаще всего еловым' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *корбь* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *корбяник* 'труднопроходимое, заросшее кустарником, заваленное упавшими деревьями сырое кочковатое место' (Влг.: Выт.) [КСГРС],

кóрбяное мéсто 'низкое, топкое, неровное место' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *карбовiнья* 'низкие, заболоченные места, овраги в лесу' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *кúрбина* 'топкое место на болоте' (Влг.: Ваш.) [КСГРС], *курбiна* 'кочка на сырой, болотистой почве' (Влг.: Бел.) [СРГК 3, 1996: 62], *кúрбатъ* 'болотистое место, покрытое кочками или поросшее лесом' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *курбiнник* 'то же' (Влг.: Бел.) [КСГРС], *курбiнистый* 'сырой' (Влг.: Бел.) [СРГК 3, 1996: 63], 'кочковатый' (Влг.: Бел.) [КСГРС], *кубарiна* 'сухое, возвышенное место на болоте' (Влг.: Ваш.) [КСГРС].

Предпочтительной является интерпретация лексем из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *korpi* 'глухой темный лес, сырой (преимущественно еловый) лес', ливв. *korbi*, люд. *ko'rb*, *ko'rb*, *korbi* 'глухой лес, сырой еловый лес', вепс. *ko'rb* 'густой глухой лес', *korpi* 'глушь', эст. *kõrb* 'большой лес, сырая чаща, глушь' [SKES, 1974–1981: 219; SSA 1, 1992: 405], фин. *korpi* 'глухой лес', 'лесное болото', карел. *korpi*, *korbi*, ливв. *ko'rb*, люд. *ko'rb*, *korbi* 'глухой лес, обычно еловый, растущий на низком сыром месте', вепс. *ko'rb* 'глухой лес', 'сырая низина' [Мамонтова, Муллонен, 1991: 42; Kalima, 1919: 128; Фасмер 2, 1967: 322]. География и семантика в пользу заимствования из вепсского языка. Вместе с тем при учете лингвогеографии нужно учитывать и возможность саамского источника заимствования, ср. саам. швед. *kåbre* 'вогнутый, с полостью (например, обрыв, круча)', норв. *goar've* 'крутой изогнутый слив в земле, на горе или край сугроба', 'маленький водопад', ин. *koarvi* 'выступающий, торчащий край', кольск., кильд., терск. *ko'brë* 'желоб, углубление', 'крутой порог с водопадом', 'бурун на изгибе порога' (> фин. диал. *korva* 'маленький порог', 'стремнина, быстрина порога') [SSA 1, 1992: 414]. В этом случае в русском слове надо предполагать метатезу *-бр- > -рб-*.

Вепсские истоки имеет *кúгра* 'кочка' (Влг.: Выт.) [СРГК 3, 1996: 49], 'сырое, заболоченное место' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'топкое место на болоте' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'яма с водой, родник на болоте' (Арх.: Карг., Плес.) [КСГРС], (Арх.: Карг., Плес.; Карел.: Пуд.) [СРГК 3, 1996: 49], *кúгреник* 'сырое, заболоченное место' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'топкое

место на болоте' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *ку́гровина*, *кугровина* 'кочка' (Карел.: Кондоп.) [СРГК 3, 1996: 49], *кугроватый* 'болотистый, топкий' (Арх.: Плес.) [КСГРС], ср. *ку́гра* 'поваленное ветром дерево' (Арх.: Карг.) [СРГК 3, 1996: 49], 'яма под корнями дерева' (Арх.: Плес.) [КСГРС], (Арх.: Карг., Плес.; Карел.: Пуд.) [СРГК 3, 1996: 49], 'подмытое под берег водой место в озере или реке' (Олон.) [Куликовский, 1898: 44], *ку́гровина*, *кугровина* 'корень упавшего дерева' (Карел.: Кондоп.) [СРГК 3, 1996: 49], 'куча хвороста, веток, прутьев' (Карел.: Медв.) [СРГК 3, 1996: 49]: < вепс. *kuhr* 'небольшая яма в лесу, на болоте', ср. *kuhrikišt* 'топкое место со множеством ямок', *kuhruikas* 'топкий, неровный' [СВЯ, 1972: 239], для которых, возможно, прибалтийско-финскими и саамскими параллелями являются фин. *kuura*, *kuuru* 'борозда, желоб', 'углубление, яма', саам. *kurro*, *gurra* 'промоина, овраг, яма' [Муллонен, 1996: 35]. К тому же источнику с переходом *z > y > ø > v* восходит зафиксированное Г. Куликовским *ку́врина* 'яма в лесу под корнями свалившихся от ветра дерев; она часто служит берлогой' (Олон.: Выт., Пуд.) [Куликовский, 1898: 44].

Лексемы *куме́рник* 'топкое место на болоте' (Арх.: Нянд.) [КСГРС], *куме́ристый* 'топкий' (Арх.: Нянд.) [КСГРС] < приоб.-фин., ср. фин. *kumara* 'согнутый, согнувшийся, сгорбленный', *kumärä* 'то же', эст. *kummar* 'полость, пустота', *kummer*, *kumer* 'выпуклый, кривой' [SKES, 1974–1981: 236; SSA 1, 1992: 434], фин. *kumariius* 'наклон, уклон' [ФРЛТС, 1996: 146].

Наименование *курна́вина* 'топкое место на болоте' (Влг.: Ваш.) [КСГРС] < приоб.-фин., ср. фин. *kuurna*, *kurna* 'желоб, сток, канавка', карел. *kuurna*, *kuurne* 'то же', ливв. *kūru* 'то же', эст. *kurn* 'фильтр, сито' [SKES, 1974–1981: 251–252; SSA 1, 1992: 458].

Прибалтийско-финское, ср. фин. *laukea* 'открытый', 'отлогий, пологий', *lauka* 'низкий берег', эст. *lauge* 'наклонный, покатый, пологий, отлогий', 'ровный', *laug*, род. п. *lau* 'то же', фин. *laukki* 'открытое место в поле или в лесу', *laukama* 'пустое пространство в поле', вепс. *loukuz* 'часть поля или луга', эст. *laugas*, род. п. *lauka* 'голое, чистое место в поле' [SKES, 1974–1981: 281; SSA 2, 1995: 53] является источником русск. *ла́фтега* (Влг.: Сок.),

лафтүшка (Влг.: Хар.) 'топкое место на болоте' [КСГРС]. Русское слово отражает диалектный переход *ũ > v* с последующим оглушением.

Диалектные *ла́га* 'низина, ложбина' (Арх.: Прим.) [КСГРС], *лагачиха* 'трясучее вязкое место' (Влг.: Влгд.) [Дилакторский, 1902: 229], *лаговина* 'заболоченное место, топь, трясина' (Карел.: Медв.) [СРГК 3, 1996: 173], *лаготина* 'низкое болотистое место' (Костр.: Чухл.) [ЯОС 5, 1986: 117] < приоб.-фин. или саам., ср. фин., карел., люд., вепс. *laho* 'гнилой' [SKES, 1974–1981: 269; SSA 2, 1995: 35], саам. нот. *lāxx^A* 'гнилой' [KKLS I, 1958: 187]. С точки зрения ономазиологической модели, может быть сопоставлено с русск. *гнилиха* 'низкое сырое место' (Арх.: Вин.) [СГРС 3, 1996: 52].

Не находится окончательного этимологического решения для *ла́гмас* 'труднопроходимое болотистое место' (Арх.: К.-Б., Уст.) [КСГРС], *ла́гмаз* 'сырое болотистое место' (Арх.: Уст., Шенк.) [КСГРС], 'берлога' (Арх.: Уст.) [КСГРС], *лагмазіна* 'сырое болотистое место' (Арх.: Шенк.) [КСГРС], ср. *ла́гмас* 'возвышенное место' (Арх.: Вин., Уст.) [КСГРС].

По мнению А.К. Матвеева, связано с эст. *võhmas* 'остров в болоте' [1968: 31], ср. фин. *vehmas* 'зеленый, богатый растительностью, хорошо растущий', 'молодой лиственный лес, роща', 'пастбище, выгон', 'обширная равнинная местность', *vehmasto* 'молодой лиственный лес, роща' [SKES, 1974–1981: 1682; SSA 3, 2000: 421]. Вокализм первого слога (русс. *a* ~ приоб.-фин. *e*) свидетельствует о том, что лексема заимствована из какого-то специфического субстратного источника, отличного от существующих в настоящее время прибалтийско-финских языков. Колебание *в/л* в аналауте фиксируется достаточно часто.

Шилов А.Л. в качестве возможных параллелей форме прибалтийско-финского по своему типу языка-источника приводит коми *lažmid* 'неглубокий, мелкий', морд. *lašma*, *lašto* 'долина, болотистая низменность', *ložto* 'яма, впадина' [1997: 11–12], ср. также морд. эрз. *лашмо* 'ложбина, долина, лощина', *лашмо-лушмо* 'овраг, рытвина', *лашмов* 'неровный (о поверхности)' [ЭрзРС, 1993: 333], *ložto* 'низина, впадина, котловина, яма', 'полость, пещера, грот' [SSA 2, 1995: 95], мокш. *лашма* 'лощина, долина, низина', 'заливное место'

[МокшРС, 1998: 330]. При учете семантики приведенных данных сопоставление, предложенное А. Л. Шиловым, наиболее корректно.

Лексемы *лáйда* ‘прибрежное низкое болотистое место, заливной луг (на берегу реки, моря)’ (Арх.: К.-Б., Леш., Мез., Прим.) [КСГРС], ‘большое заливное пастбище со множеством луж’ (Помор.) [Мосеев, 2005: 75], ‘окно воды в болоте; топкое место на болоте’ (Арх.: К.-Б., Мез.) [КСГРС], *лáйдина* ‘низкое заболоченное место’ (Арх.: Мез.) [КСГРС], ср. *лáйда* ‘иловатая по близости к берегу мель в море, обсыхающая при отливе’ (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий, 1885: 81], (Арх.) [Даль 2, 1955: 235], (Помор.) [Гемп, 2004: 292], ‘речная или озерная песчаная мель’ (Арх.: Леш., Мез.) [КСГРС], (Ленингр.: Лод.) [СРГК 3, 1996: 91], ‘остров’ (Влг.: Выт.) [СРГК 3, 1996: 91], ‘илистое дно, няша’ (Помор.) [Мосеев, 2005: 75], ‘высыхающий заросший водоем’ (Арх.: К.-Б.) [КСГРС], ‘трава, растущая на заливных лугах’ (Арх.: Мез.) [КСГРС], < приб.-фин., ср. фин. *laito* (род. п. *laidon*) ‘мелкий, неглубокий’, эст. *laid* ‘маленький остров, отмель’ [Kalima, 1919: 148], фин. *laita* ‘фарватер, направление’, вепс. *laid* ‘открытое место на озере или реке’, эст. *lait* (род. п. *laida*) ‘углубление, ямка’, ‘яма между кочками’, ‘переход, переправа’ (< герм.) [SKES, 1974–1981: 270–271; SSA 2, 1995: 38], вепс. *laid* ‘пространство озера вдали от берегов’, ‘участок (например, поля)’ [СВЯ, 1972: 272], ливв. *laido* ‘то же’ [Мамонтова, Муллонен, 1991: 49]. Вместе с тем нужно учитывать и другие лексические источники: фин. *laita*, *laitu*, *laito* ‘низкий (вода, берег)’, эст. *laid* ‘подводная скала, риф, каменистый островок, песчаная отмель’, саам. (? < фин.) *laihto* ‘покатый, наклонный, отлогий’, *lai’htō* ‘низкая влажная местность’, *lai’htōk* ‘слегка покатый, отлогий (склон)’ [SKES, 1974–1981: 271; SSA 2, 1995: 38–39], карел. ливв. *laidu* ‘опушка, край леса’ [Макаров СКЯ, 1990: 176]. Поскольку слово распространено на крайнем северо-востоке Архангельской области, не исключено влияние со стороны коми вым., иж., нв., скр., уд. *лáйда* ‘понижение, низина, продолговатая впадина’ [ССКЗД, 1961: 192], если последнее не является заимствованием из русского [КЭСК, 1970: 413].

Заимствованием из карельского языка является *лáйма* ‘заболоченный, заливной луг’

(Помор.) [Мосеев, 2005: 75]: < карел. люд. *laim*, *laimo* ‘тихое место на реке’, ‘пруд’, ‘лужа’, ср. фин. *laimea* ‘тихое место на реке’ [SSA 2, 1995: 37].

Обозначением различных водных и болотных объектов является *лáкса* ‘топкое, залитое водой место на болоте’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘заливное заболоченное место на берегу’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘низкое заболоченное место, поросшее травой и используемое как покос’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], *лаксовина* ‘топкое место на болоте’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘заливное заболоченное место на берегу’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘болотистое место в лесу’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ср. *лáкса* ‘залив’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘мелкая бухточка, переходящая в болотистую низину’ (Влг.: Баб., Выт.) [СРГК 3, 1996: 92], ‘лужа, яма с водой’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], *лаксовина* ‘залив’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘мелкая бухточка, переходящая в болотистую низину’ (Влг.: Выт.) [СРГК 3, 1996: 92], ‘лужа, яма с водой’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘остров, образующийся при разливе реки в половодье’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘островок камыша над поверхностью воды в реке’ (Влг.: Выт.) [КСГРС].

Источником заимствования являются прибалтийско-финские языки, ср. фин. *laakso*, диал. *lakso*, *vesilakso* ‘пруд, лужа’, эст. диал. *laks* ‘равнина, ровная площадка’ [SKES, 1974–1981: 267; SSA 2, 1995: 32], ижор. *lakso*, *laksu* ‘открытое ровное место в лесу, поле’ [SSA 2, 1995: 32]. Фонетически близкие формы представлены также в мар. *лаксак* ‘яма, воронка’, ‘небольшое углубление на чем-либо’, *вэйд лаксак* ‘лужа’ [СМЯ 3, 1994: 298], *la’ksə*, *laksik* ‘яма, углубление’, *laksaka* ‘долина’, ‘низина’, *laksi kä* ‘маленькая долина’ [SKES, 1974–1981: 267; SSA 2, 1995: 32].

Апеллятив *лáма* ‘болотистое место, поросшее травой, кустарником, мелким лесом’, ‘сырое место, овраг в лесу’, ‘большое кочковатое болото’, ‘топкое место на болоте’, ‘небольшое озерко в лесу’ (Арх.: В.-Т., Пин.) [КСГРС], ‘труднопроходимая болотина, заваленная валежником, поросшая мелким искривленным лесом’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], ‘болотистое место, поросшее травой, кустарником’ (Арх.: В.-Т., Пин.) [КСГРС], ‘болотистый луг’ (Арх.) [СРНГ 16, 2002: 252], встречающийся

также в топонимии (*Лáма*, поле, покос (Арх.: В.-Т.), покос (Арх.: Холм.), поле (Арх.: Шенк.) [ТК СТЭ]), на первый взгляд, сопоставим с ливв. *laama* ‘заводь в устье реки, где движение воды еще скрыто’, фин. *laami*, *laami* ‘пруд, лужа’ [Мамонтова, 1991: 49] или фин. *lami* ‘равнина’, ‘лощина, ложбина’, ‘болото’, карел. *lami* ‘низменная ровная земля между горами’, вепс. *lami* ‘перешеек’ [SKES, 1974–1981: 273; SSA 2, 1995: 43], карел. твер. *lamakka* ‘пологий, отлогий’ [Пунжина СКЯ, 1994: 130], однако приведенные данные не объясняют всей семантики слова. Источником для севернорусского *láма* при учете соответствия приб.-фин. *e* ~ субстр. *a* могла послужить лексема вымершего финно-угорского языка, родственная фин. *lemi* ‘сырое болото; сырой луг’, карел. *lemi*, *leme(jikkö)* ‘топь, сырое топкое место на болоте; мох, растущий на топком болоте; грязь, ил; трясина’, ливв. *lemi* ‘трясина, топь; тина, ил; небольшая лужа; родник’, *lemikkö*, *l'emikkö*, *lemižikkö* ‘илистое грязное место; довольно большое вязкое пространство с трясинной, зыбунами’, люд. *lemi*, *l'emi*, *lemu* ‘ил, трясина, мох на воде (в болоте)’, *lemižikk*, *lemužikk* ‘верхний слой мха над водой в болоте, который проваливается под ногами идущих по нему’ [Мамонтова, 1991: 53], ср. восходящее к карел. *lemi* олонекское *лэма*, *лэмица* ‘трясина, зыбун’ [Kalima, 1919: 151].

Для слова *лáнгина* ‘окно воды на болоте’ (Арх.: Прим.) могут быть предложены несколько интерпретаций. Фонетически наиболее точная параллель обнаруживается в мар. горн. *лангита* ‘низина, котловина’, *лангем* ‘ухаб, выбоина на дороге’, *лангеман корны* ‘ухабистая дорога’ [СМЯ 3, 1994: 300–301], однако география нетипична для марийских элементов. Сопоставление с карел. *lankevus*, *langevus*, *lankemus*, *langemus* ‘вид порога’, ‘склон, косогор’ [Мамонтова, 1991: 116, 119] более приемлемо лингвогеографически, однако предполагает широкое развитие семантики. Источником лексемы является восстанавливаемый по данным вепсской топонимии термин **land* ‘болото, болотистое место’ [Муллонен, 1983: 99–104], ~ фин. *lansi* ‘низина, впадина, котловина’, *lantea* ‘низкое сырое место’, *lantovesi* ‘стоячая вода (например, на поле)’, *lantto* ‘лощина, ложбина’, ‘низина, западина’, карел.

lantto ‘лощина, ложбина’, ‘низина’, ‘западина’, ‘пруд’, ‘лужа’, эст. *land* ‘пруд’, ‘лужа’ [SKES, 1974–1981: 275; SSA 2, 1995: 45]. Русская лексема отражает фонетическое преобразование *-нд-* > *-нг-*.

Локальное *лахóник* ‘сырое кочковатое место’ (Костр.: Шар.) [КСГРС], ср. *лахóник* ‘бурелом’ (Костр.: Пыщуг.) [КСГРС] < приб.-фин., ср. фин., карел. *laho*, люд., вепс. *laho* ‘гнилой, трухлявый’ [SKES, 1974–1981: 269; SSA 2, 1995: 35].

Наименованием различных типов болотных пространств является лексема *лáхта*: ‘низина возле реки, озера, заливаемая в половодье’ (Арх.: Плес.; Влг.: Кир.; Карел.: Пуд.) [СРГК 3, 1996: 102], ‘топкий берег озера, реки, моря’ (Арх.: Плес., Прим.; Влг.: Выт.) [КСГРС], ‘болото, прилежащее к озеру’ (Помор.) [Мосеев, 2005: 75], ‘низкое заболоченное место, поросшее травой или кустарником’ (Арх.: Вель., Карг., Котл., Леш., Мез., Пин., Уст., Холм.; Влг.: Вож., Выт.) [КСГРС], ‘рукав болота’ (Арх.: Мез.) [КСГРС], ‘окно воды в болоте’ (Арх.: Вель., Леш., Нянд., Холм.) [КСГРС], ‘гряда суши среди болота, трясина, заросшего озера’ (Влг.: Выт.) [СРГК 3, 1996: 102]. Акцентологические и словообразовательные варианты многочисленны: *лахтá* ‘топкий берег озера, реки, моря’ (Влг.: Вож.) [КСГРС], ‘низкое заболоченное место, поросшее травой или кустарником’ (Арх.: Карг.) [КСГРС], ‘окно воды в болоте’ (Арх.: Карг.; Влг.: Выт.) [КСГРС], *лáхтина* ‘топкий берег озера, реки, моря’ (Арх.: К.-Б.) [КСГРС], ‘низкое заболоченное место, поросшее травой или кустарником’ (Арх.: Котл.) [КСГРС], *лахтíна* ‘низкое заболоченное место, поросшее травой или кустарником’ (Арх.: Леш.; Влг.: Устюж.) [КСГРС], ‘гряда суши среди болота, трясина, заросшего озера’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС], ‘кочка на болоте’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС], *лахтинá* ‘сухая часть болота, на которой растут ягоды’ (Влг.: Баб.) [КСГРС], *лахтíнка* ‘небольшая заболоченная пожня’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *лáхтовина* ‘топкое заболоченное место в лесу’ (Арх.: К.-Б.) [КСГРС], *лахтовíна* ‘низина возле реки, озера, заливаемая в половодье’ (Арх.: Плес.) [СРГК 3, 1996: 102], ‘низкое заболоченное место, поросшее травой или кустарником’ (Арх.: К.-Б.) [КСГРС], ‘болото, трясина’ (Арх.: Плес.;

Новг.: Бат.) [СРГК 3, 1996: 102], *ла́хточка* ‘низина возле реки, озера, заливаемая в половодье’ (Арх.: Плес.) [СРГК 3, 1996: 102], *ла́хтушка* ‘небольшое болото’ (Карел.: Пуд.) [СРГК 3, 1996: 102]. Основная семантика слова связана с обозначением водных объектов: *ла́хта* ‘небольшой мелководный морской залив’ (Арх.: Арх.) [Опыт, 1852: 102; Подвысоцкий, 1885: 82], (Сев.) [Даль 2, 1995: 240], (Олон.) [Куликовский, 1898: 48], (Помор.) [Мосеев, 2005: 75; Гемп, 2004: 292], ‘залив в реке или озере’ (Арх.: Карг., Кон., Леш., Мез., Он., Пин., Плес., Прим., С.-Дв., Холм.; Влг.: Выт., Сок., У.-Куб.) [КСГРС], (Арх.: Плес.; Карел.: Пуд.) [СРГК 3, 1996: 102], (Кольск.) [Меркурьев, 1979: 79], ‘заводь, заросшая травой’ (Мурм.: Тер.) [СРГК 3, 1996: 102], ‘небольшое озеро, заросшее травой’ (Арх.: К.-Б., Леш., Плес.; Влг.: Тот.) [КСГРС], ‘заливаемый берег’ (Арх.: Плес.) [КСГРС], *лахта́* ‘залив в реке или озере’ (Арх.: Карг., Кон., Леш.; Влг.: Вож., Выт., Кад.) [КСГРС], ‘небольшое озеро, заросшее травой’ (Влг.: Выт.) [КСГРС].

Источником заимствования являются прибалтийско-финские языки, ср. фин., карел. ливв. *lahti* ‘бухта, залив’, люд., вепс. *laht*, карел. *laksi*, *lakši* ‘залив’, ливв. *lahti*, люд. *laht*, *lahti*, вепс. *laht*, водск. *lahti*, эст. *laht* ‘залив’ [SKES, 1974–1981: 269; SSA 2, 1995: 36; Lehtiranta, 1989: 70], вепс. *laht* ‘залив’, ‘заболоченная часть озера’, ‘низкий берег озера или реки, заливаемый водой во время половодья’ [СВЯ, 1972: 271], карел. *lahti* ‘залив’ [Макаров СКЯ, 1990: 176]¹, ~ саам. патс. *ла́хта́к* ‘затянутая льдом прорубь’ [Аникин, 2000: 354], мар. *la ksə*, *laksik* ‘яма, углубление’, *laksa ka* ‘долина, низменность’, *laksi kä* ‘маленькая долина’, саам. лул. *luokta*, норв. *luoktå*, ин. *luoh*, кильд. *lūht*, прасаам. **lōkte* [SKES, 1974–1981: 267]. Коми иж. *лахта* ‘речной залив’ < русск. [Игушев, 1972: 153]; коми уд. *лахта* ‘низменность, сырой кочковатый луг’ [УД, 1990: 189] < русск.

Лексема *ле́ма* ‘зыбун, трясына’ (Олон.: Пуд.) [Куликовский, 1898: 49], *ле́мица* ‘то же’ (Олон.: Пуд.) [Куликовский, 1898: 49] < приб.-фин., ср. фин. *lemi* ‘сырое болото, сырой луг’, карел. *lemi* ‘топь, сырое топкое место на боло-

те’, ‘грязь, ил’, ‘трясына’, ливв. *lemi* ‘трясына, топь’, ‘тина, ил’, ‘небольшая лужа, родник’, люд. *lemi*, *l’emi*, *lemu* ‘ил, трясына, мох на воде (в болоте)’ [SKES, 1974–1981: 286; SSA 2, 1995: 62].

Отмеченное в западной части Европейского севера России *ле́тега* ‘топкое место, топь’ (Карел.: Медв.), *летэ́га* ‘то же’ (Карел.: Медв.) [СРГК 3, 1996: 119], ср. *ле́тега* ‘лужа’ (Влг.: Бел.; Карел.: Кондоп., Медв.), *летэ́га* ‘то же’ (Влг.: Бел.; Карел.: Кондоп., Медв.) [СРГК 3, 1996: 119], интерпретируется из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *lätikkö*, *lätikkä*, *lätikkö*, ижор. *lätikkä*, карел. *lätikkö*, *lätikkö*, люд. *lätäkk(o)*, вепс. *l’ät’äk*, *l’ät’ik*, водск. *lätäkk(o)* ‘пруд’, ‘лужа’ [SKES 1974–1981: 322; SSA 2, 1995: 129].

Источником *ли́ва* ‘топкое место на болоте, трясына’ (Арх.: Он.) [КСГРС], (Олон.: Пуд.) [Куликовский, 1898: 49], ‘окно воды в болоте’ (Арх.: Он.) [КСГРС], ‘лужа’ (Арх.: Он.) [КСГРС], (Новг.) [Даль 2, 1955: 256], *ли́вое ме́сто* ‘пологое, сточное место’ (Новг.) [Даль 2, 1955: 256], ср. *ли́вной мох*, *ли́вный мох* ‘мох, растущий на сырых местах’ (Арх.: Он.) [КСГРС], являются прибалтийско-финские языки, ср. фин., карел. *liiva* ‘ил, тина’, фин. *liiva* ‘ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса’, фин. *liiva* ‘слизь’, карел. *liiva* ‘то же’, ливв. *liivu* ‘ил’, люд. *liv*, *live* ‘то же’ [SKES 1974–1981: 294; SSA 2, 1995: 75], карел. ливв. *liivu* ‘тина’, ‘цветение воды’, *liivaine* ‘тинистый, слизистый’, *liivakas* ‘тинистый, обильный тиной или слизью’ [Макаров СКЯ, 1990: 187], карел. люд. *l’iiva* ‘тина, ряска (в стоячей воде)’, ‘зеленая слизь, мелкие водоросли (в текучей воде)’, ‘плесень, пленка на жидкости’ [Пунжина СКЯ, 1994: 139], фин., карел. *liiva* ‘морской ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса’, эст. *līv* ‘песок’ [Kalima, 1919: 157].

Вепского происхождения *ли́жма* ‘топкое, зыбкое место на болоте’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], (Ленингр.: Подп.) [СРГК 3, 1996: 123], ‘топкое место на берегу либо на месте заросшего водоема’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], *ли́зма* ‘топкое, зыбкое место на болоте’ (Влг.: Вож.) [КСГРС], (Влг.: Кир.) [СРГК 3, 1996: 123], *ли́зьма* ‘то же’ (Влг.: Ваш., Выт.) [КСГРС], ‘сухое место среди болота’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], ср. *ли́жма* ‘слой поч-

¹ Этимология изложена: [Kalima, 1919: 151; Фасмер 2, 1967: 467; Матвеев, 2001: 198–199].

вы на поверхности зарастающего озера' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'кусоч болотной земли, примерзший к плавающей льдине' (Олон.: Выт.) [Куликовский, 1898: 49], 'плавучий островок' (Влг.: Выт.) [КСГРС], *лизьма* 'слой почвы на поверхности зарастающего озера' (Влг.: Выт.) [КСГРС], 'плавучий островок' (Влг.: Выт.) [КСГРС]: < вепс. *ližm* 'илистый' [СВЯ, 1972: 293] ~ саам. терск. *liž̃*, род. п. *liččige* 'сало, шуга, тонкий лед' [KKLS I, 1958: 208], вепс. **ližma* ~ карел. *lidma* 'слизь' [Фасмер 2, 1967: 506]. М. Фасмер сомневался в объяснении из карел. *lidma* в связи с фонетическими трудностями [Фасмер 2, 1967: 506]. Показательны контексты: «*Лижмы есть на озёрах зыбучи*» (Выт., Замошье); «*Озёро затынется мхом, зыбун зыбаться, в эки лижмы попадёшь – можно и не встать*» (Выт., Замошье).

К прибалтийско-финским, ср. фин. *lima* 'слизь, мокрота', ижор. *lima* 'слизь, мокрота', *limakas* 'слизистый', эст. *lima* 'слизь, мокрота', 'пена', ливск. *l'imà* 'слизь, мокрота', 'грязь' [SKES 1974–1981: 295; SSA 2, 1995: 77], восходят *лима* 'зыбучий участок на болоте' (Карел.: Белом.) [СРГК 3, 1996: 124], *лимака* 'то же' (Карел.: Сег.) [СРГК 3, 1996: 124].

'Кочковатое, поросшее невысоким кустарником, засоренное валежником место' называется *лоньё* (Арх.: Холм.). С учетом замены сонорных (*m/n*) лексема сопоставима с прибалтийско-финским, ср. фин. *lotu* 'хлам, мусор', 'сор', 'дрова', ижор., карел., люд. *lotu* 'дрова', 'сор, мусор', вепс. *lot* 'мусор, хлам, рухлядь', водск. *lotu* 'лом, хлам, рухлядь' [SSA 2, 1995: 91], ливв. *lotu* 'хлам, рухлядь', 'щепки, мелкие дрова', *lotukas* 'захламленный, засоренный', ср. *joven pohju on lotukas, ei sua verkozii laskie* 'дно реки засорено, нельзя ставить сети' [БКРС, 2011: 149], карел. твер. *lotu* 'хлам, мусор, щепки' [Пунжина СКЯ, 1994: 142]. Собирательная форма русского слова указывает на незафиксированное исходное значение заимствования *'древесный мусор, валежник'.

Нечастотна «болотная» семантика у слова *луда*: отмечены значения 'топкое место у озера' (Арх.: Карг., Кон.) [КСГРС], 'чередование низменностей и возвышенных участков' (Арх.: Плес.) [КСГРС], 'низкое место, где скапливается вода' (Арх.: Карг.) [КСГРС], ср. *луда* 'небольшой скалистый остров' (Кольск.)

[Меркурьев, 1979: 82], 'каменистый или песчаный островок в реке, озере, море' (Арх.: Кон., Он., Плес.) [КСГРС], (Арх.: Он.; Карел.: Белом., Кем., Лоух., Медв., Пуд.; Мурман.: Канд.) [СРГК 3, 1996: 155], (Помор.) [Гемп, 2004: 292; Мосеев, 2005: 77], 'каменистый берег' (Арх.: В.-Т., Карг., Он., Пин., Плес.; Влг.: Баб., В.-Уст.) [КСГРС].

Лексема заимствована из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *luoto* 'маленький и скалистый островок', 'остров леса', 'каменистое или скалистое место в поле', карел. *luoto* 'подводная скала, подводный камень, мель', 'илистая или песчаная мель, отмель', люд. *luod*, *luodo* 'скалистый островок', 'подводная скала, риф', ливв. *luodo* 'маленький остров', 'каменистая отмель', 'находящийся под водой утес', вепс. *lod*, *lodo* 'мель, отмель', эст. *lood* 'подводная скала', 'каменистый островок', 'отмель', 'сухая сланцевая равнина', 'безлесный маленький лесистый островок' [SKES, 1974–1981: 313; SSA 2, 1995: 111]². Вепс. *luda* 'находящийся в море камень или скала' < русск. [SSA 2, 1995: 111].

Несомненно, заимствованными являются *лундушко* 'окно воды в болоте' (Влг.: Выт.), *лунá* 'небольшой торфяник на возвышенном месте, в бору' (Влг.: Череп.) [СРГК 3, 1995: 157]: < приоб.-фин., ср., фин. *lonne* (род. п. *-nteen*) 'ложбина, долина', *lontto* 'ложбина, лощина', эст. диал. *lont* ~ *lunt* (род. п. *-ndi*) 'лощина, лужа' = ? морд. эрз. *londadoms*, мокш. *loñde'däms* 'проваливаться, рушиться, опускаться' [SKES, 1974–1981: 302–303].

Основным заимствованным репрезентантом идеограммы 'заболоченное место' является *лива* 'сырое низкое место, низина' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Нянд., Пин., Плес., Прим., С.-Дв., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., Ваш., В.-Важ., Влгд., Вож., В.-Уст., К.-Г., Кир., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Сок., Тарн., Тот., У.-Куб., Хар.; Киров.: Даров., Котл., Халт.; Костр.: Галич., Кологр., Костр., Мант., Меж., Нейск., Парф., Пыщуг., Сол., Чухл., Шар.; Яр.: Люб.) [КСГРС], 'низкое болотистое место' (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Леш.,

² О передаче приоб.-фин. *uo* > русск. *y* см.: [Калима, 1919: 56–57]. Этимология разрабатывается: [Фасмер 2, 1967: 528; Матвеев, 2001: 218–219].

Мез., Нянд., Он., Пин., Прим., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., Ваш., В.-Важ., Вож., Гряз., К.-Г., Кир., М.-Реч., Тарн., Тот., Хар.) [КСГРС], (Влг.: Баб., В.-Важ., Влгд., Вож., В.-Уст., К.-Г., Нюкс., Сок., Тарн., Тот.) [СВГ 4, 1993: 57], (Костр.: Антр.) [ЯОС 6, 1987: 20], 'моховое болото' (Влг.: Бабуш.) [КСГРС], 'топкое болотистое место' (Киров.: Халт.; Костр.: Галич., Кологр., Мант., Нейск.) [КСГРС], (Арх.) [Подвысоцкий, 1885: 84], 'зыбкое, топкое место в болоте' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Леш., Нянд., Он., Плес., Прим., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., Ваш., Вож., Выт., Кад., К.-Г., Кир., М.-Реч., Сямж., Хар., Чаг.) [КСГРС], (Влг.: Баб., В.-Важ., Вож., В.-Уст., К.-Г., Ник., Нюкс., Тарн., Тот., У.-Куб.) [СВГ 4, 1993: 57], (Олон.) [Куликовский, 1898: 51], (Арх.: Он.; Влг.: Бел., Ваш., Кад., Кир.; Карел.: Пуд.; Мурм.: Тер.) [СРГК 3, 1995: 161–162], 'окно воды в болоте' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Он., Плес.; Влг.: Баб., Бел., Ваш., Выт., Кир., У.-Куб., Хар.) [КСГРС], 'край болота' (Арх.: Шенк.; Влг.: В.-Важ., Вож., К.-Г.) [КСГРС], 'болотистый, топкий, зарастающий берег реки, озера' (Арх.: Вин., Карг., Кон., Леш., Мез., Нянд., Пин., Плес., Шенк.; Влг.: Бел., Ваш., Вож., К.-Г., Кир., Ник., Нюкс., Сямж., У.-Куб., Хар.; Костр.: Галич.) [КСГРС], 'топкое место, заливаемое водой и поросшее осокой, мхом, кустарником' (Помор.) [Гемп, 2004: 293; Мосеев, 2005: 78], (Яр.: Рыб.) [ЯОС 6, 1987: 20], 'лес на сыром, болотистом месте' (Арх.: Прим.; Влг.: Кир.) [КСГРС], (Арх.) [Подвысоцкий, 1885: 84], (Вят.) [Даль 2, 1955: 275], 'грязь, грязное место' (Арх.: Вель., Вил., Вин., Карг., Мез., Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., Влгд., К.-Г., Ник., Тарн., Тот., Хар.) [КСГРС], 'трава, растущая на болоте' (Арх.: Кон.) [КСГРС].

Фонетические варианты и производные варьируют семантику основного слова: *лыба* 'топкое болото, тряси́на, зыбун' (Арх.: Карг., Нянд.) [КСГРС], *лывенка* 'низкое болотистое место' (Влг.: Тарн., Череп.) [КСГРС], *лывина* 'низкое болотистое место' (Арх.: Вель., В.-Т., Леш.; Влг.: Бел., В.-Уст., Гряз., К.-Г., Ник., Нюкс., Тарн., Тот.) [КСГРС], (Влг.: Баб., В.-Важ., Влгд., К.-Г., Ник., Нюкс.) [СВГ 4, 1993: 57], 'зыбкое, топкое место в болоте' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Нянд., Плес.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Выт., Кад., К.-Г., Тот.) [КСГРС], (Влг.: Баб., В.-Важ., Влгд., Вож., В.-Уст., К.-Г., Ник., Нюкс.) [СВГ 4,

1993: 57], 'болотистый, топкий, зарастающий берег реки, озера' (Арх.: Вин., Кон.; Влг.: Баб., Бел., Вож., Выт.) [КСГРС], 'грязь, грязное место' (Арх.: Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., Кад., К.-Г.) [КСГРС], 'сырое низкое место, низина' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Котл., Уст., Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., В.-Важ., В.-Уст., Гряз., К.-Г., Ник., Нюкс., Чаг., Череп.; Костр.: Кологр., Костр., Меж., Пыщуг., Чухл.; Яр.: Люб.) [КСГРС], (Влг.: Гряз., Ник.) [СВГ 4, 1993: 57], (Арх.: Он.; Влг.: Кад.) [СРГК 3, 1995: 162], (Яр.) [Мельниченко, 1961: 106; ЯОС 6, 1987: 20], 'окно воды в болоте' (Арх.: Карг.; Влг.: Баб., Бел., Вож., Выт., Кад., Хар.; Костр.: Чухл.) [КСГРС], 'протока между болотами' (Арх.: Вин.) [КСГРС], 'кочка, бугор на болоте' (Арх.: Карг.) [СРГК 3, 1995: 162], *лывинка* 'сырое низкое место, низина' (Влг.: Баб., Бабуш., К.-Г., Ник.; Костр.: Костр.; Яр.: Люб.) [КСГРС], 'зыбкое, топкое место в болоте' (Влг.: Череп.) [КСГРС], *лывишка* 'сырое низкое место, низина' (Влг.: Бел.) [КСГРС], *лывка* 'болотистый, топкий, зарастающий берег реки, озера' (Арх.: Кон., Котл., Нянд.) [КСГРС], 'сырое низкое место, низина' (Арх.: К.-Б., С.-Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., Влгд.; Костр.: Нейск.) [КСГРС], 'зыбкое, топкое место в болоте' (Арх.: Кон.) [КСГРС], 'окно воды в болоте' (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС], *лывня* 'зыбкое, топкое место в болоте' (Влг.: Баб.) [КСГРС], *лыво* 'сырое низкое место, низина' (Влг.: Сок.) [СВГ 4, 1993: 57], *лывяк* 'то же' (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС], *пролыва* 'топкое место на болоте' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *пролывина* 'то же' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *лывинно* 'сыро, влажно' (Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *лывистый* 'сырой, болотистый' (Арх.: Карг.; Влг.: Бабуш., В.-Важ., К.-Г.) [КСГРС], *лывный* 'сырой, болотистый' (Влг.: Тот.; Костр.: Галич.) [КСГРС], 'растущий в болотистой низине' (Арх.: Прим., Шенк.; Влг.: Гряз., М.-Реч., Ник., Нюкс., Сок.) [КСГРС], ср. *лыва* 'большая лужа, яма с водой' (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Прим., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., В.-Уст., Гряз., К.-Г., Кир., М.-Реч., Ник., Нюкс., Сок., Сямж., Тот., У.-Куб., Хар., Чаг., Череп.; Киров.: Халт.) [КСГРС], (Арх.: Карг., Он., Плес.; Влг.: Бел., Ваш., Выт., Кир.; Ленингр.: Бокс.; Мурм.: Тер.) [СРГК 3, 1995: 161], (Арх.) [Подвысоцкий, 1885: 84], (Арх.; Вят.) [Опыт, 1852: 106], (Влг.: Влгд., В.-Уст., Кадн., Тот., Ярен.) [Ди-

лакторский, 1902: 242], (Влг.: В.-Важ., Влгд., Вож., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Нюкс., Сок., Сямж., Тот., У.-Куб., Хар.) [СВГ 4, 1993: 56–57], (Олон.) [Куликовский, 1898: 51], (Новг., Сев.) [Даль 2, 1955: 275], (Яр.: Ареф.; Костр.: Нейск., Парф., Сол.) [ЯОС 6, 1987: 20], *лы́венка* ‘то же’ (Арх.: Леш.) [КСГРС], *лы́вина* ‘то же’ (Арх.: Вель., В.-Т., Карг., Котл., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., Выт., Гряз., Кир., Ник., У.-Куб.; Костр.: Антр., Меж., Остр., Сол., Шар.) [КСГРС], (Влг.: В.-Уст., К.-Г., Ник., Нюкс., Сямж.) [СВГ 4, 1993: 57], (Влг.: Выт., Кад.) [СРГК 3, 1995: 162], (Кольск.) [Меркурьев, 1979: 83], (Сев.) [Даль 2, 1955: 275], (Костр.: Антр.) [ЯОС 6, 1987: 20], *лы́винка* ‘то же’ (Арх.: Карг.) [СРГК 3, 1995: 162], *лы́вка* ‘то же’ (Арх.: К.-Б., Кон., Котл., Лен.; Влг.: М.-Реч., Сок.) [КСГРС], (Сев.) [Даль 2, 1955: 275].

Хорошо освоенное заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. фин., карел. *liiva* ‘ил, тина’, фин. ‘ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса’, *liva* ‘слизь’, карел. *liiva* ‘то же’, ливв. *liivu* ‘ил’, люд. *liv, live* ‘то же’ [SKES, 1974–1981: 294; SSA 2, 1995: 75], фин., карел. *liiva* ‘морской ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса’, эст. *liv* ‘песок’ [Kalima, 1919: 157; Фасмер 2, 1967: 539; Чайкина, 1975: 30–31]. В памятниках письменности слово *лыва* и его варианты фиксируются с XIV в. [Срезневский 1, 1890: 927]. Русск. > вв. *лыва* ‘песок’ [ССКЗД, 1961: 207, 385], печ. *лыва* ‘песок’ [ПД, 1976: 77], м.-з. *лыва* ‘неширокая глубокая речка (протекающая по низменной, болотистой местности)’ [НРС, 1965: 196].

Лексема *лы́ла* ‘зыбкое, топкое место на болоте’ (Влг.: Ваш.) [КСГРС] интерпретируется в сопоставлении с приб.-фин., ср. фин. *löyly*, ижор. *löülü*, карел. *löyly*, люд. *l’öul’*, *löülü*, вепс. *l’öl’*, *lölü*, *l’öul* ‘пар’ [SKES, 1974–1981: 323; SSA 2, 1995: 131]. Ономаσιологическая параллель представлена в русск. *парик* ‘глубокое

топкое место в болоте, не замерзающее зимой’ (Влг.: Баб., Бел.) [КСГРС].

Имеющее значение ‘сырой участок почвы’ слово *лы́пальница* (Арх.: В.-Т.) при учете соответствия приб.-фин. *и* ~ субстр. *у* (> русск. *ы*) может быть сопоставлено с фин. *lurra, lurro, lurri* ‘бородатый лишай’, диал. также ‘плохая трава’, ‘опавший сор цветущих злаковых растений’, карел. *lurro* ‘бородатый лишай’ [SSA 2, 1995: 112]. Источник заимствования – образование с суффиксом *-l-*, имеющим локативную семантику. Исходное значение для **лы́пала* реконструируется как ‘место, поросшее бородатым лишаем, плохой травой’: бородатый лишай произрастает в зоне хвойных лесов, растет на деревьях и камнях, отдает предпочтение очень влажным и освещенным участкам. Суффикс *-ниц-* русского происхождения, частотен в наименованиях географических объектов.

Для лексемы *ля́хта* ‘грязное, сырое место на берегу водоема’ (Арх.: К.-Б.) [КСГРС] исходным значением надо считать ‘ключ, родник’, ср. люд. *lähte* ‘источник, ключ, родник’, ‘исток реки’, ‘колодец’, ‘прорубь, полынья’, вепс. *lähte* ‘колодец’, ‘прорубь, полынья’ ~ фин. *lähde* ‘источник, ключ, родник’, ‘исток реки’, ‘колодец’ [SKES, 1974–1981: 319; SSA 2, 1995: 121].

Карельское происхождение имеет *ля́ча* ‘низкое сырое место; широкая впадина с отложениями краями, обычно заполненная водой’ (Влг.: Бабуш.) [СВГ 4, 1993: 66]: < ливв. *l’äčäk-kö* ‘пологий, плоский’ [Макаров СКЯ, 1990: 196], *lätšissä* ‘плющить, сдавливать’, ~ фин. *lätistä* ‘то же’ [SSA 2, 1995: 128].

В целом для основного корпуса лексем наиболее близкими являются вепско-карельские данные, однако для ряда слов следует предполагать субстратные языки-источники заимствования прибалтийско-финского типа.

(Продолжение в следующем номере)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА (с используемыми сокращениями)

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовоной. – Вып. 1–. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980–.

- БКРС – *Бойко Т.П.* Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). – Петрозаводск: Периодика, 2016.
- БФРС – Большой финско-русский словарь / под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. – М.: Живой язык, 2001. – 816 с.
- Галинова Н.В.* Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями «гнуть», «вертеть», «вить» в говорах Русского Севера: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 294 с.
- Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. – М.: Наука, Архангельск: Поморский университет, 2004. – 637 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М.: Терра, 1955.
- Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – Вологда: Наука, 1902. – 677 с.
- Доп.-Опыт – Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. – 328 с.
- Игушев Е.А.* Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1972. – 153 с.
- КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина).
- Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1898. – 151 с.
- КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 431 с.
- Макаров СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. – Петрозаводск: Карел. науч. центр АН СССР, 1990. – 495 с.
- Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. – 162 с.
- Матвеев А.К.* Аpellятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 2. – С. 29–42.
- Матвеев А.К.* Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. – 1968. – № 1. – С. 27–37.
- Матвеев А.К.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: дисс.... на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. – М., 1970. – 558 с.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Часть 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346 с.
- Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера II // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 44–49.
- Матвеев А.К.* Этимологизация субстратных топонимов и аpellятивные заимствования // Этимология 1971. – М.: Наука, 1973. – С. 332–355.
- Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1961. – 224 с.
- Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. – Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1979. – 184 с.
- МокшРС – Мокшанско-русский словарь: 41 000 слов / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М.: Русский язык; Дигора, 1998. – 920 с.
- Мосеев И.И.* Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. – Архангельск: Поморское Возрождение, 2005. – 138 с.
- Муллонен И.И.* Вепская ландшафтная терминология в гидронимии бассейна р. Ояти // Советское финно-угроведение. – 1983. – № 2. – С. 99–104.
- Муллонен И.И.* Субстратные элементы в лексике вепского языка // Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго науч. совещ. 17–19 апреля 1996 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – С. 34–35.
- Мызников С.А.* О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования), 2010. – СПб.: Наука, 2010. – С. 298–312.
- НОС – Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. – Новгород: Изд-во Новгород. пединститута, 1992–1995. – Вып. 1–12.
- НРС – Ненецко-русский словарь / сост. Н.М. Терещенко. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 942 с.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. – 275 с.
- ОФЯ – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 347 с.

- ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 154 с.
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. – 198 с.
- Пунжина СКЯ – Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. – Петрозаводск: Карел. науч. центр АН СССР, 1994. – 396 с. СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда: Вологодский гос. пединститут, 1983–2007. – Вып. 1–11.
- СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. – Л.: Наука, 1972. – 747 с.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. – Т. 1–6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014.
- СМЯ – Словарь марийского языка. – Т. 1–10. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л.А. Ивашко. – Т. 1–2. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003, 2005. – 553 с., 470 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–. – М.; Л.: Наука, 2002–.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 455 с.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1–3. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890–1903.
- Субботина Л.А. Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии // Методы этимологических исследований (Вопросы ономастики. Вып. 16.). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1983. – С. 81–88.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.
- ТК СТЭ – Топонимическая картотека Севернорусской топонимической экспедиции.
- УД – Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. – М.: Наука, 1990. – 285 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.
- ФРЛТС – Ягодкин Н.Н. Финско-русский лесотехнический словарь. – Таллинн: Лорис, 1996. – 504 с.
- Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. пед. институт, 1975. – С. 3–187.
- Шилов А.Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 3–21.
- ЭрзРС – Эрзянско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1993. – 803 с.
- ЭРС – Тамм И. Эстонско-русский словарь. – Таллинн: Валгус, 1988. – 768 с.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.
- KKLS – *Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU, XV. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1958. – 1236 s.*
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XLIV. – Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 1919. – 265 s.*
- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1989. – 180 s.*
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XII. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1958–1981. – 2293 s.*
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus ja Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. – O. 1. – 486 s., O. 2. – 470 s., O. 3. – 503 s.

СОКРАЩЕНИЯ

1. В географических названиях

Антр.	– Антроповский район Костромской области	В.-Важ.	– Верховажский район Вологодской области
Ареф.	– Арефинский район Ярославской области	Вель.	– Вельский район Архангельской области
Арх.	– Архангельская область (губерния), г. Архангельск	Вел.	– Вельский уезд Вологодской губернии
Баб.	– Бабаевский район Вологодской области	Вил.	– Вилегодский район Архангельской области
Бабуш.	– Бабушкинский район Вологодской области	Вин.	– Виноградовский район Архангельской области
Бат.	– Батецкий район Новгородской области	Влг.	– Вологодская область (губерния)
Бел.	– Белозерский район Вологодской области	Влгд.	– Вологодский район Вологодской области
Белом.	– Беломорский район Карелии	Вож.	– Вожегодский район Вологодской области
Бокс.	– Бокситогорский район Ленинградской области	В.-Т.	– Верхнетоемский район Архангельской области
Борович.	– Боровичский район Новгородской области	В.-Уст.	– Великоустюгский район Вологодской области
Ваш.	– Вашкинский район Вологодской области	Выт.	– Вытегорский район Вологодской области

Выг.	– Вытегорский уезд Олонецкой губернии	Нянд.	– Няндомский район Архангельской области
Вят.	– Вятская губерния	Олон.	– Олонецкая губерния
Галич.	– Галичский район Костромской области	Он.	– Онежский район Архангельской области
Гряз.	– Грязовецкий район Вологодской области	Остр.	– Островский район Костромской области
Даров.	– Даровский район Кировской области	Парф.	– Парфентьевский район Костромской области
Запечор.	– Запечорский уезд Архангельской губернии	Пест.	– Пестовский район Новгородской области
Кад.	– Кадуйский район Вологодской области	Печор.	– Печорский уезд Архангельской губернии, басс. р. Печора
Кадн.	– Кадниковский уезд Вологодской губернии	Пин.	– Пинежский район Архангельской области
Канд.	– Кандалакшский район Мурманской области	Плес.	– Плесецкий район Архангельской области
Карг.	– Каргопольский район Архангельской области	Подп.	– Подпорожский район Ленинградской области
Карг.	– Каргопольский уезд Олонецкой губернии	Помор.	– Поморье (побережье Белого моря)
Карел.	– Республика Карелия	Прим.	– Приморский район Архангельской области
К.-Б.	– Красноборский район Архангельской области	Прион.	– Прионежский район Карелии
К.-Г.	– Кичменгско-Городецкий район Вологодской области	Пуд.	– Пудожский район Карелии, Пудожский уезд Олонецкой губернии
Кем.	– Кемская волость Архангельской губернии, Кемский район Карелии	Пыщуг.	– Пыщугский район Костромской области
Кир.	– Кирилловский район Вологодской области	Рыб.	– Рыбинский район Ярославской области
Киров.	– Кировская область	С.-Дв.	– район г. Северодвинска
Кологр.	– Кологривский район Костромской области	Сев.	– Север
Кольск.	– Кольский полуостров	Севмор.	– Североморский район Мурманской области
Кон.	– Коношский район Архангельской области	Сег.	– Сегежский район Карелии
Кондоп.	– Кондопожский район Карелии	Сок.	– Сокольский район Вологодской области
Костр.	– Костромская область, Костромской район Костромской области	Сол.	– Солигаличский район Костромской области
Котл.	– Котельничский район Кировской области	Солец.	– Солецкий район Новгородской области
Лен.	– Ленский район Архангельской области	Сямж.	– Сямженский район Вологодской области
Ленингр.	– Ленинградская область	Тарн.	– Тарногский район Вологодской области
Леш.	– Лешуконский район Архангельской области	Тер.	– Терский район Мурманской области
Лод.	– Лодейнопольский район Ленинградской области	Тихв.	– Тихвинский район Ленинградской области
Лоух.	– Лоухский район Карелии	Тот.	– Тотемский район Вологодской области
Люб.	– Любытинский район Ярославской области	У.-Куб.	– Усть-Кубинский район Вологодской области
Любыт.	– Любытинский район Новгородской области	Уст.	– Устьянский район Архангельской области
Мал.	– Маловишерский район Новгородской области	Устюж.	– Устюженский район Вологодской области
Мант.	– Мантуровский район Костромской области	Халт.	– Халтуринский район Кировской области
Медв.	– Медвежьегорский район Карелии	Хар.	– Харовский район Вологодской области
Меж.	– Межевской район Костромской области	Хв.	– Хвойнинский район Новгородской области
Мез.	– Мезенский район Архангельской области	Холм.	– Холмогорский район Архангельской области
Мош.	– Мошенский район Новгородской области	Чаг.	– Чагодощенский район Вологодской области
М.-Реч.	– Междуреченский район Вологодской области	Череп.	– Череповецкий район Вологодской области
Мурм.	– Мурманская область	Чухл.	– Чухломской район Костромской области
Нейск.	– Нейский район Костромской области	Шар.	– Шарьинский район Костромской области
Ник.	– Никольский район Вологодской области	Шенк.	– Шенкурский район Архангельской области
Новг.	– Новгородская область (губерния), Новгородский район Новгородской области	Яр.	– Ярославская область
Нюкс.	– Нюксенский район Вологодской области	Ярен.	– Яренский уезд Вологодской губернии

2. В названиях языков и диалектов

вв.	– верхневьегодский диалект коми языка	ливск.	– ливский язык
вепс.	– вепсский язык	лул.	– диалект Луле саамского языка
водск.	– водский язык	люд.	– людиковский диалект карельского языка
вым.	– вымский диалект коми языка	мар.	– марийский язык
герм.	– германские языки	м.-з.	– малоземельский диалект ненецкого языка
горн.	– горный диалект марийского языка	морд.	– мордовский язык
доперм.	– допермское	мокш.	– мокша-мордовский язык
иж.	– ижемский диалект коми языка	нв.	– нижневьегодский диалект коми языка
ижор.	– ижорский язык	ненец.	– ненецкий язык
ин.	– диалект Инари саамского языка	норв.	– норвежский диалект саамского языка
карел.	– карельский язык	нот.	– нотозерский диалект саамского языка
кильд.	– кильдинский диалект саамского языка	патс.	– диалект Патсойки саамского языка
кольск.	– кольский диалект саамского языка	печ.	– печорский диалект коми языка
ливв.	– ливвиковский диалект карельского языка	прасаам.	– прасаамский язык

приб.-фин.	– прибалтийско-финские языки	уд.	– удорский диалект коми языка
приб.-фин.-саам.	– прибалтийско-финско-саамское	фин.	– финский (суоми) язык
русск.	– русский язык	ф.-у.	– финно-угорские языки
саам.	– саамский язык	швед.	– шведский диалект саамского языка
скр.	– сыктывкарский диалект коми языка	эрз.	– эрзя-мордовский язык
твер.	– тверской диалект карельского языка	эст.	– эстонский язык
терск.	– терский диалект саамского языка	юж.-карел.	– южнокарельский диалект

3. Прочие

диал.	– диалектное	ср.	– сравни
пок.	– покос	субстр.	– субстратное
род. п.	– родительный падеж	уменьш.	– уменьшительное

Olga Teush

BALTIC-FINNISH ORIGIN, THE LEXICON WITH THE SEMANTICS OF «WETLAND» IN THE DIALECTS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

The article is devoted to lexemes borrowed from the Baltic-Finnish languages, nominating areas of marshland in the dialects of the European North of Russia. The whole complex of lexemes is analyzed from the point of view of the origin of words and their semantic connections. Languages – sources of borrowing are revealed.

Key words: lexeme; semantics; meaning; Russian language; Baltic-Finnish languages.

Теуш Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент Уральского федерального университета
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
e-mail: olga.teush@yandex.ru

Olga Teush

Candidate of Philology,
Associate Professor, The First President of Russia
B.N. Yeltsin Ural Federal University,
Yekaterinburg
e-mail: olga.teush@yandex.ru

УДК 811.511.132'373

ЗНАЧЕНИЯ ДРЕВНЕКОМИ НАЗВАНИЙ МЕСЯЦЕВ УРАСЬОМ 'ФЕВРАЛЬ' И КОСМУ 'АПРЕЛЬ'

© 2019 г. Е.А. Цыпанов

Статья посвящена двум проблемным моментам в освещении значений древнекоми названий месяцев *февраль* и *апрель*, представлены возможные, более логичные объяснения основания для номинации этих месяцев, отличающиеся от общепринятых в коми языкознании позиций.

Ключевые слова: коми язык; лексика; названия месяцев; семантика названий.

В коми языке уже издавна укоренились интернациональные названия месяцев, заимствованные через русский язык. Хотя многие названия в устной речи были фонетически адаптированы, вплоть до последнего издания орфографического словаря коми языка они писались так, как принято в русском языке, для сравнения, *июль*, *июнь*, *декабрь*, *январь* с мягким знаком в конце. Такая «традиция» началась в 1940-е гг., когда считали, что правописание заимствованных слов в русской орфографи-

ческой форме будет способствовать лучшему усвоению русского языка коми-зырянами. Однако у коми сохранились и древнекоми названия месяцев, которые в последние десятилетия в какой-то мере восстанавливаются, т.е. становятся атрибутом современного литературного языка: январь – төв шөр, февраль – урасьом, март – рака, апрель – косму, май – ода-кора, июнь – лөддза-номъя, июль – сора, август – моз, сентябрь – коч, октябрь – йирым, ноябрь – вольгым, декабрь – ошым (табл. 1).

Таблица 1

Наименования месяцев в коми языке

месяцы	написание традиционных месяцев	произношение традиционных месяцев	древнекоми названия
январь	январь	й а н в а р	төв шөр
февраль	февраль	ф е в р а л' / п е в р а л'	урасьом
март	март	м а р т	рака
апрель	апрель	а п р е л'	косму
май	май	м а й	ода-кора
июнь	июнь	й у н'	лөддза-номъя
июль	июль	й у л'	сора
август	август	а в г у с (т)	моз
сентябрь	сентябрь	с' е н' т' а б (р)	коч
октябрь	октябрь	о к т' а б (р)	йирым
ноябрь	ноябрь	н о й а б (р)	вольгым
декабрь	декабрь	д' е к а б (р)	ошым

Список коми названий месяцев содержится в Церковном уставе за 1608 г., в описании рукописей Румянцевского музея А.Х. Восто-

ковым, где приведены названия месяцев на римском, египетском, еврейском, эллинском, русском и пермском языках [Сидоров, Лыт-

кин, 1966: 123]. Правильному прочтению и расшифровке значения слов посвящена статья А.С. Сидорова и В.И. Лыткина «Древнекоми названия месяцев» (1966). Однако по поводу раскрытия истории двух названий и их значений у автора настоящей статьи появились иные альтернативные решения.

1. **Вурасьём / урасьём (тёлысь)** ‘февраль’. В древних документах имеется двойное написание месяца: в Церковном уставе – *воурсим*, в иных местах – *урсимь*, однако в вышеназванной статье в качестве итоговой формы прочтения приводятся варианты *урс’ым* и *урас’ём* [Сидоров, Лыткин 1966: 126]. Исходя из такого прочтения, традиционно в обыденной речи значение месяца многие ученые и краеведы выводили из фонетически созвучного глагола *урасьны* ‘охотиться на белок’, т.е. название толковалось как «месяц охоты на белок», что вовсе не соответствует жизненным реалиям в традиционном охотничьем хозяйстве коми. Дело в том, что на белок охотятся по малому снегу, начиная с осени и заканчивая к середине зимы, к Рождеству, а в феврале белок уже не промышляют. Довольно эмоционально такие доводы приводит коми писатель Юрий Васютов в одном своем очерке: «*Быдён тёдд, мый февраль тёлъсьё ни Удораын, ни Коми муын мукдлаын ур кыйны он вермы: вöрас лым-йыс! Не сöмын понйыд, ачыд лызьнас вöян. Да и турöбъяс на шутьялöны. Кыдз шуласны, татшöм поводдянас вöралъсь и понсö оз лэдз ывла ылö*» [Васютов, 2004: 13] ‘Каждый знает, что в феврале месяце ни на Удоре, ни в других местах Коми края добывать белку невозможно: в лесу снега полно! Не только собака, сам с лыжами провалишься (*досл.* утонешь). К тому же метели насвистывают. Как говорится, в такую погоду охотник и собаку не выпустит на улицу’. Однако такое возможное объяснение семантики названия в своей статье А.С. Сидоров и В.И. Лыткин допускают [1966: 126]. Такая общепринятая версия не подтверждается жизненными реалиями, т.к. в феврале уже завершается охота на пушных зверей, в т.ч. и на белок.

Сидоров А.С. и Лыткин В.И. предлагают также другое объяснение истории слова: от корня *урсым* или *урсим* ‘ненастье’, ср. коми *урöс* ‘хилый, неопрятный’, *урöк* ‘порча’, *ур-*

савны ‘сглазить’, нижевычегодское слово *урöситны*, ижемское *урес’иччыны* ‘упрямиться (о лошади); капризничать (о ребенке)’, приводится также удмуртское слово *урод* ‘плохой, дурной, худой’ [Сидоров, Лыткин 1966: 125]. Авторы допускают, что когда-то в прошлом, возможно, *ур-* и *урöс* употреблялись для указания на ненастную погоду, но в современных диалектах эти слова применяются для характеристики лишь одушевленных реалий. Это объяснение маловероятно уже по той причине, что основы *ур-*, *урöс-* проникли в коми язык относительно поздно из русских диалектов, ср. следующие слова: *урос* I ‘упрямец, норовистый конь’, арханг. (Подв.), *уросить* ‘упрямиться, упираться’. Широко распространено толкование из тюрк. *urug* ‘русский’, потому что татары считают русских упрямыми, II ‘неудачная ловля’ [Фасмер, 1987: 169]. Удмуртское слово *урод* также является русским заимствованием [Фасмер, 1987: 168].

Поэтому неправомерно, на наш взгляд, игнорировать народное объяснение названия месяца как «месяц шитья», ср. коми *вурны* ‘шить’, *вурасьны* ‘заниматься шитьём’. В этом слове начальный согласный *в* не является поздним по происхождению, что доказывается соответствиями из родственных языков: удм. *вурныны* ‘шить’, венгр. *varnni* ‘тж’, доперм. *warkz* [КЭСК, 1999: 70]. Поэтому предлагается иное толкование значения названия – «месяц шитья», т.к. зимой, в феврале, в крестьянских домах раньше усиленно шили и латали одежду и обувь на все весенне-летние месяцы. Исчезновение начального *в*, предположительно, произошло в ходе многочисленных переписок писцами.

2. **Косму (тёлысь)** ‘апрель’. Древнекоми название месяца апрель содержится в церковном Уставе 1608 г. в форме *космоусь* вместе с названиями месяцев на римском, египетском, еврейском, эллинском, русском языках. Как уже было представлено, древнекоми язык в уставе именовался *пермским*. Многими специалистами и писателями, краеведами справедливо указывалось на явное несоответствие значения названия месяца северным реалиям, когда в апреле земля на территории Республики Коми ещё вовсе не сухая, а грязная или даже снежная. Для прошлых десятилетий

в Республике Коми было привычным встречать начало схода снега и ледоход лишь в конце апреля. Г.С. Лыткин расшифровывает запись как *куш му* ‘обнаженная земля’, А.С. Сидоров и В.И. Лыткин дают другое прочтение – *кос му* ‘сухая земля’ и *косьмысь му* ‘высыхающая земля’, добавляя следующий вывод: «Слову *космоусь* можно дать и другую расшифровку – *кос’мыс’ му* ‘высыхающая земля’. При таком чтении устраняется неувязка между названием месяца и состоянием природы: в это время под яркими лучами солнца действительно высыхает земля» [Сидоров, Лыткин, 1966: 127]. По нашему мнению, такая неувязка никак не устраняется и при допущении предложенного В.И. Лыткиным варианта. Однако ситуация

вполне объяснима иными причинами, а именно тем, что древнекоми календарь как система сложился в те далекие времена, когда древние коми проживали ещё гораздо южнее, в Прикамье, где климат был гораздо мягче, весна была более ранняя и в апреле земля действительно была уже сухая, высыхала.

Значение названия месяца указывает на более южную древнюю прародину всех коми. Модифицированная модель лингвоэтногенеза пермян как раз допускает то, что территориально коми сформировались к началу II тысячелетия как этнос в Прикамье, т.е. намного южнее нынешних районов обитания коми-зырян, об этом подробнее см. [Цыпанов, 2015: 159–187].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Васютов Ю.* Дженьыдик висетьгъс // Войвыв кодзув. – Сыктывкар, 2004. – № 7. – С. 7–13.
КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.
Сидоров А.С., Лыткин В.И. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1966. – № 2. – С. 123–129.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. IV. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
Цыпанов Е. Модифицированная модель лингвоэтногенеза пермян // Congressus Diodecimus Internationalis Fenno-ugristarum, Oulu 2015. Plenary Papers. – Oulu: Oulun yliopisto, 2015. – С. 159–187.

Evgeniy Tsypanov

THE MEANING OF THE WORDS *УРАСЬӦМ* ‘FEBRUARY’ AND *КОСМУ* ‘APRIL’ IN THE OLD KOMI LANGUAGE

The article is devoted to two prolem issues in the interpretation of the names of months *урасьӦм* ‘February’ and *косму* ‘April’ in the Old Komi Language. It presents possible, more logical explanations of their nomination base, which is different from the common views in the Komi language.

Key words: the Komi language; vocabulary; months nomination; semantics of names.

Цыпанов Евгений Александрович

доктор филологических наук,
заместитель директора по научным вопросам,
заведующий отделом языка, литературы и фольклора
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Evgeniy Tsypanov

Doctor of Philology, Deputy Director for Research,
Head of the Department of Language, Literature
and Folklore, The Institute of Language, Literature and
History of The Komi Research Centre, The Ural Branch
of The Russian Academy of Sciences,
Federal Research Centre «Komi Research Centre
of The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences»,
Syktyvkar
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

УДК 811.511.151

О СОЮЗАХ СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019 г. Г.А. Эрцикова

В статье рассматриваются марийские союзы со следственной семантикой. За исключением союза *так что* 'так что', восходящего к русскому источнику, остальные связующие средства этой группы являются собственно марийскими. Единицы, образованные на базе слов собственного языка, встречаются в разных стилях речи и передают в предложении причинно-следственное отношение. Позиция следственных союзов в структуре предложения не является строго фиксированной.

Ключевые слова: марийский язык; союзы следствия; происхождение; семантика; стилистические особенности; позиция; конкретизаторы.

В марийском языке значение следствия в «чистом виде» (неосложненное другими значениями) передается только одним союзом г., л. *так что* 'так что'. Этот союз заимствован из русского языка [Сибатрова, 2016: 38] и больше характерен для разговорной речи, особенно для «смешанных высказываний» [Гаврилова, 2014: 99]. В небольшом количестве он встречается и в художественных произведениях. Как и в языке-источнике, используется для соединения частей сложноподчиненного предложения, отдельных предложений в тексте. Позиция в структуре предложения является свободной, но чаще всего находится в начале присоединяемой конструкции. Придаточная часть со следственным союзом располагается после главной части.

Примеры: г. *А тӓ, манеш (nana), Федор Иванович, <...> ыльымӓш корнышты те-хень ыдӓрым вӓшлидӓ, кыдын доно куры-мешок ыӓшӓн лидӓ. Так что нимат идӓ тыргыжланы* [Канюшков, 1973: 86] 'А вы, говорит (старушка), Федор Иванович, в жизненном пути такую девушку встретите, с которой навсегда будете счастливы. Так что ничего не беспокойтесь'. (Лейтенант – патриотвлӓдӓн:) *Сола кок вуйыштат пуле-мӓтвлӓ шӓйнзӓт. Так что тӓландӓ сола вуй гӓц пыраш ак кел* [Беляев, 1950: 34] '(Лейтенант – патриотам:) На обоих концах

деревни стоят пулеметы. Так что вам не надо заходить с конца деревни'.

л. *Меат ялеш шочын-кушкыннас, так что шочмо верым нимолан каргаи* [Корнилов, 1977: 71] 'Мы тоже родились и выросли в деревне, так что родной край незачем проклинать'. *Йошкар-Олаште ылыше ик йолташыже арам огыл Никандр Сергеевичлан тыге возен: «Тыйым марий интеллигенций, марий калык пагала, ик популярный писательлан шотла. Так что пашаитет кугу успехым гына желатлена...»* [Лекайн, 1987: 21] 'Живущий в Йошкар-Оле один из друзей Никандра Сергеевича не зря писал так: «Тебя уважает марийская интеллигенция, марийский народ, считает одним из популярных писателей. Так что в твоей работе желаем только больших успехов...»'.

Некоторые из исследователей к союзам следствия относят также сочетания г. *тенге (тыӓнге) гӓнь*, л. *туге гын* 'если так' [Учаев, 1985: 151–152; СМЯ, 2002: 233; Мустаев, 2013: 313, 369; Сибатрова, 2016: 38]. Эти конструкции являются калькой из русского языка, буквально переводятся как «так если». Мы считаем, что в данных сочетаниях г. *тенге (тыӓнге)*, л. *туге* – это наречия, которые употребляются в функции сказуемого, а г. *гӓнь*, л. *гын* 'если' – условные союзы. Рассматриваемые выражения являются частью высказывания. Они могут семантически

дополнять предложение, находясь на любом месте. В предложении всегда выделяются запятой.

Например: г. (Сѣмион:) – *Блшклым мѣнь нимат шѣм ѣштѣ. Блшкал ѣшкеок самынь лѣлтѣнѣт, колен. – Тенге гѣнь, тѣлѣнет нимат ак ли. Блшкал тѣрѣм тѣлѣнет тѣлѣмѣлѣ агыл, – маныт* [Сузы, 1976: 42] '(Симеон:) – Я ничего не сделал с коровой. Корова сама попала в несчастье, умерла. – Если так, тебе ничего не будет. За корову тебе не надо платить, – говорят'. (В приведенном примере наречие *тенге* 'так' использовано в функции сказуемого *шѣц ѣштѣ* 'не сделал'. Ср.: ... – *Шѣц ѣштѣ гѣнь, тѣлѣнет нимат ак ли.* '... – Если не сделал, тебе ничего не будет').

л. (Эрай:) – *Имне ямде мо? Изши вучалтыза, туге гын* [Ялкайн, 2005: 189] '(Эрай:) – Готова ли лошадь? Немного подождите, если так'. (В данном предложении наречие *туге* 'так' употреблено в функции сказуемого *ямде* 'готова'. Ср.: ... *Изши вучалтыза, ямде гын* '... Немного подождите, если готова').

Марийские лингвисты в группу следственных союзов включают, кроме того, связующие средства г. *седѣндон(о)*, л. *сандене, садлан, садлан кѣра, садлан лийын, садлан верчын, садыге*, г. *тѣндон, тидѣн (тидѣ, ти, тѣ) велдѣк*, л. *тидлан, тудлан, тидлан кѣра, тидлан лийын* 'поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого, из-за этого' [Пенгитов, 1958: 151; Васикова, 1990: 128; СМЯ, 2001: 125, 148; Саваткова, 2002: 259; Мустаев, 2013: 313; Сибатрова, 2016: 38]. Отдельные исследователи их рассматривают в ряду союзных слов [СМЯ, 1961а: 299; СМЯ, 1961б: 78–79; Коведяева, 1976: 86–87; Учаев, 1985: 152; Мустаев, 2000: 366–367].

Интерпретация указанных лексем как союзных слов уязвима, поскольку они, по сравнению с союзными словами, не способны одновременно совмещать функции знаменательного и служебного слова.

По нашему мнению, указанные союзы, являясь союзами дифференцированных значений, передают в языке причинно-следственную семантику – роль квалификатора основного причинно-следственного признака принадлежит самим союзам, так как этот признак включен в их лексическую семантику.

В эту же группу следует включить синонимичные вышеназванным единицам составные союзы г. *седѣ велдѣк*, л. *тидлан верчын, тудлан верчын*.

По происхождению все единицы являются собственно марийскими: простые союзы л. *садлан*, л. *тидлан, тудлан* – это застывшие формы указательных местоимений *саде* 'тот', *тиде* 'этот', *тудо* 'тот' в дательном падеже; *садыге* образовался из наречия л. *садыге* 'так, таким образом'; сложные единицы г. *седѣндон(о)*, л. *сандене*, г. *тѣндон* произошли в результате слияния указательных местоимений г. *седѣ* 'этот', л. *саде* 'тот', г. *тѣдѣ* 'тот' с собственно марийскими послелогоми с причинной семантикой г. *доно*, л. *дене* 'с, из, из-за'; в составные союзы г. *тидѣн (тидѣ, ти, тѣ) велдѣк*, *седѣ велдѣк*, л. *тидлан кѣра, тидлан лийын, тидлан верчын, тудлан верчын* наряду с компонентами местоименного происхождения (указательные местоимения г. *тидѣ, седѣ* 'этот', л. *тиде* 'этот', л. *тудо* 'тот') вошли послелогии, выражающие отношения причины: г. *велдѣк*, л. *кѣра, лийын, верчын* 'из-за, по причине' [Майтинская, 1982: 108; Сибатрова, 2016: 38–39]. Г. Березки считает, что единицы г. *седѣндон(о)*, л. *сандене, садлан кѣра* – это тюркские кальки в марийском языке [Berezki, 2002: 257].

Анализ иллюстративного материала и данные частотного словаря показывают, что в лугово-восточной литературной норме марийского языка из рассматриваемых союзов наиболее часто встречаемым и употребляемым является *сандене*, на втором месте стоит *садлан* [Зорина, Митрофанов, 2005: 351, 353], далее следуют *садлан верчын, садлан кѣра, садлан лийын, садыге*. По своей стилистической принадлежности союзы л. *сандене, садлан, садлан верчын* – нейтральны, союзам *садлан кѣра, садлан лийын, садыге* больше свойствен разговорный стиль. Союзные средства л. *тидлан, тудлан, тидлан кѣра, тидлан лийын, тидлан верчын, тудлан верчын* встречаются сравнительно редко и больше характерны для художественной литературы. В горномарийской литературной норме марийского языка чаще функционирует союз г. *седѣндон(о)*, единицы г. *тѣндон, тидѣн (тидѣ, ти, тѣ) велдѣк* используются реже.

Лексема г. *седьндон(о)* употребляется во всех стилях речи, другие больше распространены в художественной и разговорной речи.

Причинно-следственные союзы выполняют функцию средства связи частей сложно-подчиненного предложения и функцию межфразовой связи, объединяя формально законченные предложения. Они могут служить для связи абзацев. Подчинительные конструкции, включающие указанные союзы, обычно стоят после главного предложения. Позиция союзов внутри придаточного предложения не является строго фиксированной, они могут занимать любое положение, но чаще всего стоят в начале присоединяемой части.

Примеры: г. (*Рита Аверкийлән сирӓ:*) *Прак-тикйиштыӹ ылмем годымок ти солам яратен колтенӹм ыльы, седьндон эчайт тишкок толаш лим* [Канюшков, 1973: 43] ‘(Рита пишет Аверкию:) Когда была на практике, я полюбила эту деревню, поэтому снова решила приехать сюда’. *Мӓжбӹ (тыгыды кыткывлӓ) яжон ӹленӓ, Тьндон сусун мыренӓ* [Першут, 1963: 107] ‘Мы (муравьи) живем хорошо, поэтому весело поем’. *Шая улы, вуйта ик патыр эдем ти тум тьнгыштыӹ охыр кидӓок мӓскӓм пуштын дӓ, тум укшеш сӓкӓлтенӓт, тьдӹн каваштыжым ньӹктӹн. Тидьн велдӹк вуйта халык ти шонгы тумым Мӓскӓ тум манаши тьнгӓлӹн* [Ильяков, 1993: 5] ‘Говорят, будто один смелый человек голыми руками под этим дубом убил медведя и, повесив его на сук дуба, содрал шкуру. Поэтому будто народ стал называть этот старый дуб Медвежьим дубом’. *Кок велнӹ шалгышы кого тумвлӓн важвлӓштыӹ арава кишӓшкӹ ӓнгӹремшӹ падлаок лӓктӹн шӹнзынӹт, седь велдӹк арава тьртӹшвлӓ минут йӹде икӓнӓ ик векӹ тьрӹнялтӹнӹт дӓ кичкӹжмӹ статян йочьрге мыренӹт* [Ильяков, 1993: 6] ‘Корни стоящих с двух сторон больших дубов словно паутины вылезли на дорогу для телеги (букв. на след от телеги), из-за этого колеса телеги каждую минуту наклонялись то в одну, то в другую сторону и скрипели подобно стону’.

л. *Шенгелне воштылмо гыч шоктыш, садлан Кузьма чотрак ешарыш: «Чытызате, ида лорго!»* [Корнилов, 1977: 129] ‘Сзади послышался смех, поэтому Кузьма громче добавил: «Погодите вы, не горланьте!»’ *Пашазе – тӹрлӓ, огеш лий сандене Чы-*

лаштым ик виса дене висаш [Мокеев, 1990: 112] ‘Рабочие – разные, нельзя поэтому всех взвешивать на одних весах’. (*Эвай Пӓтыр:*) *Тидым (коопераций тӓрлатыме пашам) ме ыштен моштен онал, сadyге промышленность ден ялзанлык коклаште паштенге связьым, пашазе ден кресаньык коклаште паштенге ушемьым тӓрлен кертын онал* [Шкетан, 1991: 213] ‘(Эвай Петр:) Мы не сумели сделать это (нормализовать работу кооперации), поэтому не смогли наладить последнюю связь между промышленностью и сельским хозяйством, последний союз между рабочими и крестьянами’. *Ялсовет пашаен-влакын марла возымо шотышт пеш томам, садлан верчын яллашке марий йылме дене кагаз мия гынат, нигдат огеш умыло* [Шкетан, 1991: 217] ‘Работники сельского совета плохо пишут на марийском языке, поэтому хотя и приходят в деревни бумаги, написанные на марийском языке, никто их не понимает’. *А марий тунемше марийым туныкта. Садлан лийын тудлан эн ондак «Йошкар кечым» налман* [Шкетан, 1991: 163] ‘А образованный мариец учит мариюца. Поэтому ему в первую очередь необходимо купить «Йошкар кече»’. *Таче Алиман кум ий ончыч пырля тунемме йолташыже унала толын. Тидлан кӓра тудо пашашкат каен огыл, каныш кечым налын* [Артамонов, 1972: 144] ‘Сегодня к Алиме в гости приехала подруга, с которой они учились вместе три года назад. Поэтому она и на работу не пошла, взяла отгул’. *Вӹдлан эрык кӹлеш, а тудым чоткыдо пӹя кормыжстен шога. Тидлан лийын ажгыныше вӹд пӹя ан гоч агурьши тӓршита, шке семынже урмыжеш, шыдешкен ырла* [Эрыкан, 1958: 41] ‘Воде нужна свобода, а ее перегородили крепкой запрудой. Поэтому взбесившаяся вода прыгает через запруду в омут, воеет по-своему, злобно рычит’. *Ларивон кува сырен шӹвале, но тунамак шыпак мане (Миклай ватылан): – Адак мом ужат-колат – йолетым чот пид. Мый тый денет ожнысек ик ешла илена, тудлан веле ойлем* [Березин, 1975: 29] ‘Жена Ларивона плюнула со злостью, но тут же тихонько сказала (жене Николая): – Что еще увидишь-услышишь – держи язык за зубами (букв. свою ногу крепко завяжи). Мы с тобой издавна живем как одна семья, поэтому только говорю’. *Мемнам тудо (Ленин) / Илыш верчын пашаш уӹжын, // Шке*

тале / Курымашлык вийже ден. // Тудлан верчын / Тудын колымым кажне колын, // Кайык-шамыч / Мурымым чарнышт, // Вудаканге кечыжат [Ипай, 1934: 14] ‘Своей бесстрашной вечной силой он (Ленин) звал нас ради жизни на работу. Поэтому о его смерти услышал каждый, птицы перестали петь, потускнело и солнце’.

Причинно-следственные союзы могут дополняться лексико-семантическими конкретизаторами: усилительно-выделительными частицами г. *-ок*, л. *-ак* ‘-то’, г., л. *теве*, *вот* ‘вот’, г., л. *вет* ‘ведь’, которые придают им дополнительный усилительный оттенок. К союзам г. *седьиндон(о)*, л. *сандене*, *садлан*, кроме того, нередко примыкает усилительно-выделительная частица г., л. *-ат* ‘-то’ с соответствующим значением. Союзы этой группы активно сочетаются с предположительными частицами, вносящими в речь оттенок неопределенности, недостоверности. При них могут выступать также отдельные определительно-уточняющие частицы, придающие союзу дополнительный оттенок конкретизации, и выделительно-ограничительные частицы, выражающие отношения ограничения и выделения. Отдельные из указанных частиц могут использоваться одновременно при одном и том же союзе.

Примеры: г. *А урожай? И гыц шикй со кого. Хожа – яжо, толкан эдем. Седьиндонок вет и ййде район гыц премивлям да благодарностьвлям колхозна получая* [Ильяков, 1994: 71] ‘А урожай? От года год все больше. Хозяин – хороший, толковый человек. Поэтому-то ведь наш колхоз каждый год получает от района премии и благодарности’. *Ориня кыва хынавлям анжелят, шекляналт колмыш <...> Седьиндонат векят тьйды стол лошкыжат йнежйи шьйц ыльы* [Тихомиров, 1985: 75] ‘Старуха Орина посмотрела на гостей и застеснялась <...> Поэтому-то, наверное, она не хотела сесть и за стол’. *Ходорных-ных ылеш, нер доно попа. Седындонок тама* «м» юк вяреш «п» юк шактен мий [Сузы, 1976: 110] ‘Федор – ных-ных, говорит носом. Наверное, поэтому вместо звука «м» слышится «п»’. *Тенгеланля, Феофил Степанович йшке пайшжйи доно довольна ылын. Тидь велдьйок тьйды токыжат шоэн*

веле мийш тьйнгальин [Ильяков, 1993: 615–616] ‘Таким образом, Феофил Степанович был доволен своей работой. Поэтому-то он и домой стал приходить редко’. *Лапка хозан, Сазан Опанас Кьитьйирин, упишй пиш кыйыр ылеш, седь велдьйок Кыйыр Кьитьйи манаши тьйнгальиньит* [Ильяков, 1993: 28] ‘У хозяина магазина, Екатерины Афанасьевны, волосы очень кудрявые, поэтому-то ее стали называть Кудрявая Екатерина’.

л. *Поэт ике произведенийже-влаклан моткоч кугу куйкыштым шынден. Очыни садланат возен пытарыме поэмыжым книга савыктышыш намяш вашкен огыл* [Колумб, 2006: 11] ‘Поэт ставил своим произведениям очень высокий уровень. Наверное, поэтому не спешил принести свою законченную поэму в книжное издательство’. *Тудо (первый йоратымаш) кеч-могай пашаште // Ончык нангая вуден. // Санденак вот ылымаште // Тудым моштыман аклен* [Бик, 1974: 109] ‘Она (первая любовь) в любой работе поведет вперед. Поэтому вот в жизни необходимо уметь ценить ее’. *Йодыш мылам торжан чучо, садлан кьорак вурем ьрен кайыш* [Краснов, 2013: 92] ‘Вопрос мне показался невежливым, поэтому кровь у меня закипела’. *Советский командований тендан парламентарда-влакын мемнан дек миен лекмыштым лач тыге гына умыла. Теветидлан ме тышке толын улына* [Юксерн, 1964: 7] ‘Советское командование прибытие ваших парламентаров к нам понимает только так. Вот поэтому мы пришли сюда’. (Аликаев:) *Потыр Емельяныч, ПМК-ште мый тендам моткоч честный, яндар чонан да чумыр паша верч вуйын шогышо енлан шотлем. Лач тидлан кьорак эн ончыч тый денет кутырынем* [Мурзашев, 1984: 6] ‘(Аликаев:) Петр Емельянович, в ПМК я считаю вас человеком очень честным, с чистой душой и ответственным за общее дело. Именно поэтому сначала хочу поговорить с тобой’. (Бакутов:) *Кажне йолтошкалтышем эскераш тунгалыт. Тидыжым икечысек ыштылыт. Можыч, тидлан верчынак удырамашат воктенысе полемыште ила?* [Тимофеев, 1986: 204] ‘(Бакутов:) Будут наблюдать за каждым моим шагом. Это уже давно делают. Может быть, поэтому женщина живет в соседней комнате?’

Имеются случаи контактного употребления рассматриваемых союзов с соединительными союзами г. *дä*, л. *да* 'и'. Как известно, союзы г. *дä*, л. *да* 'и, да' в определенных сочинительных конструкциях способны оформлять причинно-следственные отношения [Эрцикова, 2017: 221–222]. В подобных ситуациях вышеуказанные подчинительные союзы, наплаиваясь на сочинительную связь с причинно-следственным отношением, более четко подчеркивают эти отношения.

Примеры: г. *Тёйдё (Уланова Лида) мары выргемём чизн шёйнден дä седёйндоннок пёйтäри тäгүлä веле чучын колтыш* [Канюшков, 1973: 10] 'Она (Уланова Лида) надела марийский костюм и поэтому сначала показалась незнакомой'. Но *тидёжём Санзалов лач ёшке веле пален дä ти велдёк мытыкыш пырен шагальн* [Ильяков, 1993: 597] 'Но об этом знал лишь сам Санзалов и вследствие этого попал в невыгодное положение'.

л. (Гани – удьрлан:) *Тый мылам келшет, да садлан У ийым пырля вашийнем* [Ороспаев, 2014: 459] '(Гани – девушке:) Ты мне нравишься, и поэтому хочу встретить Новый год вместе'. *Кучам пукишмо дене ушкал ёрда да тидлан кёра ок тужан, исыреш кодеш* [Сурт-пече, 2004: 10] 'От кормления выжимок корова жиреет и поэтому не становится стельной, остается яловой'.

Таким образом, в марийском языке для выражения значения следствия в «чистом виде» используется только один заимствованный союз, который больше характерен для разговорной речи. В литературных нормах марийского языка используются собственно-марийские союзы с дифференцированным значением, передающие причинно-следственные отношения. Причинно-следственные союзы способны употребляться с различными конкретизаторами, которые подчеркивают, уточняют их значение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов Ю.М. Шудыр ер: Ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1972. – 156 с.
- Беляев К.И. Патриотвлä: Повестьвлä. – Козьмодемьянск: Маргосиздатын кырык мары филиал, 1950. – 150 с.
- Березин А. Пу кидетым: Повесть, ойлымаш. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1975. – 134 с.
- Бик А. Шум саска: Почеламут, муро, поэма. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1974. – 182 с.
- Васикова Л.П. Сопоставительная грамматика русского и марийских языков. Синтаксис. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 150 с.
- Гаврилова В.Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов: монография. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 212 с.
- Зорина З.Г., Митрофанов А.А., Сидорова Т.В. Частотный словарь горномарийского и луговомарийского языков. Ч. 1. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. – 636 с.
- Ильяков Н.Ф. Айырен нälмё произведенивлä. Кым том доно лäктеш. 2-шы т.: Проза, «Эдемвлä дä ивлä» роман. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – 733 с.
- Ильяков Н.Ф. Айырен нälмё произведенивлä. Кым том доно лäктеш. 3-шы т.: Проза, драма: Шайыштмаш-влä, повестьвлä, пьесёвлä, äшбндäрымäшвлä. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. – 615 с.
- Ипай О. Ме: Почеламут-влак. – М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1934. – 72 с.
- Канюшков А.М. Кым яратымаш: Повесть, шайыштмашвлä, фельетон, очерк. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1973. – 224 с.
- Коведяева Е.И. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М.: Наука, 1976. – 464 с.
- Колумб В. Ойырен чумырымо ойпого: Поэме, легенде, балладе, йомак, почеламут аршаш. II том. – Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2006. – 736 с.
- Корнилов П.Г. Савырыме кумыл: Повесть да ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1977. – 264 с.
- Краснов З. Пиал – илаш айдеме верч. – Йошкар-Ола: Регионысо «Марий ушем» («Союз мари») мер организаций, 2013. – 320 л.
- Лекайн Н. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Проза. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. – 591 с.
- Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982. – 185 с.
- Мокеев А.И. Ушан тул: почеламут-влак, поэме. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 148 с.
- Мурзаев А.М. Пётыр венге: Повесть. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. – 112 с.

- Мустаев Е.Н.* Словарь синонимов марийского языка. Марий синоним мутер. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. – 544 с.
- Мустаев Е.Н.* Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: Учебное пособие. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 396 с.
- Ороспаев Г.* Май тылзе эртыш... (Корнысо роман-дневник). – Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет, 2014. – 488 с.
- Пенгитов Н.Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Введение, фонетика, морфология. Ч. I. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. – 175 с.
- Периут Пет.* Жепын цевержы: Лыдышвлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1963. – 112 с.
- Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca ceremissica*. T. V. – Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002. – 292 с.
- Сибатрова С.С.* Русские заимствования в системе союзов марийского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 10. Вып. 3. – Ижевск, 2016. – С. 30–41.
- СМЯ, 2001 – Словарь марийского языка. Т. VI: Р – С / гл. ред. И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. – 368 с.
- СМЯ, 2002 – Словарь марийского языка. Т. VII: Т / сост. В.И. Вершинин, В.Н. Максимов, С.С. Сибатрова, Е.А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.
- СМЯ, 1961а – Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.
- СМЯ, 1961б – Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 152 с.
- Сузы В.* Ъльымӓш корны: Айырен нӓлмӓ произведенивлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1976. – 262 с.
- Сурт-пече. – 2004. – 3 декабрь.
- Тимофеев А.В.* Койдымо фронт: Роман. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. – 320 с.
- Тихомиров Г.* Мӓниньык: Шайыштмашвлӓ. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 80 с.
- Учаев З.В.* Марий йылме. Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 183 с.
- Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого. Кум том дене савыкталтеш. III том: Роман, ойлымаш, повесть, очерк, фельетон, новелла, статья, серыш-влак. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 624 с.
- Эрыкан А.Л.* Кучедалме тулеш: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1958. – 184 с.
- Эрцикова Г.А.* Семантические особенности соединительных связующих средств г. дӓ, л. да и г. -ат/-ӓт, л. ат/-ят в современном марийском языке // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 4 (44). – С. 219–227.
- Юксерн В.* Волгалтшаш лишан: Ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1964. – 64 с.
- Ялкайн Я.* Чумырен лукмо ойпого. Кок том дене лектеш. I-ше том: Почеламут, поэме, повесть, ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2005. – 656 с.
- Bereczki Gábor.* A cseremis nyelv történeti alaklata. – Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2002. – 290 h.

Galina Ertsikova

**ON THE CONJUNCTIONS OF CONSEQUENCE
IN MODERN MARI LANGUAGE**

The article deals with Mari conjunctions of consequence. Except the conjunction *так что* ‘так что’, which is of Russian origin, all the other linking means of this group are native Mari. The units formed on the basis of the Mari words are spread in different styles and have cause-and-effect relations in the sentence. The position of the conjunctions of consequence is not strictly fixed in the sentence.

Key words: the Mari language; conjunctions of consequence; origin; semantics; stylistic peculiarities; position; specifiers.

Эрцикова Галина Алексеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
направления «Лингвистика» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

Galina Ertsikova
Candidate of Philology,
Senior Researcher of Linguistics Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.131

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ КУЗУБАЯ ГЕРДА: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

© 2019 г. А.В. Камитова

Статья посвящена описанию и анализу собирательской деятельности Кузубая Герда по записи удмуртского фольклора. В научный оборот вовлечены малоизвестные факты его биографии, связанные с данным видом деятельности. Изданные им фольклорные песенные сборники рассматриваются в контексте социокультурных трансформаций начала XX в. Выявлено, что его песенные сборники являлись образцовыми для своего времени.

Ключевые слова: удмуртская литература; удмуртская культура; фольклорные экспедиции; песенные сборники.

Жизнь и творчество удмуртского поэта, ученого, фольклориста, лингвиста, педагога, просветителя Кузубая Герда до сих пор вызывает живой интерес исследователей. Его многогранная деятельность, знаменовавшая собой новый этап в формировании удмуртской культуры, получила освещение в работах ученых самых разных направлений. Однако до сих пор остаются не вовлеченными в научный оборот малоизвестные факты его биографии, связанные с собирательской деятельностью по записи удмуртского фольклора и дальнейшей ее популяризацией.

Глубокая и искренняя любовь к народной культуре, удмуртскому фольклору была привита Кузубаю Герду его матерью Агафьей Чайниковой. В предисловии к одному из песенных сборников он с волнующим трепетом и сожалением пишет о том, что *муми кулйз, туж уно кырзан 'ёссэ съöraз нуиз: ваньзэ гожтыса ой вуы* «мать умерла, очень много песен с собой унесла: всего записать не успел» [Герд, 1924: 1]. «Любовь к песням была свойственна многим членам семьи Чайниковых. Отец <...> слыл хорошим певцом и рассказчиком», – замечает исследователь Р.А. Чуракова [1989: 49].

Интерес к собирательской работе народной словесности проявляется у Кузубая Герда

в школьные годы. В дальнейшем его школьное увлечение переросло в научно-исследовательскую работу в синтезе с другими видами деятельности: с музейной работой, с полевыми экспедициями. Как известно, рубеж XIX–XX вв. «был необычайно счастливым временем в развитии отечественной фольклористики. Одно за другим свершаются экспедиционные открытия» [Иванова, 1999: 7]. Участие Кузубая Герда в начале XX в. в различных полевых практиках позволило ему многогранно оценить состояние удмуртской деревни в ее прошлом и настоящем. По свидетельству самого Кузубая Герда, сбором удмуртского фольклора он занимался почти с детства [Герд, 1929а: 4]. Кроме того, как отмечают исследователи, он был хорошим певцом, обладал изумительной музыкальной памятью, имел начальное музыкальное образование, владел игрой на народных инструментах (*крэзе* 'гуслиях', балалайке, гитаре, фортепьяно). В аттестате, выданном Кузубаю Герду по окончании Кукарской учительской семинарии (ныне г. Советск Кировской обл.), в которой он учился с 1912 по 1916 г., указано, что он может работать не только преподавателем, но и руководителем хора [Нуриева, 2008: 232; Чуракова, 1989: 50].

Первые целенаправленные поездки по удмуртским селениям были начаты Кузубаем

Гердом в 1918 г. с посещения поселений Малмыжского уезда [Чураков, 2010]. Последняя экспедиция организована им в августе 1929 г. на север Удмуртии. Об этой поездке он писал в статье «Глаз удмурт'ёс дорын» («У глазовских удмуртов»), опубликованной в 1929 г. в газете «Вьль гурт» («Новая деревня»). Многие полевые выезды были коллективными, в которых принимали участие как знаменитые профессора, так и неизвестные к тому времени ученые: Ю.М. Соколов [Отчеты: 65], Б.М. Соколов [Бахтина, 2002: 41], Д.В. Бубрих [Отчеты: 20], В.И. Лыткин, И.Д. Дмитриев(-Кельда), Я.И. Ильин [Чураков, 2010: 107] и др. К примеру, летняя экспедиция 1925 г. Центрального музея народоведения (Москва) по изучению восточных финнов (мари, вотяки, мордва), возглавляемая профессором Б.М. Соколовым, состояла из семи участников: краевед-экономист М.Я. Феноменов, М.Т. Маркелов (мордва-эрзя), И.Я. Бондянов (мордва-мокша), К.П. Герд (удмурт), Б.А. Васильев и М. Веткин (мари) [Бахтина, 2002: 41]. Масштабная экспедиция, организованная в 1929 г. под руководством Д.В. Бубриха, состояла из 15 человек, в числе которых был и Кузубай Герд. В ходе работы применялись экспедиционный и стационарный методы (пребывание в отдельных крупных селениях до нескольких дней) [Бахтина, 2002: 41].

Несмотря на то, что проводимые в начале XX в. полевые работы были направлены на изучение какой-либо одной области знания, в целом они обладали комплексным междисциплинарным характером. Экспедиции, в которых участвовал Кузубай Герд с целью антропологического, санитарно-этнографического, этнолого-лингвистического изучения удмуртов, позволяли многогранно оценить состояние удмуртских селений в ее прошлом и настоящем. Помимо этого, участниками полевых исследований осуществлялся сбор языкового материала, приобретались предметы народной материальной культуры для оформления т.н. «обстановочных» залов музея [Бахтина, 2002: 41], велась фотосъемка и записывались образцы устного народного творчества на фонограф. Использование в процессе работы специальных для того времени технических новшеств (фотоаппарата и фонографа), дополнительных, но необходимых средств, как акварельные

и масляные краски, карандаши, рулетка [Отчеты: 61], визуального материала (фотографии, рисунки, чертежи) существенно обогащало научную лабораторию каждого из участников полевой практики. Также велась запись в полевых тетрадях. Синтез ряда методов (текстовых записей, аудиофиксации, фотофиксации) стал одним из новаторских вехи и в дальнейшей работе Кузубая Герда.

Во время полевых поездок, по всей видимости, на каждого участника распределялся определенный вид работы. К примеру, имеются следующие сведения по поводу экспедиции 1925 г.: «жилище обследовали Маркелов, Веткин, Соколов, язык – Бондянов, музыку – Герд, экономику и сельское хозяйство – Феноменов» [Бахтина, 2002: 41]. В организованной в 1927 г. полевой практике Кузубай Герд возглавил группу по сбору молитв удмуртов [Кузнецов, 1994: 132].

Кроме того, исследование материальной и духовной культуры изучаемого народа в полевых условиях не исключало (а даже предполагало) использование определенной программы. К примеру, экспедиция 1925 г. включала следующие пункты: «составление подробного плана деревни с нанесением на него всех усадеб и полей, чертежи и фотографии жилищ и построек и их описание с целью выявить все их разновидности и наметить их эволюцию, реестр, утвари, пищи, одежды, орудий производства...» [Бахтина, 2002: 41]. Как известно, в целях сбора этнографического материала применялись специальные (авторские) программы. Например, имеются данные, что в свое время Б.Г. Гаврилов обращался в Русское географическое общество с просьбой выслать ему составленную Г.Н. Потаниным программу. Исследователи отмечают: «По-видимому, имеется в виду одно из следующих изданий: Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве. Иркутск: Б. и., 1880. 5 с.; Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у сибирских инородцев / Сост. Г.Н. Потанин // Известия Императорского Русского географического общества. 1881. Т. 17. Вып. 3. С. 3–13» [Коробейников, Чураков, 2014: 127]. Подобные методички, всевозможные инструкции, вопросники и анкеты рассылались по удмуртским уездам и приходом с 1845 г. Русским географическим

обществом, с 1863 г. – Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 1871 г. действовало его Уральское отделение), с 1878 г. – Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете [История, 2004: 479].

Позднее Кузубай Герд свои впечатления о полевой работе в Глазовском уезде в 1928 г. выразил образно и эмоционально: «Удмуртлэсь культураез, улэм-вылэмзэ эскерыны шуг. Удмурт гурт 'ёс шоры учкиськод ке, соёслэн кенер-азбар котыразы номыр культура но марно өвёл кадъ. Нош бугыртыны кутскиськод-ке, отысь но татысь туж абдрано марёсыз ке адзиськод; удмуртлэн вапумысен вапуме люкам культураез соку шарае потыны кутске, куддыр ас пиштэтэныз синэз абдратэ. Тйни со удмурт культураез шарае поттон понна, кылем сйзбыл Глаз удмурт 'ёс дорын удмурт экспедици ужаз» [Герд, 1929а: 4] («Культуру, жите-быте удмурта изучать сложно. Когда смотришь на удмуртские селения, вокруг них, кажется, нет культуры. Но когда начинаешь копошиться, отсюда и оттуда находишь нечто удивительное; тогда из века век собираемая культура удмурта начинает обнажаться, иногда своим сиянием ослепляет. Чтобы вот эту удмуртскую культуру афишировать, прошлой осенью у глазовских удмуртов работала экспедиция». – Здесь и далее перевод наш. – А.К.).

Есть и наблюдения Кузубая Герда о песенном мире глазовских удмуртов: «Глаз удмурт 'ёс но чылкак кырзантэмесь вылымтэ, соёслэн но чебересь, умой тупатэм кырзан 'ёсы вылэм»; «кырзан гур 'ёсы но кудйз сюлэм пыртй потымон жож 'ёсыз вань. Ветлыкым мон уно кырзан 'ёсыз кылзэ но гурзэ но (фонографен) гожтылй» [Герд, 1929б: 4] («Глазовские удмурты, оказывается, не совсем уж и не поющие, и у них красивые, складные песни имеются»; «и есть пронизывающие душу горестные песенные мелодии. Во время похода много песенных слов и мелодий записал на фонограф»). В доказательство своих слов Кузубай Герд в газете «Виль гурт» (1929) приводит песни со следующими заглавиями-рубриками: «эриктэм кузпаллы сётэм ныллэн кырзанэз», «кызы азыло эксей калыкез Сибыре келяз, со сярись но тани кырзан», «бызёно нылэн кырзанэз», «гужем ульчаётй юмшаса,

шудыса ветлон сярись но уно кырзан 'ёсы», «кёня ке маскара кырзан» [Герд, 1929б: 4] «песня девушки, насильно выданной замуж», «как раньше царь отправлял народ в Сибирь, вот и про это песня», «песня невестки», «летние песни, исполняемые во время гуляний, игр, которых тоже очень много», «несколько шуточных песен».

Кузубай Герд входит в число первых исследователей, использовавших в своей практике опыт паспортизации своих информантов. Такая практика, к примеру, применена к песне «Кызы азыло эксей калыкез Сибыре келяз» («Как раньше царь отправлял народ в Сибирь»), опубликованной в газете «Виль гурт». К данному тексту прикреплен следующая запись: «Гожтэмын: Монастырек гурт, Понин в., Глаз. у., Учанова Матрена, 17 арес. 1928 ар, 2 сентябре» [Герд, 1929б: 4] («Записано: деревня Монастырек, Понинская волость, Глазовский уезд, Учанова Матрена, 17 лет. 1928 год, 2 сентября»). Не исключено, что эти песни записаны на гердовских фоноваликах, хранящихся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Сохранившиеся цилиндрические валики с бесценными записями удмуртских песен имеют свою историю. Известно, что во время своих поездок в марийские селения Кузубай Герд познакомился с композитором Я. Эшпаем, который должен был фонограммы удмуртских песен перевести на ноты [Кузнецов, 1994: 133]. По свидетельству самого Кузубая Герда, ввиду того, что в 1929 г. он испытывал материальную нужду, он решил рукописи своей работы (фотоснимки, музейные материалы, записи удмуртских мелодий, сделанных на фонографе) переслать и продать за границу, а именно – Гельсингфорскому Национальному музею и Берлинскому музыкальному обществу. Однако продать эти материалы не пришлось и материалы остались у него на руках [Кузнецов, 1994: 297]. Уже будучи в Соловках, в октябре 1934 г. в письме к И. А. Наговицыну, выражая крайнее беспокойство, Кузубай Герд написал: «Мой рукописный архив громадных собраний удмуртских песен, загадок, сказок, моих ненапечатанных произведений и т.д. погибнет бесполезно, т.к., возможно, моя жена в силу отъезда из Ижевска весь мой архив, обременяющий ее, оставила где-нибудь на произ-

вол судьбы. Я обращаюсь к Вам с просьбой: не сможете ли Вы принять какие-либо меры, чтобы этот архив и ценная библиотека о вотяках каким-нибудь образом были спасены или хотя бы переданы куда-нибудь в научное учреждение. Кроме того, у меня у московских знакомых остался архив фонографических записей удмуртских песен, мелодий на 300-х валиках. Всем этим я просил бы Вас содействовать сохранению собранного мной материала, т.к. он ценен» [Кузнецов, 1994: 67; Герд, 1997: 325].

Результаты полевой работы Кузубая Герда отразились в виде публикаций песенных сборников и статей, судьба некоторых запланированных к изданию трудов остается неизвестной. Сам Кузубай Герд констатировал: «Ряд своих статей по вотскому фольклору я помещал в берлинском журнале «Унгарише ярбюхер» («Вестник Венгерского Института при Берлинском университете»)» [Кузнецов, 1994: 297]. Записи песенного фольклора, собранные им в экспедиции 1925 г., были опубликованы в его труде «Вотьяк в своих песнях» [Герд, 1926: 17–40]. К.Н. Дзюина также отмечает, что в личных архивах М. Петрова ей удалось найти фольклорные песенные тексты, записанные Кузубаем Гердом в Вавожском районе. «М. Петров записи Герда включил в свои сборники, однако сослаться на их собирателя в те годы он не мог», – резюмирует К.Н. Дзюина [2001: 89]. О благородном поступке М. Петрова пишет и Петер Домокош: «В это время он, наверное, лучше других понимал, кто на самом деле друг, кто враг. Хотя в предисловиях к сборникам песен он пишет только плохое о Герде и Борисове – это было обязательным, в то же время публикует значительную часть материалов Герда (не называя его имени), что в конце 30-х гг. отнюдь не было безопасным поступком» [1993: 331]. У самого Кузубая Герда были большие перспективы. Так, в числе его планов значились: издание «Песен алнашских вотяков» – 1000 песен с параллельным переводом на русский язык [Я, 1999: 91], публикация 100 новых удмуртских мелодий, записанных на фонографе с удмуртским и русским текстом [Я, 1999: 92].

При жизни Кузубаем Гердом издано три сборника удмуртских песен (фольклорных и/или с включением авторских), последний из

которых, вышедший в 1927 г., – с нотными примерами [Герд, 1920; Герд, 1924; Герд, 1927]. Судя по признанию самого автора, предыдущие книги тоже планировались издаваться с нотами, но по техническим причинам вышли в свет без мелодий [Герд, 1927: 3].

Первый гердовский сборник «Малмыж удмурт'еслэн кырзын'ессы» («Избранные песни Малмыжских вотяков») представляет собой небольшую подборку песен из 13 текстов. Он был своего рода сигнальным, пробным, экземпляром. В предисловии Кузубай Герд пишет о том, что представленные в книге песни он пел на концертах, в спектаклях, что позволяло популяризировать их и стать им востребованными среди народа. С сожалением констатирует, что в связи с невозможностью напечатать ноты в издательстве г. Сарапула публикуются только слова: «*Кылбурзэ гынэ та книгае шуккиськом. Гурзэ, сямзэ шуккыны Сарапулын луймтэен шуккытэк кылиз*» [Герд, 1920: 3]. Некоторые песни имеют жанровые определения: гостевые (*юондыр сям*), рекрутские (*салдат гур*), или просто объясняется, в каких случаях они исполняются.

В предисловии к сборнику «Удмурт кырзан'ёс» (1924) Кузубай Герд делится с читателями о накопленном им большом количестве удмуртских песен: «*Та вадескын мынам ваньмыз олокöня но сюрс удмурт кырзан'ёс люкамын ини*» [Герд, 1924: 1] («К настоящему времени мною собрано несколько сотен удмуртских песен»). Он констатирует, что спрос на тексты удмуртских песен в 1918–1924 гг. был настолько велик, что изданные сборники удмуртских песен «буквально расхватывались, а мелодии заучивались с голоса во время концертов, спектаклей и вотских съездов, а потом разносились молодежью и культурными работниками по всем уголкам Удмуртского края» [Герд, 1927: 3]. Да и сам Кузубай Герд в поездках по сбору местного фольклора устраивал литературные вечера, на которых он читал стихи, рассказывал удмуртские сказки, исполнял отдельные удмуртские песни [Кузнецов, 1994: 387]. Поэт ощущал острую необходимость народа в песне: «*Удмурт'ёс кырзан утчало, кырзан книга куро... Соёслы гурез туж дуно уг лу, соёслы гуртын кылиз дуно*» [Герд, 1927: 3] («Удмурты в песне нуждаются, требуют книгу...

Для них мелодия не столь важна, для них в деревнях слово дорого»).

Песенный материал в сборниках (1924, 1927) размещен в разделах по тематическому принципу – авторские (либо переводные) сочинения и по локальным традициям – фольклорная часть. И.М. Нуриева отмечает, что «в удмуртском этномузыковедении принцип публикации по локальным традициям был использован потом только в начале 1990-х гг.» [Нуриева, 2017: 47]. Обзор песенных сборников позволяет говорить о том, что одни и те же песни «кочевали» из одного сборника в другой, порой видоизменяясь.

В условиях социокультурных трансформаций начала XX в. ориентир во всех сферах деятельности был направлен на моделирование нового мира. Этот вектор продемонстрирован и в песенных сборниках Кузубая Герда, т.е. его творческие проекты строились в соответствии с мировоззренческими требованиями времени. Так, в первом сборнике (1924) выделяется отдельный раздел «Виль удмурт кырзан'ёс» («Новые удмуртские песни»), во второй книге (1927) – раздел «Революци сярысь, виль улон сярысь кырзан'ёс» («Песни о революции, песни о новой жизни»), в котором транслируются новые поведенческие образцы общества.

К фольклорным текстам первого сборника приложена паспортизация, судя по ним, в качестве информантов выступили люди разного возраста: от 9 до 53 лет, в числе которых были ученики техникумов (Ижевского педагогического техникума, Ново-Мултанского педагогического техникума). Все они являлись жителями удмуртских деревень, но запись от них была произведена Кузубаем Гердом не только в удмуртских поселениях, но и в Москве, Ижевске, Сарапуле. Имеется песня на удмуртском языке, записанная от учителей [Герд, 1924: 54, 61], колыбельная песня из книги Г.Е. Верещагина «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» [Герд, 1924: 57–58]. Включение в данный и другие сборники переводных революционных песен «Интернационал», «Марсельеза», «Смело, товарищи, в ногу» и других было, по определению И.М. Нуриевой, «приметой времени» [2014: 32].

Данный гердовский сборник составлен из песенных текстов, записанных в разные годы,

начиная с 1912 г. и заканчивая 1924 г. Некоторые песни имеют жанровые определения: колыбельные (*Нуны веттан гур*), свадебные (*Келян гур*, *Бызем ныллэн кырзанэз*), рекрутские (*Салдат кырзан'ёс*, *Бертысь салдатлэн кырзанэз*, *Салдат гур*), гостевые (*Куноёслэн кырзанзы*, *Юондыр сям*), песни из цикла осеннего обряда ряженья (*Портмаськон гур*).

В выпущенном в 1927 г. сборнике революционных и удмуртских народных песен нотные приложения («мелодии» по Герду) приведены параллельно с печатными текстами. «Некоторые из этих мелодий были записаны на фонографе во время поездок и научных командировок к вотякам», – уточняет автор предисловия [Герд, 1927: 3]. Кузубай Герд с особым трепетом относился к сохранению произведений песенной поэзии своего народа. Также он отмечает, что благодаря труду отдельных культработников-удмуртов «многие песни были вовремя записаны и тем самым спасены от смерти и забвения» [Герд, 1927: 3]. Посредством данного сборника Кузубай Герд одним из первых опосредованно (или целенаправленно) вводит в научный оборот терминологический аппарат, которым должен владеть человек, ведущий сбор и/или запись фольклорного материала удмуртского народа. Например: *мелодии*, *собираатель*, *аудитория*, *собрание произведений* [Герд, 1927: 3]. Сборник примечателен еще и тем, что песни напечатаны с сохранением диалектных особенностей удмуртского народа: «*Куд-нал удмурт'ёс кызы верасько, – кырзан'ёссы но вераськон сямзэс кельтыса пуктэмын*» [Герд, 1927: 4] («В какой местности как говорят – и песни, и особенности говора сохранены»).

Количество песен в данном издании больше, по сравнению со сборником 1924 г. Образцы песен записаны в разные годы, с 1912 по 1927 г. К текстам также приводится паспортизация. В числе исполнителей – студенты Ижевского педагогического техникума, учителя, коллектив студентов Ново-Мултанского педагогического техникума. Возраст самого молодого информанта – 12 лет, самого старшего – 56. В подавляющем большинстве – это молодежь от 13 до 25 лет.

В книге представлены песни разных жанров и напевов: гостевые (*юон дыр сям*, *куноёслэн*

кырзаны, юондыр'я кырзан, юондыр крезь), рекрутские (салдат гур, салдат крезь), свадебные (сюан гур, келян гур, сюан крезь), плясовые (эктон гур), песни из цикла осеннего обряда ряженья Пёртмаськон (пёртмаськон гур), горестные (эриктэм сётэм ныллэн кырзанэз), шуточные (маскара кырзан'ёс, маскара юон дыр), короткие напевы (вакчи кырзан'ёс: кыкчур'ёс, ньыльчур'ёс) и др. В сборник также включена переделанная К. Гердом и А. Сугатовым народная коми-зырянская песня «Ойдолэ мыном шудыны» («Пойдемте играть»).

«Классический» репертуар революционных песен дополнен переводными текстами, к которым дается объяснение: на какую известную и/или популярную мелодию русских песен следует опираться при исполнении той или иной песни. Так, например, «Ми ки воштйсьёс» («Мы – новое поколение») должно, по словам составителя, исполняться на мотив «Молодая гвардия», «Сергей-поп» – на мотив русской песни «Вдоль да по речке», «Выль нуны веттан гур» («Новая колыбельная песня») – на мотив русской песни «Спи, младенец мой прекрасный». Подобные и разного рода объяснения в сборнике рассчитаны на удобство и ориентируют пользователей в поиске мелодии. Или, например, составитель дает толкование непонятному термину, неологизму или диалектным словам: *такмак кыл – припев* [Герд, 1927: 14] 'такмак – припев', *юмишокчи – юмишасьёс* [Герд, 1927: 28] 'гости', *гучин – гидкуа бервыл* [Герд, 1927: 70] 'двор' *жутэс – душес* [Герд, 1927: 89] 'ястреб, коршун' и др.

Кузёбай Герд, ссылаясь в своем сборнике на другие книги и их авторов, опосредованно

популяризирует книжную продукцию и удмуртскую культуру. Так, автор отмечает, что некоторые песни глазовских удмуртов, помещенных в данном сборнике, заимствованы из книг Н. Первухина и Ю. Вихманна [Герд, 1927: 88]. Или, предлагая читателям текст «Горд оже...» («На кровавый/красный бой...»), отсылает к книге Е. Мироновой «Пиё, пиё коркае» («Дом, полный сыновьями»), в которой данная песня переложена на ноты. Также в предисловии к сборнику он пишет о недавно изданных музыкальных сборниках: Е. Миронова «Пиё, пиё коркае» («Полон дом детей», 1926), Е. Молоткова «Нотаен удмурт кырзан'ес» («Сборник вятских песен, переложенных на ноты», 1925), М. Курочкин «Кубыз» (1925), М. Романов «Удмурт кырзан'ес» («Сборник удмуртских народных песен», 1925) [Герд, 1927: 3]. К одной из гостевых песен («Юондыр'я кырзан») имеется ремарка о том, что ее можно исполнять во время спектаклей: «*Та гурез спектакль пуктыку кырзаны луоз*» [Герд, 1927: 47]. Как видим, Кузёбай Герд, каждый раз публикуя свои песенные сборники, работал над их усовершенствованием.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что собирательская деятельность Кузёбая Герда по записи удмуртского фольклора была тесно и неразрывно связана с другими видами его деятельности. Его песенные сборники являлись образцовыми для своего времени и имели, по предположениям исследователей, большой резонанс в обществе. Для его творческих проектов характерны междисциплинарность, новометодность, грамотный популяризаторский подход.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бахтина В.А. Восточно-финская экспедиция Б.М. Соколова // Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 г.) / отв. ред. Н.В. Дранникова. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. – С. 40–45.

Герд К. Вотяк в своих песнях // Вотяки. Кн. 1: Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. / под ред. К.П. Герда и проф. В.П. Налимова. – М.: Центр. изд-во народов Союза С.С.Р., 1926. – С. 17–40.

Герд К. Глаз удмурт'ёс дорын // Выль гурт. – 1929 а. – № 7 (62). – С. 4.

Герд К. Глаз удмурт'ёслэн кырзан'ёссы // Выль гурт. – 1929 б. – № 13 (68). – С. 4.

Герд К. Малмыж удмурт'еслэн кырзан'ессы (Избранные песни Малмыжских вотяков). Кн. 1. – Сарапул: Изд-во Центрального Вотского Отдела при Народном Комиссариате по национальным делам, 1920. – 16 с.

Герд К. О ней я песнь пою...: стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма / сост., вступ. ст. и коммент. Ф.К. Ермакова. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 336 с.

Герд К. Удмурт кырзан'ёс 1-тй книга. 3-тй шуккетэз = Кузёбай Герд. Революционные и удмуртские песни. Сборник 1-й. На вотском языке. Изд. 3-е. – Ижевск: Удкнига, 1927. – 113 б.

- Герд К. Удмурт кырзан'ёс 1-тй книга. Муско: СССР утемысь вань калыкъёслы книгапоттонни, 1924. – 64 б.
- Дзюина К. Талантливый писатель и гражданин высокого мужества // Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова: воспоминания, статьи, речи, письма / сост. и подготовка текста З.А. Богомоловой. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – С. 88–89.
- Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.
- Иванова Т. Братья Соколовы и их сборник «Сказки и песни Белозерского края», или Зачем человеку конца XX века нужен традиционный фольклор // Соколов Б., Соколов Ю. Сказки и песни Белозерского края: Сб. в 2 кн. Кн. 1. – СПб.: Тропа Троянова, 1999. – С. 1–11.
- История Удмуртии: конец XV – начало XX в. / под ред. К.И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 552 с.
- Коробейников А.В., Чураков В.С. Рукопись Б.Г. Гаврилова из собрания Русского географического общества // Иднакар. – 2014. – № 2 (19). – С. 125–152.
- Кузнецов Н.С. Из мрака... – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – 496 с.
- Нуриева И.М. Из истории удмуртского этномузыковедения: Кузубай Герд // Музыкальный журнал Европейского Севера. – 2017. – № 3 (11). – С. 45–56.
- Нуриева И.М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дисс. на соиск. учен. степ. д-ра искусствоведения / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2014. – 415 с.
- Нуриева И.М. Этномузыковедческие проблемы в трудах К. Герда // Кузубай Герд и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (31 марта – 2 апреля 2008 г., г. Ижевск). – Ижевск: ООО Информационно-изд. Центр «Бон Анца». 2008. – С. 231–235.
- Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К.П.) // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н, д. № 923а. 89 л.
- Чураков В.С. Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20–30-е гг. XX в. // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2.– 2010. – С. 102–115.
- Чураков Р.А. Песня в творчестве К.П. Герда // Истоки искусства Удмуртии: Сборник научных трудов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии Наук СССР, 1989. – С. 49–67.
- Я – удмурт. Мон – удмурт. Сборник документов и материалов 1898–1976 / сост. Н.А. Красильникова, Е.М. Ушакова. – Ижевск, 1999. – 136 с.

Alevtina Kamitova

KUZEBAY GERD'S FOLKLORE EXPEDITIONS: LITTLE-KNOWN FACTS

The article is devoted to the analysis and description of Kuzebay Gerd's work on collecting Udmurt folklore. The author introduces little-known facts about Gerd's biography concerning this type of his activity. His collections of folklore songs are viewed through the context of socio-cultural transformations of the early 20th century. K. Gerd's books of songs served as a model for his time.

Key words: Udmurt literature; Udmurt culture; folklore expeditions; collections of songs.

Камитова Алевтина Васильевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки «Удмуртский федеральный
исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук», г. Ижевск
e-mail: akamitova@mail.ru

Alevtina Kamitova
Candidate of Philology,
Senior Researcher of the Department
of Research in Philology
Udmurt Federal Research Centre,
The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: akamitova@mail.ru

УДК 821.511.132

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ НОВИЗНА:
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В КОМИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ И.А. КУРАТОВА «МЕНАМ МУЗА»)**

© 2019 г. Г.К. Лисовская

Статья посвящена проблемам исследования поэтического творчества основоположника коми литературы И.А. Куратова на примере анализа и интерпретации современными учеными его программного стихотворения «Менам муза» («Моя муза»). Поднимается вопрос адекватности истолкования поэзии И.А. Куратова, соответствия новых концепций авторским интенциям.

Ключевые слова: Иван Куратов; современная интерпретация; поэтический манифест; поэтическое кредо; преемственность; новизна.

Стихотворение «Менам муза» (1866–1867) является наиболее переводимым из всей поэзии Куратова – его переводы есть на всех девяти родственных языках; на венгерский и удмуртский переводились дважды [Ракин, 2014: 91], зафиксировано всего 11 переводов. К этому произведению обращались все исследователи творчества основоположника коми литературы. И все пришли к выводу, что это стихотворение – программное. Так, А.Е. Ванеев считает его «поэтическим кредо поэта» [1973: 52], А.К. Микушев – «поэтическим кредо поэта, революционно-демократической программой» [1986: 55], В.Н. Дёмин – «гражданским манифестом» [1986: 56], А.Н. Фёдорова – «литературным манифестом» [1980: 58].

С.Х. Габбасова в статье «Интерпретация и анализ – разграничение подходов» подчеркивает, что художественное произведение – это сложное единство. «Значение каждого элемента может быть раскрыто лишь при системно-функциональном анализе целого. Категория целостности позволяет наиболее адекватно определить то живое единство художественного произведения, которое вообще не поддается расчленению на отдельные обособленные части» [Габбасова, 2010]. Если каждый выделяемый в процессе изучения значимый элемент произведения должен рассматриваться как определенный момент становления и развертывания целого, то, по-видимому,

наиболее значимым элементом стихотворения «Менам муза», ключом к его интерпретации, смысловой и композиционной доминантой является заглавие. Что же является для Куратова Музой – источником вдохновения? Символика этого понятия подробно анализирована в монографии Г.И. Тираспольского «Эхо пушкинской лиры» (1999). Исследователь рассмотрел своеобразие «музы» И. Куратова в контексте его литературных предшественников и современников, увидел ее близость некрасовской музе – «наделение ее телесностью и обиходно-бытовой конкретикой» [Тираспольский, 1999: 237].

Чтобы понять, в чем суть творчества для поэта, исследователи нередко обращаются к вариантам этого стихотворения, чтобы проследить, как оттачивалась мысль И. Куратова. Так, А.Е. Ванеев в статье «Творческая лаборатория И.А. Куратова», опубликованной в первом номере «Куратовских чтений» (1973), подробно проанализировал все варианты этого стихотворения. Он высоко оценил первый вариант с точки зрения формы: «Если судить только по форме, стихотворение написано мастерски, умело и стройно» [Ванеев, 1973: 52]. Но литературоведа смущали две строчки Куратова:

«Сёрнитам ми веськыда, Разговариваем откровенно,
Сёрнитам ми долыда». Разговариваем весело¹.

[Куратов, 1939: 180]

¹ Здесь и далее перевод подстрочный наш. – Г.Л.

Усиление социальной остроты в последующих вариантах вместо «весёлого смеха», по его мнению, повысило значимость стихотворения [Ванеев, 1973: 54–55]. Главное условие филологической интерпретации художественного текста – понимание его природы как специфического способа его организации, трансляции смысла. Способ организации текста это то, что называют формой произведения, и только через исследование формы возможна адекватная интерпретация текста. Именно через форму стиха раскрывает его содержание В.Н. Дёмин в статье «Своеобразии стихотворения И.А. Куратова «Менам муза» («Моя муза») [1979: 68–74]. Стихотворение, которое традиционно рассматривалось лишь с точки зрения его идейного содержания, охарактеризовано им как шедевр поэтической мысли. Анализируя своеобразие синтаксического строения, интонационное и ритмическое богатство стихотворения, литературовед показывает, как меняется образ мира в двух его вариантах. Через «энергию куратовского стиха», его художественную эволюцию раскрывается итог духовных исканий поэта.

Не случайно В.Н. Дёмин подробно рассматривает это стихотворение на фоне его первых стихотворений на тему поэта и поэзии «Коми кыв» («Коми язык», 1857), «Выль сыланкыв» («Новая песня», 1860), а также последующих – «Коми кыв, тэд раммывлыны...» («Коми речь, тебе присмиреть...», 1874), «Пас» («Знак», 1866) и других как «вершинное произведение И.А. Куратова, в котором нашла отражение зрелость его общественно-политической и эстетической мысли» [Дёмин, 1979: 68]. В контексте пушкинской традиции увидели это стихотворение А.Е. Ванеев и Н.В. Вулих [1986: 20], В.И. Мартынов исследовал влияние творчества Н.И. Некрасова на коми поэта [1973: 86–90], Г.И. Тираспольский рассмотрел связь куратовского произведения с «Памятником» А.С. Пушкина и стихотворениями Н.И. Некрасова [1999: 236–237].

60-е гг. XIX в. – время острой полемики вокруг вопроса о смысле и назначении искусства, вылившейся в борьбу двух направлений: «некрасовской школы» и поэзии так называемого «чистого искусства». Новое поэтическое

мышление этого периода нашло отражение в программном стихотворении коми поэта. Пушкинское или некрасовское превалирует в эстетической системе ценностей И.А. Куратова? Обратимся вновь к первому варианту этого стихотворения. Судя по комментариям Е.С. Гуляева, этот текст был написан четко, без вычеркиваний, поправок как законченное произведение вошел во вторую тетрадь И. Куратова и подписан 1867 г. [Гуляев, 1979: 5–18]. Можно говорить о совершенстве формы, безупречной технике стихотворения, судя хотя бы по тем критериям, каким оценивает его поэзию В.И. Лыткин [1976: 23–29]. Несмотря на то что здесь еще нет названия, это тоже своеобразный поэтический манифест:

Менам муза	Моя муза
Абу вуза...	Не продаётся...
Сьыланкывьясьнымӧс оз	Мои песни
Ньӧбны мукӧдьясьлысь моз!	Не покупают, как у других!
Ськӧд кькӧн	С ней вдвоём
Гусьӧникӧн	Тихонько
Сёрнитам ми веськыда,	Разговариваем откровенно,
Сералам ми дольда!	Смеемся весело!
Мый кӧть? Пырӧ	Так что ж? Заходите
Гуса жырӧ! –	В нашу тайную комнату!
Аддзад: муза мича, рам,	Увидите: муза красива и скромна,
Олӧм лючки колльӧдам!	Время хорошо проводим!

[Куратов, 1939: 180]

В этом варианте есть искристость, лёгкое дыхание молодого поэта. Поэтическое кредо – поэт свободен в самовыражении, живет в гармонии с собой – и это для него в данный момент главное. В этом стихотворении – пушкинское гармоничное начало. Ср.: у А. Пушкина:

Тогда в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом...

(«Разговор книгопродавца с поэтом», 1824)

В куратовском «весёлом смехе» есть свобода от того рынка, о котором позднее написал Ф. Ницше в главе «О базарных мухах» в книге «Так говорил Заратустра» (1883–1885): «Где кончается уединение, там начинается базар; и где начинается базар, начинается шум великих комедиантов и жужжание ядовитых мух» [2004: 50–51].

В следующем году И. Куратов пишет новый вариант стихотворения, в котором не остается ничего от прежней беззаботной лёгкости. Меняется интонация – напевный стих заменяется говорным (по классификации Б.М. Эйхенбаума), появляются интонации разговорно-прозаические, переходящие в ораторские, по определению А.Н. Федоровой наблюдается «отрывистость взволнованной речи» [1980: 60], уходят точные рифмы (а к их отсутствию у других коми поэтов поэт относился очень строго). «Только Державиним прощают неправильные рифмы», – писал он, анализируя стихи «зырянских пиитов» [Куратов, 1939: 217]. «На этом ослабленном рифмовом фоне особенно выразительной становится центральная рифма стихотворения», – отмечает В.И. Дёмин [1999: 53]. Крылатые строки, образующие «кольцо», придают завершенность стиховому посланию, они имеют разное эмоциональное наполнение и делят стихотворение на две смысловые части: I часть – Куратов – поэт для себя; II часть – Куратов, который хочет взяться за большую тему и стать поэтом для людей.

Лирическая ситуация в этом стихотворении разворачивается от спокойного «Менам муза абу вуза» («Моя муза не продажна»), где Куратов – поэт, как и в первом варианте стихотворения, творит в уединении, оттачивая мастерство, он честен перед своим талантом (даже маленькая фальшь должна сгорать в огне камина), к заключительной торжественной клятве: «Менам муза – оз ло вуза!» («Моя муза не будет продажной!»). В чем клянётся Куратов? Что он будет показывать ханжу, одетого в очень широкие одежды, – паразита, возвышающегося над людьми и красного от их крови. Сначала у Куратова было «возвышающегося над нами» и пьющего нашу кровь. Куратов убирает все личное, он думает не о себе, а о «народной пользе» [1939: 220]. Если бы поэт ограничился только этой задачей, то его поэтическое кредо – сатира. Именно это и увидели некоторые исследователи в художественной платформе Куратова – «сатира, в которой изобличенное зло предстало бы во всей своей неприглядности» [Лимеров, 2001: 6]; Куратов – «поэт – обличитель» [Тираспольский, 1999: 236]. Между тем И. Куратов сдержанно

относился к сатире как достаточно одномерному художественному модусу, он не принимает обличения без глубокого сопереживания и любви. Вот как он пишет в своих заметках о Джозефе Аддисоне (1672–1719): «Он как юморист выше Свифта и Вольтера... Он гуманен и свой смех соединяет с нежным состраданием...» [Куратов, 1939: 205]. В художественном манифесте Куратова – поэзия сострадания к тем «добрым людям», которые

Оліганыс кынмõны и тшыгъялõны,
А быд шудсõ кулõм бõрся виччысьõны...

[Куратов, 1939: 180]

При жизни мёрзнут и голодают,
А всякого счастья ждут после смерти...

Духовная эволюция в поэте не нарушает смыслового единства личности. (Ср. некрасовскую драму «поэта» и «гражданина».) Ему не в чем упрекнуть себя, идет не переоценка ценностей, а их углубление. Стихотворение обрело свое название и оформилось в художественный манифест, демонстрирующий высочайшую идейно-эстетическую зрелость поэта.

Изучение вариантов этого произведения помогает понять эстетическую программу поэта, его духовные искания и их результат, который, как у всякого великого художника, не вписывается в прокрустово ложе одного из направлений – пушкинское и некрасовское начала в его поэзии гармонично сосуществуют. К такому же выводу приходит куратовед Л.Е. Сурнина: «В первоначальном варианте стихотворения «Менам муза» Муза представлена «красавицей» и «скромницей», с которой поэт весело смеётся и «жизнь проводит хорошо». Однако в окончательном варианте стихотворения коми поэт отказался от такой трактовки своей музыки, он сделал этот образ обобщенным, выделив лишь один признак – непроданность (выделено курсивом. – Г.Л.) и придав ему социальное звучание» [Сурнина, 2012: 100].

Это стихотворение очень важно для понимания и личности, и творчества основоположника коми литературы. Не случайно новое поколение исследователей Куратова вновь обращается к нему, как и в целом к новому истолкованию творчества поэта. «Куратов 1930-х годов пусть остается в XX веке, а XXI век нуждается в новых интерпретациях», –

с такого призыва начинается книга о И. Куратове П.Ф. Лимерова. Ученый объясняет это желанием возродить интерес к «большому поэту», видя «прохладное отношение читателей к первому коми поэту» [Лимеров, 2001: 9].

Зонтаг С. – американская писательница и критик – определяет подобную интерпретацию как «процесс обработки старого текста на новый лад, присвоения ему доступности для современного читателя». «Интерпретация есть радикальная стратегия сохранения старого текста – слишком ценного, чтобы его выбросить, – путем перекройки». Главная черта современной интерпретации, по ее мнению, это нахождение подтекста, скрытого содержания (истолкование по К. Марксу, З. Фрейду, мифологии и т.д. – Г.К.) [Зонтаг, 1997: 9–18].

Вернёмся к современному прочтению стихотворения «Менам муза», поиску новых граней куратовского текста. П.Ф. Лимеров обратил внимание на крылатые строки, которые истолковывались прежними исследователями как строки, имеющие смысл непродажности творчества. Он выводит семантическое наполнение выражения *менам муза абу вуза* ‘моя муза не продается’ через не фигуральное, а прямое значение: «Беда И.А. Куратова в том, что он не мог ждать «покупателей» своего труда, потому что не существовало соответствующего литературного рынка, и он не мог быть профессиональным поэтом» [Лимеров, 2001: 4]. Для подтверждения этого тезиса – озабоченности от отсутствия возможности быть профессиональным поэтом, автор ссылается на другое стихотворение И. Куратова 1867 г. «Воклы» («Брату»), где поэт пишет о том, что не может соревноваться с Беранже, Бернсом и Гейне (а вот с тобой, брат, соревнуемся постоянно...):

«Мый вирш-мѳд гижѳ, Кор удж йирны мудзас ан, Зэв ѳмѳй нѳ лоа мыжа? Эг профессияѳ бось Виршьѳя гижѳм; Беранжекѳд, Бернскѳд, Гейнекѳд ме кось Ог и лѳсьѳд! А со тѳкѳд Ордйѳсям кор колѳ пыр, Картѳн-ѳ ворсѳгтыр, Юиг-ѳ пѳт пызан сайын...»	Если одну-две вирши напишу, Когда работу грызть устанет нѳбо, Разве стану виновным? Не взял (не стало) профессией Написание вирш; с Беранже, Бернсом, Гейне в борьбу Не вступаю. А вот с тобой Состязаемся всегда, Играя в карты, Выпивая за столом...
---	---

[Куратов, 1939: 107]

Исследователь увидел в стихотворении явное сожаление поэта о том, что тот «вынужден

писать факультативно, оставаясь юристом, а потому не мог быть профессиональным литератором», чтобы соревноваться с названными поэтами [Лимеров, 2001: 4]. Между тем в стихотворном разговоре с братом присутствует легкая ирония поэта над собственным статусом.

Винокур Г.О. пишет: «Акт понимания <...> не может быть субъективным или объективным, а только верным или неверным» [Винокур, 1990:42]. Зная подробности биографии И. Куратова, особенности времени, вряд ли можно предположить, что поэт строил иллюзии стать профессиональным литератором. На какие гонорары, позволяющие жить за счет литературного творчества, мог рассчитывать писатель-разночинец, даже пишущий на русском, даже самый популярный? «Безвестен я, я вами не стяжал // Ни почестей, ни денег, ни похвал...», – писал Н. Некрасов в 1855 г. Но даже если бы он был озадачен этим, то поэтический манифест, или программное стихотворное послание (по определению В.Н. Дѳмина), мог ли быть посвящен таким прозаическим вещам, учитывая исторический тип разночинца, многократно описанный в литературе, с одной стороны, и жизненный путь И. Куратова, с иерархией ценностей первого коми поэта, присутствующей во всем его творчестве, с другой стороны? Эта интерпретация делает стихотворение более камерным. Ёмкое выражение «Менам муза абу вуза» теряет афористичность, превратившись в жалобу на непродажаемость. Меняется масштаб личности поэта. Стихотворение теряет сложное смысловое движение идейно-эстетических ценностей – от поэта к Поэту, гражданину, транслируемое И.А. Куратовым, нарушается целостность художественного мира этого произведения.

Когда ушла эпоха высоких идеалов, ушли и высокие интерпретации произведений И. Куратова, произошел поворот к приземленности, банализации бытия.

Рикер П. утверждает, что интерпретация является продлением давно ушедшего: «Традиция остается мертвой традицией, если она не является непрерывной интерпретацией» [1995: 38]. При такой «бескрайней» интерпретации появляется соблазн изменения классических текстов, их «улучшения», подгонки под определенную концепцию исследователя. Так,

П.Ф. Лимеров следующим образом переводит с коми языка определение того, кого И. Куратов будет показывать в своем творчестве: *Ханжаёс, // Лёка паськыд паськёмаёс* ‘Ханжу, // надевающего ветхие одежды...’ [Лимеров, 2001: 6]. Перевод неверен с точки зрения языка. Правильно было бы: ‘Ханжу², // одетого в очень (слишком) широкие одежды...’³ У Куратова – прямой намек на одежду монаха. (Ср. в другом стихотворении *Шонди сайёдö манак // Рясанас, бур дяк* ‘Солнце закрывает монах // Рясой, добрый дяк’ («Менным, кылан, дяк...» 1857). Новый перевод завуалировал объект обличения поэта, что соответствует якобы более «правильному» выстраиванию концепции творчества поэта, подчеркивающей в нем христианские мотивы и затушевывающей антиклерикальные.

Современный период куратоведения, как и в целом духовных исследований, переживает непростые времена, ибо ментальный кризис коснулся не только поэзии, охваченной пестованием «уединенного сознания», но и литературоведения, когда стали обесцениваться социально-ориентированные порывы писателей, их распаханность миру, общественным проблемам. На самом деле, это отрицание прежде всего фундаментальных ценностей классической русской литературы, в контексте которой творил И. Куратов. XIX в. – век гуманизма в литературе, что означает гражданскую ответственность писателя – служение народу, связь с его жизнью, скорбь о тех, кто слаб в их произведениях, острота социальных, моральных проблем.

Сегодня гражданственность поэзии И. Куратова полностью не отрицается, но и не очень замечается. Делаются попытки как-то по-другому интерпретировать произведения, обладающие гражданским пафосом. «Переоценка ценностей» в литературоведческой науке совпала с вульгарно-примитивным переосмыслением советского периода жизни страны и ее духовных основ. Е.В. Остапова в статье «К проблеме переводческой интерпре-

тации ключевого образного концепта стихотворения И.А. Куратова «Менам муза» («Моя муза») продолжает борьбу с «тяжелым советским литературным наследием». Она выделяет два подхода к трактовке этого произведения. Первый – «концепция революционно-демократического просветительства, выдвинутая в 30-е годы XX века», которая, по ее мнению, «оставалась основной в интерпретации поэзии И. Куратова вплоть до конца XX века» [Остапова, 2014: 78]. Второй, современный подход, полагает исследователь, выражает П.Ф. Лимеров, который рассматривает образ музы в качестве «нового персонажа поэтической мифологии Куратова» [Остапова, 2014: 78], какого именно – автор не поясняет. Если прежние исследователи – в этом списке у автора А.К. Микушев, А.Е. Ванеев, В.И. Лыткин – «приписывали» И. Куратову ершистость и бунтарство, то, пишет автор статьи, «с точки зрения сегодняшнего прочтения, бунтарство кажется «приписанным» музе коми поэта» [Остапова, 2014: 79]. А вариант перевода зачина, получивший в свое время резко отрицательный отзыв А.К. Микушева, сегодня представляется исследователю наиболее созвучным мироощущению Куратова, и переводчик Д. Голубков, «отклонившись от схемы стиха, сумел с первой строки подчеркнуть один из ключевых мотивов поэзии Куратова – мотив одиночества поэта:

Муза бедная моя

Не корыстна.

Муза верная моя

Любит истину». [Цит. по: Остапова, 2014: 79]

Автор не без сожаления признает тот факт, что «информационно-эмоциональный заряд» поэтического афоризма И. Куратова «трудно переоценить» и «значительную роль в формировании восприятия его энергетики играет, наряду с содержательным наполнением, метронимическое оформление, которое стало стереотипным, устойчивым в восприятии читателями оригинала. Данные обстоятельства затрудняют переводчикам совершить полноценную перекодировку текста оригинала, а критикам оценить новый текст с позиции предлагаемой целевой установки перевода» [Остапова, 2014: 80].

Впрочем, сама Е.В. Остапова, несмотря на утверждение о назревшей необходимости

² Ханжа – в XIX в. имеет лишь одно значение – притворно набожного человека.

³ Паськыд – 1) широкий, 2) мешковатый, просторный. См.: Л.М. Безносилова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева. Коми-роч кывчукöр (Коми-русский словарь). Сыктывкар, 2000. С. 488.

«перекодировки» этого произведения, в заключении статьи делает неожиданный вывод: «Образный концепт «Менам муза / абу вуза» является притягательным и для современных авторов, и для читателей, и для переводчиков, поскольку содержит закодированную информацию не только о глубинном понимании темы поэта и поэзии в коми литературе, но и в целом об отношении к жизни» [Остапова, 2014: 80].

Именно об этом свидетельствует опыт осмысления И. Куратова личности и судьбы коми поэзии, подробно рассмотренный в статье А. Ельцовой «Пел молодой поэт...»: образ И.А. Куратова в коми поэзии XX в.». Исследователь, сравнивая стихи Куратова и А. Лужикова, показывает, что современный поэт, отсылая читателя к стихотворению И. Куратова «Менам муза» (используя рифму муза-вуза), обличает нынешнее время, когда продаваемо все – вера, вдохновение, честь и совесть, и «утверждает и возвышает истинные ценности, провозглашаемые первым коми поэтом» [Ельцова, 2014: 141].

Отрицание исторического измерения в творчестве поэта является продолжением борьбы с фундаментальными ценностями советской цивилизации. К тому же наше литературоведение усиленно стремится быть в русле современных разрушительных концепций, в которых объективная истина заменяется понятием «новизна» [Кузьмина, 2012: 184], провоз-

гласивших, что «собственно научным является лишь стремление разрушить предшествующую науку» [Барт, 1989: 563].

Таким разрушением эстетической целостности стихотворения И. Куратова «Менам муза» являются попытки «перекодировать» его. Вот как В. Тюпа пишет о подобных деятелях: «Для них главная радость в произвольности чтения, напоминающей подростковый бунт школьника против учительского диктата» [Тюпа, 2019: 58]. В нашем случае эти слова надо понимать буквально – это бунт бывших студентов против их бывших преподавателей...

Без высоких смыслов и ценностей невозможно понять творчество И. Куратова, а на пепелище создать новое куратоведение. Новизна возможна только на базе преемственности, и это в целом демонстрирует вся история коми литературоведения, и куратоведения в частности. Оно прошло большой путь, развивалось, дополнялось новыми фактами, исследованиями, открытиями. Это то, на чем оно держится до сих пор.

Новая стратегия смыслового поиска может быть направлена не на оригинальные истолкования смысла этого поэтического манифеста, по своей жанровой сути не требующего расширительной (нефилологической) интерпретации, а на осмысление объективных закономерностей его появления, «расширение» знаний о поэте через изучение культурно-исторических реалий, фактов его биографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с франц. / сост., общая ред. и вст. ст. Г. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

Ванеев А.Е. Творческая лаборатория И.А. Куратова // Куратовские чтения. Т. 1. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – С. 51–56.

Ванеев А.Е., Вулих Н.В. Античность в творчестве И.А. Куратова. – Сыктывкар, 1986. Серия препринтов «Научные доклады», Коми филиал АН СССР, 1986. – Вып. 156. – 36 с.

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – 452 с.

Габбасова С.Х. Интерпретация и анализ – разграничение подходов [Электронный ресурс]. URL: rusnauka.com > 14 № РРТ 2010/ Philosophio/6703... (дата: 16.09.2019).

Гуляев Е.С. Комментарий // Куратов И.А. Моя муза. Сборник художественных произведений на коми и русском языках. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – С. 5–18.

Дёмин В.И. И.А. Куратов как шестидесятник // Куратовские чтения. Т. IV. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – С. 54–66.

Дёмин В.Н. Своеобразие стихотворения И.А. Куратова «Менам муза» (Моя муза) // Куратовские чтения. Т. 3. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – С. 68–74.

Дёмин В.Н. Рифмою крылатой свяжем строки... – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 153 с.

Ельцова Е.В. «Пел молодой поэт...»: образ И.А. Куратова в коми поэзии XX в. // И.А. Куратов: Опыт осмысления жизни и творчества. Сборник статей по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской

конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 окт. 2014 г.). – Сыктывкар, 2014. – С. 134–143.

Зонтаг С. Против интерпретации // Мысль как страсть / пер. с англ. Б. Дубинина. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 208 с.

Куратов И.А. Художественной произведений. Т. 1. – Сыктывкар: Госиздат, 1939. – 318 с.

Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 180–184.

Лимеров П.Ф. И.А. Куратов: лейтмотивы творчества. – Сыктывкар, 2001. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 431). – 32 с.

Лимеров П.Ф. Иван Алексеевич Куратов. – Сыктывкар: Эскём, 2018. – 272 с.

Лыткин В.И. Куратов кывбурьяслон эволюцияс // Куратовские чтения. Т. 2. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – С. 23–29.

Мартынов В.И. И.А. Куратов и Н.А. Некрасов // Куратовские чтения. Т. 1. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – С. 86–90.

Микушев А.К. На таёжных просторах. – М.: Современник, 1986. – 304 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – М., 2004. – 384 с.

Остапова Е.В. К проблеме переводческой интерпретации ключевого образного концепта стихотворения И.А. Куратова «Менам муза» (Моя муза) // М.А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества. Сборник статей по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). – Сыктывкар, 2014. – С. 78–80.

Ракин Н.А. И.А. Куратов на финно-угорских языках // И.А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества: Сборник статей по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). – Сыктывкар, 2014. – С. 81–96.

Рикер П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике / пер. с франц. – М., 1995. – 415 с.

Сурнина Л.Е. И.А. Куратов о назначении поэта и поэзии // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – Июнь 2012. – № 6 (72). – С. 98–102.

Тираспольский Г.И. Эхо пушкинской лиры. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 256 с.

Тюпа В. «Теория литературы Два» как гуманитарная угроза // Вопросы литературы. – Янв.–февр. – 2019. – С. 52–66.

Фёдорова А.Н. Основоположник коми литературы Иван Алексеевич Куратов // История коми литературы. Т. 2. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – С. 32–72.

Galina Lisovskaya

CONTINUITY VS NOVELTY: ON THE ISSUE OF MODERN TRENDS IN KOMI LITERARY CRITICISM

(USING AN EXAMPLE OF THE POEM «MY MUSE» BY I. A. KURATOV)

The article is devoted to the analysis of poetic works created by I. A. Kuratov – the founder of Komi literature. It is based on the analysis and modern interpretation of his major poem «Менам муза» («My Muse»). The author raises the question whether I. Kuratov's poetry is adequately interpreted, and how modern trends correspond to his intentions.

Key words: Ivan Kuratov; modern interpretation; poetic manifesto; poetic credo; continuance; novelty.

Лисовская Галина Константиновна

научный сотрудник сектора литературоведения
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: Lisovskaya 1330@gmail.com

Galina Lisovskaya

Researcher, the Department of Literary Studies,
The Institute of Language, Literature and History
of The Komi Research Centre, The Ural Branch
of The Russian Academy of Sciences,
Federal Research Centre «The Komi Research Centre
of The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences»,
Syktyvkar
e-mail: Lisovskaya 1330@gmail.com

УДК 821.511.132

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
ДИЛОГИИ В. САВИНА (НЁБДИНСА ВИТТОРА)
«РАЙЫН» / «В РАЮ» И «ИНАСЪТӨМ ЛОВ» / «НЕПРИКАЯННАЯ ДУША»**

© 2019 г. Е.В. Остапова

В работе рассматривается перевод на русский язык дилогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтөм лов» / «Неприкаянная душа». Наблюдения над карнавальной поэтикой оригинала и её нейтрализацией в переводе позволили предположить, что переводной текст, осуществлённый в начале 80-х гг. XX в. И. Рыжиковым, больше предназначен для индивидуального чтения, ознакомления с творчеством талантливого коми поэта и драматурга, в то время как произведение Нёбдинса Виттора, созданное в начале 20-х гг. XX в., предназначено для совместного действия зрителей и актёров, объединяющего народ коми.

Ключевые слова: В. Савин; пьеса; перевод; коми язык; русский язык.

В российской науке начиная с 1990-х гг. проводится работа по переосмыслению классического наследия отечественной литературы. В Республике Коми по творчеству талантливого поэта и писателя начала XX в., основоположника коми драматургии и театра В.А. Савина проводятся конференции, издаются сборники трудов. В фокусе внимания исследователей – лирика, драматургия, проза автора, его общественно-политическая деятельность. В то же время на сегодняшний день крайне мало внимания уделено переводным драматургическим произведениям В. Савина. Между тем насущная необходимость разработки данной темы продиктована всей культурно-образовательной ситуацией, сложившейся в российском обществе.

На сегодняшний день в книге «Звени, моя парма» (1983) опубликованы четыре драматических произведения Нёбдинса Виттора (В.А. Савина), переведённые на русский язык И. Рыжиковым: «Кулөмдинса бунт» / «Бунт в Усть-Куломе», «Райын» / «В раю», «Инасьтөм лов» / «Неприкаянная душа», «Шонді петігөн дзоридз косьмис» / «При восходе солнца цветок увял». Для перевода выбраны самые лучшие пьесы автора, давно вошедшие в школьные программы по коми литературе (в том числе переводной), в течение десятилетий время от времени появляющиеся в репертуаре коми театра.

В настоящее время ключевой мыслью в исследовании разножанровых произведений Нёбдинса Виттора является понятие. Наиболее подробно данная тема в отношении драматургии автора разработана в статье Н.В. Гориновой «К вопросу о карнавальном начале в дилогии В. Савина «Инасьтөм лов» («Неприкаянная душа»): «Произведение В. Савина проникнуто пафосом смен и обновлений, пронизывающий его карнавальный дух стремится разрушить сложившиеся стереотипы, взорвать существующий мёртвый порядок, внести обновляющую стихию в старый, казалось бы, неизблемый и незавершённый мир. Главное действующее лицо дилогии – недавно умерший и разгуливающий по раю и аду коми крестьянин Сюзь Матвей, – носитель карнавального начала, шут, ему присущи искромётный юмор, ирония. Его поведение носит разрушительный характер, он нарушает все возможные законы и правила вневременной жизни» [Горинова, 2014: 35]. По нашему мнению, принцип карнавальности наиболее полно воплощается в языке произведения, речи персонажей. На особую роль эмоциональной лексики в создании языковой экспрессии в пьесах В. Савина указывается в работе В.М. Лудыковой «Нёбдинса Виттор пьесааясын экспрессия» / «Экспрессия в пьесах Нёбдинса-Виттора» [Лудыкова, 2014: 55–62]. Ярким примером этому являются монологи Сюзь Матвея

и его диалоги с персонажами рая и ада в дилогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа». С данной точки зрения можно рассмотреть монолог Сюзь Матвея, Матвея Совы, стоящего перед воротами рая. «Исключая русизмы, большинство из которых укоренено в языке коми, герой В. Савина произносит монолог, полный эмоций, удивления, недовольства, восхищения, сомнения, сожаления, надежды, жалоб, обиды, стеснения, великодушия, удовлетворения, робости, уверенности, гордости, недоумения, осуждения, прощения, радости <...> – и всё это – в одном абзаце с самого начала второго действия комедии <...> Уже с самых первых фраз самого первого появления героя комедии мы оказались в гуще человеческих чувств, владеющих им почти во всем многообразии, возможном в этих обстоятельствах. Это неожиданно и покоряет. Это говорит об авторском (и героя) полнокровном восприятии жизни, о готовности и умении выразить обуревающие их чувства точно и тонко, образно, интонационно богато. А значит, сразу раскрывает главные качества характера героя. Более того, в первом монологе Матвея – не только благодатная для артиста, исполняющего его роль, комедийная стихия, но и серьезная драма разлученного с родиной и семьей человека, осознающего утрату, но еще надеющегося, что это не навсегда» [Латышева, 2005: 5–6]. В данном монологе значимыми, выполняющими роль эмоционального заряда во взаимодействии со зрителем, являются вводные слова, маркированные взрывными звуками «т», «тр» и «р»: «Аттö, зонмö», «ерöмаканьыд», «трустыд», «трасича», означающие сетование, оплошность, досаду и т.д. Заметим, что они встречаются на протяжении всего текста. Приведём несколько примеров из монолога Сюзь Матвея.

«Раяд нинöмысь нин повны... **Аттö, зонмö!**.. Кыдзкö тай воан жö со райöдз, **ерöмаканьыд!**.. (Гöлöс кöнкö кылö: «Эн ёрчы, Матвей!») Но?! Кодкö нö шыасис, кылö, али мый?.. Кодкö тай вöлöм кывзысьö, **трустыд!**.. (Гöлöс: «Эн ёрчы, Матвей!». Матвей зэв сюся гöгöр видзöдлö)» [Савин, 1982: 72].

«А в раю... чего бояться?.. Ну и **диво!** Попал всё-таки в рай... (Слышится голос: «Не ругайся, Матвей!»)» [Савин, 1983: 163].

«Му вылад велалі ёрчыны да тані телепит... Дыр-ö нö миянлы прöступитчыныыд? Он и тöдлы ёртчыштчыяс... Кулигөн тай сідзжö: Марпа видзöдö менсьым лов петöм да лёк ногөн мыйкö лöвтö, а ме думысь сötка да матька сы вылö. Кöсья эськö шуны сылы: «**Тупкы, мися, Марпа, вомтö, трасича, да...**» (Гöлöс: «Эн ёрчы, Матвей!»)» [Савин, 1982: 73]

«На земле ругался и здесь нестерпим. Не мудрено и оступиться, не заметишь, как выскочит нехорошее слово. Вот и перед смертушкой приключилось: сидит Марфа рядышком и ждёт. Когда отдам богу душу; плачет, стонет, а я про себя ругаюсь и сил нету, а хочется сказать ей: «Да **перестань ныть, Марфа, надоело...**» (Голос: «Не ругайся, Матвей!»)» [Савин, 1983: 163].

«Сигудöк кындзи, нинöм, **трасичаыд, абу пуктöма!** (Гöлöс: «Эн ёрчы, Матвей!») Со! (Гораджыка пыр) Лои жö тiян тані ёрччöмысь öлöдöм!.. Траскöмыд öд абу на **сöткöм либö матькöм**. Вывтiжö тай тi **ерепенитчанныд**» [Савин, 1982: 73].

«Кроме сигудка ничего не положила, будь она неладна! (Голос: «Матвей. Не ругайся!»). Ну и ну! (Громко.) Не успел в рай попасть, а у дверей уже одёргивают – не ругайся, мол! Да я не **чертыхаюсь** и не **матюгаюсь**. Слишком здесь **щепетильные**» [Савин, 1983: 164].

Остались неперевоенными эмоционально насыщенные выражения «аттö, зонмö», «трустыд», «трасича», «ерöмакань». Опускание вышеназванной экспрессивно-оценочной лексики в переводе привело к достаточно ощутимой эмоциональной нейтрализации всего текста на русском языке. Кроме этого, настоятельная просьба ангела «Не ругайся!» выглядит надуманной, так как именно вышеназванные слова воспринимаются им не только как несоответствующие «правилам проживания» в раю, но и «ругательными». Данная же лексика, будучи узнаваемой зрителем, словно устанавливает связь между происходящим на сцене и жизнью, между персонажем и зрителем. Для перевода на русский язык необходимо найти эквиваленты приведённым выше коми выражениям, при этом необязательно дать соответствие словарное, а скорее – соответствие эмоциональное, такие устойчивые русские выражения, которые вызывали бы у зрителя соответствующий

живой отклик. Есть и другой путь решения – оставить выражения непереверждёнными, но не опускать их в речи героя. Словесный текст в данном случае целенаправленно ориентируется на слушателя, устная речь рассчитана на ясное понимание, «мгновенное» восприятие, на живые действенные интонации.

Для многих произведений Нёбдинса Виттора характерно явление собственно интертекстуальности, образующей конструкции «текст в тексте», при которой, как пишет Н.А. Фатеева, «цитата активно нацелена на «выпуклую радость узнавания» [Фатеева, 2000: 122]. В тексте рассматриваемой дилогии встречаются цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением образца, например, чтение «Псалтири» на русском языке, религиозная риторика попа и дьяка. Данные вкрапления в тексте и персонажами, и зрителем (читателем) воспринимаются, с одной стороны, привычно, с другой стороны, здесь возникает стилистическая и языковая оппозиция «своё – чужое». В переводе на русский язык стилистическая оппозиция сохранена, а языковая стёрта. В то же время, как справедливо отмечают многие исследователи, проявление самосознания, в том числе языкового, наиболее обостряется в ситуации «своё – чужое». На протяжении всего действия первой части дилогии «Райын» главным героем исполняются коми народные песни «Шондibanõй олõмõй», «Рытъя шу кадõ матушка», «Мекõ петирьтытсыны да», а также импровизации по мотивам данных песен. Как известно, «Шондibanõй олõмõй» / «Солнцеликая жизнь» обратила на себя внимание собирателей еще в начале 1900-х гг. Как пишут исследователи, «пожалуй, ни одной песне не «повезло» так, как «Солнцеликой жизни». В период с 1901 по 1916 г. Вихманн, Фукс, Цембер, Лях записали около двадцати ее вариантов, то есть почти столько же, сколько всех остальных песен этого типа. «Солнцеликая жизнь» и сегодня является самой популярной песней коми. Пели

и поют ее по любому поводу под гармошку, сигудок, чипсан, брунган» [Микушев, Рочев, 1979: 153]. Без преувеличения можно сказать, что песня «Шондibanõй олõмõй» является хранителем коллективной памяти народа коми, её мелодия и слова затрагивают самые глубинные душевные струны и в наше время. Такое же воздействие на души зрителей должна иметь песня в переводном русском тексте пьесы. По всей видимости, это может быть либо русская народная песня, либо оригинал коми песни с отличным переводом.

«У каждого текста есть своя структура и контекст, которые во многом определяют масштаб его воздействия в «собрании сочинений» культуры. Значение некоторых из них столь велико и достигает таких глубин и далей, что их можно назвать ствольными текстами культуры <...> Ствольной текст – это своеобразная опора, ствольные тексты расположены в центре, в средоточии некоего культурологического идентитета» [Вейдемманн, 2007: 119–120]. Время показало, что как и коми народная песня «Шондibanõй олõмõй», так и дилогия Нёбдинса Виттора «Райын» и «Инасьтõм лов» стали ключевыми, ствольными текстами коми культуры. И это обязательно нужно учитывать при переводе.

В нашей работе мы заострили внимание на двух существенных, пороговых, с точки зрения перевода, моментах воссоздания текста В.А. Савина на русском языке: передача эмоционально-экспрессивной лексики и конструкций «текст в тексте». Переводческая проблематика, конечно же, данными факторами не ограничивается. Так, для осуществления адекватного перевода необходим скрупулезный предпереводческий анализ языка произведений В. Савина, включая ритмико-интонационную структуру речи персонажей и диалоговый ритм текста; поиск лирического начала его драматургии; определение зрительской (читательской) рецепции в оппозиции «свое-чужое» в интертекстуальных связях произведения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вейдемманн Р. Коллоквиум по эстонской литературе / пер. с эст. М. Тервонен. – Таллинн: Изд-во «КПД», 2007. – 168 с.

Горина Н.В. К вопросу о карнавальном начале дилогии В. Савина «Инасьтõм лов» (Неприкаянная душа) // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сб. статей по итогам

Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). – Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2014. – С. 34–39.

Латышева В.А. Драма героя в комедии В. Савина // III Савинские чтения: Материалы республиканской науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г.). – Сыктывкар, 2005. – С. 5–12.

Лудыкова В.М. Нёбдінса Виттор пьесааясын экспрессия // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). – Сыктывкар, 2014. – С. 55–62.

Микушев А.К., Рочев Ю.Г. Лирические песни // История коми литературы. Т. 1. Фольклор / отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – С. 134–155.

Савин В.А. Нёбдінса Виттор. Вабергач. Пьесааяс. Лёсьодіс да примечанияессö гижис Г.И. Торлопов. Водзкывсö гижис А.Е. Ванеев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 368 л.б.

Савин В.А. Звени, моя парма. Стихотворения, поэмы, пьесы, рассказы. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 256 с.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

Elena Ostapova

**THE TRANSLATION OF THE DILOGY ‘IN PARADISE’ AND
‘THE RESTLESS SOUL’ BY V. SAVIN FROM KOMI INTO RUSSIAN:
MAIN CHARACTERISTICS**

The article considers main characteristics of the translation of the diology ‘In Paradise’ and ‘The Restless Soul’ written by V. Savin into the Russian language. Comparing the carnival poetics of the source text and its absence in the translation, the author supposes that the translation, made by I. Ryzhikov in the early 1990’s, was more directed to the personal reading and the acquaintance with creative works by the talented Komi poet and dramatist, while Nyobdins Vittor’s original play, written in the early 1920’s, was aimed at the audience’s and actors’ collaborative action to integrate the Komi people.

Key words: V. Savin; play; translation; Komi; Russian.

Остапова Елена Васильевна

доцент кафедры коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения,
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»,
г. Сыктывкар
e-mail: ost-1966@yandex.ru

Elena Ostapova

Associate Professor of the Chair of the Komi Philology,
Finno-Ugric and Regional Studies,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
e-mail: ost-1966@yandex.ru

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.343):811.511.151

МАРИЙСКИЕ ТАМГИ (ТИСТЕ): НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2019 г. А.Г. Акшиков

В статье определены функции марийских тамг. Обосновывается мнение о том, что тисте не являются знаками письменности. Отмечается изменение их внешнего вида с течением времени в рамках рода (семьи). Обозначена проблема интерпретации в ряде случаев начертанного на предмете знака или как тамги, или как идеограммы.

Ключевые слова: марийская тамга; тисте; тиште; марийская письменность; родовая тамга; семейная тамга; личная тамга; идеографическая письменность.

В настоящее время, изучая марийские тамги (тисте), исследователь в определенной мере вынужден отталкиваться от гипотез и предположений, делать допущения при рассмотрении тех или иных аспектов возникновения, употребления, значения и трансформации этих объектов культуры и истории марийского народа. Это связано с тем, что краеведы и ученые стали проявлять серьезный интерес к тисте довольно поздно, лишь с прошлого столетия [см. напр.: Айплатов, 1966], когда марийские тамги постепенно перестали употребляться, а людей, которые могли бы поведать об их практическом и духовном значении, почти не осталось. Сейчас таких людей, скорее всего, уже нет и, вероятно, некоторые проблемы, связанные с тисте, останутся не проясненными.

В марийском языке в значении *знак*, *метка* обычно употребляются слова – *тамга*, *тиште* и *тисте*. Слово *тамга*, тюркоязычное по происхождению, в значении знака собственности, судя по всему, употребляется у всех народов Поволжья. В этом смысле оно является синонимом марийским словам *тиште* и *тисте*. Из них, по нашему мнению, наиболее близко по смыслу к слову *тамга* слово *тисте*. Оно обозначает «знамя, флаг, флажок, вымпел» и «знак, клеймо, метку; предмет или символическое изображение» [Словарь, 2002: 109]. Слово *тиште* более сложное по значению и явно выходит за смысловые рамки понятий *знак*

и *метка*. Оно имеет два основных значения: во-первых, «знак; условное изображение, символическая фигура или предмет, указывающие на отношении к языческому территориальному объединению, а в прошлом – также к племени, группе селений», во-вторых, «территориальное и религиозное объединение марийцев; группа из нескольких марийских деревень, придерживающихся традиционных верований» [Словарь, 2002: 115]. Кроме того, в связи с выдвиганием предположения о прямой связи марийских тамг с оригинальной докириллической марийской письменностью, слово *тиште* приобрело также значение *письменность* (напр.: *марий тиште кече – день марийской письменности*) [Иванов, 2007: 6–8]. Таким образом, слово *тиште* перегружено смыслами, уводящими его от значений *знак*, *метка*, в отличие от слова *тисте*, которое полностью им соответствует. Поэтому мы его используем как марийский аналог тюркоязычному слову *тамга*.

Марийские тамги (тисте) имели три функции. Во-первых, они употреблялись как знак собственности. Ими помечались разные предметы: посуда, изгородь, деревья, борты и другие, с целью обозначения их принадлежности тому или иному лицу. Во-вторых, тисте применялись для удостоверения личности – их ставили вместо подписи в документах. В-третьих, они использовались как геральдический знак.

Эта функция хорошо просматривается на марийских надгробных памятниках. Наиболее отчетливо она проявляется на надгробиях, на которых тамга соседствует с фамилией, именем и отчеством усопшего (рис. 1, 2). Казалось бы, в этих случаях тамга является излишней, однако ее ставили. Можно предположить, что у марийцев сформировалось чувство гордости от принадлежности к своему роду (семье), своеобразным символом которой являлось тисте. Если это так, то можно утверждать, что у марийцев в древности и даже в относительно недалеком прошлом существовала самобытная геральдика, в корне отличавшаяся от европейской геральдической традиции.

Изучая марийские тамги, исследователи выделили две проблемы, которые не получили внятного решения: характерно ли для них символическое значение и имеют ли тисте отношение к письменности? Оба этих вопроса в какой-то мере взаимосвязаны, т.к. если исходить из допущения, что тисте представляют собой идеограммы и логограммы, то их можно рассматривать как элементы идеографического письма, подобно древнеегипетским или китайским иероглифам. Но к сожалению до сих пор не установлено смысловое значение хотя бы одной тамги. По-видимому, проблема интерпретации символического значения тамг не только марийцев, но и других народов Поволжья стояла уже во второй половине XIX в. Например, исследователь культуры удмуртов Н. Первухин пытался объяснить некоторые из них по внешнему сходству с предметами окружающей природы и быта. В одних тамгах он видел схематичное изображение деревьев – сосны, березы, ели или пихты, в других – серп, ковш, картуз, короб с крышкой, могилу [Первухин, 1888]. Кроме предположения, что марийские тамги можно рассматривать как элементы идеографического письма, есть мнение, что часть из них имеет отношение к руническому письму, т.к. по внешнему виду ряд тисте имеет сходство с древнетюркскими рунами [Никитин, 1991; Никитин, 2012]. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что марийцы могли иметь письменность, основанную на рунах, или, по крайней мере, имели представление о руническом письме. Нечто подобное наблюдалась у удмуртов. Некоторые из них в качестве

тамги использовали прописную букву (две прописных буквы) русского алфавита [Первухин, 1888]. По-видимому, это была начальная буква имени или фамилии, а если речь шла о двух буквах, то это вероятно были начальные буквы имени и отчества или имени и фамилии. По нашему мнению, несмотря на то что некоторые марийские тамги могут соответствовать графемам фонетического или, возможно, идеографического письма, нельзя считать тисте знаками письменности, т.к. такое утверждение противоречит их функциональному назначению – служить знаком собственности, быть аналогом подписи и исполнять роль геральдического знака. Знак письменности и тисте категорически разные объекты. Например, любая буква любого алфавита может служить тамгой, но в составе слова эта же буква не играет никакой роли как тамга. С другой стороны, тамга, которая была начертана без оглядки на буквы какого-либо алфавита, не может служить графемой, отображающей хоть какой-то звук в данном алфавите, т.к. тамга может нести в себе символическое значение, а возможно, вообще не иметь никакого значения, кроме функционального.

Особенностью тамг народов Поволжья является изменчивость их внешнего вида с течением времени, из поколения в поколение. Например, изменение тамги происходило при выделении сыновей из семьи отца. В этом случае они несколько изменяли отцовскую тамгу, добавляя к ней какой-нибудь элемент (элементы) или, наоборот, удаляя часть изображения тамги. Как правило, тамга без изменений переходила от отца к сыну, наследующему отцовское имущество. Такая практика, кроме марийцев, наблюдалась, например, у мордвы и удмуртов [Первухин, 1888; Рогачев, 2003: 7]. Пример изменения тисте от отца к сыну можно проиллюстрировать на знаках, вырезанных на двух деревянных ковшах, хранящихся в семье одного из жителей с. Байсы Уржумского района Кировской области (рис. 3, 4). По его словам, один из ковшей принадлежал его отцу, а другой деду. Какое многообразие форм принимали тисте в рамках одного рода, наглядно можно увидеть на рис. 5. Здесь изображены некоторые тамги рода Якимовых из д. Ивансола Куженерского района Республики Марий Эл,

зафиксированные нами на надгробных памятниках кладбища, находящегося близ с. Юледур (Куженерский район Республика Марий Эл). Хотя они в ряде случаев заметно отличаются друг от друга, тем не менее нечто общее в них просматривается. Вероятно, основой этих знаков послужило условное изображение лапки водоплавающей птицы.

Время от времени случалось, что начертание тамги семьи (рода) кардинально менялось. Причем не всегда понятно, почему это происходило. Н. Первухин приводит один пример изменения тамги в рамках семьи [Первухин, 1888]. Он писал, что бывают случаи, когда отец, любя одного из своих сыновей более других, наделял его отдельной тамгой, которой помечались вещи еще в детском возрасте сына. В итоге по обычному праву удмуртов эти вещи признавались собственностью любимого сына. Очевидно, что тамга сына в этом случае отличалась от тамги отца, чтобы при живом отце не перепуталось имущество отца и сына. Другой пример изменения тамги зафиксирован нами в с. Байса Уржумского района Кировской области. Одна из жительниц этого села, которой в прошлом году было 82 года, показала нам два ковша, один из которых принадлежал ее прадеду (рис. 6), а другой – ее деду (рис. 7). Тисте на них сильно отличались друг от друга. В случае тамги прадеда – это серия простых знаков, а в случае с тисте деда – это четыре черточки сходящиеся одним концом под разными углами в одной точке. В ходе разговора с пожилой женщиной выяснилось, что ее дед был приемным сыном прадеда. Возможно, ее дед использовал тамгу своего родного отца, или придумал новую. Несомненно, были и другие причины изменения начертания тисте в рамках семьи (рода), но они нам неизвестны.

Практика изменения тамги из поколения в поколение ставит вопрос о том, что следует понимать под семейной (родовой) тамгой. Если изображение тисте неустойчиво во времени, то, соответственно, очень трудно выяснить, как выглядело первоначальное тисте основателя рода, и в ряде случаев разобраться, что представляет собой семейная тамга (например, если речь идет о сложной семье). По некоторому сходству тисте разных людей можно строить более или менее правдоподоб-

ные предположения об их родстве, но едва ли возможно утверждать, что какая-то конкретная тамга является родовой (семейной). Таким образом, исследователь, занимающийся изучением тисте, в каждом конкретном случае может не сомневаться лишь в том, что он имеет дело с личной тамгой.

Еще одним вопросом, не имеющим на сегодняшний день однозначного ответа, является вопрос использования марийцами идеографического письма с целью нанесения его на личные предметы. Если он решается положительно, то тут же возникает другая проблема – как отличить идеографический знак от тисте? Эти вопросы встали перед нами, когда мы обнаружили ряд предметов, на которых были вырезаны ряды знаков. Например, на ковше из с. Байса Уржумского района Кировской области (рис. 6) и на совке для муки, хранящемся в музее при доме культуры с. Никулята (Яранский район Кировской области) (рис. 9). Эти ряды знаков очень похожи на идеографическую письменность, использовавшуюся марийцами в религиозно-обрядовой практике. Мы имеем в виду особые пояса, изготавливавшиеся из коры липы, на которых сериями знаков вырезалась информация о жертвоприношении [Акшиков, 2015] (рис. 8). Каждая отдельная серия знаков несла в себе сведения о животном, приносимом в жертву, его поле и возрасте (например, серии знаков, обозначающие лошадь и жеребенка, отличались друг от друга), Боге, которому предназначалась жертва. Несомненно, были серии знаков, имевшие и другие значения. Липовый пояс повязывался вокруг дерева, посвященного тому Богу, кому жертвовалось животное, и по окончании обряда жертвоприношения пояс сжигался. Вопрос о том, имеют ли отношение серии знаков на указанных выше предметах к описанной идеографической письменности или схожей с ней, остается нерешенным. Прежде всего из-за того, что до сих пор непонятно, существовали ли у марийцев тамги, состоящие из нескольких знаков.

Можно убедиться, что даже беглый обзор проблем, связанных с изучением тисте, показывает, насколько сложной задачей является их исследование. В итоге мы пришли к следующим выводам. Марийские тамги имеют четко определенные функции, исключющие

их использование как знаков письменности. При этом остается открытым вопрос о возможности их символической интерпретации. Изменчивость марийских тамг во времени делает чрезвычайно сложной задачу выявления родового или семейного тисте из огромного количества личных тамг. С другой стороны, многообразие форм личных тамг затрудняет

их идентификацию с каким-то определенным родом или семьей. На сегодняшний день не имеет однозначного решения проблема существования у марийцев практики нанесения на личные предметы в одних случаях тисте, а в других – идеографических знаков. Прежде всего из-за того, что неясно, как отличить идеограмму от тамги.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Айплатов Г.Н. Марийские «знамена» XVII века как историко-этнографический источник // Советская этнография. – 1966. – № 4. – С. 130–140.

Акшиков А.Г. Марийские тамги: их роль и значение в истории и культуре марийского народа // Этническая культура и молодежь. Материалы III Республиканской науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш». – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т, 2015. – С. 105–109.

Иванов И.Г. Вехи марийской письменности: краткий исторический очерк. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. – 46 с.

Никитин В.В. Марий тамга ушештара // Ончыко. – 1991. – № 3. – С. 120–126.

Никитин В.В. Тыштгын «пычкедымашвла»: клеймо аль буква? // У сем. – 2012. – № 3. – С. 150–158.

Перухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I-й. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях // Вятские губернские ведомости. – 1888. – № 15.

Рогачев В.И. Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – 160 с.

Словарь марийского языка. Т. VII: Т. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.

Aleksandr Akshikov

THE MARI TAMGA (TISTE): SOME ASPECTS OF STUDY

The article determines the functions of Mari tamgas. The author is of the opinion that they do not belong to the signs of writing. The face of the tamga was changing in the kind (family) from generation to generation. The question arises whether the signs on them should be considered as tamgas or ideograms.

Key words: Mari tamga; tiste; tishte; Mari writing; kind tamga; family tamga; private tamga; ideographic writing.

Акшиков Александр Геннадьевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
направления «История» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Aleksandr Akshikov

Candidate of History,
Senior Researcher of History Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Рис. 1. Тисте на надгробии с указанием фамилии, имени и отчества. Кладбище у д. Куприяново Сернурского района Республики Марий Эл.
Фото А.Г. Акишкова

Рис. 2. Тисте на надгробии с указанием фамилии, имени и отчества. Кладбище у д. Куприяново Сернурского района Республики Марий Эл.
Фото А.Г. Акишкова

Рис. 3. Тисте на ручке ковша. с. Байса Уржумского района Кировской области.
Фото А.Г. Акишкова

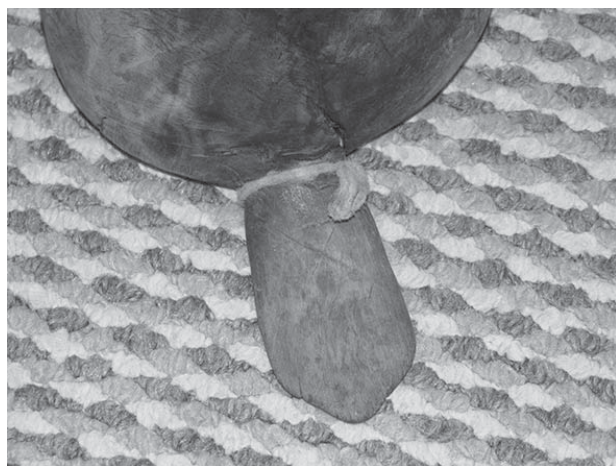

Рис. 4. Тисте на ручке ковша. с. Байса Уржумского района Кировской области.
Фото А.Г. Акишкова

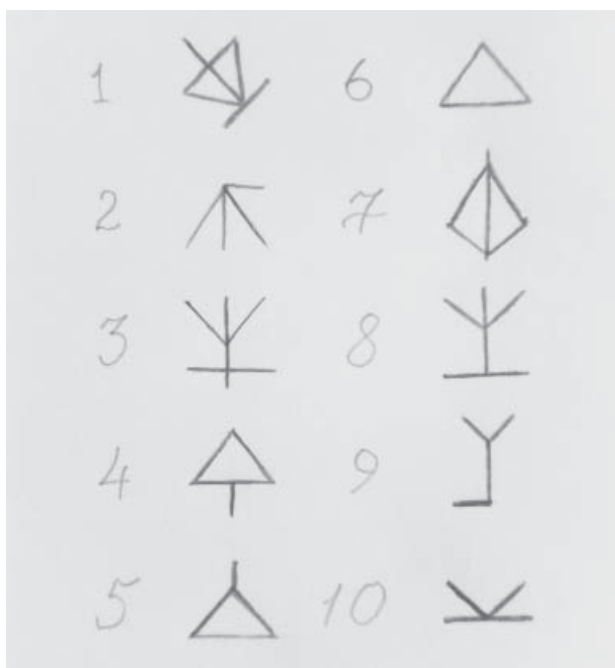

Рис. 5. Некоторые тисте рода Якимовых из д. Иван-сола Куженерского района Республики Марий Эл, встречающиеся на надгробиях кладбища у с. Юледур

Рис. 6. Тисте (или серия знаков?) на ручке ковша, принадлежавшего прадеду информатора из с. Байса Уржумского района Кировской области.

Фото А.Г. Акишкова

Рис. 7. Тисте на ручке ковша, принадлежавшего деду информатора из с. Байса Уржумского района Кировской области.

Фото А.Г. Акишкова

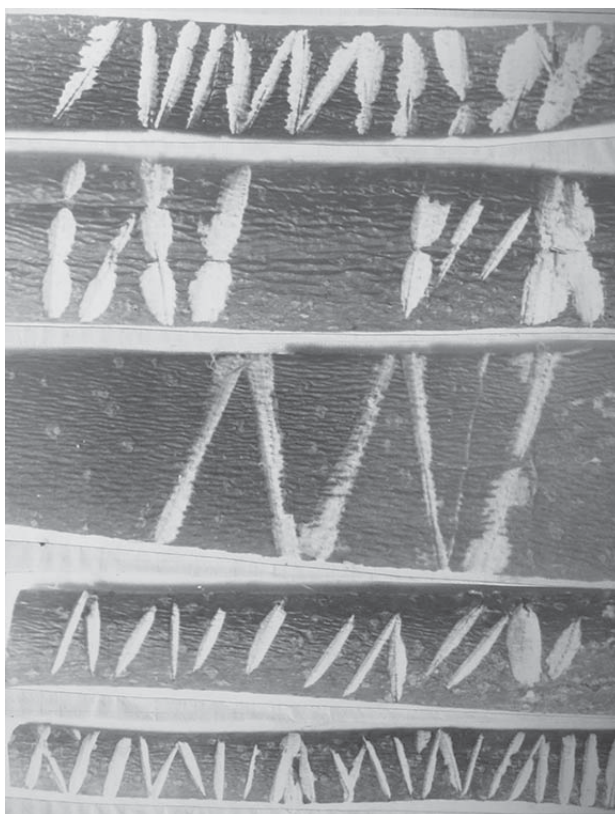

Рис. 8. Примеры идеографического письма на липовой коре.

Фото В.Н. Петрова

Рис. 9. Тисте (или серия знаков?) на ручке совка для муки. с. Никулята Яранского района Кировской области.

Фото А.Г. Акишкова

УДК 94(470)

ФИЛИГРАНИ НА ТРЯПИЧНОЙ БУМАГЕ РУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА УГЛИЧСКИХ БУМАЖНЫХ ФАБРИК XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

© 2019 г. В.В. Бажин

Публикация посвящена маркировке тряпичной бумаги ручного производства Угличских производителей с помощью филигрanei (водяных знаков), впервые извлеченных из архивных документов с помощью прорисовки на кальку с подсветкой снизу. Сделана попытка описания нового вида исторических источников, с помощью которых можно датировать недатированные архивные документы, рукописные и печатные книги XVIII – первой половины XIX в. Дан краткий анализ репертуара бумаги архивных фондов Государственного архива Республики Марий Эл за указанный период.

Ключевые слова: тряпичная бумага; водяные знаки; архивные документы; бумажные мельницы; филигрanei; филиграноведение.

Историки и архивисты, работающие с недатированными архивными источниками раннего периода (письма, рукописи, документы, книги с утраченным титульным листом), используют средства палеографии: особенности почерка, шрифта, орнамента, украшений, расположения текста, пометок на полях, что иногда помогает определить время написания документа или печатания книги. Упомянутые в тексте события, даты, исторические лица дают возможность установить нижний предел составления документа («не ранее»). Учитывая это, исследователь может применить формулировки «начало ... века», «середина» или более общие – «первая половина», «вторая половина», «такой-то век». Но особенное значение имеет наличие водяного знака (филигрanei¹) с «белой датой», т.е. годом отливки бумаги, на листе.

¹ Филигрань – изделие из тонкой проволоки. Проволочная сетка-форма для отлива бумаги ручным способом и отпечаток этой сетки на бумажном листе. Сетка-форма для отлива бумаги состояла из трех главных компонентов: вержеров, понтюзо и водяного знака. Водяной знак – проволочное изображение (фигуры, литеры, цифры), прикрепленное на сетку отливной формы и отпечатывающееся на листах бумаги в целях их маркировки.

Зная сроки залежности² зарубежной и отечественной бумаги ручного производства из льняного тряпья, можно с точностью до 2–3 лет³ установить год создания документа на бумаге отечественного производителя и с точностью до 10 лет [Водяные знаки, 1980: 3] для документа, составленного на бумаге иностранного происхождения. Более высокий срок залежности иностранной бумаги объясняется дальностью расстояний и длительностью транспортировки.

Первые филигрanei были обнаружены на документах иностранного происхождения с конца XIII в. Массовое промышленное применение филигрanei для маркировки готовой бумажной продукции заканчивается в конце первой половины XIX в. Монографии, справочники и каталоги отечественных и зарубежных

² Залежность – время от производства бумаги до ее использования, т.е. нахождение на складе производителя, транспортировка до ярмарки или заказчика, на складе купца-посредника, хранение в канцелярии и т.д. Иногда частные лица приобретали бумагу через вторые и третьи лица.

³ Эти цифры приводятся из нашей практики сравнения белой даты с годом создания документа на ней по бумаге отечественного производства XVIII–XIX вв. Хотя, очень редко, приходилось встречать примеры залежности отечественной бумаги до 10–15 лет.

исследователей XIX – начала XXI в., содержащие прорисовки (изображения) филиграней и расшифровки аббревиатур, дают возможность исследователю определить период создания документа, иногда очень точно, тем более если филигрань содержит белую дату.

Репертуар бумаги⁴, а следовательно, и репертуар филиграней в фондах Государственного архива Республики Марий Эл (далее – ГАРМЭ) достаточно широк. В нашем распоряжении имеются кальки с прорисовками филиграней более 60 различных отечественных производителей. Государственных насчитывается немного: Императорская Петергофская, Дудергофская, Елизаветинская, Красносельская, Коммерц-коллегии. Подавляющее большинство бумажных мельниц принадлежало частным лицам, среди которых значатся и крестьяне, и купцы, и дворяне (графы, князья, бароны). При расшифровке аббревиатур филиграней выясняется, что около 10–15 % владельцев или содержателей бумажных мельниц были лица женского пола.

И еще одно наблюдение из нашего опыта в области изучения репертуара филиграней в ГАРМЭ. В документах ГАРМЭ до 1720–1730-х гг. вся бумага иностранного происхождения. Примерно с этого времени, или чуть раньше, в России начинается строительство бумажных мельниц и широкое производство своей русской бумаги с русскими филигранями (иногда с подсмотренными художественными сюжетами с импортной бумаги), но исполненными своими русскими мастерами-формоплетами⁵ и с русскими литерами. К концу первой половины XIX в. филигранные на бумаге исчезают, т.к. в бумажной промышленности постепенно происходит переход с ручного способа выделки бумаги на машинное производство.

⁴ Под репертуаром бумаги (филиграней) понимается совокупность типов бумаги (филиграней), бытовавших в определенное время в конкретной географической области.

⁵ Мастера-формоплеты – мастера, изготавливающие специальные формы для черпания жидкой бумажной массы из чанов. Форма представляла собой деревянную прямоугольную рамку с сетчатым дном (вержера и понтгозо), на которое и вплеталась сама филигрань (изображение, литеры, цифры) из тонкой проволоки.

Бумагу стали делать не из льняного тряпья, а из целлюлозы (древесины). Для маркировки бумаги владельцы предприятий стали использовать штемпели холодного тиснения (методом прессования) размером с мелкую монету.

Изучение тряпичной русской бумаги за период с 1720-х гг. до конца первой половины XIX в., т.е. за более чем столетний период, привело нас к следующему наблюдению. Самый большой массив документов за этот период в ГАРМЭ создан на бумаге Ярославских мельниц (фабрик) Затрапезновых, Саввы Яковлева и его наследников, князя Гагарина, где самым распространенным сюжетом филигранны является герб Ярославской губернии (рис. 1) [Винклер, 1900: 174]. Этой бумаги примерно процентов 30. Очевидно, что ярославская бумага пользовалась в Казанской губернии большим спросом из-за высокого качества и, возможно, доступной цены. Вторым самым значимым поставщиком бумаги в этот период была Тальская фабрика трех поколений Пчелиных [Бажин, 2017: 255–269; Бажин, 2018: 260–270], которые имели в Казанской губернии большой административный и экономический потенциал и завозили сюда бумагу в больших количествах. Особенно много этой бумаги за период с 1793 по 1824 г., т.е. с момента покупки Тальской фабрики и до самой смерти Ефрема Ивановича Пчелина. В ГАРМЭ за вышеназванный период этой бумаги процентов 20. Приблизительно 10 % – бумага вятских производителей:

Рис. 1. Герб Ярославля. 1778 г.

Машковцевых, Прасковьи Бедаревой, Филата Рязанцева. Остальные 40 % – бумага более чем 60-ти (в действительности, возможно, гораздо больше) различных производителей, в основном из центральных и западных регионов Российской империи (в том числе – вся Прибалтика, Финляндия). Бумага сибирских фабрик в ГАРМЭ нам вообще ни разу не встретилась. Это наше осторожное наблюдение не является утверждением и еще нуждается в дальнейших исследованиях и дополнительных доказательствах, т.к. подобной статистики никогда не велось.

Эта старая бумага является полноценным историческим источником и носителем архивных документов, создаваемых городскими и уездными духовными и гражданскими учреждениями, жителями г. Царевококшайска, Козьмодемьянска и других. При работе с этими документами невольно обращаешь внимание не только на содержание текста, каллиграфические особенности почерка писца, цвет чернил, но и на формат самой бумаги, ее цвет, плотность, шершавость, ломкость, сохранность.

Целый лист сгибался писцом пополам. Очень часто одна или две цифры белой даты оказывались внизу справа на левом полулисте, а остальные цифры внизу слева на правом полулисте. Размер таких полных листов около 47 см в длину и 36 см в ширину (т.е. несколько больше современного формата А3). Соответственно, при сгибе полулиста имели размер примерно 23 см на 36 см, т.е. чуть больше современного формата А4. Для того чтобы получить полную филигрань, при прорисовке необходимо найти вторую часть полулиста (как в книге или в тетради), иногда она может находиться далеко от первой или отсутствовать вообще.

Во время составления документов писцы и делопроизводители никогда не обращали внимание на филиграни и сгибали лист как в одну сторону, так и в другую, или переворачивали его вверх ногами, и филиграни очень часто при рассмотрении на просвет оказываются перевернутыми. Прежде, чем сделать прорись, исследуемый лист (или дело) необходимо правильно положить. На ощупь почти вся бумага того времени шершавая и очень разная по цвету: все оттенки белой, голубой, темно-синей,

красноватой, желтой, зеленой, коричневой, серой и т.д. Преобладает голубой и желтый цвет. Края бумаги чаще неровные, лохматые.

Настоящая публикация является подборкой 30 филиграней с бумаги Угличских бумажных мельниц (Ярославская губерния), прорисованных на кальку с помощью подсветки снизу с архивных документов XVIII – первой половины XIX в. ГАРМЭ. Данная подборка филиграней не относится к вышеназванным ярославским производителям, у которых подавляющее большинство филиграней с изображением шествующего медведя с секирой на плече (герб Ярославля в различных вариантах). Этой бумаги в ГАРМЭ немного, но нам удалось выявить их достаточное количество для отдельной публикации.

Кроме первых четырех, все филиграни Угличских фабрик в Приложении имеют белую дату. Это объясняется следующим обстоятельством. 18 октября 1778 г. Екатериной II был подписан Указ «О делании всякой бумаги с означением фабричного клейма и года, в который делана» [Полное собрание, 1830: 755. № 14810], посвященный непосредственно маркировке бумаги. «...Чтоб для лучшего распознавания доброты в бумаге и исправности фабриканта, всем состоящим в ведомстве их (Мануфактур-коллегии. – Прим. авт.) содержателям бумажных фабрик, кроме находящихся в Наместничествах, приказала от себя в делаемой всякого сорта бумаге класть свои особые от других клейма, а равно изображать на оной тот год, когда делана...». Однако этот указ не всегда исполнялся, поэтому определенная часть филиграней на бумаге не имеет белой даты. В архивных документах нечасто, но встречаются листы, на которых, кроме вержеров⁶ и понтюзо⁷, отсутствуют и художественные изображения, и литеры, и цифры.

Прориси филиграней данной публикации извлечены из фондов: Ф-15 «Царевококшайское уездное казначейство Казанской губернии», Ф-58 «Царевококшайский нижний зем-

⁶ Вержер – тонкие горизонтальные линии, расположенные очень часто.

⁷ Понтюзо – редкие вертикальные проволоки, связывающие более частые.

ский суд Казанской губернии», Ф-97 «Штатный смотритель Царевококшайского уездного училища Казанского учебного округа Казанской губернии», Ф-150 «Царевококшайский уездный суд Казанской губернии», Ф-165 «Царевококшайское духовное правление Казанской губернии», Ф-172 «Козьмодемьянское духовное правление Казанской губернии», Ф-305 «Коллекция метрических книг церкви Царевококшайского, Козьмодемьянского, Уржумского, Яранского уездов Казанской губернии» ГАРМЭ.

Расшифровка аббревиатур (литер) с филиграней в Приложении произведена нами по двум справочным изданиям Сократа Александровича Клепикова (1895, г. Кинешма – 1978, г. Москва) – советского книговеда, библиографа, историка гравюры, источникововеда, библиофила, главного библиографа Библиотеки им. В.И. Ленина (РГБ) [Клепиков, 1959: 5].

Краткую историю Угличских фабрик нам удалось обнаружить в монографии современного томского исследователя – филиграноведа, историка бумаги В.А. Есиповой [Есипова, 2003: 168, 169].

Недалеко от г. Углича на берегах р. Корожечной и Улейме купец Максим Переяславцев в 1735 г. основал две бумажные мельницы. Первая называлась Угличской, а вторая в 6 км от первой – Улейминской. Обими мельницами владели Максим Переяславцев и его сыновья – Григорий, Иван, Михаил, Василий и Кузьма. В 1744 г. обе мельницы производили 800 стоп⁸ бумаги в год [Есипова, 2003: 168]. В нашем распоряжении имеется одна единственная филигрань с инициалами основателя бумажных мельниц Максима Переяславцева. Никакого художественного изображения и белой даты она не имеет, только лишь литеры ГУБР ФСМП (Приложение. Филигрань № 1). Филигрань выявлена в фонде Царевококшайской воеводской канцелярии (Ф-237) в деле под названием «Статейный список колодников, содержащихся при воеводской канцеля-

рии» 1748 г. Следующие 10 филиграней содержат инициалы его сыновей и внуков. Максим Переяславцев скончался около 1745 г. Владельцем стал старший сын Григорий. При нем была построена еще одна мельница недалеко от улейминской. На них работало 95 рабочих [Есипова, 2003: 169].

Филигрань № 2 тоже содержит только аббревиатуру, но вместо литеры «М» присутствует литера «Г» – Григория. Филигрань № 3 состоит из тех же литер, но в левой части листа Григорий Переяславцев уже использует грубое подражание (заимствование) изначально голландской [Бажин, 2019: 202–220] филигрании «Герб свободной республики Нидерланды» – «PRO PATRIA», т.е. «ЗА РОДИНУ» (рис. 2). Это изображение довольно крупное, 170x170 мм. Вместо льва – литеры «ГУБР», а у женщины отсутствует в руках копье с фригийским колпаком. Филигрань № 4 содержит ту же композицию и литеры, но отличается размерами и мелкими деталями ограда, фигуры и лица женщины, ее прически и одежды.

Рис. 2. Оригинал голландской филигрании «PRO PATRIA» с девизом

К 70-м гг. XVIII в. собственность этих мельниц была поделена между разными представителями этого рода, детьми и внуками основателя. Постепенно улейминские мельницы пришли в упадок и в 1790 г. были проданы с аукциона. Городская оставалась во владении Максима и Александра Переяславцевых. Филигрань № 5 с белой датой «1781» присутствует на их бумаге городской Угличской фабрики. Литеры «УФС» вынесены за изображение «PRO PATRIA». Следующая филигрань № 6 содержит инициалы Максима – внука основателя фабрики, французские лилии в обеих половинах листа. На фили-

⁸ Стопа – старая русская единица счета писчей бумаги до введения метрической системы для нужд таможенного обложения. В стопе насчитывалось 20 дестей, в одной дести – 24 листа, т.е. 480 листов в стопе.

гранях № 7–11 изображены различные варианты «PRO PATRIA», белые даты и литеры в разных вариациях владельцев Максима, Григория, Александра Переяславцевых.

Одна из улейминских мельниц на аукционе была приобретена Алексеем Николаевичем Колотильщиковым. Он сумел поднять производство бумаги. На его мельнице трудилось 75 крепостных и производилась самая разнообразная продукция: бумага писчая, оберточная, обойная, высококачественная рисовальная, нотная, игральные карты. В 1797 г. фабрика вырабатывала 6600 стоп бумаги в год [Есипова, 2003: 169]. Филигранные № 12–16 все имеют одну и ту же аббревиатуру «УФ АК» – Улейминская фабрика Алексея Колотильщикова. «PRO PATRIA» на филигранях № 12 со львом и № 14 повернуты не в ту сторону.

К 1794 г. Угличская фабрика, а к 1803 г. и Улейминская стали принадлежать Лаврентию Попову. Время его хозяйствования явилось временем расцвета всех Угличских фабрик. В год они выпускали до 17 000 стоп писчей, оберточной, обойной, чайной, «голландской» и др. бумаги [Есипова, 2003: 169].

Из 14 филигранных Лаврентия Попова и его наследников в настоящей публикации на 5 присутствуют лилии, которые использовал когда-то Максим Переяславцев. Филигрань № 17 поначалу может показаться зарубежной, т.к. на ней изображены французские лилии и латинские литеры «UF SP». Действительно, некоторые русские производители бумаги в XVIII–XIX вв. использовали такой прием: начальные литеры слов писали латынью. Расшифровки С.А. Клепикова не только этой аббревиатуры, но и многих других подтверждают, что это русская филигрань: «Угличская Фабрика Содержателя Ропова». Вот еще несколько примеров: «Василия Ольхина Фабрика», «Афанасий Гончаров», «Ярославская Вольшая Мануфактура Внуков Саввы Яковлева» и многих других. Для чего это делалось? В специальной литературе по филиграноведению объяснения этому я не нашел. Возможно, бумага с такими аббревиатурами шла на экспорт? И еще я заметил, что при использовании аббревиатур или слов с начальными латинскими литерами в художественной части часто использовали заимствования иностранных филигранных: «Pro Patria» (За Родину), «Strasburg Lili» (Страсбургская лилия),

«Beehive» (Улей), «Horn» (почтовый рожок), «Strasburg bend» (Страсбургский изгиб (перевязь)) и другие.

Подтверждением вышесказанному может служить следующая филигрань № 18 с той же белой датой «1794». На ней та же аббревиатура «UF SP», а на левой половине листа хоть и тоже заимствование, но очень близкое к оригиналу «PRO PATRIA» и даже с девизом «PRO PATRIA», что встречается крайне редко.

Все следующие филигранные Поповых не содержат иностранных литер, но содержат несколько очень близких к оригиналу заимствований иностранной филигранны «BEEHIVE» (Улей) голландской фирмы «Honig» [Клепиков, 1976: 58–74], бумага которой имела широкое распространение в России. Филигранные № 27 и № 30 почти полностью совпадают с оригиналом (рис. 3), но отличаются от западных тем, что собственно улей, находящийся в центре композиции, окружают 6 пчел, которых нет в оригинале, и на постаменте под ульем присутствует белая дата. Филигрань № 26 отличается от предыдущих тем, что вместо дерева в верхней композиции изображен Российский двуглавый орел. В данной подборке филиграней это единственный государственный символ, используемый наследниками Попова.

Рис. 3. Оригинал голландской филигранны «Beehive» фирмы «Honig»

Филигрань № 28 наследников Попова почти полностью повторяет вензель «П» курсивом в трехлинейном круге между двух ветвей, что и на филигранях № 23 Лаврентия Попова, но замечательна тем, что всю центральную часть композиции обрамляет удивительной красоты художественная рамка с растительным орнаментом.

Филигрань № 29 не содержит художественного изображения, аббревиатура «УФНСП»

повторяет предыдущие, а белая дата «1838» как бы напоминает нам, что близится закат производства тряпичной бумаги ручного производства, грядет технический прогресс и необходимость в маркировке производителем бумаги филигранями вскоре отпадет. Близится новая эра в производстве бумаги, она не будет такой толстой, грубой, шершавой, она будет вскоре очень гладкой, тонкой, белой или почти белой. На ней уже не будет филиграней, манящих умы исследователей – историков бумаги, филиграноведов, архивистов, библиотечарей. Не будет этих удивительных шедевров подлинного народного графического искусства, ведь заказы на маркировку бумаги делали хозяева и владельцы бумажных фабрик, а всю тонкую «филигранную» работу по изготовлению черпальной формы, сетки и вплетения филиграней в нее из тонкой проволоки выполняли обычные люди – мастера-формоплеты, каждый со своим видением задания, художественным вкусом, мастерством, ловкостью и прилежанием. «Филигрань есть марка мастера. Сколько мастеров – столько знаков. Мало того, филигрань есть знак каждой отдельной (черпальной. – *Прим. авт.*) формы – сколько форм, столько и филиграней. А формы ... страдали непрочною. Нити сбивались, промежутки между ними становились неравномерными, бумажное тесто ложилось неровно – и форма делалась негодной. При лучших условиях форма не выдерживала более нескольких лет, а обыкновенно менялась через год-два. В этой кратковременности существования формы причина постоянного видоизменения знаков» [Лихачев, 1899: 56]. Поэтому на одной и той же мельнице два рядом стоящих мастера имели черпальные формы с филигранью одинакового содержания, но разные по рисунку.

Последняя филигрань № 30 в данной публикации полностью повторяет филигрань № 27 (отличается только белой датой), но мы поместили ее в эту подборку только лишь затем, что она последняя. Листая дела разных фондов 40–50-х гг. XIX в., филигранни наследников Попова нам так больше ни разу не встретились. На смену филиграням пришли штемпели слепого (т.е. без добавления типографской краски) тиснения. Их проставляли в левом верхнем углу первого листа уже сфальцованной тетрадки в шесть листов писчей или почтовой бумаги. Штемпель ставился специальным прессом хо-

лодным способом под сильным давлением, сохранил название фабрики, имя владельца и в некоторых случаях – сорт бумаги или адрес фабрики. На штемпелях встречаются также изображение герба владельца бумажной фабрики или местности, в которой находится фабрика, герба Российской империи. Как правило, на первом листе штемпель был виден отчетливо, на втором листе хуже, на третьем еще хуже и т.д. Данная особенность штемпелирования бумаги существенно затрудняет ее датировку по штемпелям, т.к. для этого оказывается пригоден только каждый шестой штемпель. Это является причиной исключительной трудности нахождения и копирования хороших экземпляров, позволяющих воспроизвести текст и характер изображения.

При наследниках Попова все угличские бумажные фабрики постепенно пришли в упадок и были проданы в 1856 г. петербургскому фабриканту Александру Ивановичу Варгунину (1807–1880), купцу первой гильдии, старшему из братьев Варгуниных [Есипова, 2003: 169], который вместе с английским подданным Джоном Гоббертом основал в 1839 г. Невскую писчебумажную фабрику.

В нашем распоряжении имеется изображение штемпеля с бумаги братьев Варгуниных (рис. 4), не очень высокого качества, с документа второй половины XIX в. Штемпель имеет форму вытянутого в длину горизонтального гнутого прямоугольника в виде фигурной рамки, внутри по центру – изображение Русского государственного орла, под которым выгнутая строка концами кверху с литерами «БР. ВАРГУНИНЫ», что означает – «Братья Варгунины», по обеим сторонам орла – знаки «№» и цифра «6», которые означают номер сортности бумаги. Размер штемпеля 18x15 мм.

Рис. 4. Увеличенное изображение штемпеля холодно-го тиснения на бумаге братьев Варгуниных

Прориси филигранных в Приложении даются без искажений, сохранены все пропорции между краями листа (его размеры указаны выше), со всеми элементами филигранными.

Огромное по своему объему и разнообразное по своему характеру филигранное наследие, которое хранится в Государственном архиве Республики Марий Эл, является совершенно неизученным на региональном уровне, поэтому филигранные можно охарактеризовать только в самых общих чертах. Тем не менее

оно обладает большой художественной и исторической ценностью.

А еще филигранные и штемпели – это новый вид архивных источников. Огромные пласты неизученного материала в этой области палеографии еще ждут своего исследователя. Глубокое и целостное выявление филигранных на региональном уровне могло бы в будущем привести к появлению новых научных трудов и красочных альбомов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бажин В.В. Филигранные тайны фабрикантов Пчелиных // Марийский архивный ежегодник. – 2017. – С. 255–269.

Бажин В.В. Ранние филигранные на бумаге Тальской фабрики Воронцовых – Пчелиных за 1753–1800 гг. в документах ГАРМЭ // Марийский архивный ежегодник. – 2018. – С. 260–270.

Бажин В.В. Филигранные бумажной фабрики Земских-Мещаниновых XVIII–XIX вв. в документах Государственного архива Республики Марий Эл // Марийский археографический вестник. – 2019. – № 29. – С. 202–220.

Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. – СПб.: Тип. им. Комлева, 1900. – 224 с.

Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей Государственного исторического музея / сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. – М.: Гос. ист. музей, 1980. – 174 с.

Есипова В.А. Бумага как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVII–XVIII вв.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – 291 с.

Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. – 306 с.

Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. – М.: Наука, 1978. – 240 с.

Клепиков С.А. Филигранные на бумаге фирмы «Гониг» (1665–1869 гг.) // Советские архивы. – 1976. – № 1. – С. 55–74.

Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Часть I. – СПб.: Тип. «В.С. Балашев и К^о», 1899. – 751 с.

Полное собрание законов Российской Империи. 1-е собр. Т. XX. – СПб.: Типография 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.

Vladimir Bazhin

FILIGREES ON HAND-MADE RAG-PAPER PRODUCED BY UGLICH PAPER-MILLS IN THE 18TH FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES IN THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF MARI EL

The article is devoted to the marking of hand-made rag-paper produced by Uglich manufactures with the help of filigrees (water marks). The first ever displayed archive documents were drawn on tracing material using downlighting. The attempt has been made to describe new historical sources allowing to date undated archive documents, hand-made and printed books of the 18th and the first half of the 19th centuries. A brief analysis of paper documents of the abovementioned period kept in the archive funds is presented in the article.

Key words: rag-paper; water marks; archive documents; water-mills; filigrees; study of filigrees.

Бажин Владимир Васильевич

ведущий архивист отдела реставрации
и оцифровки документов ГБУ
«Государственный архив Республики Марий Эл»,
г. Йошкар-Ола

Vladimir Bazhin

Lead Archivist, the Department of Restoration
and Digitizing of Documents,
The State Archive of The Republic of Mari El,
Yoshkar-Ola

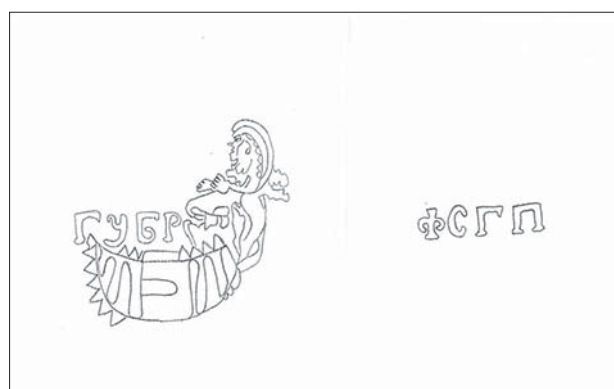
№ 1. ГУБР / ФСМЛ – Города Углича бумажная русская фабрика содержателя Максима Переяславцева. Белая дата отсутствует. Ф-237, оп. 1, д. 4, лл. 3, 4. Дата создания документа – 1748 г.

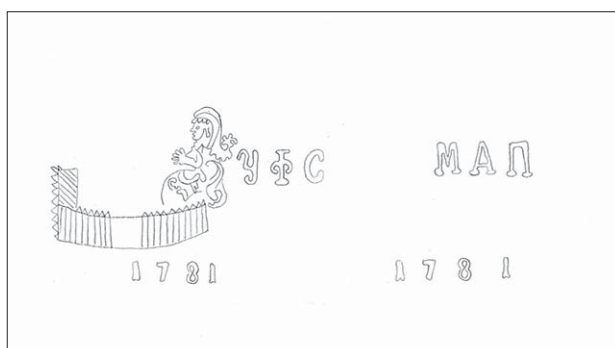
№ 2. ГУБР / ФСГЛ – Города Углича бумажная русская фабрика содержателя Григория Переяславцева. Белая дата отсутствует. Ф-305, оп. 6, д. 28, лл. 28, 29. Дата создания документа – 1757 г.

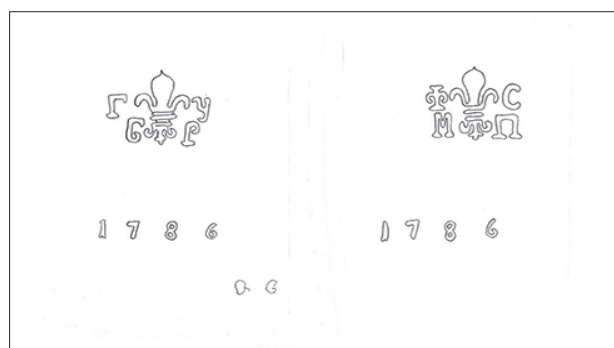
№ 3. «PRO PATRIA» вместо льва литеры ГУБР / ФСГЛ – Города Углича бумажная русская фабрика содержателя Григория Переяславцева. Белая дата отсутствует. Ф-305, оп. 6, д. 32, лл. 5, 6. Дата создания документа – 1763 г.

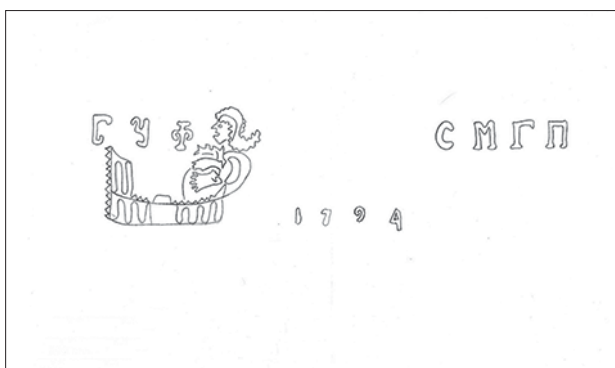
№ 4. «PRO PATRIA» вместо льва литеры ГУБР / ФСГЛ – Города Углича бумажная русская фабрика содержателя Григория Переяславцева. Белая дата отсутствует. Ф-305, оп. 6, д. 34, лл. 19, 20. Дата создания документа – 1765 г.

№ 5. «PRO PATRIA» без льва УФС / МАЛ – Угличская фабрика содержателей Максима (и) Александра Переяславцевых. Цифры внизу – белая дата.

№ 6. ГУБР вокруг лилии / ФСМЛ вокруг лилии – Города Углича бумажная русская фабрика содержателя Максима Переяславцева. Цифры внизу – белая дата. По низу листа – неясные знаки, вероятно, обозначающие инициалы мастера. Ф-305, оп. 6, д. 53, лл. 257, 262. Дата создания документа – 1791 г.

№ 7. «PRO PATRIA» вместо льва литеры БУФ / СМГП – бумажная Угличская фабрика содержателей Максима (и) Григория Переяславцевых.

Цифры по центру – белая дата.

Ф-305, оп. 6, д. 56, лл. 174, 174 ответный, не пронумерован.

Дата создания документа – 1795 г.

№ 8. «PRO PATRIA» вместо льва литеры УБФ / СМГП – Угличская бумажная фабрика содержателей Максима (и) Григория Переяславцевых.

Цифры по центру – белая дата.

Ф-305, оп. 6, д. 58, лл. 154, 154 ответный, не пронумерован.

Дата создания документа – 1795 г.

№ 9. «PRO PATRIA» вместо льва литеры УФС / АГП – Угличская фабрика содержателей Александра (и) Григория Переяславцевых.

Цифры внизу – белая дата.

Ф-305, оп. 6, д. 60, лл. 57, 57 ответный, не пронумерован.

Дата создания документа – 1797 г.

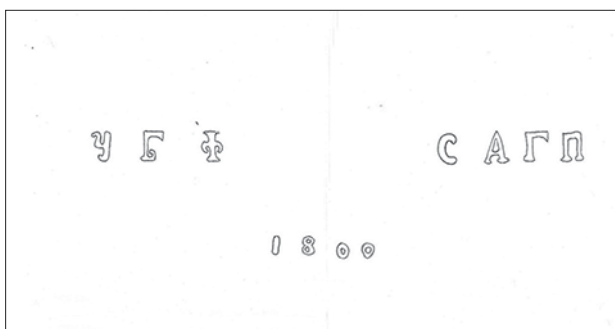

№ 10. УФ / САП – Угличская фабрика содержателя Александра Переяславцева.

Цифры внизу – белая дата.

Ф-305, оп. 6, д. 64, лл. 239, 357.

Дата создания документа – 1801 г.

№ 11. УБФ / САГП – Угличская бумажная фабрика содержателей Александра (и) Григория Переяславцевых.

Цифры внизу – белая дата.

Ф-305, оп. 6, д. 63, лл. 21, 21 ответный, не пронумерован.

Дата создания документа – 1801 г.

№ 12. «PRO PATRIA» повернуто / УФ АК в две строки в двухлинейном орнаментальном круге. Улейминская фабрика Алексея Колотильщикова.

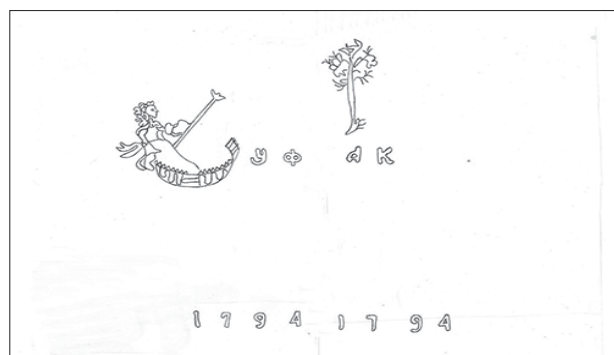
Цифры внизу – белая дата.

Ф-305, оп. 6, д. 59, лл. 42, 43.

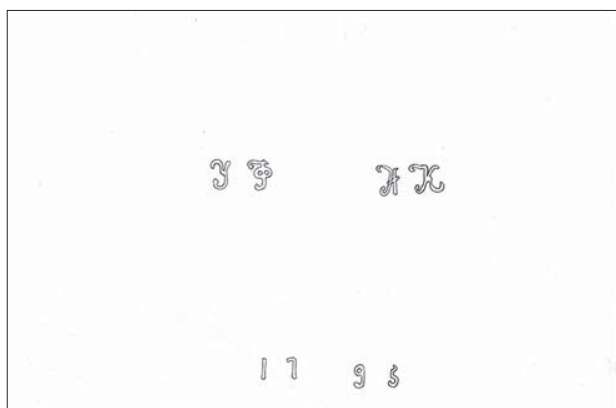
Дата создания документа – 1796 г.

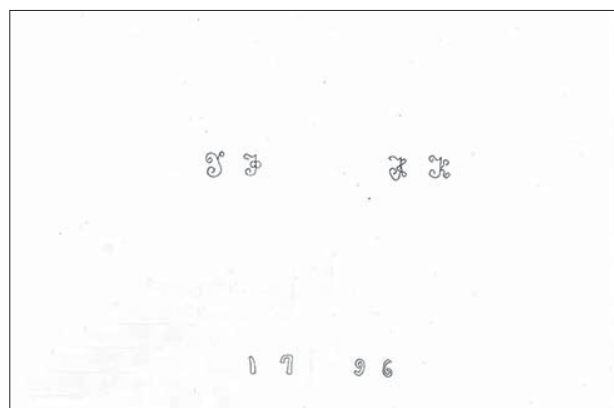
№ 13. УФ АК в две строки между двух ветвей в круге. Улейминская фабрика Алексея Колотильщикова. Цифры внизу – белая дата. Ф-172, оп. 1, д. 33, лл. 234, 235. Дата создания документа – 1797 г.

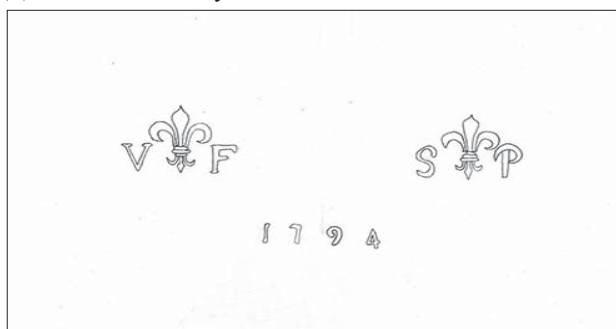
№ 14. «PRO PATRIA» без льва повернуто УФ / над АК – дерево. Улейминская фабрика Алексея Колотильщикова. Цифры внизу – белая дата. Ф-305, оп. 6, д. 58, лл. 497, 497 ответный, не пронумерован. Дата создания документа – 1795 г.

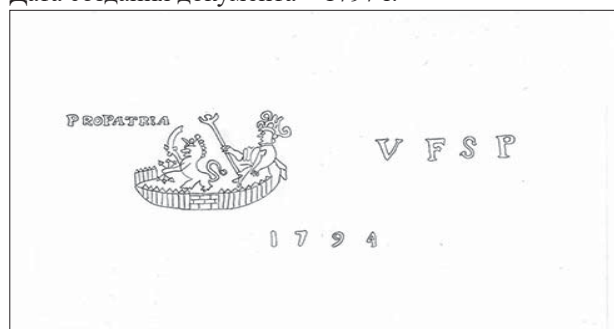
№ 15. УФ / АК жирным курсивом – Улейминская фабрика Алексея Колотильщикова. Цифры внизу – белая дата. Ф-305, оп. 6, д. 60, лл. 50, 50 ответный, не пронумерован. Дата создания документа – 1797 г.

№ 16. УФ / АК курсивом – Улейминская фабрика Алексея Колотильщикова. Цифры внизу – белая дата. Ф-305, оп. 6, д. 60, лл. 153, 153 ответный, не пронумерован. Дата создания документа – 1797 г.

№ 17. Лилия между UF / лилия между SP. Угличская Фабрика Содержателя Ропова (начальные литеры – латинские). Цифры внизу – белая дата. Ф-305, оп. 6, д. 58, лл. 176, 176 ответный, не пронумерован. Дата создания документа – 1795 г.

№ 18. «PRO PATRIA» с девизом «PRO PATRIA» / UFSP (лат.) – Угличская Фабрика Содержателя Ропова (начальные литеры – латинские). Цифры внизу – белая дата. Ф-305, оп. 6, д. 58, лл. 234, 234 ответный, не пронумерован.

№ 19. УФ / ЛП – Угличская фабрика содержателя Лаврентия Попова.

Цифры внизу – белая дата. По низу листа – знак (литера) Ш, возможно, инициал мастера-формоплета. Ф-150, оп. 1, д. 140, лл. 2, 3.

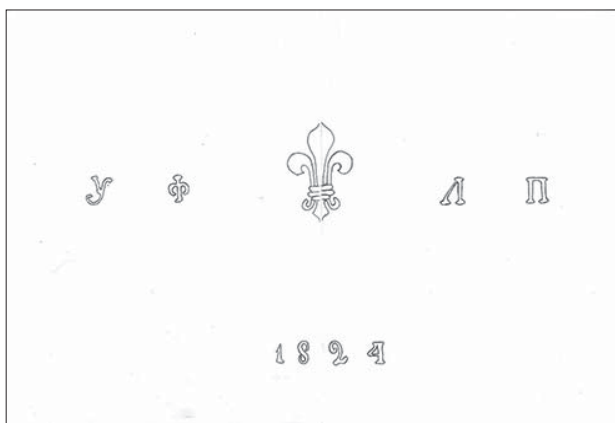
Лист чистый, с филигранью, шит, но без текста.

№ 20. УФ жирный курсив / ЛП жирный курсив – Угличская фабрика содержателя Лаврентия Попова.

Цифры внизу – белая дата. По низу листа – знак (литера) Ш, возможно, инициал мастера-формоплета. Ф-172, оп. 1, д. 88, лл. 651, 652.

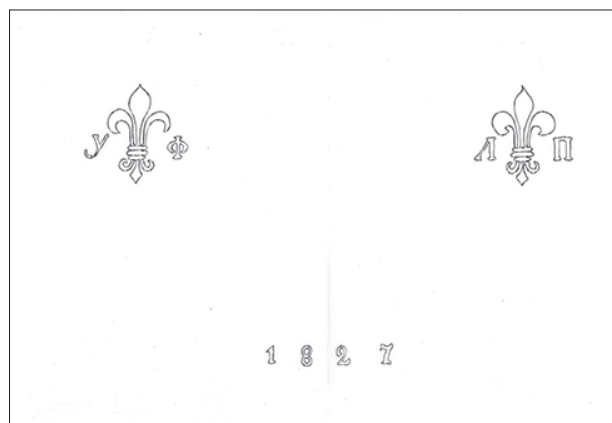
Дата создания документа – 1808 г.

№ 21. УФ / ЛП – Угличская фабрика содержателя Лаврентия Попова. По центру (сгибу) листа – лилия.

Цифры внизу – белая дата. Ф-15, оп. 1, д. 87, лл. 31, 31 ответный, не пронумерован.

Дата создания документа – 1829 г.

№ 22. Лилия между УФ / лилия между ЛП. Угличская фабрика содержателя Лаврентия Попова.

Цифры внизу – белая дата. Ф-172, оп. 1, д. 279, лл. 287, 288.

Дата создания документа – 1830 г.

№ 23. ЛП (монограмма) в трехлинейном круге между двух ветвей / УФЛП. Лаврентий Попов. Угличская фабрика содержателя Лаврентия Попова.

Цифры внизу – белая дата. Ф-165, оп. 1, д. 171, лл. 21, 22.

Дата создания документа – 1828 г.

№ 24. УУФ / лилия НсП. Угличская (и) Улейминская фабрики наследников Попова.

Цифры внизу – белая дата. Ф-15, оп. 1, д. 107, лл. 87, 91.

Дата создания документа – 1831 г.

№ 25. Лилия между УУФ / лилия между НсП. Угличская (и) Улейминская фабрики наследников Попова.

Цифры внизу – белая дата.

Ф-15, оп. 1, д. 132, лл. 153, 155.

Дата создания документа – 1833 г.

№ 26. УУФНсП / ВЕЕНИВЕ (Улей) в растительном орнаменте на постаменте под двуглавым орлом с короной. Белая дата вписана в ВЕЕНИВЕ. Угличская (и) Улейминская фабрики наследников Попова.

Ф-58, оп. 1, д. 6, лл. 162, 167.

Дата создания документа – 1833 г.

№ 27. УУФНсП / ВЕЕНИВЕ (Улей) в растительном орнаменте на постаменте под деревом.

Белая дата вписана в ВЕЕНИВЕ. Угличская (и) Улейминская фабрики наследников Попова.

Ф-165, оп. 1, д. 175, лл. 355, 358.

Дата создания документа – 1839 г.

№ 28. П курсивом в трехлинейном круге между двух ветвей / УФ. Попов. Угличская фабрика.

Цифры внизу – белая дата. Все внутри фигурной рамки растительного орнаamenta. Ф-165, оп. 1, д. 228, лл. 55, 58.

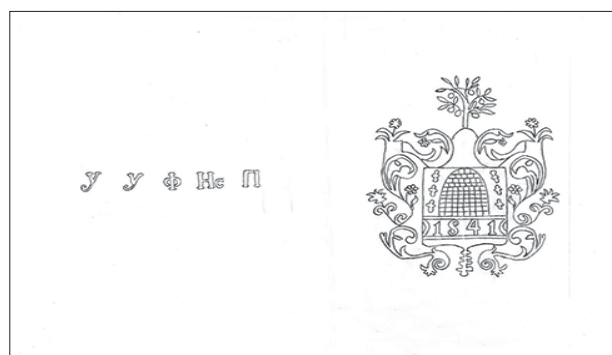
Дата создания документа – 1837 г.

№ 29. УФНсП / Белая дата. Угличские фабрики наследников Попова. Все по низу листа.

Ф-97, оп. 1, д. 268, лл. 5, 6.

Дата создания документа – 1841 г.

№ 30. УУФНсП / ВЕЕНИВЕ (Улей) в растительном орнаменте на постаменте под деревом.

Белая дата вписана в ВЕЕНИВЕ. Угличская (и) Улейминская фабрики наследников Попова.

Ф-172, оп. 1, д. 394, лл. 211, 216.

Дата создания документа – 1843 г.

УДК 94(470.343)

МОБИЛИЗОВАННЫЕ ИЗ ЗАПАСА В 1914 ГОДУ УРОЖЕНЦЫ ВИЛОВАТОВРАЖСКОЙ ВОЛОСТИ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2019 г. А.Н. Кудрявцев

В статье представлен пофамильный список мобилизованных из запаса в июле 1914 г. уроженцев Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда. Во вступительном очерке вкратце обрисованы принципы призыва и мобилизации запасных в годы Первой мировой войны. Публикация адресована краеведам, генеалогам и интересующимся историей Горномарийского края.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., Виловатовражская волость Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, мобилизация, запасные нижние чины, июль 1914 г.

Различные документы, носящие характер пофамильных списков, представляют большой интерес, прежде всего для историков, занимающихся региональной историей, краеведов и генеалогов, тем более в том случае, если в документе представлена дополнительная информация: место происхождения, дата рождения и т.д. В данной публикации вниманию читателей представлен список мобилизованных из запаса в 1914 г. по Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Июльская (по старому стилю) мобилизация 1914 г. – первая массовая мобилизация Первой мировой войны 1914–1918 гг., проводившаяся для пополнения военного штата кадровых полков 1-й очереди и новоформируемых на их основе полков 2-й очереди. Проводилась она среди запасных (отслуживших действительную срочную службу накануне Первой мировой войны и уволенных в запас) нижних чинов и офицеров.

Уставом 1874 г. «О всеобщей воинской повинности» служба в вооруженных силах России являлась общеобязательной и всеобщей. Призыву подлежали молодые люди, которым исполнился полный 21 год к моменту их призыва осенью. Сроком, или годом, их службы считался последующий год, наступавший 1 января. В мирное время, призываясь на службу, они поступали в «постоянные войска», состоявшие из армии, флота и казачьих войск.

По Уставу срок действительной службы равнялся для сухопутных войск шести годам, для флота – семи годам. После прохождения «действительной службы» солдаты армии, флота и казачьих войск, называвшиеся «нижними чинами», зачислялись в запас. Срок пребывания в запасе составлял: для сухопутных войск – 9 лет, для военно-морского флота – 3 года. По окончании срока пребывания в запасе, они зачислялись в Государственное ополчение, в котором состояли до сорокалетнего возраста [Устав, 1876: 4–7].

Поступление на военную службу из числа внесенных в списки призывников, которых, как правило, было больше требуемого количества, определялось по жребию. Призывники, не принятые в мирное время на действительную военную службу, при призыве зачислялись ратниками в Государственное ополчение, которое подразделялось на два разряда. Первый предназначался для укомплектования вооруженных сил и ополченческих частей в военное время. Ратники второго разряда были предназначены для укомплектования в военное время тыловых и охранных частей.

Опыт Русско-японской войны показал быстрое исчерпание военно-обученного запаса. В целях увеличения его численности в первую очередь следовало сократить сроки действительной службы, чтобы пропустить через вооруженные силы возможно большее коли-

чество людей. Законом от 26 апреля 1906 г. «О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте» в сухопутных войсках действительная служба уменьшалась до трех лет. Уволенный с военной службы солдат 15 лет находился в запасе (семь лет в запасе 1-го разряда и восемь лет – 2-го разряда). Во флоте действительная служба определялась в пять лет. Еще столько же времени отслуживший матрос находился в запасе (три года в запасе 1-го разряда и два года – 2-го разряда) [Закон от 26 апреля 1906 г., 1909: 505–507].

Согласно положениям Закона от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности», дело организации призывов и мобилизации в вооруженные силы было возложено на Управление по делам о воинской повинности при Министерстве внутренних дел. К обязанностям этого Управления относилось наблюдение за деятельностью местных по воинской повинности установлений, производство дел по призыву населения к отбыванию воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности, принятие подготовительных мер к мобилизации армии и образованию Государственного ополчения [Закон от 23 июня 1912 г., 1915: 813–817].

Список мобилизованных из запаса нижних чинов представляет собой отчетную ведомость о призванных из запаса, хранящуюся в Государственном архиве Республики Марий Эл в фонде Козьмодемьянской уездной земской управы (ф. 49). Ввиду того что список заполнялся несколькими людьми (следует из разных почерков внутри текста) и только заверен делопроизводителем Нагоркиным, в падежных окончаниях и вариантах написания названия деревень имеются многие разночтения. Автор публикации было принято решение представить названия существующих населенных пунктов в именительном падеже в соответ-

ствии с наименованиями, представленными в «Справочнике административно-территориального устройства Республики Марий Эл» (2012), кроме тех случаев, когда названия имеют структурные отличия: с. Виловатово – с. Виловатый Враг, д. Красная Горка – д. Красногорка и т.д. Названия ныне несуществующих или же вошедших в состав других и потерявших свое название населенных пунктов представлены в соответствии с приведенными в издании «История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район», а также имеющимися на карте Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, составленной Оценочно-статистическим бюро Казанского губернского земства (1912).

Следует иметь в виду, что делопроизводство всегда зависело от человеческого фактора и в списочных документах больших объемов фактические ошибки зачастую являются нормой. Сверка данных документа с опубликованными списками тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны выявила ряд расхождений в фамилиях и населенных пунктов для них характерных. Автор публикации не стал брать на себя смелость вносить в них исправления, ибо окончательную точку здесь могут поставить разве что метрические книги, и эта работа еще ждет своего исследователя.

Пользуясь случаем, автору публикации, хотелось бы напомнить, что в настоящий момент идет активная работа над вторым томом мемориального издания «Марийский край в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.», посвященного уроженцам Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Если кто-то из читателей желает дополнить издание сведениями, копиями документов, фотографиями той эпохи, хранящимися в семейных архивах, просьба присылать их на электронный адрес: alterloki@rambler.ru.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Закон от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. Огд. 1. № 37417. – Птг.: Типография 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1915. – С. 813–817.

Закон от 26 апреля 1906 г. «О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 26. Огд. 1. № 27855. – СПб.: Типография 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1909. – С. 505–507.

История сел и деревень. Горномарийский район. Сборник документальных очерков. – Йошкар-Ола: МПИК, 2006. – 648 с.

Карта Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Составлена справочно-статистическим бюро Казанского губернского земства. – Казань, 1912.

Они ковали Победу. Муниципальное образование «Горномарийский район»: поименные списки труженников тыла Великой Отечественной войны. – Йошкар-Ола: Типография ООО «Диалог», 2010. – 360 с.

Список запасным нижним чинам Виловатовражской волости, призванным по мобилизации 1914 года на действительную службу // ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1539.

Устав о воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Отд. 1. № 52983. – СПб.: Типография 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876. – С. 4–7.

КОЗЬМОДЕМЬЯНСКИЙ
уездный
ВОИНСКИЙ НАЧАЛЬНИК

По части запас[а].

18 октября 1914 г.

№ 3365.

г. Козьмодемьянск
Казанской губ.

В Козьмодемьянский уездный съезд.

При сем препровождаю списки на запасных нижних чинов, призванных по мобилизации 1914 г. по Козьмодемьянскому уезду.

Основание: Надпись дежурного штаб-офицера Казанской мест[ной]. бригады от 24 сентября 1914 г. за № 9839.

Подполковник Зеленин В.И.

И.д. делопроизводителя,

Коллежский регистратор Нагоркин. (л. 1)

Список запасным нижним чинам Виловатовражской волости, призванным по мобилизации 1914 года на действительную службу

№№ по пор[ядку].; звание, фамилия, имя и отчество призываемого;
год службы; название селения,
из которого происходит запасной.

1. ряд.¹ (здесь и далее – рядовой) Васкинов Михаил Якимович, 1907, д. Пердвяково.
2. ряд. Синяков Григорий Семенович, 1906, д. Тетьяново.
3. стр.² (здесь и далее – стрелок) Апасеев Василий Степанович, 1905, д. Яниково.
4. мл. унт.-оф.³ (здесь и далее – младший унтер-офицер) Скворцов Иван Михайлович, 1897, д. Носелы.
5. учитель Алексеев Матвей Алексеевич, 1903, д. Яктерля.
6. ряд. Кадков Семен Леонтьевич, 1907, д. Пикузино.
7. стр. Дмитриев Николай Дмитриев, 1909, д. Колумбаево.
8. ряд. Эштуков Яков Никитович, 1902, д. Корчаково (л. 35).
9. ряд. Емешев Степан Иванович, 1903, д. Ельниково.
10. ряд. Савельев Павел Алексеевич, 1902, д. Эсяново.
11. ряд. Васуков Семен Игнатьевич, 1906, д. Паулкино.
12. ефр.⁴ (здесь и далее – ефрейтор) Васильков Михаил Данилович, 1907, д. Копанангер.

¹ рядовой – низшее воинское звание в Российской Императорской армии. Далее все примечания даны по состоянию на период, предшествовавший Первой мировой войне 1914–1918 гг.

² стрелок – рядовой в стрелковых частях.

³ младший унтер-офицер – младшее унтер-офицерское звание.

⁴ ефрейтор – воинское звание, следующее за рядовым.

13. ряд. Аников Иван Павлович, 1902, д. Тушналы.
14. ряд. Ларков Порфирий Павлович, 1909, д. Елкино.
15. канон.⁵ (*здесь и далее – канонир*) Якутов Илья Федорович, 1908, д. Шапкилей.
16. бомб.⁶ (*здесь и далее – бомбардир*) Смирнов Степан Артемьевич, 1902, д. Никиткино.
17. бомб. Татеев Илья Михайлович, 1909, д. Ширгиялы.
18. каптенармус⁷ Андреев Михаил Андреевич, 1909, д. Аргаево.
19. арт[иллерийский]. каптенарм[ус]. Королев Федор Иванович, 1906, д. Пердвяково (л. 35 об.).
20. мл. фейерв.⁸ (*здесь и далее – фейерверкер*) Троицкий Павел Григорьевич, 1907, д. Михаткиной.
21. канон. Веселицкий Ефрем Федорович, 1905, д. Ширгиялы.
22. провиант[ский]. капт[енармус]. Канюшков Андрей Михайлович, 1908, д. Ширгиялы.
23. бомб. Захаров Никифор Захарович, 1910, д. Мал[ый]. Серманангер.
24. бомб. Иванов Роман Иванович, 1910, д. Шиндырьялы.
25. мл. фейерв. Сидуков Алексей Кузьмич, 1902, д. Яшпатрово.
26. мл. фейерв. Светлов Иван Федорович, 1905, д. Шиндырьялы.
27. ряд. Якимов Тимофей Якимович, 1910, д. Серманангер.
28. ефр. Ямщиков Григорий Николаевич, 1906, д. М[алый]. Серманангер.
29. мл. унт.-оф. рот[ный]. капте[на]р[мус]. Семенов Трофим Семенович, 1911, с. Юльялы.
30. страж.⁹ (*здесь и далее – стражник*) ряд. Асафов Харитон Егорович, 1909, д. Этюковой (л. 36).
31. стр. Федоров Андриан Федорович, 1909, д. Тюмакаево.
32. стр. Емешев Александр Петрович, 1906, д. Ельниково.
33. хор. муз.¹⁰ (*здесь и далее – хорный музыкант*) унт[ер].-оф[ицера]. зв[ания]. Тмянчиков Алексей Андрианович, 1905, д. Колумбаево.
34. канон. Яриков Андрей Ефимович, 1906, д. Саратеево.
35. объезд.¹¹ (*здесь и далее – объездчик*) Сидоров Гордей Сидорович, 1904, д. Юванькино.
36. ряд. Яковлев Федор Гаврилович, 1900, д. Шиндырьялы.
37. бомб.-лабор[аторист]. Емельянов Петр Алексеевич, 1903, д. Михиткино.
38. бомб. Сидоров Иван Алексеевич, 1902, д. Яниково.
39. бомб. Васильев Порфирий Федорович, 1908, д. Токари.
40. пис[арь].¹² ст[аршего]. р[азряда]. выс[шего]. окл[ада]. Яковлев Александр Яковлевич, 1909, д. Шараней (?).
41. бомб. Савельев Тимофей Федорович, 1909, д. Сауткино (л. 36 об.).
42. писарь Васинов Степан Яковлевич, 1904, д. Мал[ая]. Паратм[ара].
43. ст[арший]. писарь Эшмекеев Федор Семенович, 1907.
44. ст[арший]. писарь Борисов Иван Федорович, 1905, д. Сачиково.
45. бомб. Пеньков Кузьма Тимофеевич, 1906, д. Сауткино.
46. ряд. Данилов Тимофей Тимофеевич, 1902, д. Лепеткино.
47. сверх[штатный]. ряд.¹³ Михайлов Давид Михайлович, 1910, д. Пикузино.
48. стр. Толмачев Василий Степанович, 1907, д. Афонькино.
49. ряд. Якимов Василий Якимович, 1908, д. Кожланагер.
50. ряд. Зайцев Федор Иванович, 1907, д. Тушналы.
51. ряд. Эरिकов Иван Леонтьевич, 1906, д. Поканово
52. ряд. Андреев Семен Андреевич, 1910, д. Колумбаево (л. 37).
53. ряд. Якушев Осип Семенович, 1905, д. Кожланангер.
54. бомб. Смирнов Федор Захарович, 1906, д. Шунангер.
55. рот[ный]. бар[абанщик]. Алдаев Дмитрий Дмитриевич, 1904, д. Шунангер.

⁵ канонир – рядовой в артиллерийских частях.

⁶ бомбардир – ефрейтор в артиллерийских частях (бомбардир-наблюдатель, бомбардир-наводчик, бомбардир-лабораторист).

⁷ каптенармус – должность заведующего учетом, хранением и выдачей военного имущества.

⁸ фейерверкер – унтер-офицерское звание в артиллерийских частях.

⁹ стражник – рядовой в отдельном корпусе пограничной стражи, формирования, созданного в 1893 г. для охраны границ.

¹⁰ хорный музыкант – должность в музыкантской команде.

¹¹ объездчик – унтер-офицерская должность в корпусе лесничих в составе лесного департамента.

¹² писарь – должность заведующего документацией.

¹³ сверхштатный, причисленный сверх штатного расписания состава полка.

56. стр. Запкатыров Николай Емельянович, 1905, с. Кузнецово.
57. ряд. Запкатыров Степан Емельянович, 1900, с. Кузнецово.
58. бомб. Куприянов Игнатий Захарович, 1904, д. Полянок.
59. стр. Ломоносов Андрей Иванович, 1904, д. Эсяново.
60. маст[ер]. мл[адшего]. раз[ряда]. Андреев Федор Александрович, 1906, д. Ельниково.
61. обоз.¹⁴ (здесь и далее – обозный) ряд. Идобаев Илья Степанович, 1906.
62. обоз[ный]. ряд. Соловьев Николай Николаевич, 1905, д. Эсяново.
63. маст[ер]. мл[адшего]. раз[ряда]. Кошагин Ефим Захарович, 1906, д. Юльялы (л. 37 об.).
64. гусар Иорданов Гавриил Тимофеевич, 1909, д. Важнангер.
65. ряд. Марков Николай Маркович, 1909, д. Шунангер.
66. ефр. Юванов Василий Кондратьевич, 1906, д. Яниково.
67. мл. унт.-оф. Юанаев Анисим Кондратьевич, 1909, д. Яниково.
68. ст. унт.-оф.¹⁵ (здесь и далее – старший унтер-офицер) Ерошкин Василий Дмитриевич, 1904, д. Сарлайкиной.
69. Саватьков Иван Николаевич, 1907, д. Верх[ние]. Носелы.
70. Санутков Иван Евдокимович, 1908, с. М[алые]. Паратмары.
71. ефр. Большаков Гордей Федоров, 1908, д. Колумбаево.
72. мл. унт.-оф. Иванов Кузьма Игнатъевич, 1908, д. Красногорка.
73. стр. Соловьев Тимофей Захарович, 1909, д. Мидяково.
74. ефр. Конюгин Иван Григорьевич, 1909, д. Юльялы (л. 38).
75. ряд. Анисимов Алексей Анисимович, 1910, д. Ключево.
76. бомб. Данилов Василий Васильевич, 1904, д. Юванькино.
77. канонир Васильев Мирон Васильевич, 1897, д. Мал[ые]. Юльялы.
78. бомб. Мамутин Яков Филиппович, 1906, д. Эсяново.
79. бомб. Королев Федор Александрович, 1909, д. Пердвяково.
80. бомб. Андреев Алексей Герасимович, 1900, д. Эшмолкино.
81. бомб. Емешев Тимофей, 1905, д. Ельниково.
82. стр. Саников Константин Васильевич, 1904, д. Ненайдарово.
83. ст. унт.-оф. Юванаев Алексей Андреевич, 1902, д. Яниково.
84. бомб. Краснов Григорий Ларионович, 1899, д. Сред[ние]. Носелы.
85. страж. ряд. Зинов Григорий Сергеевич, 1903, д. Ненайдарово (л. 38 об.).
86. мл. вахм.¹⁶ (здесь и далее – вахмистр) Николаев Сергей Кузьмич, 1906, д. Ниж[ние]. Носелы.
87. служ.¹⁷ (здесь и далее – служитель, госпитальный/лазаретный) Сануков Павел Яковлевич, 1906, д. Шиндырьялы.
88. обоз. ряд. Егоров Алексей Егорович, 1906, д. Пикузино.
89. об[озный]. ряд. Килянов Трофим Герасимович, 1906, д. Эсяново.
90. бомб. Шалаев Гавриил Петрович, 1907, д. Шиндырьялы.
91. кан. Семенов Даниил Семенович, 1907, д. Акушево.
92. кан. Кузнецов Семен Осипович, 1902, д. Саратеево.
- 92 (так в тексте) бомб. Арганяков Дмитрий Иванович, 1900, д. Тетяново.
93. канон. Зачинов Иван Егорович, 1905, д. Тетяново.
94. ефр. Савинов Иван Иванович, 1903, д. Красногорка.
95. бомб. Алешин Порфирий Тимофеевич, 1908, д. Лидвуй.
96. бомб.-нав[одчик]. Садков Федор федорович, 1909, д. Этюково.
97. ряд. Степанов Петр Степанович, 1910, д. Тюманово.
98. ст. унт.-оф. Марков Никита Маркович, 1911, д. Шунангер.
99. ефр. Комисаров Спиридон Ефимович, 1909, д. Яндушево.
100. стр. Петров Филипп Герасимович, 1905, д. Кожланангер (л. 39).
101. ряд. Семенов Николай Семенович, 1908, д. Кожланангер.
102. хор. муз. Спиридонов Кузьма Спиридонович, 1904, д. Кожланангер.

¹⁴ обозный – служащий при обозе. В вооруженных силах, подразделении, предназначенном для доставки припасов, оборудования и т.д.

¹⁵ старший унтер-офицер – старшее унтер-офицерское звание.

¹⁶ вахмистр – унтер-офицерское звание в кавалерийских частях.

¹⁷ служитель (госпитальный/лазаретный) – должность при военно-медицинских учреждениях.

103. ряд. Харитонов Владимир Харитонович, 1897, с. Кузнецово.
104. хор. муз. Соловьев Лаврентий Александрович, 1906, д. Ключево.
105. ряд. Лаврентьев Григорий Лаврентьевич, 1910, ок. Апшак-Пеляк.
106. ряд. Молотов Кузьма Артемьевич, 1906, д. Апшак Пеляк.
107. ефр. Ядрушкин Порфирий Николаевич, 1907, д. Кукшлиды.
108. стр. Герасимов Егор Герасимович, 1909, д. Кукшлиды.
109. ряд. Салданаев Григорий Ефимович, 1907, д. Тюманово.
110. ряд. Васильев Николай Васильевич, 1908, д. Кожланангер.
111. ефр. Тряпляев Илья Игнатьевич, 1909, д. Сред[ние]. Носелы.
112. ряд. Краснов Павел Егорович, 1906, Ниж[ние]. Носелы.
113. стр. Мидяшкин Спиридон Иванович, 1911, Ниж[ние]. Носелы.
114. страж. ряд. Симолкин Алексей Петрович, 1903, д. Ненайдарово.
115. ряд. Долгов Алексей Федорович, 1903, д. Шиндырьялы.
116. ряд. Семахов Петр Ефимович, 1903, д. Тепаево.
117. ряд. Тюленев Илья Прокофьевич, 1903, с. Усола (л. 39 об.).
118. бомб.-нав[одчик]. Ямолкин Алексей Николаевич, 1903, д. Аргаево.
119. ряд. Вернов Сергей Васильевич, 1903, д. Пикузино.
120. мл. унт.-оф. Смирнов Иван Михайлович, 1903, Ср[едние]. Носелы.
121. мл. унт.-оф. Мямиков Василий Семенович, 1902, д. Кожнангер.
122. ряд. Япатаев Ларион Михайлович, 1902, д. Шиндырьялы.
123. ряд. Зинкин Григорий Николаевич, 1901, д. Важнангер.
124. мл. унт.-оф. Стапеев Иван Яковлевич, 1901, ок. Марья-Сач (?).
125. бараб. (*здесь и далее – барабанищик*) Экасов Андрей Егорович, 1900, д. Сараново.
126. ряд. Пексаркин Евдоким Никитович, 1900, д. Сартеево.
127. бомб. Крылов Алексей Дмитриевич, 1900, д. Эсяново.
128. бараб. Арисов Мирон Данилович, 1899, ок. Кукшлиды.
129. бомб.-нав[одчик]. Тадасеев Михаил Степанович, 1898, ок. Михаткино.
130. ряд. Васильев Мирон Васильевич, 1898, ок. Б[ольшой]. Кож[ла]нангер.
131. ряд. Матвеев Осип Максимович, 1898, ок. Никишкино.
132. ряд. Мазиков Емельян Михайлович, 1898, ок. Никишкино.
133. ряд. Артюшкин Павел Степанович, 1897, д. Важнангер.
134. ряд. Стенькин Василий Перович, 1897, д. Др[угие]. Якнуры (л. 40).
135. бомб. Пеньков Федор Никифорович, 1908, д. Шунангер.
136. труб[ач]. Кеванов Василий Степанович, 1908, д. Шиндырьялы.
137. стр. Якимов Герасим Григорьевич, 1911, д. Шиндырьялы.
138. ряд. Тимофеев Максим Тимофеевич, 1911, д. Шиндырьялы.
139. хор. муз. ряд[ового]. зв[ания]. Кутюшкин Андриян, 1910, д. Шиндырьялы.
140. ряд. Петров Алексей Петрович, 1910, „ „
141. ряд. Кожевников Николай Петрович, 1906, „ „
142. ряд. Иванов Иван Иванович, 1910, ок. Юльялы.
143. ряд. Кармазиков Игнатий Андреевич, 1906, д. Пикузино.
144. ефр. Смирнов Григорий Лаврентьевич, 1911, д. Сред[ние]. Носелы.
145. ряд. Краснов Алексей Кондратьев, 1909, д. Лидвуй.
146. страж. ряд. Яготкин Федор Федоров. 1909, Ключевой.
147. страж. ряд. Савинов Степан Прокофьев, 1909, д. Мичакнуры.
148. страж. ряд. Сидоров Василий Сидоров, 1909, д. Мичакнуры.
149. ряд. Сарамбаев Андрей Сергеев, 1907, д. Сарамбаево.
150. ряд. Козьмин Гавриил Козьмин, 1910, д. Важнангер.
151. ряд. Михайлов Василий Михайлов, 1910, д. Этюково (л. 40 об.).
152. ряд. Полев Степан Никифорович, 1910, Эсяново.
153. стр. Сизоков Федор Алексеевич, 1905, с. Усола.
154. ряд. Самойлов Федот Филиппович, 1907, д. Вер[ние]. Носелы.
155. ряд. Ягодкин Иван Федорович, 1906, „ „
156. ефр. Андрушкин Павел Андреевич, 1908, д. Копань (*Козьмодемьянской волости. – А.К.*)
157. мл. унт.-оф. Штыков Ларион Матвеевич, 1908, д. Пизикнур.
158. ефр. Почелин Никита Иванович, 1909, д. Носелы.
159. ряд. Федоров Ефрем Федорович, 1907, д. Апшак-Пеляк.

160. ряд. Аргентов Евграф Сергеевич, 1907, д. Ненайдарово.
161. ряд. Изванов Андрей Сергеевич, 1907, д. Тюмакаево.
162. ряд. Губанов Семен Андреевич, 1906, д. Апшак-Пеляк.
163. ряд. Шоркин Степан Захарович, 1910, д. Сред[ние]. Носелы.
164. стр. Шивиков Млексей Иванович, 1902, д. Когосола.
165. ст. унт.-оф. 2-ой ст[атьи]. Ярускин Матвей Захарович, 1909, д. Токари.
166. ряд. Емельянов Андрей Емельянович, 1904, д. Носелы.
167. стр. Вернов Григорий Гаврилович, 1902, д. Янгосово.
168. ефр. Федрушкин Иван Тимофеевич, 1901, д. Аргаево (л. 41).
169. ряд. Аватьянов Петр Григорьевич, 1902, д. Полянок.
170. хор. муз. ряд[ового]. зв[ания]. Соловьев Дмитрий Николаевич, 1900, д. Эшманайкино.
171. ст. унт.-оф. Плахин Степан Иванович, 1902, д. Вякшлап.
172. страж. ефр. Армяков Федор Матвеевич, 1908, д. Важнангер.
173. мл. унт.-оф. Куликов Яков Иванович, 1906, д. Юванькино.
174. мл. унт.-оф. Хлебников Михаил Григорьевич, 1910, д. Шапкилей.
175. мл. унт.-оф. Батыгин Иван Семенович, 1880, д. Сарлайкино.
176. ефр. Портнов Сергей Иванович, 1899, д. Полянок.
177. страж. ряд. Данилов Никита Емельянович, 1909, д. Шиндырьялы.
178. ряд. Носков Петр Митрофанович, 1900, д. Юванькино.
179. ряд. Белов Николай Данилович, 1906, д. Тушналы.
180. ряд. Сергеев Трофим Сергеевич, 1901, д. Юльялы.
181. ряд. Сидуков Терентий Архипович, 1899, д. Корчаково.
182. ефр. Колесников Василий Павлович, 1899, д. Юванькино.
183. ряд. Смирнов Степан Сидорович, 1900.
184. ряд. Смирнов Матвей Захарович, 1899, д. Юльялы.
185. ефр. Чеканов Василий Павлович, 1904, д. Агбунево (?).
186. ряд. Эльдииков Михаил Матвеевич, 1903, д. Юванькино.
187. стр. Крылов Александр Иванович, 1910, д. Эсяново.
188. стр. Васуков Василий Иванович, 1910, д. Сачиково.
189. ряд. Коротков Василий Иванович, 1911, д. Аргаево.
190. ряд. Ямолкин Федор Николаевич, 1910, д. Аргаево.
191. лазар[етный]. служ[итель]. Баландаев Василий Ларионович, 1908, д. Эсяново.
192. надз[иратель].¹⁸ больн[ичный]. Матвеев-Русаков Алексей, 1909, д. Колумбаево.
193. ряд. Шуркин Гурий Гаврилович, 1910, д. Корчаково (л. 41 об.).
194. стр. Садовников Порфирий Павлович, 1909, д. Аргаево.
195. ряд. Смирнов Иван Александрович, 1908, д. Юванькино.
196. стр. Плахин Иван Иванович, 1909, д. Вякшлап.
197. ефр. Плахин Петр Павлович, 1906, д. Вякшлап.
198. ряд. Степанов Иван Степанович, 1910, д. Пизикнур.
199. ефр. Павлов Александр Павлович, 1910, д. Юванькино.
200. ряд. Белов Алексей Евдокимович, 1907, д. Тетьяново.
201. ряд. Ямолкин Иван Николаевич, 1906, д. Аргаево.
202. стр. Синьков Прокофий Гаврилович, 1906, д. Ельниково.
203. Суворов Прокофий Кондратьевич, 1906, д. Юванькино.
204. ефр. Тимофеев Федор Петрович, 1908, д. Яниково.
205. хор. муз. ун[тер].-оф[ицерского]. зв[ания]. Яранов Иван Савельевич, 1907, д. Эсяново.
206. стр. Капитонов Дмитрий Петрович, 1909, д. Юванькино.
207. ряд. Ямолкин Степан Степанович, 1908, „ „
208. стр. Эльдииков Илья Матвеевич, 1907, „ „
209. ряд. Яранов Андрей Дмитриевич, 1908, д. Пердвяково.
210. ряд. Эльдииков Федор Матвеевич, 1909, д. Юванькино.
211. денщ.¹⁹ (здесь и далее – денщик) Олехов Федор Тимофеевич, 1907, д. Сарлайкино.
212. бомб. Степанов Филипп Степанович, 1910, д. Яшпатрово.
213. бомб. Манников Василий Степанович, 1906, д. Саратево.

¹⁸ надзиратель (госпитальный/лазаретный) – должность при военно-медицинских учреждениях.

¹⁹ денщик – казенная прислуга при офицере, назначаемая из общего числа строевых нижних чинов.

214. канон. Саватеев Павел Григорьевич, 1905, Оксинева (?).
 215. бомб.-набл[юдатель]. Петров Иван Петрович, 1910, д. Паулкино.
 216. бомб.-набл[юдатель]. Якимов Степан Якимович, 1910, д. Тюманово.
 217. бомб. Емешев Прокофий Якимович, 1905, д. Шапкилей.
 218. канон. Никифоров Егор Никифорович, 1909, д. Полянок (л. 42).
 219. бомб.-набл[юдатель]. Сергунькин Степан Емельянович, д. Афонькино.
 220. „ „, Воскресенский Антон Степанович, 1908, д. Тюмакаево.
 221. „ „, Михайлов Захар Михайлович, 1910, д. Пизинкур.
 222. „ „, Альков Иван Егорович, 1910, д. Афонькино.
 223. „ „, Малышев Иван Николаевич, 1906, д. Никишкино.
 224. „ „, Тадасеев Павел Осипович, 1910, д. Михаткино.
 225. канон. Матвеев Федор Егорович, 1905, „ „
 226. ряд. Касьянов Никифор Дмитриевич, 1908, д. Шиндырьялы.
 227. ряд. Спиридонов Иван Спиридонович, 1908, д. Полянок.
 228. млад[ший]. муз. Трусков Никита Егорович, 1904, д. Серманангер.
 229. стр. Кармазинов Филипп Семенович, 1910, д. Сигачкино.
 230. стр. Сидоров Дмитрий Сидорович, 1909, д. Тушналы.
 231. ряд. Жуков Иван Якимович, 1907, д. Токари.
 232. ефр. Смирнов Григорий Васильевич, 1897, ок. Сигачкино.
 233. ряд. Емельянов Степан Гаврилович, 1908, „ „
 234. ефр. Суворов Егор Леонтьевич, 1905, ок. Сигачкино.
 235. ряд. Цаников Харитон Матвеевич, 1909, д. Токари.
 236. ряд. Аркин Иван Игнатьевич, 1910, д. Сигачкино.
 237. ряд. Беляев Алексей Филиппович, 1910, ок. Полянок.
 238. стр. Драгомиров Николай Алексеевич, 1909, д. Шактенваж.
 239. ряд. Айплатов Алексей Андреевич, 1901, „ „
 240. ряд. Афанасьев Василий Якимович, 1906, д. Сачиково.
 241. ефр. Семенов Макар Семенович, 1906, д. Юльялы.
 242. ряд. Кутузов Константин Степанович, 1900, с. В[иловатый]. Враг.
 243. ряд. Биртанов Алексей Федорович, 1906, д. Сачиково.
 244. ряд. Ситошкин Александр Григорьевич, 1897, д. Кузнецово (л. 42 об.).
 245. стр. Коцубаев Михаил Петрович, 1904, д. Юванькино.
 246. ст. унт.-оф. Ишалев Трифон Васильевич, 1900, с. Юльялы.
 247. рот[ный]. капте[на]р[мус]. Виноградов Егор Матвеевич, 1901, д. Ширгиялы.
 248. ряд. Федоров Федор Федорович, 1908, д. Юльялы.
 249. ряд. Сергеев Давыд Захарович, 1899, с. Вилон[атый]. Враг.
 250. ряд. Иорданов Павел Тимофеевич, 1901, д. Важнангер.
 251. ефр. Ярускин Александр Павлович, 1898, д. Шапкилей
 252. нестр[оевой]. ряд. Прокофьев Никита Прокофьевич, 1905, д. Шиндырьялы.
 253. ряд. Дмитриев Степан Дмитриевич, 1903, д. Мичакнуры.
 254. ряд. Петров Михаил Петрович, 1901, д. Михаткино.
 255. ряд. Чурьянов Степан Трофимович, 1900, д. Мичакнуры.
 256. ряд. Аксаев Степан Петрович, 1900, д. Кожважи.
 257. ряд. Атласкин Иван Николаевич, 1898.
 258. рот[ный]. сигн[альщик]. Ляшканов Филипп Яковлевич, 1897, д. Михаткино.
 259. мл. унт.-оф. Ерошкин Степан Матвеевич, 1901, д. Яшпатрово.
 260. ефр. Ватюков Матвей Игнатьевич, 1903, д. Макарово.
 261. лазар[етный]. служ. Муравьев Илья Патрикеевич, 1907, д. Михаткино.
 262. объезд. ряд. Данилов Федот Тимофеевич, 1897, д. Поканово.
 263. стр. Филиппов Николай Филиппович, 1910, д. Эсяново.
 264. денщ. Эштиков Антон Яковлевич, 1910, д. Корчаково.
 265. сверхшт. (здесь и далее – *сверхштатный*) ряд. Иванов Трофим Иванович, 1910, д. Михаткино.
 266. ряд. особ[ого]. счета Сержкин Александр Романович, 1905, д. Яниково.
 267. ряд. Сидуков Федор Васильевич, 1904, ок. Трансилово (?).
 268. ряд. Онюшкин Павел Миронович, 1904, Копонангер.
 269. ряд. Эсанов Степан Якимович, 1908, д. Сауткино (л. 43).
 270. ряд. Веселицкий Григорий Федорович, 1899, д. Ширгиялы.

271. денщ. Кольцов Иван Кондратьевич, 1909, д. Ельниково
272. „ Скворцов Андрей Никитович, 1909, д. Тетьяново.
273. ряд. Саватеев Алексей Николаевич, 1907, д. Юванькино.
274. ряд. Конюшков Андрей Кондратьевич, 1908, д. Сигачкино.
275. ряд. Аватьянов Василий Алексеевич, 1905, д. Полянок.
276. обоз. ряд. Малышев Кузьма Семенович, 1900, д. Таря-Сач (?).
277. ряд. Шуркин Григорий Гаврилович, 1904, ок. Корчаково.
278. ряд. Ненайдаров Родион Сидорович, 1908, д. Ненайдарово.
279. обоз. ряд. Таланцев Ефим Михайлович, 1909, с. Кожважи.
280. ряд. Юлумов Ермолай Митрофанович, 1900, д. Шерекей.
281. нестр[овой]. сверхшт. ком[анды]. Почелин Петр еменович, 1897, д. Большая Яктерля.
282. ряд. Сануков Иван Петрович, 1908, д. Шиндырьялы.
283. сверхшт. ряд. Скворцов Федор Лаврентьевич, 1906, д. Апшак-Пеляк.
284. об[оз]. ряд. Серебряков Василий Иванович, 1902.
285. ряд. Петухов Кузьма Васильевич, 1909, ок. Эсяново.
286. „ Андреев Роман Андреевич, 1905, д. Писералы.
287. „ Малышев Василий Семенович, 1905, д. Кожланангер.
288. „ Мизинов Яков Сепанович, 1906, д. Сауткино.
289. „ Ядаров Николай Гаврилович, 1907, д. Наумово.
290. ефр. Петухов Дмитрий Яковлевич, 1908, д. Эсяново.
291. ряд. Емельянов Илья Емельянович, 1910, д. Афонькино.
292. мл. унт.-оф. Коцубаев Григорий Осипович, 1907, д. Яниково.
293. стар. ряд. Мизинов Сергей Васильевич, 1909, д. Ельниково.
294. ряд. Кузнецов Михаил Дмитриевич, 1898, д. Яниково (л. 43 об.).
295. стр. Юванов Федор Гаврилович, 1905, д. Юльялы.
296. ряд. Игнатъев Егор Дмитриевич, 1899, д. Ненайдарово.
297. „ Дмитриев Мирон Федорович, 1904.
298. „ Капитонов Степан Петрович, 1902, д. Юванькино.
299. стр. Васкинов Никифор Иванович, 1903, Пердвюково.
300. мл. унт.-оф. Саватеев Игнатий Никитович, 1901, д. Серманангер.
301. „ „ „ Крылов Степан Иванович, 1908, д. Эсяново.
302. ряд. Федоров Петр Моронович, 1899, д. Кукшлиды.
303. стр. Захаров Борис Ефимович, 1899, ок. Поканово.
304. ряд. Шибаторов Сидор Максимович, 1899, д. Яниково.
305. „ Александров Константин Александрович, 1903, д. Этюково.
306. ряд. Мизинов Иван Степанович, 1903, д. Сауткино.
307. ряд. объезд. Томилов Никифор Трофимович, 1900, д. Аргаево.
308. ефр. Гаврилов Аполлон Иванович, 1898, д. Красногорка.
309. „ Васильев Афанасий Васильевич, 1903, д. Юльялы.
310. „ Ядаров Михаил Иванович, 1905, д. Наумово.
311. учитель Кузнецов Иван Михайлович, 1912.
312. полк[овой]. бараб. Герасимов Анисим Герасимович, 1910, д. Затолы (?).
313. ряд. объезд. Митрошкин Григорий Никитович, 1907, д. Михаткино.
314. „ Яковлев Иван Семенович, 1906, д. Пизикнур.
315. „ Воробьев Трофим Петрович, 1906, д. Сарановой.
316. „ Малов Тимофей Захарович, 1906, д. Шиндырьялы.
317. „ Потоков Егор Григорьевич, 1907, д. Оканей (?).
318. ефр. Сидушканов Степан Трофимович, 1906, д. Красногорка.
319. стр. Саванов Иван Иванович, 1910, д. Красногорка (л. 44).
320. объз. ряд. Якутов Михаил Григорьевич, 1910, д. Шапкилей.
321. ряд. Шалфеев Степан Тихонович, 1907, д. Окашево (?).
322. „ Еропов Порфирий Федорович, 1906, с. Юльялы.
323. „ Саканов Василий Федорович, 1909, д. Тушналы.
324. „ Юадаров Тимофей Михайлович, 1906, д. Наумово.
325. „ Еропов Иван Ефимович, 1910, с. Юльялы.
326. „ Васильев Егор Васильевич, 1907, ок. Сарлай (?).
327. ефр. Егоров Михаил Егорович, 1905, д. Ениково (?).

328. стр. Пеньков Трофим Тимофеевич, 1909, д. Сауткино.
 329. ряд. Ильгасов Григорий Емельянович, 1908, д. Красногорка.
 330. канон. Тимофеев Алексей Тимофеевич, 1910, д. Б[ольшой]. Серманангер.
 331. бомб. Абрамов Григорий Иванович, 1910.
 332. канон. Крышев Андрей Андреевич, 1905, д. Немцево.
 333. „ Яковлев Григорий Яковлевич, 1909, д. Сауткино.
 334. „ Сарамбаев Николай Иванович, 1904, д. Шиндырьялы.
 335. бомб. Замятин Прохор Григорьевич, 1908, д. Сигачкино.
 336. бомб.-набл[юдатель]. Краснов Михаил Ларионович, 1904, д. Носелы.
 337. канон. Сидуков Василий Иванович, 1903, д. Пиликейкино (?).
 338. бомб. Салдаев Степан Романович, 1906, д. Б[ольшой]. Серманангер.
 339. сверхср[очный]. взв[одный]. фейер. Смирнов Алексей Илларионович, 1907, д. Серманангер.
 340. канон. Васильков Василий Григорьевич, 1903, д. Аргаево.
 341. ряд. Сондаев Трофим Александрович, 1901, д. Серманангер.
 342. „ Блинов Дмитрий Иванович, 1897, д. Паулкино.
 343. „ Денисов Павел Федорович, 1907, д. Лепеткино.
 344. стр. Яковлев Сергей Никитович, 1902, д. Колумбаево (л. 44 об.).
 345. ряд. Кириллов Иван Степанович, 1897, д. Ключево.
 346. стр. Перняков Лаврентий Егорович, 1902, д. Пикузино.
 347. лин[ейный]. сигн[альщик]. Сидуков Яков Леонтьевич, 1901, д. Серманангер.
 348. ряд. Ишалаев Семен Васильевич, 1909, с. Юльялы.
 349. „ Деньщиков Евдоким Степанович, 1902, д. Сауткино.
 350. „ Васильков Алексей Гаврилович, 1906, д. Пикузино.
 351. „ Татюков Семен Прокофьевич, 1897, д. М[алая]. Паратмара.
 352. стр. Смирнов Кузьма Федорович, 1909, д. Лицкнур.
 353. обоз. ряд. Кобылин Константин Николаевич, 1909.
 354. матр[ос].²⁰ 1-й ст. Осипов Тихон Осипович, 1909, д. Мичакнур.
 355. ряд. Смирнов Ефрем Григорьевич, 1909, д. Шактенваж.
 356. ефр. Григорьев Василий Григорьевич, 1910, д. Шактенваж.
 357. хор. муз. ряд. Матюков Иван Осипович, 1906, д. Шерекей.
 358. ряд. Субботин (Ефимов) Роман Ефимович, 1908, с. М[алый]. Сундырь.
 359. рот[ный]. бараб. Ларков Кондратий Андреевич, 1908, д. Пизикнур.
 360. ряд. Сидуков Яким Иванович, 1897, д. Б[ольшой]. Серманангер.
 361. „ Васильев Федор Васильевич, 1909, М[алый]. Серманангер.
 362. стр. Солодаев Гавриил Лукьянович, 1909, д. Б[ольшой]. Серманангер.
 363. „ Ефимов Семен Иванович, 1899, д. Токари.
 364. ряд. Васанов Кузьма Николаевич, 1906, д. Колумбаево.
 365. стр. Сядаров Павел Михайлович, 1905.
 366. „ Сандулов Никита Захарович, 1904, д. Серманангер.
 367. фельдш[ер].²¹ Баландаев Михаил Ларионович, 1900, д. Эсяново.
 368. ст. унт.-оф. Яковлев Матвей Яковлевич, 1910, д. Шерекей.
 369. стр. Федоров Андриан Федорович, 1909, д. Сарлайкино (л. 45).
 370. ряд. Позеров Антон Григорьевич, 1897, д. Шерекей.
 371. стр. Терентьев Тимофей Терентьевич, 1910.
 372. „ Синяков Герасим Петрович, 1906, д. М[алый]. Серманангер.
 373. ряд. Сидуков Иван Данилович, 1910, д. Б[ольшой]. Серманангер.
 374. „ Степанов Гаврил Прокофьевич, 1898, д. Яктерля 2-я.
 375. „ Федотов Емельян Гаврилович, 1905, д. Мидженово (?).
 376. стр. Емешев Павел Иванович, 1897.
 377. ряд. Шушканов Илья Петрович, 1902.
 378. батал[ьонный]. бараб. Елькин Феома Егорович, 1897, д. Б[ольшой]. Серманангер.
 379. ефр. Саватеев Архип Михайлович, 1910, д. Сарлайкино.
 380. ряд. Мишаков Федор Александрович, 1909, д. Сарлайкино.
 381. „ Иливанов Михаил Степанович, 1907, д. Тушналы.

²⁰ матрос 1-й ст. – строевой нижний чин в Российском Императорском флоте. Аналог ефрейтора в пехоте.

²¹ фельдшер – военно-медицинская должность в госпиталях, лазаретах и войсках.

382. ефр. Якутов Николай Егорович, 1910, д. Шапкилей.
383. ряд. Васильев Никита Васильевич, 1907, д. Полянок.
384. стр. Смелов Роман Николаевич, 1904, д. Пикузино.
385. „ Мишаков Илья Васильевич, 1910, д. Мишикино (?).
386. ряд. Матюков Максим Александрович, 1907.
387. стр. Харитонов Дмитрий Харитонович, 1910, д. Пикузино.
388. ефр. Давыдов Михаил Иванович, 1910, д. Шапкилей.
389. „ Русанов Александр Матвеевич, 1899, д. Колумбаево.
390. ряд. Васанов Сергей Петрович, 1910, „ „
391. „ Вернов Трофим Васильевич, 1907, д. Пикузино.
392. ефр. Давыдов Иван Федорович, 1908, д. М[алая]. Паратмара.
393. стр. Христоролюбов Павел Иванович, 1910, д. Макарово.
394. ряд. Павлов Степан Павлович, 1910, д. Помекейкино (*Сундырская волость. – А.К.*) (л. 45 об.).
395. рот[ный]. бараб. Олеков Евдоким Алексеевич, 1900, д. Б[ольшой]. Серманангер.
396. ряд. Ерохов Николай Ильич, 1897, д. Сарлайкино.
397. ефр. Микушин Михаил Николаевич, 1902.
398. ряд. Ямбулатов Иван Николаевич, 1902, д. Сарлайкино.
399. „ Еропов Павел Кузьмич, 1897, д. Андреево (?).
400. мл. унт.-оф. Ведянов Федор Тихонович, 1902, д. Полянок.
401. ряд. Ифонькин Алексей Григорьевич, 1901, д. Лепеткино.
402. „ Ларканов Иван Васильевич, 1904, д. Ср[едняя]. Паратмара.
403. ефр. Теванов Семен Спиридонович, 1908, д. Шиндырьялы.
404. ряд. Сазуркин Павел Никитович, 1904, Шиндырьялы.
405. ефр. Мартьянов Роман Максимович, 1905, д. Сарамбаево.
406. гусар Астраханцев Василий Федорович, 1908, д. Яндияркино (?).
407. ряд. Олехов Артемий Тимофеевич, 1905, д. Сарлайкино.
408. учитель Романшкин Петр Павлович, 1910. – *ВЫЧЕРКНУТ.*
408. инт[ендантский]. служ[итель]. Иванов Андрей Иванович, 1903.
409. санитар²² Денисов Егор Прокофьевич, 1898, д. Юнго-Кушерга.
410. ефр. Яковлев Василий Яковлевич, д. Кожлананагер.
411. учитель Никитин Павел Филиппович, 1909, ок. Эсяново.
412. учитель Шорин Всеволод Спиридонович, 1910, д. Чепайкнио ().
413. учитель Степанов Иван Степанович, 1910, д. Рыжково (?).
И.д. делопроизводителя Нагоркин (л. 46).

ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1539. Лл. 35–46. Подлинник. Рукопись.

Aleksey Kudryavtsev

MOBILIZED FROM THE RESERVE PEOPLE – NATIVES OF THE VILOVATOVRAZH VOLOST, KOZMODEMYANSK UYEZD, KAZAN GOVERNORATE

The article contains the name list of people – the natives of the Vilovatovrazh volost, Kozmodemyansk uyezd, Kazan Governorate who in July 1914 were mobilized from the reserve. The introduction briefly describes recruitment principles and mobilization during the First World War. The article is intended for local history experts, genealogists and those interested in the history of Gornomari region.

Key words: the 1914–1918 First World War; the Vilovatovrazh volost, Kozmodemyansk uyezd, Kazan Governorate; mobilization; lower ranks; July 1914.

Кудрявцев Алексей Николаевич,
научный сотрудник
направления «История» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: alterloki@rambler.ru

Aleksey Kudryavtsev
Researcher of History Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: alterloki@rambler.ru

²² санитар – военно-медицинская должность.

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 27:391/395(470.343)

**МАРИЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ В ОБЪЕКТИВЕ КАМЕРЫ:
ЭКСПЕДИЦИИ ТИИ ПЕЭДУМЯЕ В МАРИЙ ЭЛ В 1991–1992 гг.**

© 2019 г. Т.И. Алыбина

Данная статья посвящена анализу видеоматериала, полученного во время полевых исследований марийских молельных ритуалов. В ней даётся описание и анализ архивных видео с экспедиций Тии Пеэдумяе и оператора Яана Трейала в Марий Эл в 1991 и 1992 гг. На основе полевых дневников и видео рассмотрены процесс адаптации исследователей к изучаемой среде и роль посредников между учёными и исследуемым.

Ключевые слова: марийский анимизм; этнографическое поле; видеоархив; эстонские исследователи; эстонско-марийское научное сотрудничество.

Работа по сбору киноматериала Эстонским национальным музеем уходит корнями к самым первым годам его деятельности. С 1912 г. Йоханнес Пясуке, сделав киносъёмочную камеру из старого фотоаппарата, начал снимать короткие фильмы об Эстонии того времени. Начало съёмок родственных финно-угорских культур связано с созданием фильма «Liivi rannikult» («С ливского берега») в 1940 г. [Peterson, 1973: 30; Niglas, Toulouze, 2010: 77–78]. В советское время традиция исследовательских киносъёмок возродилась благодаря инициативе Алексея Петерсона. С его приходом на пост директора в собственности музея появилась первая камера, и создание этнографических фильмов было включено в одну из основных направлений музейной деятельности [Jääts, 2011: 2]. Почти ежегодно, начиная с 1960-х и до конца 1980-х гг., проводились киносъёмки, запечатлевшие традиционные занятия и исчезающие обряды в разных регионах Эстонии, совершались выезды и в вепские деревни [Peterson, 1973: 31–32]. По инициативе Петерсона была усилена работа по пополнению финно-угорской коллекции музея. Организовывались комплексные собирательские экспедиции в финно-угорские регионы, в том числе с начала 1970-х гг. состоялось несколько больших

киноэкспедиций к удмуртам [Leete, 1998: 15–16; Auasi, 2008: 40; Toulouze, Niglas, 2009; Niglas, Toulouze, 2010: 84–85; Jääts, 2011; Карм, 2013]. Самым интенсивным в плане экспедиционных поездок был период 1986–1991 гг., когда ежегодно совершались по семь выездов в финно-угорские регионы, были посещены почти все малые народы [Leete, 1998: 15–16; Auasi, 2008: 52–53].

С 1992 г. количество экспедиций существенно снизилось. Музей не мог финансировать полевые выезды, и исследователи начали искать другие возможности для покрытия расходов. Несмотря на денежные трудности, усложнение поездок из-за появления границ, исследование финно-угорских культур было продолжено. Полевые материалы собирались в большинстве случаев отдельными энтузиастами, среди которых было много студентов [Leete, 1998: 16]. Поездки для исследования уральских народов осуществлялись в рамках различных проектов и зависели от интересов самих исследователей.

Молодая учёная Тииа Пеэдумяе занималась культурой мари. Период её полевых выездов и сбора материала относится к переходному моменту в используемых методах этнографических исследований. Пеэдумяе является представителем поколения исследо-

вателей, получивших опыт работы в поле по методам советской этнографии и расширивших научную методологию со сменой исследовательского фокуса в постсоветский период. Она родилась в 1966 г. в г. Пылва, в 1984–1989 гг. изучала экономическую географию и этнологию на географическом факультете Тартуского университета и ещё студенткой участвовала в полевых экспедициях¹ ЭРМ. Темой её изучения была материальная и духовная культура марийцев. В 1989 г. она защитила дипломную работу «Формирование и структура марийского этноса» и продолжила свои исследования в качестве научного сотрудника Эстонского национального музея (1989–1995), проработав в этой должности вплоть до отъезда в Швецию. С 1996 г. живет в г. Гётеборг².

Целью данной статьи является изучение возможностей этнологического исследования религиозных обрядов методом сбора визуального материала, проанализировать видеоматериал по марийским молебным обрядам, снятый Тиией Пеэдумяе и оператором Яаном Трейалом в Марий Эл в 1991–1992 гг. Особо будет рассмотрена роль выстраивания и развития отношений между исследователями и местными жителями в ходе видеоэкспедиций. Это важно на фоне того, что при современной технической легкодоступности фото- и видеосъёмок для этнологов по-прежнему актуальны проблемы этики и установления доверительных отношений с местным сообществом как при стороннем, так и включённом наблюдении сакральных ритуалов и особенно при визуальной фиксации. И сегодня в полевой практике исследователя нахождение общего языка с людьми, построение взаимного доверительного диалога остаётся наиболее важным. При написании статьи в качестве источников были использованы материалы видеоархива Эстонского национального музея [ERM V 38; ERM V 48/1; ERM V 48/2], топографические дневники

[Peedumäe Tiia, 1991; Peedumäe Tiia, 1992], а также исследовательская статья Тиы Пеэдумяе [Peedumäe, 1993].

Видеоэкспедиции 1990-х гг. Смена фокуса

Фильмы, снятые музеем в советское время, главным образом представляют опыт реконструкции прошлого. Этнографический фильм, по словам Алексея Петерсона, был нацелен на фиксацию общей картины исследуемого явления. Собранные материалы должны были дополнять этнографические рисунки и фото об этнографическом факте, характеризующем определённую культуру. Киносъёмка не была инструментом либо процессом для дальнейшего анализа [Niglas, Toulouze, 2010: 85]. Использование кинотехники явно ограничивало полевую работу по традиционным этнологическим методам. Процесс съёмки предполагал одновременное участие нескольких человек, обеспечивающих свет, отдельно запечатлевающих звук и картинку. В таких условиях работы исследователю невозможно полностью вписаться в исследуемую среду и оставаться незаметным наблюдателем. Внедрение относительно дешёвых видеокамер расширило возможность сбора материала при включённом наблюдении, позволив относительно легко и незаметно запечатлеть происходящее на видеокассете.

С начала 1990-х гг. изменилась методика полевой работы. Сбор предметных коллекций и стремление запечатлеть «исчезающую традиционную культуру» сменились исследованием современности. Видеокамера активно начала включаться в этнографическое исследование, в том числе меняя местами этнолога и объект его исследования, предоставляя последнему с помощью камеры рассказать о самом себе [Данилко, 2017: 106–107]. Развитие техники привносило новую методологию и инструментарий для гуманитарного сообщества. В случае организованных видеоэкспедиций отпала необходимость включения в группу специалистов по записи звука, обеспечению света при съёмке и т.д. Мобильность видеокамер давала возможность работать в поле даже одному, наблюдая и одновременно фиксируя данные [Auasi, 2008: 40].

¹ Мордовская АССР 1987 (ТАр 838); Марийская АССР 1987 (ТАр 838), 1988 (ТАр 842), 1990 (ТАр 869).

² Тиия Литорелль (Tiia Litorell) <https://il.linkedin.com/in/tiialitorell>

Две экспедиции Ти́и Пеэдумяе были организованы в Марий Эл с целью видеодетекции и изучения марийских религиозных ритуалов. Оператор Яан Трейал, имея большой опыт работы во время музейных экспедиций с кинокамерой³, использовал метод естественной съёмки, близкой к видеодетекции. В отличие от съёмки реконструкции, видеодетекция концентрируется на «естественных» ситуациях, которые не спланированы либо подстроены заранее. Цель видеосъёмки заключается не в том, чтобы задокументировать определённые схемы и реакцию на происходящее, а зафиксировать деятельность и взаимодействие участников в исследуемом поле [Knoblauch, Tuma, Schnettler, 2014: 22]. Так во время экспедиции 1991 г. было зафиксировано на видео первое марийское общественное моление *Мер ку-малтыш* в д. Олоры Параньгинского района Марий Эл. В 1992 г. в той же деревне был снят обряд весеннего моления *Агавайрем*, а также ритуал поминовения предков. Видеоматериал собран без вмешательства в процесс происходящего события в ходе спонтанной съёмки определённых порядков наблюдаемых обрядовых традиций.

Как этнографу найти и попасть на поле?

Политические и общественные перемены рубежа 1980–1990-х гг. влияли на трансформационные процессы в культуре и особенно выделялись на территории национальных республик. Подъём национального движения в Марий Эл включает в себя и активизацию темы народной духовной традиции. Наряду со многими организациями и общественно-политическими движениями, в июне 1991 г. в Марий Эл был зарегистрирован религиозный центр «Ошмарий – Чимарий» («Белый мари – чистый мари»). Это событие давало

³ У Яана Трейлера уже имелся большой опыт в более ранних финно-угорских экспедициях. Яан Трейлер и другой видеооператор ЭНМ – Калью Нилбе участвовали в 1988 г. на съёмках молельных традиций в Удмуртии (ERM V1 Palvuspühad Varklet-Bodjas. I; ERM V 2/2 Palvuspühad Varklet-Bodjas. II). Оба ранее занимались любительским кино (устное сообщение сотрудника ЭРМ – Светланы Карм).

повод ожидать, что с наступлением религиозной свободы в республике может быть возобновлена традиция коллективных молений в священных рощах. Попасть стороннему наблюдателю на обряд общественных молений в рамках возрождения марийской религиозной традиции не так-то просто. Ти́а Пеэдумяе, используя свои знакомства, приобретённые во время предыдущих экспедиций, могла не только следить за произошедшими событиями в Марий Эл, но и старалась изучить возможность посещения предстоящих мероприятий в сфере возрождения национальной культуры. В своём дневнике экспедиции 1991 г. она пишет, что от своего знакомого марийца узнала номер телефона Георгия Казакова, который был близок к марийскому Религиозному Центру и у которого можно было спросить о планах работы организации: «Весной я связалась по телефону с Георгием Казаковым <...>, чтобы узнать о каких-либо возможных подобного рода мероприятиях/событиях. И узнала как раз, что предстояло большое моление ближе к концу осени. Летом этим вопросом не занимались, в сентябре позвонила снова и узнала, что жертвоприношение пройдёт в начале октября, точнее 11 числа [Peedumäe, 1991: 5–6].

Отмечая регистрацию общественно-политической организации «Кугезе мланде» («Земля предков») в январе 1991 г. и начало работы организации «Ошмарий-Чимарий», Ти́а Пеэдумяе подчёркивает их значимую роль в процессе формирования марийского религиозного движения: «Эти религиозные организации находятся во главе заново возрождённого религиозного движения, в попытке возродить подвергнувшуюся исчезновению традицию предков. Теперь используется долгожданное время быстро восстановить и спасти её, пока ещё можно найти старых людей и жрецов, которые знают обряды молений и помнят о них [Peedumäe, 1993: 2136].

Если собирательные полевые экспедиции можно организовать согласно рабочему ритму музея, то исследование современных процессов предполагает смену точки отсчёта. Планирование полевого выезда происходит исходя из даты предполагаемого события. Для применения метода включённого наблюдения, этнолог рассчитывает на дополнительное время

для приспособления к среде и установления доверительных отношений. Начиная свой дневник, Тииа Пеэдумяе пишет о том, что наконец-то побывает на молении и удовлетворит своё исследовательское любопытство: «Кажется, что в конце концов наступает долгожданный день, когда смогу своими глазами увидеть языческие жертвоприношения марийцев. Я читала соответствующую литературу, в священных рощах бывала, но сам обряд молений увидеть ещё не посчастливилось» [Peedumäe, 1991: 5]. Другими участниками исследовательской группы были оператор Яан Трейал и художник Харри Хинн. Экспедиционная группа музея прибыла в Марий Эл за несколько дней до дня молений. Первым пунктом назначения был г. Йошкар-Ола, где исследователи встретились с членами марийской организации. Далее им предстояло поехать в д. Олоры, где проводилось моление, и успеть освоиться там. Непосредственной связи учёных с жителями д. Олоры не было. Сбор информации о предстоящем мероприятии был возможен через общение с городскими членами «Ошмарий-чимарий». Предварительные данные отмечены в дневнике:

«Жертвовать будут лошадь. Местный колхоз вроде бы ещё телёнка выделит, возможно, и нескольких овец, люди сами принесут с собой гусей. Таким образом пройдёт довольно грандиозное мероприятие. Очень надеюсь, что от расширения масштаба мероприятия своеобразие и приближённость к традиции не пострадают. Казаков, конечно, говорил, что его проведут местные старейшины – языческие жрецы, которые будут стараться соблюдать традицию настолько, насколько у них сохранилось в памяти» [Peedumäe, 1991: 6–7].

Исследовательским методом группы было включённое наблюдение, а также фото- и видеофиксация обряда. Использование техники в наблюдении за ритуалом с сакральным смыслом обычно вызывает дополнительные трудности для исследователя. Например, этнолог и кинорежиссёр Андрей Головнёв приводит пример из своей практики «неснятого кино»: «Когда я отыскал крепких староверов и заговорил о съёмке фильма, получил разъяснение: «Кино – грех. Сниматься нельзя. Сколько снимаешься, столько от тебя убывает,

переходит с души на пленку... Снимок – это изображение. А изображено может быть только божественное. Нельзя приравнять себя к божеству». <...> Староверов я не снимал и ничуть об этом не жалею, хотя поначалу кинематографист во мне негодовал и буянил под нажимом этнографа. Зато искушение камерой спровоцировало острую полемику, открывшую широкий горизонт современной религиозности и новый для меня ракурс, обозначенный <...> как "неснятое кино"» [Головнёв, 2007: 25]. Марийский молельный обряд снять удалось, однако исследователи столкнулись с определёнными трудностями, которые рассмотрены ниже.

Вопрос о возможности свободного доступа и наиболее полной фиксации обряда вначале обсуждался с лидерами религиозного движения в Йошкар-Оле. Члены экспедиционной группы были приглашены на собрание членов организации. Несмотря на то что обсуждения шли на марийском языке, благодаря кратким обобщённым переводам на русский и некоторому знанию марийского языка общий смысл встречи эстонской стороне был понятен. Пеэдумяе отмечает, что обсуждались как вопросы по предстоящему молению, так и общие политические и экономические проблемы. Говоря о предстоящей съёмке, члены организации пообещали способствовать съёмочному процессу: «Что касается нашего фильма, нам обещали по-всякому помогать и дать возможность максимально снимать. Моление это священное действие, и совет жрецов (*онаен-влак*), наверно, не желает давать снимать всё. Нам обещали позволить снимать больше, чем местному телевидению, там всё равно сделают только коммерческий фильм. Хочется надеяться, что на самом деле сможем всё посмотреть и зафиксировать на киноленте» [Peedumäe, 1991: 19].

Из-за проблемы с транспортом в д. Олоры экспедиционная группа добралась лишь вечером накануне дня обряда. Тииа Пеэдумяе указывает на то, что встреча с местным организатором не внесла дополнительной нужной информации, полезной для подготовки к изучению обряда: «Я хотела, чтобы <...> человек, хорошо знающий обряд, объяснил нам в двух словах, что будет завтра

происходить, чтобы мы смогли подготовиться и быть в нужное время в нужном месте, чтобы ничего важного не проспять и не пропустить. Д* был согласен побеседовать с нами, когда речь поневоле шла только о копии фильма, ни о чём по делу мы вначале узнать не смогли <...>. О завтрашнем мероприятии мы узнали действительно мало, только то, что оно начнётся утром около четырёх часов, жрецы соберутся в трёх главных домах, с каждого из которых в рощу выведут жертвенное животное: из одного хозяйства лошадь (это для главного бога – племенного бога *Кузурак*), из другого бычка (для *Пиямбар*) и из третьего двух овец (для *Мер юмо* и для *Шочын ава*). Нас обещали к назначенному времени отвести в главный дом (из которого выведут лошадь), чтобы мы смогли увидеть ритуал от начала до конца» [Peedumäe, 1991: 30–32].

Тиия Пеэдумяе отмечает, что ей и оператору Яану Трейалу пришлось столкнуться с предложением о копировании и коммерческом использовании материалов предстоящей видеосъёмки. Настояв на научной ценности будущего фильма и не допустимости любых коммерческих махинаций, исследователи объяснили, что при договорённости с музеем копию фильма можно будет получить, но только для личного пользования. Таким образом, ещё не отснятые материалы уже получили большое внимание со стороны местного активиста религиозного движения. Так, обсуждение дальнейшей судьбы видеоматериала могло повлиять на возможность съёмки ритуала и его ограничения. В таких вопросах от исследователей требовалась дипломатичность и умение договориться, сохраняя принципы исследовательской работы.

День молений.

Этнографическая съёмка ритуала

В день молений запланированные съёмки ритуала, проводимые ранним утром в трёх деревенских домах перед выводом жертвенных животных в молельную рощу, не удались. Исследователям сообщили, что жрецы на вечернем собрании решили, что утреннюю часть обряда на видео снимать нельзя. В дневниковых записях проявляется волнение о том,

что начало молельного обряда не снято, и сомнение по поводу степени доступности его продолжения. Трудности продолжились и в роще. Жертвоприношения домашних животных, посвящённых богам и совершаемых у посвящённых им священных деревьев, снимать так же не разрешалось.

«У рощи нас ждал неприятный сюрприз. У символических ворот <...> нас встретил Д* и уведомил, что подготовку к молениям и жертвоприношение снимать нельзя, ни нам, ни местному и ни финскому телевидению, фотографировать также нельзя. Так решил совет жрецов вчера вечером. Съёмки разрешают только после 11 часов, когда подготовка завершена и начинается моление. <...> Нам объяснили, что съёмки обряда принесения жертвы (убиение) и крови не угодно богу. Конечно, если уж мы пришли сюда, мы не можем пойти наперекор их пожеланиям» [Peedumäe, 1991: 34–35].

Оператору ничего не оставалось, как снимать вне рощи. И первые кадры молельного обряда содержат общий вид входа в рощу с символическими воротами, к которым подходят женщины с жертвенными гусями и узелками с выпечкой. Однако благодаря переговорам с представителями организации «Ошмарий-чимарий» разрешение на съёмку было получено:

«Около 8 часов смогли всё же приступить к съёмкам и фотографированию. Люди приехали к нашему присутствию, и нам удалось объяснить А. Юзыкайну, что фильм нужен также для их истории, что это не только в наших интересах. Посоветовавшись с В. Ивановым, он в конце концов дал право на съёмку» [Peedumäe, 1991: 37].

Анализ видео молельного ритуала

Видеоматериал с первых молений *Мер Кумалтыиш* продолжительностью в 65 минут большей частью состоит из съёмки обряда. Последние 15 минут содержат интервью с одним из жрецов – руководителей обряда, где в виде монолога Александр Кузнецов (он будет упоминаться в анализе видеоэкспедиции Пеэдумяе и Трейала в 1992 г.) рассказал о порядке проведения осенних молений. Видеоплёнка

завершается кадрами деревенских улиц, пейзажной панорамы, кадрами деревенского кладбища.

Сторонники метода видеоанализа отмечают, что неотъемлемая часть видеосъёмки – это нахождение на исследуемом поле. Это значит, что исследователь, физически находясь в среде изучаемой культуры, «мультисенсорно» испытывает его. Он видит, слышит, замечает запахи и чувствует атмосферу поля. Этот опыт является неотделимой частью знаний об исследуемых полях и их контекстах, который разделяется с другими участниками и подробно рассматривается при анализе [Knoblauch, Tuma, Schnettler, 2014]. И хотя сведения, собранные через объектив видеокамеры и сохранённые по определённым параметрам визуальных и акустических данных, нельзя приравнять к объективной реальности происходящего, включённость оператора в ситуацию и его умелый исследовательский взгляд и выбор кадра делают возможным передачу атмосферы происходящего. Видеоматериал с молений *Мер кумалтыш* передаёт не только порядок религиозного ритуала, но чувствуется и атмосфера, присутствующая в роще. При внимательном рассмотрении зрителю удаётся уловить черты социальной обстановки и настроение людей периода 1991 г. – состояние неопределённости, страха и надежды.

Фиксируя происходящее, исследователь с камерой не может запечатлеть всю совокупность ситуаций в поле, ограниченный рамками – размером кадра и диапазоном записи звуков, он постоянно совершает выбор. Даже решение о завершении подготовки и распаковка камеры для начала съёмки являются определённым выбором, которым руководит исследователь, как и ориентация камеры и длительность записи [Knoblauch, Tuma, Schnettler, 2014: 21]. Поэтому необходимым дополнением к видео являются текстовые заметки и дневниковые записи классического наблюдателя в поле. Судя по кадрам рассматриваемого необработанного видеоматериала, съёмки в молельной роще были проведены плавно, с полным вписыванием в ситуацию. Каких-либо незапланированных прерываний съёмки либо искажения кадров нет, присутствие оператора в видеокадрах практически не заметно.

Весь процесс молений в роще можно разделить на три этапа: подготовка, само обращение к богам и общая трапеза. Все этапы частично сняты и дают представление о порядке молений.

Этап подготовки к коллективному молению представляется наиболее сложным для съёмки, так как идёт процесс знакомства участников церемонии со сторонними наблюдателями и происходит привыкание к присутствию камеры. Судя по кадрам, оператор Ян Трейал хорошо ориентировался в ходе работы и действовал внимательно, не компрометируя себя и уводя прямые кадры от наиболее сокровенной части ритуала для сторонних глаз – жертвоприношений (животных и птиц). Данные о пожертвованных животных считываются через общие кадры: у священного дерева вывешена шкура быка, женщины ощипывают гусей, принесённых богу от своих семей. Никто не обращает внимания на камеру, все заняты своим делом – мужчины следят за кострами, женщины стоят в очереди к жрецу перед священным деревом, выставляют принесённые блюда на ритуальный стол – *шаге*. Видео передаёт всю атмосферу происходящего через действия людей. Видно, что даже люди, давно не участвующие в подобных мероприятиях, знают, что и как делать. Иногда советуясь друг с другом, они своим участием дополняют общую коллективную деятельность.

Когда процесс подготовки жертвенных птиц и подношения даров к священным деревьям завершён, у посетителей обряда выявляется свободное время. Данный момент чётко выделяется в видеоряде, чувствуется смена атмосферы. Люди свободны от дел, они осматриваются на месте, общаются между собой, присматриваются к камере, взаимодействуют с ней взглядом, просто ждут. Оператор наблюдает, его главное внимание теперь не на действии людей, а на самих участниках. В кадре – разные поколения, внешний вид людей, одежда, детали домашних костюмов и более современные марийские платья, которые женщины надели в рощу.

Ритм видео меняется естественно, сам по себе следуя ритму проводимого ритуала. В наблюдении за окружающей реальностью через камеру не чувствуется присутствие оператора,

его исследовательский взгляд и управляющую фокусом камеры руку можно проследить лишь в отдельных крупных планах и движении кадра. Видеосъёмка, проводимая с расчётом кассетной плёнки для фиксации всех важных моментов наблюдаемого (религиозного) ритуала, предполагает своеобразное планирование кадров и камерный монтаж.

Камера сфокусирована на происходящее у одного из священных деревьев. Жрец завершает подготовку к обращению с молитвами к богам. На ритуальном столе *шаге* он разложил самые важные части принесённых в жертву животных и птиц. Здесь же в ряд расставлены ритуальные блины, караваи хлеба с воткнутыми монетами, зажжены свечи. Жрец отрезает по кусочку из середины каждого каравае, для того чтобы после прочтения молитв от имени всех участников обряда бросить все кусочки в огонь. Пока он заканчивает последние приготовления, перед *шаге* большим полукругом собрался народ. Многие стоят на коленях. Начинается общее моление. Жрец и его помощник одновременно читают вслух молитвы. У каждого свои моленные слова. Текст смешивается и отдельно содержание молитв понять практически невозможно.

Оператор предусмотрительно занял удобную для съёмок позицию между жрецом и молящимися, встав сбоку, на стороне. С этой позиции при смене угла съёмки видеокамере доступны и действия жреца, и собравшихся здесь участников. Параллельно с процессом моления у священного дерева, применяя монтаж камерой, Яан Трейал снял и приготовление пищи на кострах, разделывание сваренного мяса, приготовление каши. Масштабность ритуала передана через общий план и панораму. Этап молитв заканчивается тем, что люди забирают со стола *шаге* свое поднесённое блюдо. Подходит время трапезы и взаимного угощения.

Завершающий этап обряда – угощение – снят у символических «ворот» рощи и на самой моленной поляне. В кадре женщины, совершающие поклон у ворот рощи и уходящие домой. Далее на видео зафиксирован процесс общей трапезы. Участники ритуала с тарелками каши или супа группами расаживаются на земле. Камеру замечают,

с улыбкой реагируют на стороннее наблюдение. Оператор фокусируется на отдельных участниках моления: две присевшие на стороне пожилые женщины, малые дети в колясках с родителями. На общем плане женщины обращают внимание на камеру: сотрудница музея уговаривает одну из участниц обряда показать своё платье с марийской вышивкой. Для этого требуется снять или хотя бы распахнуть верхнюю тёплую одежду, что она впоследствии и делает. Перед тем как уйти из рощи, проводится уборка. Ветви елей, использованные для раскладывания блюд, и другие не подходящие для сжигания в моленных кострах вещи сжигаются в отдельном костре. Завершается видео с молитв кадрами висящих на перекладине полотенец. Это тоже преподношения богам, они останутся в роще.

Ритуал завершения обряда молением, проводимый на следующее утро в деревенских домах, откуда были выведены в рощу жертвенные животные, снять также не удалось. Накануне этнографы были настроены на утренние съёмки и даже получили содействие со стороны одного из местных жрецов и его жены: «Завтра с утра должны были карты собраться снова в одном из главных домов (около 7 часов), Ольга Кузнецова обещала нас туда отвести, чтобы мы смогли ещё с ними пообщаться» [Peedumäe, 1991: 48]. Однако на следующий день Александр Кузнецов, сходя в главный дом, сообщил, что собравшиеся на завершающий ритуал люди к запланированным съёмкам настроены негативно, и исследователи решили отменить визит: «Через некоторое время хозяин дома вернулся, он был даже несколько не в настроении. Оказалось, он сходил в главный дом и узнал, что большинство из жрецов после вчерашнего мероприятия уехали, некоторые местные собрались вместе, однако там были выражены недоброжелательные мысли по поводу нас, так что А. Кузнецов не советовал нам туда идти. А именно Н. (один из жителей села Олоры. – Т.А.) и некоторые другие причастные выразили мысль, что с нас можно было бы взять оплату за (произведённые) съёмки. Это мы бы, конечно, сразу же категорически отклонили, потому что ранее у нас не было

никаких разговоров об этом и постфактум у них нет права просить деньги. К тому же мы могли задать им встречный вопрос, много ли им заплатили местное и финское телевидение, они ведь тоже снимали. Но по-видимому был в их компании человек с более разумными и трезвыми мыслями, во всяком случае с этим вопросом к нам не подходили» [Peedumäe, 1991: 50–51].

Этнографы отмечают, что кратковременные полевые выезды, запланированные совместно с местными организаторами, могут ограничиваться заявленной темой экспедиции. Встречающие учитывают желания гостей и направляют в те места, где можно наиболее близко познакомиться с чертой народной культуры, к которой был изначально проявлен интерес [Карм, 2013: 79–80]. Светлана Карм пишет, что во время музейных экспедиций к удмуртам, эстонским исследователям предоставляли возможность посетить и традиционные моленные обряды, считая их особой самобытной чертой культуры своего народа. Однако, прежде чем приводить учёных в рощу, местные этнографы и жители деревень старались как можно лучше «подготовить» их к этому включённому наблюдению, уведомляя о порядке моленного обряда и правилах поведения людей в почитаемом месте [Карм, 2013: 80].

Исследователь с камерой в категории «своих»

Следующая экспедиция Ти́и Пеэдумяе к марийцам состоялась в июне 1992 г. Целью поездки была видеосъёмка весенних молений *Агавайрем* в уже знакомой д. Олоры и проведения дня поминовений предков во время праздника *Семык* в деревне Куженерского района Марий Эл. Организация этой экспедиции была затруднительной и более затратной, несмотря на то что группа состояла лишь из двух человек – Ти́и Пеэдумяе и оператора Яана Треяла. По сравнению с предыдущим годом, Эстония и Россия были разделены границей, изменилась схема транспортной логистики, значительно повысились цены. Дорога в этнографическое поле, уже хорошо знакомая по предыдущим поездкам, на этот раз преодолевалась

труднее. Заметки о нововведениях и сложностях на пути этнологов встречаются и в полевом дневнике. Ти́иа Пеэдумяе описывает процесс прохождения границ, обновлённые расписания самолётов, ожидание смены денежной валюты в Эстонии и значительный скачок цен на товары и услуги, особенно в России: «В поезде были сюрпризы: бельё теперь стоит 20 (!) рублей. Ужас! Всего несколько месяцев назад его цена была пара рублей. Я и сама предполагала, что оно подорожало, наверно, но ведь не на столько [Peedumäe, 1992: 5]. Возникли трудности с приобретением необходимой техники и неудобства при пересечении пограничных пунктов с дорогой видеоаппаратурой:

«Конечно, были трудности с техникой. Нам выделили небольшое количество валюты для покупки видеокассет и батарей, там мы и сходили с Яаном в «Брио» их купить. А именно планируем снять предстоящее в Парангинском районе моление *Ага Пайрем* (пер. «Праздник пашни») и сохранившийся в Куженерском районе праздник *Семык*. Надеюсь, что получим интересный и полезный материал» [Peedumäe, 1992: 7].

Хотя условия прибытия на экспедиционное поле были затруднены, обстановка уже в знакомой местности значительно облегчала работу по сбору информации. Установились доверительные отношения с местными жителями, что позволило ближе изучить и более полно зафиксировать черты изучаемой культуры. По прибытии на место этнологи встретились с семьёй Ольги и Александра Кузнецовых, у которых в 1991 г. брали видеосъёмку о порядке молений. Им легко удалось договориться о съёмке подготовки к весенним молениям в их доме. Более того, была организована некоторая подготовка к съёмке молений в естественных условиях: этнографы и хозяин дома заранее сходили посмотреть на место проведения обряда, отметили условия удобства для съёмки – открытая местность и достаточное освещение [Peedumäe, 1992: 25–26].

Андрей Николаевич Андреев, рассуждая об использовании фотоаппарата при включённом наблюдении, говорит о том, что социальное взаимодействие определяется ролью исследователя в поле. Так, в публичном меро-

приятии фотофиксация происходящего проходит достаточно незаметно, тогда как в закрытом сообществе фотографическая практика свидетельствует о том, что исследователь, скорее всего, является участником сообщества [Форум, 2018: 17]. Яан считает, что практика видеосъёмки также подвергается подобным критериям работы в этнографическом поле, а иногда использование видеокамеры может усиливать значимость построения отношений между исследователем и исследуемым. При анализе собранного в 1992 г. видеоматериала по марийским религиозным обрядам можно отметить установление взаимодействия с представителями изучаемой культуры и, вследствие этого, доступ к участию в достаточно частных обрядах, как части самого сообщества – дальних финно-угорских родственников, гостей семьи. Ниже, в описании процесса работы по данным дневников и обзору видеоматериала, я приведу примеры взаимного сотрудничества исследователей и исследуемых.

Считается, что фотографическая практика является своеобразным провокативным инструментом. Фотообъектив создает условия очевидного наблюдения, что может привести к преднамеренному вниманию участников поля и в итоге к искажённому результату собранных данных (хоторнский эффект). Однако человек с фотоаппаратом может и просто заинтересовать людей, которых он хотел бы исследовать [Форум, 2018: 18]. В случае видеосъёмки экспедиции Тии Пеэдумяе, которые в основном проходили в семье Кузнецовых, внимание к видеокамере на искажение материала не влияет. В фокусе видеокамеры не чувственные характеристики и взаимоотношения, а бытовые действия – подготовка к молениям. При съёмке общественного моления как менее частного, масштабного мероприятия искажения в порядке обряда или в поведении людей также не предполагается. Одновременно процесс изучения народной культуры вызывает интерес у самих её носителей. В этом случае, с приобретением к процессу видеофиксации, камера переходит в разряд привычного объекта, наряду с уже хорошо знакомыми этнологами-гостями. Так ближе к концу экспедиции, показав Кузнецовым отснятый материал, исследователи по-

лучили положительных отзыв о проделанной работе с камерой:

«После обеда пересмотрели отснятый материал. У Яана вместе с камерой взят маленький экран, размером около 10 на 10 см, на котором напрямую из камеры смогли ленту посмотреть. Вся семья Кузнецовых радостная сидела перед экраном, они ведь были главными героями. Ольга была довольна там, что так свободно чувствовала себя перед камерой. Она заметила это ещё во время съёмки, говорила, что, так как мы являемся уже давними знакомыми, она не чувствует какого-либо смущения или напряжения, появляясь перед камерой. Мы ведь всё вдвоём снимали. Материала у нас было много, более 2,5 часов» [Peedumäe, 1992: 74].

При обзоре видеоданных заметно, что хозяйка дома, занимаясь подготовкой к предстоящему празднику, одновременно демонстрирует свои действия камере. Это проявляется в том, что она ждёт готовности оператора и включения камеры, перед тем как начать и завершить определённое действие: вывешивание занавески на окно, отправка и вынимание хлеба из печи и т.д. Такое внимание к камере обусловлено, возможно, заботой об экономии видеоплёнки без лишних пересъёмок действий. К примеру, в попавшем на камеру коротком диалоге между супругами (на марийском языке) речь идёт о стоимости видеокассет и предположения об их дорогой стоимости.

Прежде всего гармонично вписаться в среду и перейти из категории «чужих» к «своим» в данном случае помогает включённость в общие действия: заинтересованность и практическое участие. Данный «метод» на деле выглядел следующим образом: «Ольга К. начала сегодня подготовку к празднику с уборки: помыла окна, стены, также бельё. Яан снимал всё это. Но мы не были только сторонними наблюдателями, также помогали немного. Я помогла с мытьём окон и стен, также помыла полы в комнате» [Peedumäe, 1992: 26–27].

Таким образом создаются и более удобные условия для работы видеооператора. Так часть исследовательской группы включается в повседневную жизнь, в то время как исследователь с камерой остаётся на периферии, становясь наблюдателем, но уже не таким «чужим»:

«Снимали весь ритуал по выпечке хлеба. Я пыталась в то же время и помочь хозяйке, а именно: погладила занавески, которые вчера вечером постирали. Позднее повесили их вместе с О.К. на окна. Комната сразу преобразилась, когда белоснежные с вышивкой занавески были развешены на окнах. Яан, конечно же, всё это отснял. В результате собралось довольно много материала по приготовлению еды и напитков, и даже поход в баню – важная составляющая в подготовке к выходу в молельную рощу: «Вечером нас ждал поход в баню. Яан снял, как мужчины идут в баню и даже как моются. После бани снимать уже не получилось, уже было слишком темно» [Peedumäe, 1992: 30–34].

По сравнению с предыдущим опытом видеозаписи, на этот раз у исследовательской группы был свободный доступ для сбора фото- и видеоматериала, поэтому волнений и размышлений о разрешении съёмок совсем нет. Больше внимания обращается на новые детали в жизни общества, которые появились на фоне произошедших политических изменений. Одним из культурных «нововведений» для россиян стали западные телесериалы: «Утром, до выхода в рощу в деревне собирают яйца. Мы уже с утра ждали, когда с улицы послышатся стуки лошадиных копыт. Но вскоре начался суперпопулярный в России сериал «Богатые тоже плачут» и стало ясно, что в ближайший час ничего не случится, вся деревня прикована к телевизору.

Довольно скоро после окончания фильма прибыла делегация сборщиков яиц. Она состояла из повозки с лошадью и сопровождающих её всадников» [Peedumäe, 1992: 42].

Обзор видеосъёмки Агавайрем

Весь видеоматериал, снятый в день весенних молений *Агавайрем*, длится 120 минут. Более половины видео посвящено подготовке к молельному ритуалу. Вторая половина содержит кадры молельного ритуала *Агавайрем* (27 минут) и состоявшиеся ближе к вечеру спортивные соревнования для жителей села.

Съёмка *Агавайрем* охватывает все этапы проведения моления. Весенний ритуал проводится без жертвоприношений животных,

поэтому этических проблем выбора кадра, как и трудностей для доступа в молельное место с камерой у наблюдателей не было. Съёмки начались со сбора участников обряда на поляне у рощи. Люди приходят со свертками приготовленных для подношения блюд: мучные изделия, квас, крашеные варёные яйца. В стороне разожжён костёр. Расставив блюда на ритуальном столе в виде длинной скамейки, люди поочередно подходят к столу на южной стороне поляны и прикрепляют на нём принесённые самодельные восковые свечи. Часть блюд из ритуального стола подносится в середину поляны и складывается на расстеленную на траве скатерть.

Использование видеокассет не позволяло проводить непрерывные съёмки, что не составило бы труда с современной техникой. Поэтому при съёмке любого длительного процесса используется метод монтажа камерой. После получения основных кадров с периода подготовки следует общий план молений. На поляне расположившиеся длинным полукругом в сторону солнца участники. Руководитель молений читает по бумаге молельные тексты, его помощник (Александр Кузнецов) окурирует/освящает дымиющимися ветвями расставленные блюда. После чтения молитв жрец, а затем и все участники подходят к костру и бросают по кусочку от своих жертвенных блюд. Затем начинается трапеза, с пробой освященной еды и угощением друг друга.

Тиия Пеэдумяе сделала краткие записи об опыте включенного наблюдения с возможностью свободной видео- и фотофиксации: «Когда народ собрался в роще, началась церемония, время было около 11–12. Разожгли костёр, свечи, освятили еду. Карт прочитал молитву богам, конечно же, лицом в сторону солнца. <...> Старались зафиксировать большее из возможного, Яан с видеокамерой, я с двумя фотоаппаратами и диктофоном» [Peedumäe, 1992: 46–47].

Молельное место должно оставаться таким же, как и до моления. Поэтому в завершение обряда оставшуюся еду ритуального стола собирают, забирают домой. Еловые ветки, которыми был застелен стол, сжигают в костре. Остатки от блюд бросают в кос-

тёр. Перед тем как уйти обратно в деревню, помощник жреца объявляет всем участникам *Агавайрем* о предстоящих спортивных мероприятиях, которые начнутся на деревенском стадионе в 2 часа после полудня. Съёмка с молений завершается кадром, где все участники ритуала возвращаются в деревню через поле, по одной дороге, прокладывая временную тропинку.

Процессе сбора материала на *Агавайрем* дополняется данными из полевых записей. Из заметок можно узнать как о трудностях организации видеофиксации, так и положительную реакцию на съёмки и благодарность за интерес к культуре:

«Так как жертвование богам еды и питья происходило в трёх разных рощах, в этой роще были в основном люди с одной улицы. Поэтому народу было не слишком много, около двухсот человек. На этот раз нам было хорошо работать, потому что мы уже бывали здесь один раз и люди уже знали нас.

Побеседовали также с руководителем молельной церемонии, он несколько раз выражал нам благодарность, что мы приехали сюда снимать празднование и что мы интересуемся марийским народом и их религией, историей и культурой» [Peedumäe, 1992: 44–45].

Съёмки домашнего ритуала.

Праздник поминовения предков

Наряду с весенними деревенскими молениями экспедиционная группа участвовала и зафиксировала семейный религиозный обряд – ритуал поминовения предков на праздник *Семык*. Если изначально исследователи планировали поехать на *Семык* в другую деревню, узнав о данной традиции в Олорах, решили отменить поездку и изучили его проведение также в доме Кузнецовых.

Праздник поминовения предков состоялся на следующий день после *Агавайрем*. *Семык* проводится в семейном кругу. Съёмки начались с утра, когда хозяйка готовит блины и собирает ритуальный стол – поставленные в ряд четыре стула.

Александр Кузнецов прикрепляет к деревянной дощечке короткие свечи, каждая из которых символизирует ушедших в иной

мир людей. После того как ритуальный стол накрыт, хозяин дома первым встаёт на колени перед столом. Начинается обряд поминания и угощения предков. Хозяин горячей лучиной зажигает свечи, при этом проговаривая имя умершего родственника, которому посвящается горящая свечка. Затем он пробует поминальные блюда один за другим, одновременно откладывая часть еды в отдельную тарелку для предков. При этом он также проговаривает, обращаясь по имени к предкам и предлагая поесть то или иное блюдо, которое кладётся в тарелку. После главы семьи те же действия совершают жена, родственники и гости, присутствующие на обряде.

Включённое наблюдение в случае изучения семейного обряда, в отличие от более масштабного деревенского, предполагает полную включённость в процесс и участие в ритуале наряду с другими членами сообщества. Тогда же и для ведущего видеосъёмки исследователя наиболее уместным является прерывание работы и приобщение к общепринятым действиям, как того требуют обстоятельства:

«Когда хозяева завершили поминание предков, Яан должен был прекратить съёмки, так как нас тоже попросили исполнить тот же ритуал. Научный сотрудник Марийского краеведческого музея Ольга Требушкова также пришла к нам из дома напротив, чтобы понаблюдать за происходящим. И вот мы и постарались втроём провести тот же ритуал, Ольга читала молитвы, и мы молча присоединились к ней в её действиях» [Peedumäe, 1992: 62].

После того как все угостились, ёмкость с собранной для предков едой выносится из дома во двор. В это время хозяйка переставляет стулья к обеденному столу, угощения ставят на стол и ждут возвращения проводившего предков хозяина. Возвратившись, Александр получает вопросы о том, что же предки их семье пожелали, и отвечает на них.

«На этом ритуал и заканчивается. Считается, что теперь души умерших пришли домой и вечером они посещают друг друга, ходят по улицам деревни и даже заходят в дома. Поэтому и есть традиция ходить этим

вечером друг к другу в гости и угощать друг друга» [Peedumäe, 1992: 63].

Выставленная к празднику еда остаётся на весь день на столе. Исследователи вместе с хозяевами дома ходят до вечера по гостям. Между тем Тиия Пеэдумяэ беспокоится о том, что нужно подготовиться и снять завершение обряда поминовения предков: «Лишь пару часов смогу, наверно, отдохнуть, потому что завтра утром примерно в 4 часа хозяйка начнёт проводы душ умерших обратно на кладбище. Это проходит в такую рань, потому что души должны успеть обратно до восхода солнца» [Peedumäe, 1992: 72].

Видео о празднике *Семьк* продолжается кадрами утреннего поминовения предков, которое проводит хозяйка одна: «Я разбудила Ольгу в 4 часа, как мы договаривались, и также Яана, чтобы он снимал проводы. Утренний ритуал Ольга провела одна, её муж и сын в то же время спокойно спали.

Ритуал, в сравнении со вчерашним, тоже был проще. Хозяйка накрыла на стол и, сидя за столом, повторила вчерашнюю процедуру, вспоминая умершую сестру и близких, отламывая кусочки еды и немного пробуя каждую еду. Закончив ритуал, она встала из-за стола и вышла во двор, как бы увела с собой души и проводила на кладбище. На этом наши съёмки завершились» [Peedumäe, 1992: 73].

В качестве вывода

Видеоматериалы, собранные в экспедициях Тиия Пеэдумяэ, являются одними из наиболее полных по данным о процессе возрождения религиозной традиции мари в постсоветский период. В совокупности с полевыми дневниками они содержат информацию не только об изучаемых марийских обрядах, но и освещают тему практической полевой работы, специфики видеофиксации ритуалов. В полевой работе по методу включённого наблюдения важными для адаптации в среде исследуемой традиции являются как сами исследователи, так и проводники между этнографом и изучаемым сообществом. В момент начала взаимодействия (знакомства) с носителями культуры этнолог переживает степень доверия окружающего сообщества, в зависимости от авторитета своего «проводника». Данный эффект построения первого впечатления чётко проявляется на примере исследования религиозных ритуалов с видеокамерой. Рассмотренные примеры сбора визуального материала подтверждают значимость долгосрочных и многократных полевых выездов на изучаемое поле. Данный подход позволяет построить доверительные отношения с местными жителями напрямую и даёт доступ к наиболее приватным пространствам в обрядовой культуре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алыбина Т. Трансформация марийской религиозной традиции в постсоветский период. – Тарту: Тартуский ун-т, 2017. – 219 с.

Головнёв А. О киноантропологии // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 21–32.

Данилко Е. «Казымский переворот»: к истории первого визуально-антропологического проекта в России // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 93–112.

Карм С. Аудиовизуальное документирование удмуртских религиозных обрядов в советское время // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. – Ижевск, 2013. – С. 78–86.

Петерсон А. Этнографический фильм как документ исследования. – Etnograafiamuseumi aastaraamat XXXIII. – Tallinn: Valgus, 1983. – Lk. 30–37.

Форум: От поля к тексту // Антропологический форум. – 2018. – № 36. – С. 11–114.

Христофорова О. Создавая будущее: марийцы в объективе кинокамер. – Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2007. – № 4. – С. 261–282.

Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes... (80-aastat Hõimurahvaste osakonna avamisest Raadil). Koost. Svetlana Karm, Marleen Nõmmela, Piret Koosa. – Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2008.

Jazukain Aleksey (Юзыкайн Алексей). Mari El 1992. – ERM V 135.

Jääts I. Eesti etnograafiline film. Kaks filmi eesti etnograafiast. Aleksei Peterson 80. – Tartu, 2011. Lk. 2–6.

Knoblauch H., Tuma R., Schnettler B. Videography: Introduction to Interpretive Videoanalysis of Social Situations. Peter Lang, 2014.

Leete A. Soome-ugri kultuuride etnoloogilise talletamise tänapäevaseid probleeme eesti rahva muuseumis. Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat XLII. – Tartu: Eesti Rahva museum, 1998. Lk. 11–33.

Niglas L., Toulouze E. Reconstructing the Past and the Present: The Ethnographic Films made by the Estonian National Museum (1961–1989) // Journal of Ethnography and Folkloristics. – 2010. – Vol. 4. № 2. – P. 77–96.

Peedumäe Tiia 1991. ТАР 886. Mari 7 Ekspeditsiooni päevik. Olor Jal külas maride palvus ja ohverdamispidustuse Mer kumaltõš filmimisel. Mari ANSV (Mari El) Paranga raj. Olorjal. 1991. 7–15 oktoober.

Peedumäe Tiia. 1992 ТАР 794. Teatmaterjali mari religioosetest pidustustest «Aga Pairem» ja «Semõk». Mari El, Paranga raj. Olorjal. 1991. 6–15 Juuni.

Peedumäe T. Mari ohverduskombestiku tänapäevaseid paralleele // Akadeemia, 1993. – № 5, (10). – P. 2134–2143.

Peterson A. Etnograafiline film materiaalse kultuuri kogumistõös / Петерсон, Алексей. Значение этнографических киносъемок в процессе сбора материалов по материальной культуре // Teesid. Eesti NSV Riikliku etnograafia muuseumi XV teaduslik konverents / Тезисы XV научн. конф. Госуд. Этнографического музея Эстонской ССР. 12.13. IV. Tartu, 1973. – Lk. 31–33/ С. 34–35.

Toulouze E. Niglas L. Etnograafiline film Eestis 1960–80: Eesti Rahva Muuseumi filmitoodang. – Pille Runnel (toim.). Worldfilm. Maailmafilm. Tartu visuaalse kultuuri festival 23.–29. märtsini. Tartu Festival of Visual Culture March 23th – 29th. Tartu: Eesti Rahva Muuseum; Maailmafilmi Ühing, 2009. – Lk. 102–104.

Tiia Peedumäe, Jaan Treial, Harri Hinn. Palvuspühad Mari El-s. Mer Kumaltõš (Молельные праздники в Марий Эл. Мер кумалтыш). – ERM V 38.

Tiia Peedumäe, Jaan Treial. Aga-Pairem – ohvripüha (Молельные праздники в Марий Эл. Ага-Пайрем – жертвоприношения). – ERM V 48/1 1.

Tiia Peedumäe, Jaan Treial. Palvuspühad Mari El-s. Semõk – surnute mälestuspüha (Молельные праздники в Марий Эл. Семык – праздник памяти предков). – ERM V 48/2.

Tatiana Alybina

THE RELIGIOUS TRADITIONS OF THE MARI PEOPLE VIEWED THROUGH THE CAMERA LENS: FIELD WORK CONDUCTED BY TIIA PEEDUMÄE IN 1991–1992 IN THE REPUBLIC OF MARI EL

The article analyses filming during field work aimed at investigating and documenting religious rituals – in particular, footage produced by Tiia Peedumäe and her collaborator, the camera operator Jaan Treial, in 1991 and 1992. The fieldwork diaries and video footage are used to trace how the researchers adapted to the community they were studying, and looks at the role of intermediaries in this process.

Key words: Mari animism; fieldwork; video archives; Estonian researchers; Mari-Estonian scientific collaboration.

Алыбина Татьяна Ивановна

PhD, научный сотрудник Эстонского национального музея, г. Тарту, Эстония
e-mail: tatiana.alybina@erm.ee

Tatiana Alybina

PhD, Researcher of the National Estonian Museum,
Tartu, Estonia
e-mail: tatiana.alybina@erm.ee

УДК 391

РОЛЬ ЧУВАШСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ВЫШИВКИ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

© 2019 г. Р.М. Васильева, Н.М. Балтаев

Статья посвящена одному из видов декоративно-прикладного искусства – вышивке, которая является частью культурного наследия чувашского народа. Чувашская вышивка выделяется богатым разнообразием приемов шитья. Авторы рассматривают элементы вышивки как символы, которые отражают мировоззренческие представления далеких предков. В статье подчеркивается возможность и необходимость сохранения и развития чувашской вышивки для нынешнего и последующих поколений путем ее изучения в средних, средне-профессиональных и высших образовательных учреждениях.

Ключевые слова: чувашская вышивка; шов; узоры; орнамент; традиции.

«Самое ценное и удивительное, что сохранили чувашаи до наших дней, самое великое – это язык, песня, вышивка». «У Чуваш 100 тысяч слов, 100 тысяч песен, 100 тысяч вышивок».

«Знаете ли вы такой народ,
У которого сто тысяч слов,
У которого сто тысяч песен
И сто тысяч вышивок цветет!»

П. Хузангай

И действительно, наши исследования показывают, что одним из любимых и процветающих во все времена видов народного искусства чувашей является вышивка. Об этом можно судить по прекрасным творениям чувашских мастериц, которые чудесным образом дошли до нас и ныне в музеях России и мира радуют глаза миллионов людей своим изяществом, выразительностью, четкостью и красотой вышитых узоров, ювелирностью их исполнения.

Чувашская вышивка до сих пор хранит следы тех времен, когда люди одухотворяли природу, космос, размещая на принадлежностях костюмов символические изображения солнца, гор, земли, воды, огня, древа жизни, знаки плодородия. С древнейших времен вышитые предметы играли главную роль в ритуальных и обрядовых мероприятиях, выполняли защитную функцию, несли магическое значение, оберегали владельцев от злых духов. Люди верили, что вышитые узоры хранят благополучие их владельца. Исследования ученых

показывают, что в элементах орнамента чувашской вышивки содержатся знаки древней письменности.

В настоящее время в музейных собраниях России (Чебоксары, Казань, Москва, Оренбург, Пенза, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Ульяновск, Уфа и др.) сохранилось немало замечательных изделий чувашских мастериц XVIII – начала XX в., орнаментированных древней техникой счетной вышивки. Сейчас мы смотрим на эти вышивки и чувствуем восторг и благодарность за народную мудрость.

«Природа не одарила чувашей богатыми недрами, зато дала золотые руки вышивальщицам» [Жачева, 2014: 6]. В чувашской семье девочки с 5–6 лет учились вышивать, и уже к 12 годам выявлялись мастерицы, знатоки всех секретов вышивки. Девочек в статус девушек принимали только тогда, когда они искусно умели прятать конец нитки от мастерицы и вышивать «мудреный шов» (*сын пѣлми тѣрѣ*).

С малолетства девочку готовили к замужеству. К свадьбе она должна была приготовить иногда до 120 рубах, в том числе для родственников жениха, собственное свадебное платье, а также множество атрибутов для свадебного обряда: рубашку для избранника, *керу́ тутри* (платок жениха), *сурпан тутри* (головная повязка), *сѣра тутри* (поясная подвеска) и др. Парни охотно брали в жены девушку, которая искусно умела вышивать.

Искусство чувашской вышивки известно во всем мире, об этом говорят слова из стихотворения:

Всех порадовать красавицы
 Рукоделием успели.
 То в Париже удивляются,
 То любуются в Брюсселе.
 Краше нет чувашской вышивки,
 И подружки не волнуются:
 От души узоры вышили –
 Все на свете залюбуются!
 Девушки-красавицы,
 Край чувашский славится
 Светлыми узорами, яркими узорами.

Произведения вышивки экспонируются на художественных и торгово-промышленных выставках разного уровня (от республиканского до международного). В 2007 и 2008 гг. наши ведущие художники по вышивке Анастасия Васильевна Андреева и Татьяна Ивановна Петрова участвовали на традиционной Международной ярмарке народного искусства в г. Санта-Фе (штат Нью-Мексико, США). В 2009 г. они же представили Россию на выставке в столице Японии Токио.

Чувашская вышивка выделяется разнообразием приемов шитья. Наши далекие предки, прочитав узор, могли понять, что хотела сказать вышивальщица.

«Пирён акийён сурпанне,
 Пирён акийён масмакне
 Утмал тёрлэ ас кёнё,
 Ситмёл тёслэ сип кёнё.
 В сурпан нашей сестрицы,
 В масмак нашей сестрицы
 Вошло шестьдесят умов.
 Вошло семьдесят цветов

[Жачева, 2014: 19].

Так поется в старинной чувашской свадебной песне, записанной Е.Н. Жачевой в 1985 г. от Р.Н. Черновой в д. Большое Карачкино Моргаушского района.

Трофимов Алексей Александрович в своей исследовательской работе пишет, что художники-исследователи Екатерина Иосифовна Ефремова и Моисей Спиридонович Спиридонов описали около 30 видов и разновидностей приемов швов. Тщательное исследование швов чувашской вышивки проводила известный мастер в этом благородном виде искусства,

заслуженный работник культуры, народный академик Чувашии, мастер народных художественных промыслов, педагог, исследователь, автор ряда книг по чувашской вышивке Евгения Николаевна Жачева. Она изучила и описала 68 приемов швов чувашской вышивки. Из них 35 основных и 30 разновидностей. Более того, все образцы швов она вышила на панно, определяя красным цветом основные швы и зеленым разновидности. Данную работу назвала «азбукой чувашской вышивки» [Жачева, 2014: 8]. Кроме того, Евгения Николаевна вышила узоры чувашской вышивки. Их она называет «букварем чувашской вышивки» [Жачева, 2014: 10].

Евгения Николаевна охотно передает свой богатый опыт вышивания любому, кто желает. К большому счастью, я являюсь ее прилежной ученицей. В целях полного и глубокого изучения секретов чувашской вышивки выполнила азбуку и букварь чувашской вышивки.

В чувашской вышивке используются односторонние, двухсторонние и двухслойные приемы шва. Двухсторонняя вышивка, просматриваемая с обеих сторон, имеется почти у всех народов. Ценностью чувашской вышивки является ее двухслойность. Такой шов выглядит одинаковым с обеих сторон, и она получается без изнанки. Жачева Е.Н. обнаружила двухслойную вышивку в привезенном ей из Болгарии старинном тюрбане (чалме). Известно, что предками чувашей были суваро-булгары, и такие параллели, возможно, связаны с тем, что мы с ними имеем общие корни.

В чувашской вышивке широко распространенным видом исполнения является ковровый стиль, который используется при создании платков жениха, свадебных подушек, мужских халатов, женских рубашек. Соединение вышивки и бисерного шитья встречается крайне редко.

В традиционной чувашской вышивке применяются четыре вида орнамента: геометрический (треугольник, квадрат, круг, ромб, звезды и т.д.); растительный (листья, ветки, деревья, цветы и т.д.); животный (насекомые, птицы, рыбы, звери); антропоморфный (фигура человека в обобщенной форме) (фото 8).

Вышивка является отличным способом декорирования форм костюма. Сложными, разнообразными и художественно совершенными

орнаментальными композициями покрывались обрядовые принадлежности: халаты *шунӑр*, покрывало невесты, платки жениха, полотенца, танцевальные платки и особые свадебные подушки (фото 5, 6, 7, 8).

Ведущим орнаментом в чувашской вышивке является знак солнца. Нагрудная часть женских рубах *кӗскӗ* 'символ солнца', орнаментировалась особо богато. *Кӗскӗ* вмещает в себя множество «символов *тӗнче ханхи, тӗнче карти, хӗвел амӑше, ама ту, вӑрлӑх, ар хӑват, урхамах, сӑнми вут* (светила, небосвод, горы, и древо жизни)» [Жачева, 2014: 8]) и др.

В узорах древних чувашей часто встречаются изображения птиц, символизирующих счастье, Древо жизни. Понятие «жизнь» у предков чувашей совпадало с понятием «растение». Сок, бегущий по стволу, питает дерево, и оно растет, развивается подобно жизни людей. Отсюда и изображение Древа жизни, корнями уходящее в матушку землю, а ветвями тянущееся к солнцу. Не зря чувашаи говорят: «*Эпир пӗр тымартан*» 'Мы из одного корня'. Свою родословную они представляли в виде дерева. Древо жизни для наших предков выступало осью мира.

Каждый шов имеет свое место, название и назначение. Они описаны в книгах Жачевой Е.Н. «Чувашская вышивка», «Чувашская вышивка в школе». Линейный орнамент традиционно располагался на рубашке (по горловины, разрезу горловины, по низу рукавов и подола, чтобы защитить все «входы» и «выходы» к человеку). Узоры *кӗскӗ* (розетки, медальоны) располагались на нагрудной части женской рубахи, по сторонам грудного разреза, обычно попарно от двух до шести. Вода изображалась волнистой линией, поверхность земли прямой горизонтальной линией. На налобных повязках *масмак* в композиции узоров изображались небосвод, его опоры, небесные ворота, радуга, молния и т.п. Раньше девушки, украшая свое приданое и подарки родственникам жениха, не меняли установившиеся местоположения узоров, строго соблюдали цветовую гамму, правила применения швов. К сожалению, сегодня очень часто нарушается традиционное местоположение узоров. Например, *кӗскӗ* встречается на мужских рубашках. Узорами *масмака* украшают подол женских рубах.

Чувашская вышивка была яркой. Раньше наши предки для вышивания применяли нитки тонкого домашнего прядения из овечьей шерсти, крученный и некрученный шелк *пурсӑн*, с XVIII в. – хлопчатобумажные нити *тавар ҫип, пусма ҫип*. Позже для орнаментации праздничных костюмов и аксессуаров стали приобретать *тӗвӗ ҫӑм* – качественные нити из верблюжьей шерсти. Известны случаи вышивания «черным конским волосом» [Балтаев, Васильева, 2019: 45].

Окраска нитей производилась природными красителями, получаемыми из листьев, стеблей, цветов, плодов, коры, корней, корневищ различных растений. Широко применялись марена и подмаренник *хӗрлӗ утӑ*, которые росли на лугах и в лесах, их собирали осенью, после уборки хлебов. Из их высушенных корней получали красный цвет различных оттенков – от розоватого до ярко-красного и бордового. Неповторимый терракотово-красный цвет являлся ведущим в чувашской вышивке. В перечень традиционных красителей также входят кора ивы, тополя, дуба (черный цвет), вытяжка из еловых шишек, шелуха лука (коричневый цвет), ягоды крушины, листья ветлы и ивы (зеленый цвет). В желтовато-зеленый окрашивали листьями и стеблями подмаренника, чистотелом, в желтый – корой дуба, цветами ромашки. Использовали и другие средства, например, куриный и гусиный помет для зеленого цвета. В конце XIX столетия началось широкое внедрение искусственных так называемых анилиновых красителей. Услуги по покраске стали предлагать бродячие красильщики-татары, были и свои мастера.

«Цветовое сочетание орнаментов также были связаны с миропониманием наших предков, имели смысловое значение» [Воронова, 2018: 57]. Используются следующие цвета: красный, зеленых, желтых, синий, черный. Главным цветом является красный разных оттенков (темно-красный, кирпично-красный), «ассоциирующийся в сознании народа с понятием самой жизни, материнства, счастья» [Балтаев, Васильева, 2019: 56]. При этом неповторимый терракотово-красный цвет является в чувашской вышивке ведущим.

Черный цвет – цвет земли. К этим цветам добавлялись желтый, синий, зеленый. Пример-

ное их сочетание: 6 частей красного, 2 части желтого, 1 часть зеленого, 1 часть синего.

Белое поле холста воспринималось как благополучие планеты, чистый воздух, здоровье. Белый цвет – цвет мудрости, правдивости.

Желтым цветом вышивали солнце, звезды и другие светила.

Зеленый цвет – признак жизни, роста и развития – использовали при вышивке растений, деревьев, цветов.

Синий встречается при заполнении узоров, символизирующих сияние, радугу, небосвод.

Вот какие слова написаны по использованию цветов:

Словно лучиками звезд – посмотри!

Красный цвет – любовь и кровь, и слова.

Шелк зеленый – мир дубрав и трава.

Ладит желтый с голубым на холсте –

Небо с солнцем золотым в высоте.

Черный шелк кладет она все верней,

Мол, земля черна. Черна, шелк черней...

К сожалению, в связи с развитием промышленности, с ростом фабричной продукции к концу XIX в. наметился спад традиционных народных промыслов. В этих условиях в местах филигранных узоров вышивки на принадлежностях народного костюма стали появляться нашивки из кумача и фабричной тесьмы, а также вышитые узоры стилизованного растительного орнамента, выполненные крестиком или цветной гладью. Чувашская вышивка в деятельности строчевышивальных промысловых артелей Чувашии продолжала поддерживаться, однако ее подлинный характер был во многом утерян.

Как же сегодня развивается всеми нами излюбленная чувашская вышивка? Она остается любимым видом народного искусства для многих людей. В ручном исполнении, с геометрическим орнаментом и народным колоритом она сохранилась благодаря мастерам народных художественных промыслов Чувашской Республики Екатерине Иосифовне Ефремовой, Альберте Афанасьевне Анцыгиной, Татьяне Ивановне Петровой, Марии Васильевне Симаковой, Любови Степановне Вазюковой, Раисе Михайловне Васильевой, Евдокии Дмитриевне Николаевой и Николаю Николаевичу Николаеву, Евгении Николаевне Жачевой, Нине Михайловне Ермолаевой, Феадосии Николаевне Шулаевой, Татьяне Васильевне Шарковой, Анастасии Ва-

ильевне Андреевой и другим. К сожалению, в нынешних условиях мастера по вышиванию на вес золота. Их творчество приносит радость людям, пробуждает светлые желания смотреть на мир радостными и сияющими глазами.

Если раньше вышивка выполнялась на домотканом холсте, редине, двунитке, мешковине (самые излюбленные изделия получались на ситце), то сегодня в любом магазине можно приобрести канву разных сортов и цветов. Начиная с рукодельницам желательнее работать на канве с большими квадратами и светлых тонов, так как маленькие квадратики и канва красного цвета быстро утомляют глаза. На канве вышивают хлопчатобумажными нитками мулине производства фабрики им. Кирова (г. Санкт-Петербург). В технике вышивки выполняются шторы, занавески, салфетки, скатерти, полотенца, а также современные предметы сувенирного характера (сумочки, галстуки, торжественные халаты, платки жениха).

В настоящее время чувашская вышивка изучается в общеобразовательных школах и специальных учебных заведениях: на технологического-экономического факультете Чувашского государственного педагогического университета, на кафедре народного художественного творчества Чувашского государственного института культуры. Эта кафедра ведет планомерную работу по возрождению, сохранению и развитию чувашской вышивки. В учебный план введен предмет «Чувашская вышивка». Из года в год количество часов увеличивается. Из 36 часов увеличили до 300 часов. В освоении традиционной чувашской вышивки детьми, школьниками и студентами помогают книги Е.Н. Жачевой, а также ее статьи в газетах и журналах «Чăваш тĕрри», «Чăваш тĕрри усал ыпăçасран упрат», «Чăваш тĕрри кун-çул кĕвви», «Эреш тĕнчи», «Разноцветный мир узоров», «В плену 100 тысяч вышивок», «Старинный шов не тускнеет», «В краю ста тысяч вышивок», «Чăвашла тĕрлеме пĕлетĕр-и?», «Приобщение детей к народному творчеству» «Мĕнле пуян чăваш тĕрри ун курăнмасть вĕçĕ-хĕрри», «Ритмы музыки и вышивки чуваш» и многие другие.

О чувашской вышивке, дошедшей до нас через тысячелетия, сквозь темень и дым курной избы, можно говорить много, важно, чтобы мы по достоинству оценивали, не забывали

и распространяли повсеместно данный вид народного искусства.

Чувашская вышивка – достояние и гордость нашего народа, бренд и визитная карточка Чувашии. И поэтому сегодня, нам, педагогам по чувашской вышивке, мастерам народных художественных промыслов следует

приложить все усилия к тому, чтобы данный вид народного искусства преумножался, развивался и обогащался нынешним и последующими поколениями. Наша задача – помочь молодому поколению научить уважать, ценить, понимать, владеть чувашской вышивкой – древнейшим видом искусства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Балтаев Н.М., Васильева Р.М. Художественная реконструкция чувашского народного костюма как средство приобщения студентов к культуре древних чувашей: учебное пособие / БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии. – Чебоксары, 2019. – 139 с.

Воронова З.И., Соколова С.Г., Васильева Р.М. Технология изготовления девичьего головного убора тухья: учебно-методическое пособие / БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии. – Чебоксары, 2018. – 40 с.

Жачева Е.Н. Чувашская вышивка в школе: учебно-методическое пособие / Е.Н. Жачева, А.А. Ефимова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 351 с.: ил.

Raisa Vasilyeva, Nikolai Baltaev

THE ROLE OF CHUVASH TRADITIONAL EMBROIDERY IN EDUCATION OF CHILDREN

The article is devoted to one of the types of decorative art, embroidery, which is part of the cultural heritage of the Chuvash people. Chuvash embroidery stands out with a rich variety of sewing techniques. The authors consider embroidery elements as symbols reflecting the worldviews of distant ancestors. The authors emphasize the possibility and necessity of preserving and developing Chuvash embroidery for the current and subsequent generations.

Key words: Chuvash embroidery; seam; patterns; ornament; traditions.

Васильева Раиса Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой народного художественного
творчества Чувашского государственного
института культуры и искусств,
г. Чебоксары
e-mail: vasileva_raisa@mail.ru

Raisa Vasilyeva

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor,
Head of the Chair of Folk Art of the Chuvash
State Institute of Culture and Arts,
Cheboksary
e-mail: vasileva_raisa@mail.ru

Балтаев Николай Михайлович

доцент кафедры народного художественного
творчества Чувашского государственного
института культуры и искусств,
г. Чебоксары
e-mail: migus2@yandex.ru

Nikolai Baltaev

Associate Professor of the Chair of Folk Art,
The Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Cheboksary
e-mail: migus2@yandex.ru

УДК 391/395(470.344)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ЧУВАШЕЙ

© 2019 г. З.И. Воронова

В статье рассматриваются характерные особенности национального костюма разных этнических групп чувашей. Дается характеристика принадлежностей традиционного чувашского народного костюма. Проводится сравнительный анализ особенностей костюмов различных этнографических групп чувашей.

Ключевые слова: головной убор; украшения; народный костюм; дефиле чувашского народного костюма.

Народный костюм в последнее время стал особенно популярным и востребованным. В традиционной вышивке воплотился многовековой опыт многих поколений нашего народа. Орнаментация традиционного костюма – яркое и самобытное явление у каждого этноса. Вышивка придаёт народной одежде неповторимый колорит и красочность. Мотивы её орнамента вобрали в себя представление народа о мире, о социальных отношениях, магических и эстетических нормах. Орнамент наших далеких предков до сих пор хранит в себе глубокую, архаическую символику, отличается стройной, хорошо разработанной мировоззренческой системой. Вышивка является иллюстрацией к древним мифам, вносит ценный вклад в историю мирового орнаментального искусства.

Бережное отношение и сохранение материальных ценностей, богатого культурного наследия наших предков, комплексное междисциплинарное исследование данной актуальной проблемы всегда должны быть одним из приоритетных направлений в науке и культуре.

При изготовлении одежды традиционного типа мы используем разнообразные формы и варианты, в которых каждый элемент обладает символическими и ритуальными функциями. Материалом для национальной чувашской одежды служит изготовленный в домашних условиях дмотканый холст, а также ткани фабричного производства: лен, габардин и цветные ткани.

Этнографическая точность, красота и тщательность исполнения позволяют превратить костюмы в коллекцию, которую мы используем для дефиле «*Ахах мерчен аваллӑхӗ*» («Звенящая россыпь веков»).

Рассмотрим женские костюмы чувашей Башкирии, Татарстана и чувашей верховых, низовых этнографических групп.

Чуваши проживают во многих районах Башкортостана, более значительными являются две группы, расселенные в западной и центральной частях республики. Костюм чувашей, компактно проживающих в Башкортостане, относится к западной группе чувашей. Костюм приуральских чувашей сохранил все основные части и гармоничный строй традиционного ансамбля. Темно-синий цвет пестряди контрастирует с яркими нашивками, лентами, оборками и черным передником с красными крупными декоративными узорами.

Женский костюм верховых чувашей имеет объемную форму, поэтому силуэт спокойный и устойчивый. Он не тяжеловесный, не затрудняет движения, отвечает идеалам красоты и отражает характер чувашей. Рубаха из белого габардина является основой костюма. Она шьется очень просторной, длиной до середины голени. Рукава прямые, широкие и длинные.

В конце XIX в. появились рубахи из цветных холстов. Холст, сотканный из цветных нитей домашней выработки – пестрядь (*улача пир*), – стал распространяться благодаря

влиянию татар. Наиболее распространенными цветами пестряди были синий и красный. Широкие волнистые оборки в один-два яруса расширяли силуэт костюма и делали походку женщины особо величественной [Воронова, 2006: 8]. В нагрудной и наспинной части сохранились складки.

Женский головной убор *сурбан* выполнял важную символическую и декоративную функцию. Длинным белым полотнищем *сурбана* обвязывали либо всю голову (низовые), либо шею и затылок (верховые) замужние женщины. *Сурбан* замужних низовых женщин полностью закрывал голову. По обычаю, *сурбан* нужно было надевать ранним утром, даже на выгон скота, иначе женщины считались неодетыми. По орнаментации, технике исполнения, способу ношения и размеру *сурбана* разные этнографические группы чувашей отличались. В литературе принято различать основную часть *сурбана* в виде длинного цельного полотнища, которое фиксировалось на голове или на шее, а концы укладывались на спине (у чувашей Башкортостана).

В каждой подгруппе приуральских чувашей сохранилась своя форма женского головного убора *хушпу*. Для чувашей Белебеевского, Бижбулякского районов характерны головные уборы цилиндрической формы высотой 20–22 см с твердой кожаной основой [Николаев, 2002: 198]. Они схожи с высокими *хушпу* чувашей *анат енчи*. Оба вида украшались бисерным шитьем, горизонтальными рядами мелких монет и многочисленными свободно «играющими» подвесками, благодаря которым форма не казалась тяжелой или статичной (фото 1, 2). Особую выразительность им придавали контрастное сочетание серебряных монет и натуральных красно-розовых кораллов. *Хушпу* замужней женщины были разной формы, имели открытый вверх, а также наспинную часть – прямую полосу холста, спускающуюся до уровня пояса. В нашем случае концы головных уборов чувашей Башкортостана и Татарстана были ниже пояса, с разными обрамлениями.

Необходимо также отметить украшение *сухал* – массивное нагрудное украшение, покрытое монетами и закрывающее всю нагрудную часть. Вероятно, это эффективное с виду украшение было заимствовано чувашами

у западной группы башкир. С конца XIX столетия его надевали как девушки, так и замужние женщины.

Закамское *хушпу* имеет некоторые общие черты с убором низовых чуваш. Основа шилась из плотного красного габардина и двунитки белой. Верхушка *хушпу* обшивалась несколькими рядами бисера, а шапочка – горизонтальными рядами мелких монет. *Хушпу* имеет изящный, лаконично выполненный декор. Округлая шапка, покрытая монетами, кажется монолитной формой, своеобразной моделью небесного свода. *Хушпу* составляет единый ансамбль с шейными украшениями *май сыххи* и *маййя*, а также нагрудной подвеской. Она полностью покрыта монетами, а ряды кораллов акцентируют главную деталь – металлическую пряжку с юльгам.

В XIX в. женский головной убор у верховых чувашей состоял из трех-четырёх предметов. Голова оставалась открытой, волосы тщательно причёсывались, четко делились на две половины прямым пробором и туго заплетались в одну или две косы до пояса. Основной частью был длинный и узкий *сурбан* в виде полотнища из тонкого холста, которым закрывали только шею. Затем полотнище укладывалось по спине двумя параллельными полосками. В данное время мы завязываем платок, на платок крепится *масмак*. Красные узоры на *масмаке* символизируют движение светил и круговорот жизни, и таким образом достигается эффект «мерцания узоров».

Поверх *тухьи* в особо торжественных случаях, на осенних девичьих праздниках, во время свадьбы надевали длинный белый колпак, сшитый из белого холста. Его одевали на голову поверх *тухьи*, и это придавало праздничному костюму величественность. Самый вверх длинного колпака отпускали на спину (как хвост). Этот колпак был распространен у низовых чувашей, да и то только в некоторых местах, он считается очень древним головным убором. Узоры на колпаке повторяют главные узоры чувашского орнамента, показывающего весь мир, природу, окружающую человека [Воронова, 2006: 8]. О колпаке Н.И. Гаген-Торн пишет: «...они употреблялись на осенних девичьих праздниках, носивших название *улах сәри* ‘девичье пиво’.

Праздник длился два вечера. Девушки деревни делились на две группы. В первый вечер одна группа девушек являлась хозяйками, а другая собиралась у них в гостях. Хозяйки ставили угощение, сажали гостей за стол, а сами стоя угощали их и пели им песни. Одеты они были в обрядовые головные уборы: хозяйки в тухьях, а гости поверх тухьи надевали колпаки» [Цит.: Воронова, 2006: 8].

В коллекцию костюмов подлесной группы низовых чувашей входит рубаха, женский легкий *шубар*, девичья *тухья* (фото 3), колпак и нагрудное украшение *суха* 'воротник'. Этот женский головной убор *тухья* особенного вида был распространен на относительно небольшой территории. Возможно, он был заимствован у соседних народностей и со временем стал выразительной частью свадебного костюма молодых девушек, но его использование в важнейших ритуалах свидетельствует о древних корнях этого явления [Николаев, 2002: 152]. По некоторым признакам колпак можно счи-

тать одним из символов плодородия. Он надевался также во время свадебной церемонии.

В настоящее время совместно со студентами Чувашского государственного института культуры и искусств проводится исследовательская работа по обогащению материала о народных костюмах чувашей. Изготовленные нами народные костюмы в коллекции представляют этнокультурную ценность, являются богатейшим демонстрационным материалом-дефиле «Звенящая россыпь веков» (фото 4).

Чувашский национальный костюм – одно из самых ярких проявлений культуры. Он способен рассказать всему миру о вековых традициях и обычаях, быте и истории народа, о художественном вкусе и мастерстве, которое передается из поколения в поколение. Это бренд поразительной силы, о котором мы не должны забывать. Многочисленные костюмы, воссозданные за десятилетия, дают нынешнему поколению возможность изучить и просто восхищаться древним искусством чувашей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Воронова З.И. Чувашские национальные головные уборы и украшения. – Чебоксары, 2006. – 24 с.

Николаев В.В. Чувашский костюм от древности до современности. – Москва; Чебоксары; Оренбург, 2002. – 400 с.

Zinaida Voronova

FEATURES OF NATIONAL HEADGEARS OF DIFFERENT CHUVASH ETHNIC GROUPS

The article discusses characteristic features of the national costume of different ethnic groups of the Chuvash. The accessories characteristics of the traditional Chuvash folk costume are given. A comparative analysis of the costumes features of various Chuvash ethnographic groups is carried out.

Key words: headgear; jewelry; folk costume; fashion show of the Chuvash folk costume.

Воронова Зинаида Ивановна

доцент кафедры народного художественного творчества Чувашского государственного института культуры и искусств,
г. Чебоксары

Zinaida Voronova

Associate Professor of the Chair of Folk Art
The Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Cheboksary

УДК 390 (=471.344)

«ВЫШЕЛ Я ЗА ОКОЛИЦУ И ПОКЛОНИЛСЯ – РАССТАЛСЯ СО ВСЕЮ ДЕРЕВНЕЮ»: ПОЛЕВЫЕ ИЗГОРОДЬ И ВОРОТА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ

© 2019 г. В.В. Медведев

Данная статья посвящена исследованию традиционных представлений чувашей о таких общесельских объектах поселений, как околица и полевые ворота, необходимых сельчанам для профанных и сакральных целей. В статье на основании архивных и опубликованных работ охарактеризованы полевые изгородь и ворота, выполняющие практическую функцию и религиозно-обрядовое назначение. Проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что данные объекты, разграничивая территорию поселения и внешнее пространство, соответствовали нормам традиционной культуры и воззрениям чувашей.

Ключевые слова: чувашаи; околица; изгородь; полевые ворота; традиционные воззрения.

Система жизнедеятельности чувашей, безусловно, была взаимосвязана с ландшафтом. Как и другие народы, на протяжении всей своей жизни они были зависимы от окружающих природно-географических факторов, влиявших, в том числе на типы заселения и расположения поселений, а также благоприятных (или же – наоборот) условий для занятия земледелием, животноводством, промыслами и другими видами деятельности. Экологическая адаптация общества к природным факторам была возможна только благодаря социально-организованному территориальному освоению. Традиционная культура чувашей всегда содержала представления, отражавшие единство человека с природной средой и окружающим пространством. Мировоззрение транслирует эту взаимосвязь достаточно ёмко. С природной средой чувашей связывали не только традиционные воззрения, но и ежедневные потребности.

По мере организации жизненного пространства и освоения территории (двор, поселение, культовые объекты) человек старался оградить свою собственность, «защитить» её от посторонних и вредоносных сил, т.е. возвести изгородь, окружив место жительства и личное имущество.

Изгородь, ограда, забор, прясло служили для охраны жилой и хозяйственной территории. Чувашаи возводили их единолично либо

всем миром. Например, у Мало-Оринского общества (сельской общины. – В.М.) полевая изгородь вокруг деревни распределялась на всех её членов. В д. Синьялы домохозяину отводили по три сажени ограды. В случае убытков, нанесённых за счет сломанного прясла, отвечал и расплачивался владелец поврежденного участка [Никольский: 222]

В чувашском языке для названия ограждения используется слово *карта* ‘изгородь’, ‘ограда’. Одновременно термин обозначает ‘скотный двор’, ‘хлев’, ‘круг’, ‘огород’. Происхождение слова *карта* связано с глаголом *кар* ‘загораживать’, ‘отгораживать’, изменённого аффиксом *-ma* [Егоров, 1964: 91].

Кар означает ‘огородить, сделать ограду’. Помимо финно-угорских языков слово распространено среди индоевропейцев и народов Кавказа. В разных вариантах встречается в латин. *hortus* ‘огороженное место’, греч. *hortos* ‘ограда’, гот. *gards* ‘огород, город’, грузин. *карта* ‘огороженное место для скота’, осетин. *кiрт* ‘двор’. Обозначает слово ограду и постройку [Салмин, 2011: 21].

Для огораживания поселения и усадьбы служили несколько разных типов изгородей, воздвигнутых из разнообразного строительного материала, что объясняется степенью достатка семьи и естественно-географической средой. Околицу деревни, гумно и огород заго-

роткин, 1965: 31]. Покидая деревню, невеста бросала монету, чтобы жених был богат и новая семья жила благополучно [Осипов, 2007: 72]. У марийцев молодая три раза раскидывала через левое плечо соль или щепотку измельченного банного камня / кирпича [Марийцы, 2005: 169].

У полевой изгороди свадебная процессия останавливалась. Жених трижды символически ударял невесту плетью, «что она при всяком разе охала (это для того, чтобы она забыла девичью волю и привыкала к чужой стороне)» [Фукс, 1840: 65]. Символические удары молодого должны были отогнать нежелательных духов и очистить невесту от девичьих шалостей. После этого обращались лицом к востоку и произносили молитвы.

Чуваши использовали границу поселения в цикле похоронно-поминальных обрядов. В доме только что умершего человека рубили курицу, а также катали яйцо в сторону двери, затем выбрасывали за околицу, «дабы умерший укатил и улетел без возврата» [Вишневский, 1846: 21]. Такая жертва, по мнению чувашей, способствовала мирному переходу души в иной мир [Риттих, 1870: 119]. Вещи покойного, лубок и солому, использовавшиеся при обмывании тела, родственники выбрасывали за полевую ограду [Никольский, 2004: 92].

При совместном поминании усопшего, продолжавшемся в зажиточных семьях несколько дней, в завершении отправлялись за околицу. С собой несли часть приготовленных кушаний. За изгородью прощались с покойным, пели и танцевали, тем самым провожая обратно в загробный мир [Вышеславцев, 1884: 279].

Полевая изгородь и ворота использовались в обряде *хёр аки* ‘девичья пашня’ / *тимёр карта* ‘железная ограда’. Смысл заключался в опаживании поселения и создании символической ограды. Обрядом руководили старик или старуха, главными участниками были девушки в количестве сорока или сорока одной. Они проводили борозду вокруг деревни, местами закладывая в землю железо, что отразилось на названии обряда. По сообщению В.К. Магницкого, перед началом процессии староста расставлял у полевых ворот сторожей, ограничивавших движение за пределами поселения. Подтверждением обряда «у чуваш

служат борозды вокруг каждой деревни» [Магницкий, 1881: 136].

Околицу и ворота как непрменный атрибут прошлого в своих воспоминаниях отмечали наши информанты. В с. Чуваши-Карамалы Аургазинского района Республики Башкортостан попасть можно было только через такие ворота. Выходя из поселения, их обязательно закрывали. Подобной оградой было обнесено и с. Месели Аургазинского района. «Концы улиц *укълча* были с воротами из жердей *укълча ханхи*», – рассказывает краевед И.В. Ефимов. Следили за этим сторожа, охранявшие село по ночам.

Помимо ограждения двора и поселения, изгородь была свойственна культовым местам. В прошлом ограду могли поставить вокруг киреметища, где проходили общественные жертвоприношения. В наши дни повсеместно изгородью обносят кладбища.

Обратим внимание на устройство полевых ворот – *укълча ханхи*, *ял ханхи*, *уй ханхи*. Необходимо уточнить, что приведённые названия не полные, поскольку одновременно бытовало большое количество локальных вариантов. Некоторые аспекты этнографии полевых ворот отражены в работах Н.И. Ашмарина. «Все деревни, которые я видел, обнесены красиво плетёною изгородью. При въезде в деревню и выезде из неё стоят ворота. Они вращаются около среднего столба и отворяются на обе стороны. При каждом входе есть небольшой шалаш», – писал барон Август Гакстгаузен, побывав в чувашском поселении [1869: 347–348]. У полевых ворот рубили небольшой сруб, в котором летом жил сторож, оберегавший посеянные от животных. Чуваши верили, что у деревенских ворот обитает божество Пирёшти, защищавшее поселение от несчастий [Никольский, 1928: 34, 51].

Наиболее простым типом полевых ворот были *вёрлэк ханхи*, *сил ханхи*, представлявшие звено прясла. Жерди и тёс крепили горизонтально по отношению к вертикально установленному столбу. Второй столб ворот свободно двигался в пространстве.

Несколько иным типом были полевые ворота, имевшие П-образную конструкцию. На массивных столбах укладывали горизонтальное бревно, придающее П-образный вид. К основе

крепили два вертикальных бруса с закреплёнными жердями. Звено служило воротами, свободно вращаясь в стороны. Именно так изобразил околические ворота Н.В. Никольский [1928: 34].

Полевые изгородь и ворота составляли единый комплекс. Для двора и забора, опоясывающего деревню, было характерно прясло. Изгородь ограждала пространство, освоенное жителями поселения, предохраняя от внешних несчастий. Как граница усадьбы, так и граница поселения служили рубежом внешнего мира. Функция отделения «своего» культурного пространства от «чуждо-

го» внешнего, транслируется похоронно-поминальной и свадебной традициями. Показательна она в обряде *хёр аки* и проводах рекрутов.

Общесельские объекты, занимавшие и заповнявшие доместицированное пространство, отвечали потребностям жителей поселения. Огороженная околицей деревня считалась хозяйственно освоенной территорией, объединявшей сельский мир. Выполняя практическую функцию (защищая поля от потравы домашним скотом), полевые изгородь и ворота разграничивали обжитое пространство от внешнего мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. – Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1900. – 91 с.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. – Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 3. – 368 с.
- Вишневский В.П.* О религиозных поверьях чуваш. – Казань: Казанские губ. ведомости, 1846. – 25 с.
- Вышеславцев А.* Похоронные и поминальные обычаи некрещенных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVIII в. // Известия Русского географического общества. – СПб., 1884. Т. XX. – С. 274–279.
- Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1869. Т. 1. – 490 с.
- Дневник И.И. Лепёхина с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1772 гг. 1768–1769 гг. Российская академия наук (РАН, СПб.). Ф. 3. Оп. 30.4. 175 л.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
- Иванов К.В.* Нарспи. – М.: Художественная литература, 1937. – 141 с.
- Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. – 266 с.
- Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – 336 с.
- Матвеев Г.Б.* Материальная культура чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1994. – 198 с.
- Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 35. Катанов Н.Ф. О чувашах. 1911–1935 гг. – 117 л.
- Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 144. Никольский Н.В. История, этнография, язык, фольклор. 1904–1915 гг. – 412 л.
- Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 174. Никольский Н.В. Этнография. Фольклор. 1908–1910 гг. – 695 л.
- Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 177. Никольский Н.В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. – 804 л.
- Никольский Н.В.* Краткий курс по этнографии чуваш. Вып. 1. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. – 226 с.
- Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. I. – 527 с.
- Осинов А.А.* Чувашская свадьба: Обряд и музыка свадьбы вирьял. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 206 с.
- Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России: Казанская губерния. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1870. Ч. I. – 224 с.
- Салмин А.К.* Чувашско-осетинские параллели // Известия СОИГСИ. – 2011. – № 5 (44). – С. 19–25.
- Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор: Очерк устно-поэтического народного творчества. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с.
- Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1840. – 329 с.

Vladislav Medvedev

**‘I WENT OUT OF THE VILLAGE AND BOWED – PARTED
WITH THE WHOLE VILLAGE’: FIELD FENCE AND GATE IN THE
TRADITIONAL VIEWS OF THE CHUVASH**

This article is devoted to the study of the Chuvash traditional ideas about such village-wide objects of settlements as the outskirts and field gates, which the villagers needed for profane and sacred purposes. Based on archival and published works, the article describes field hedges and gates that perform a practical function and have a religious ritual purpose. The study allows us to conclude that these objects, delimiting the territory of the settlement and the outer space, corresponded to the norms of traditional culture and the views of the Chuvash.

Key words: Chuvashes; village fence; fence; field gate; traditional views.

Медведев Владислав Валентинович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарного
образования, Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут
e-mail: vlad.etno@mail.ru.

Vladislav Medvedev

Candidate of History,
Associate Professor of the Chair of Social and
Humanities Study,
Surgut State Pedagogical University,
Surgut
e-mail: vlad.etno@mail.ru.

УДК 37.013.46

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

© 2019 г. В.Т. Михайлов

В статье рассматривается феномен этнокультурного образования, теоретические основы его реализации. Выявляются основные направления изучения этнокультурного образования, характерные типы концепций, отразившиеся во взглядах классиков педагогики, исследованиях ведущих отечественных и зарубежных педагогов и психологов в области национального образования. Анализируются этнопедагогический и культурологический подходы, их базовая роль в реализации этнокультурного образования в педагогическом процессе.

Ключевые слова: этнокультурное образование; теоретические основы; этнопедагогика; общечеловеческие ценности.

В современном мире в условиях глобализации, с одной стороны, происходит унификация культурных ценностей, ставится под угрозу самобытность и уникальность народов, нарастает угроза исконной среде их обитания, что приводит к необратимым негативным экологическим и духовно-нравственным процессам, с другой – стимулируется интерес представителей разных этнических групп к собственной культуре, истории, обычаям и традициям. Актуализируется проблема осознания и сохранения этнической идентичности, формирования этнической картины мира молодежи, но в то же время в условиях поликультурного общества ее интеграция в общероссийскую и мировую культуру через содержание образования.

Это способствует активизации исследований истоков этнокультурных ценностей народов РФ, их потенциала в формировании личности на различных этапах исторического развития народов; определению их места и роли в духовно-нравственной культуре человечества, а также активному включению этих идей и ценностей в образовательный и воспитательный процессы.

Формирование этнокультурной идентичности происходит прежде всего в семье и об-

разовательных учреждениях, национальными средствами массовой информации, художественной и научной литературой, научно-исследовательскими, административными учреждениями и учреждениями культуры. Основными условиями реализации данной идеи в условиях национальных регионов являются: развитие и укрепление этнокультурного образования во всей образовательной системе региона; признание и обеспечение безусловного приоритета для личности родного языка и культуры; демократизация образования; вариативность и мобильность образования как по типу собственности, так и по многообразию каналов реализации этнокультурных интересов, запросов, предпочтений; открытость, адаптивность и непрерывность образовательной деятельности, направленной на реализацию этнокультурных запросов личности и общества; целенаправленная ориентация на выявление и удовлетворение спроса на услуги в области этнокультурных потребностей; наличие региональных программ по данной проблеме с учетом особенностей этнического состава населения на базе единой региональной образовательной социально-культурной политики [Современные...].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-013-00-404.

Понятие «этнокультурное образование» было введено в научный оборот и педагогическую практику в России в 1990-е гг. в ряде публикаций Т.И. Баклановой, доктора педагогических наук, профессора ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». Далее данное понятие не раз уточняется в ее публикациях, посвященных концептуальным основам, экспериментальным моделям, программам этнокультурного и этнохудожественного образования.

По определению Т.И. Баклановой, этнокультурное образование – это целенаправленный процесс воспитания и обучения на материале и средствами этнической (т.е. народной) культуры, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых этнокультурных знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта этнокультурной деятельности и этнокультурных компетенций определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов в сфере народной культуры [Бакланова].

Весь ход исторического развития школьного образования показывает, что главным субъектом, интересы которого реализовала отечественная школа, являлось государство. Однако в условиях многонационального российского государства возникает необходимость учета интересов еще одного активного субъекта образовательного процесса – этноса. Поэтому в содержании общего среднего образования этнокультурная направленность, поиск баланса потребностей и интересов личности, этноса, общества и многонационального государства – одно из актуальных направлений современной образовательной политики.

В этой связи в отечественной педагогике на рубеже XX–XXI вв. шел активный процесс разработки концептуальных основ государственного образовательного стандарта, направленный на поиск оптимальных соотношений между национальными, общероссийскими и общечеловеческими ценностями в содержании образования. Этой проблемой вплотную

занимаются П.Р. Агутов, Е.П. Белозерцев, Л.П. Греханкина, Т.Г. Грушевицкая, М.И. Кузьмин, А.А. Леонтьев, В.И. Матис, Е.И. Пассов, Т.Г. Стефаненко, М.В. Черкезова, В.А. Шаповалов и др.

Проблемам возрождения национальных систем образования на этнопедагогической основе посвящены работы известного отечественного ученого Г.Н. Волкова. Вопросам о национальном компоненте содержания образования, призванном формировать у учащихся национальное самосознание, чувство принадлежности к нации, то есть о месте образования в этнической идентификации ребенка и подростка, посвящены исследования ученых-педагогов Урало-Поволжского региона К.Ш. Ахиярова, У.Ш. Атнагулова, В.И. Баймурзиной, Т.К. Исхакова, А.М. Сафина, Т.Н. Петровой и др.

В Республики Марий Эл данная проблема освещается в исследованиях П.А. Апакаева, Ю.А. Калиева, В.А. Константиновой, В.Т. Михайлова, Л.П. Москвиной, С.Н. Федоровой, С.И. Фоминой, И.А. Чурикова, Г.Е. Шкалиной и др. В их трудах выявлены прогрессивные традиции и межнациональные связи народной педагогики, разработаны пути их использования в эстетическом, трудовом, физическом и нравственном воспитании школьников.

Целостный анализ исследований в данной области, а также нормативных документов, регулирующих функционирование системы образования в РФ в целом и в регионах в частности, позволяет выделить два взаимосвязанных направления в содержании национального образования. Национальная школа в современных условиях, с одной стороны, должна развиваться с учетом традиций этноса, особенностей его психологии, педагогики, этики, эстетики, быта, хозяйственной деятельности, что придает содержанию образования этнический характер. С другой стороны, она должна способствовать интеграции и интериоризации различных национальных культур, то есть превращению их в часть духовного мира ребенка.

В классической педагогике идея уважительного отношения к иной культуре в воспитательной системе выявляется прежде всего у Я.А. Коменского, рассматривающего воспитание в качестве одной из важнейших предпосы-

лок формирования у детей умения жить в мире и дружбе, уважать и любить людей. По этому поводу педагог-гуманист писал: «Нужно старательно внушать юношеству назначение нашей жизни, а именно, что мы рождаемся не только для самих себя, но и для Бога и для ближнего, то есть для всего человеческого рода; исходя из этого убеждения, каждый уже с детства привыкает <...> делать и стараться оказывать пользу своими услугами возможно большему числу людей» [Коменский, 2002: 103].

Коменский Я.А. в «Материнской школе» и И.-Г. Песталоцци в книге для матерей «Как Гертруда учит своих детей», обобщив опыт народной педагогики, обосновали идею семейного и природосообразного воспитания.

Важное значение этому принципу придавали в своих педагогических системах Дж. Локк, Жан-Жак Руссо, Фридрих-Адольф Дистервег. Их всех сближает подход к человеку как к части природы и в связи с этим утверждение необходимости его воспитания в соответствии с объективными закономерностями развития человека в природе.

Значительный вклад в разработку идеи народности воспитания внесли выдающиеся русские просветители М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, революционеры-демократы В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.И. Пирогов, отечественные педагоги В.И. Водовозов, П.Ф. Каптерев, В.П. Острогорский, В.Я. Стоюнин и др.

Проблема поликультурного обучения и воспитания в духе уважения инокультурных систем занимает важное место в педагогической деятельности Л.Н. Толстого, отмечавшего, что «после изучения жизни своего народа... столь же важным предметом будет изучение жизни других народов, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев» [Толстой, 1989: 456].

Особый интерес представляют для нас суждения П.Ф. Каптерева о поликультурном образовании, в содержание которого он включал язык, религию и быт, усваиваемые на основе взаимосвязи национального и общечеловеческого. В воспитании, писал он, «нужно обратиться не к одному народу, а ко многим,

рассмотреть их идеалы и ценными чужими свойствами пополнить недостатки своего национального идеала; народное нужно сочетать с инородным, всенародным и общечеловеческим» [Каптерев, 1982: 56–57].

Особая роль в этом принадлежит К.Д. Ушинскому. Именно он дал четкое определение понятия «народность», подразумевая в нем своеобразие каждого народа, опыт его жизни, мыслей, чувств, обусловленных историческим развитием, географическим и природным окружением, родной язык, культуру, отечественную педагогическую науку, народную национальную школу. Воспитание, по убеждению Ушинского, «если оно не хочет быть бесильным, должно быть народным» [Ушинский, 2002: 36], «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа» [Ушинский, 2002: 37]. Далее классик отечественной педагогики высказывает величайшую философскую мысль: «Каждому народу суждено играть в истории свою особую роль, и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен. История не терпит повторений. Народ без народности – тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность» [Ушинский, 2002: 37].

Во второй половине XIX в. существенное влияние на форму и содержание просвещения нерусских народов России оказал Н.И. Ильминский. Он выработал образовательную систему, ставшую педагогической идеологией российского государства. Важным требованием его системы являлся учет этнопсихологических и национальных особенностей народа, уровень его культурного и языкового развития. По этому поводу Н.И. Ильминский писал: «Образование инородческим детям должно преподаваться в таком виде, чтобы оно легко ими усваивалось и удобнее могло переходить в массу неграмотного народа. А для этого самое лучшее средство – образовательные книги, полезные и каждодневные для простого народа, изложить на собственном языке инородцев» [Казанская, 1887: 115].

Данная концепция получила свое продолжение в 20–30-е гг. XX в. в советской педагогике и психологии, в частности в исследованиях Л.С. Выготского, введившего понятие «сталкивание различных культур». По его утверждению, национальные формы развития представляют собой несомненный и великий исторический факт, и поэтому они входят непременно психологическим условием в школьное дело. «Национальная окраска человеческого поведения, – писал Л.С. Выготский, – представляет, как и все культурные приобретения, величайшую человеческую ценность, однако только тогда, когда она не становится футляром, который замыкает в себе человека, как улитку в раковину, и отгораживает его от всех внешних влияний. Сталкивание различных культур часто <...> давало прекрасные результаты в смысле развития новых форм культурного творчества» [Выготский, 1999: 201].

Проблема формирования и развития личности на материале и средствами этнической культуры находится в центре внимания этнопедагогических исследований, а этнопедагогика рассматривается как фактор сохранения этнокультурных ценностей. В советской педагогике термин «народная педагогика» впервые появился в трудах известного этнографа Г.С. Виноградова в 20-е гг. XX в. Он определил систему воспитания, созданную народом, как совокупность навыков и приемов, применяемых им в воспитании подрастающего поколения.

Наиболее полное и всестороннее исследование проблем народной педагогики начинается во второй половине XX в. В 1950–1970-е гг. в трудах В.Ф. Афанасьева, Я.И. Ханбикова и др. были заложены основы для более полного и глубокого исследования народного опыта воспитания.

Следующий этап исследований в этой области связан с именем академика РАО Г.Н. Волкова, положившего начало теоретическому обобщению народного опыта воспитания и создавшего целостную теорию этнического воспитания – этнопедагогике. Его труды «Этнопедагогика чувашского народа» и «Этнопедагогика» стали научно-методологической и теоретико-педагогической основой для последующих этнопедагогических исследований в национальных регионах страны.

Предметом исследования этнопедагогики стало воспитание на основе духовного опыта народа, его норм, ценностей, народной мудрости, отраженной в фольклоре, религиозном учении, традициях, укладе жизни, т.е. «весь педагогический потенциал, оказывающий влияние на процесс историко-культурного формирования личности» [Волков, 1974: 5].

В конце 70-х гг. XX в. появились идеи американского педагога Роберта Хенви о системе глобального образования. В своей книге «An Attainable Global Perspective» («Достижимая глобальная перспектива», 1987) он предусматривает обязательное включение в содержание образования следующих направлений педагогической деятельности:

- воспитание широты видения мира, признание равноправными и равноценными любых точек зрения на мир, любых образов мира, картин мира и т.п.;

- воспитание постоянного и пристального внимания к проблемам и событиям глобального масштаба и значения, понимание их причин, характера и последствий;

- воспитание интереса и уважения к культурам народов нашей планеты, стремления к пониманию наиболее важных специфических и общих характеристик (параметров) этих культур, пониманию их сходства и различия. Культура каждого народа не хуже и не лучше любого другого народа. В ней может быть то, чего нет в других культурах, но может отсутствовать многое, что присуще другим культурам. Следовательно, духовное обогащение личности зависит от ее умения использовать это особенное (принцип дополнительности в диалоге с другими культурами);

- воспитание системного мышления, понимания природы различия систем, развитие навыков системного подхода к изучению мировых процессов – социальных и природных; знакомство с мировой политической системой, где сложным образом переплетаются государственные и негосударственные интересы многих организаций и лиц, деятелей в области культуры, науки, экономики, политики, религии, образуя запутанную сеть взаимосвязей и взаимозависимостей;

- воспитание чувства выбора и степени своего личного участия в решении локальных

и глобальных проблем, умения строить тактику и стратегию участия в делах, имеющих местный, общенациональный и общемировой характер [Джурицкий].

В современной педагогической науке особое внимание уделяется анализу педагогических концепций, таких как «этнокультурное образование», «поликультурное образование», в рамках которых решаются задачи, связанные с формированием и развитием этнокультурных ценностей личности. В конце 80 – начале 90-х гг. XX столетия под руководством В.С. Библера в отечественной науке сформировалось философско-педагогическое направление «Школа диалога культур». В предлагаемой им концепции «диалог, имеющий реальный образовательный действенный смысл, – это диалог культур, общающихся между собой – в контексте современной культуры, – в средоточии основных вопросов бытия, основных точек удивления нашего разума» [Школа, 1992: 8].

В этот период появляются изыскания, посвященные опыту воспитания отдельных народов и теоретическому его обобщению. Данной проблемой в разное время занимались У.Ш. Атангулов, К.Ш. Ахияров, В.И. Баймурзина, З.П. Васильцова, А.Э. Измайлов, Б.А. Кадыров, О.Д. Мукаева, З.Г. Нигматов, Г.А. Никитина, В.А. Николаев, А.М. Сафин, М.Г. Тайчинов, Т.Н. Петрова, А.Н. Фролова и др. Каждый из них, естественно, внес свой вклад в теорию и практику этнопедагогики, этнокультурного образования.

В трудах современных исследователей особое внимание уделено анализу педагогических концепций, таких как «этнокультурное образование», «поликультурное образование», в рамках которых решаются задачи, связанные с формированием и развитием этнокультурных ценностей личности. Авторы отмечают, что одним из ответов отечественной педагогической науки на вызовы времени стала концепция этнокультурной системы образования, разрабатываемая как на региональном, так и на общенациональном уровне. В частности, А.Б. Панькин рассматривает этнокультурную систему образования «как оригинальный субъект, развивающийся в соответствии с определенными закономерностями, зависящими от развития

этноса и социума, как важнейший структурный элемент процесса возрождения, сохранения и развития культуры этноса» [Панькин, 2001: 7]. Он подчеркивает, что в начале XXI в. системы образования национальных регионов России «вышли на уровень становления этнокультурно-коннотированных личностно ориентированных систем образования», в которых средством обучения и развития является родной язык, а целью – «передача базового содержания образования и этнокультуры, создающих условия для развития личности ребенка, становления этнокультурной идентификации, социализации, жизненного самоопределения» [Панькин, 2001: 411–412].

Таким образом, взгляды классиков педагогики на рассматриваемую проблему, исследования ведущих отечественных и зарубежных педагогов и психологов в области национального образования с точки зрения философских, психолого-педагогических, культурологических, лингвистических, этнопедагогических, этических позиций стали базой для современных разработок содержания современного этнокультурного образования. Основная его цель – воспитание у детей нормального типа этнической идентичности, что предполагает триединство сознания, которое можно обозначить в форме следующей цепочки:

Я – этнос > Я – россиянин > Я – гражданин мира > Личность с позитивной этнической идентичностью.

Выпадение из цепочки одного из звеньев привлечет нарушение целостной образовательной (воспитательной) системы. Так, выпадение звена «Я – этнос» порождает этническую индифферентность, приведет к формированию личности, неспособной полностью реализовать себя, так как, по меткому выражению Л.С. Выготского, «верность своему народу есть верность своей индивидуальности и есть единственный нормальный и нефальшивый путь поведения» [1999: 201].

А выпадение звена «Я – россиянин» может привести в условиях многонациональной России к отсутствию патриотизма, национальным конфликтам.

Отсутствие в воспитательной системе третьего звена «Я – гражданин мира» спо-

собствует замкнутости, ограничению связей с внешним миром или полной изоляции, что характерно для тоталитарного государства.

Отсюда следует: гармоничное сочетание всех трех звеньев – залог успешного воспитания.

Тем не менее в данной системе звено «Я – этнос» является основополагающим, доминирующим, так как образование (воспитание) предполагает прежде всего усвоение (сохранение и развитие) достижений национальной культуры, что подтверждается всем ходом эволюции содержания национального образования в Российском государстве.

Однако наполнение современного образовательного процесса национальным содержанием имеет и ряд проблем. Наиболее существенными, на наш взгляд, являются:

1) включение в содержание учебно-воспитательного процесса достижений национальной культуры, что предполагает современное их прочтение и трактовку, то есть перевод в адекватную сегодняшним реалиям систему;

2) обеспечение национальным образованием связи времен, ибо развитие происходит только там, где прошлое продолжает жить

в настоящем и будущем, составляя историческую память народа. Сохранять историческую память – значит сохранять верность традициям и духовным ценностям – своим собственным и накопленным человечеством. Тем самым обеспечение связи времен должно стать подлинной задачей национального образования;

3) корректность акцентирования национальных векторов образования. В сегодняшних условиях сосредоточение только на этническом содержит опасность культивирования узких национальных чувств. Безусловно, его антитезой является дух солидарности, интеграция в российскую и мировую культуру, опора на общечеловеческие ценности.

Таким образом, по словам выдающегося философа и педагога русского зарубежья С.И. Гессена, «всякое хорошо поставленное образование по необходимости будет национальным, и наоборот, подлинно национальным образованием, действительно созидующим, а не разрушающим нацию, будет только хорошо поставленное нравственное, научное и художественное образование, хотя бы оно и не заботилось специально о развитии национального чувства» [1995: 354].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бакланова Т.И. О введении в научный оборот и современных определениях понятий «этнохудожественное образование» и «этнокультурное образование» // URL. <https://interactive-plus.ru/e-articles/201/Action201-16176.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

Волков Г.Н. Этнопедагогика. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 168 с.

Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика – Пресс, 1999. – 536 с.

Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.

Джурицкий А. Сравнительная педагогика. Взгляд из России // URL. <https://topreading.ru/bookread/296916-aleksandr-dzhurinskii-sravnitel'naya-pedagogika/page-10> (дата обращения: 10.11.2019).

Казанская центральная крещено-татарская школа: материалы для истории христианского просвещения крещеных татар / сост. Н. Ильминский. – Казань: Типография В.М. Ключникова, 1887. – 485 с.

Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А.М. Арсентьева. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.

Коменский Я.А. – Переиздание. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002. – 224 с. (Антология гуманной педагогики).

Панькин А.Б. Этнокультурный парадокс современного образования. – Волгоград: Перемена, 2001. – 446 с.

Современные этнокультурные технологии и их значение в формировании нравственности // URL. <https://infourok.ru/sovremennie-etokulturnie-tehnologii-i-ih-znachenii-v-formirovanii-nravstvennosti-1747842.html> (дата обращения: 11.11.2019).

Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / сост. Н.В. Вейкшан. – М.: Педагогика, 1989. – 544 с.

Ушинский. – Переиздание. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002. – 222 с. – (Антология гуманной педагогики).

Школа диалога культур: основные программы / под ред. В.С. Библера. – Кемерово: Алеф, 1992. – 96 с.

Vitaliy Mikhailov

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF ETHNO-CULTURAL COMPONENT
OF CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION**

The article considers the phenomenon of ethno-cultural education and theoretical basis for its realization. The main trends in the study of ethno-cultural education, characteristic types of the concepts reflected in the views of the classics of pedagogy; the research of leading Russian and foreign educators and psychologists in national education are described. Ethno-pedagogical and cultural approaches, their basic role in ethno-cultural education in teaching process are analysed in the article.

Key words: ethno-cultural education; theoretical basis; ethno-pedagogy; universal values.

Михайлов Виталий Тимраевич

кандидат педагогических наук,
заведующий лабораторией «Марийская школа»
научно-образовательного центра языковых
технологий «Марий йылме»
Марийского государственного университета,
г. Йошкар-Ола
e-mail: vitatim@yandex.ru

Vitaliy Mikhailov

Candidate of Pedagogy,
Head of the Laboratory «Mari School»,
The Research and Educational Centre of Language
Technologies «The Mari Language»,
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: vitatim@yandex.ru

УДК 391/395(470.343)

РОЛЬ НАРОДНЫХ СТУДИЙ И МАСТЕРОВ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО КОСТЮМА

© 2019 г. Т.Л. Молотова

В сообщении рассматриваются особенности функционирования в современных условиях форм костюма – традиционного, современного и модного с этническими мотивами у различных этнографических групп марийцев. Выявляется роль мастеров, студий, кружков по вышивке, фестивалей, конкурсов в развитии вышивки и марийского костюма.

Ключевые слова: народный костюм; традиционная вышивка; мастера; студии; кружки; модельеры.

Для марийского этноса во все исторические эпохи было характерно бытование народного костюма. У сельских марийцев национальная одежда существовала преимущественно вплоть до 1960–1970-х гг. Основной чертой является то, что у всех этнографических групп марийцев (луговые, восточные, горные) не было полного отказа от одного из важных этнических маркеров – народного костюма. В 80–90-е гг. прошлого столетия большинство луговых и горных марийцев сельской местности перешли на фабричные формы одежды и обуви, но у старшего поколения женщин традиционная одежда использовалась как обрядовая, похоронно-поминальная, праздничная. Как праздничная, сценическая, обрядовая (свадебная) одежда бытовала и у женщин более молодых возрастных категорий (фото 13). У луговых мариек в сельской местности было несколько комплектов народной одежды.

У горных мариек народный костюм бытует как празднично-обрядовый, сценический, но в повседневной жизни большинство женщин перешло на фабричные формы одежды и обуви.

В данной статье рассматривается роль народных студий и мастеров в возрождении марийской вышивки, в развитии современного марийского костюма у различных территориальных групп марийцев.

Одним из основных элементов ornamentации традиционной одежды марийцев была вышивка. Традиционная вышивка на одежде

исполнялась по счету нитей шелковыми или шерстяными нитками, которые с древности окрашивались растительными, минеральными и смешанными (растительно-минеральные) красителями. Для закрепления красок использовались катализаторы (железо, соль, щелочь и др.), поэтому нитки не линяли. У красильщиков существовали свои характерные и разнообразные средства и приемы крашения [Крюкова, 1956: 66]. В старинных образцах вышитой одежды преобладали темно-малиновый, черный, темно-синий, коричневый цвета. Во второй половине XIX в. в орнаментации одежды самым распространенным был красный цвет различных оттенков: от ярко красного до терракотового с небольшим вкраплением желтого, зеленого цветов. Цветовая гамма начала изменяться в конце XIX – начале XX в. с применением анилиновых красителей, в вышивке горных марийцев стали появляться яркие тона: фиолетовый, сиреневый, розовый, малиновый, голубой, синий.

Марийская вышивка неразрывно была связана с религией, с духовной культурой народа. В орнаменте присутствовали родовые знаки – тамги, показывающие принадлежность к определенной семье, роду. Так, например, снохи в большой семье вышивали на своих рубахах и головных уборах знаки своих родителей, а не мужа.

В период советской власти из-за пропаганды отказа от традиционного костюма и вышив-

ки по счету нитей она исчезла на территории республики и заменилась другими технологическими приемами – гладью и крестом. Совершенно очевидно, эти виды новой цветочной орнаментации, выполненной гладью или крестом, широко распространившиеся в послевоенные годы, у сельских марийцев уступали старинной, традиционной вышивке (фото 10).

В внедрении новых форм одежды с марийской орнаментацией большую роль сыграла фабрика «Труженица», выпускавшая долгие годы (30–90-е гг. XX в.) платья, фартуки, женские блузки, мужские рубахи, текстильные предметы интерьера с модернизированной вышивкой. В изделиях этого предприятия удачно сочетались современный покрой одежды, цветовая гамма тканей с марийской орнаментацией. Марийская вышивка была прославлена по всему миру неутомимыми мастерицами фабрики, А.А. Фазлеевой, П.И. Ласточкиной, Н.Н. Ситниковой, Е.А. Кожинной, и вышивальщицами, которые отдали этому искусству много творческого труда, терпения. Одежды с элементами марийского народного костюма на фабрике «Труженица» создавали талантливые художники-модельеры Л.А. Орлова, Р.С. Чебатурина и др. Продукция этой фабрики пользовалась заслуженным спросом не только у населения республики, но и далеко за ее пределами [Фецина, 1980: 7–16]. К сожалению, в настоящий период эта прославленная фабрика, внесшая неоценимый вклад в развитие прикладного искусства марийцев, прекратила свое существование.

В традиционной свадебной обрядности у марийцев было принято в приданом невесты иметь большое количество вышитых изделий, состоящих из различных форм народного костюма, полотенец. Таким образом, вышивка из быта сельских марийцев не исчезала никогда. В интерьере сельского жилища даже в настоящее время можно встретить много вышитых текстильных предметов преимущественно с цветочными орнаментами: полотенца на божнице, занавески на окнах, наволочки на подушках, покрывала, салфетки, настенные картины и ковры.

Современный этап характеризуется тем, что в настоящее время возрос интерес к марийской вышивке как к богатому наследию

традиционного прикладного искусства. Очевидно, это было связано с тем, что в 90-е гг. XX в. Министерством культуры были созданы студии в г. Звенигово (Народная студия марийской вышивки «Унавий» Звениговского дома народных умельцев), в Моркинском районе (Народная студия «Турлем ўдыр» Чодраяльского СДК), пос. Медведево Медведевского района. В студиях народные мастера с целью сохранения и развития прикладного искусства начали заниматься традиционной вышивкой, ткачеством домашних тканей, создавать традиционные и современные костюмы с элементами марийского орнамента (фото 11, 12). При этих студиях вышивке – высокохудожественному виду прикладного искусства – обучались все желающие: взрослые и дети. Именно вышивка украшает и придает праздничность и торжественность современным формам костюма (фото 9). Объектом моделирования в большей степени является женский костюм. Первоначально потребность в национальных костюмах с марийской вышивкой существовала у артистов, эстрадных певцов, представителей марийской интеллигенции. В настоящее время модные формы одежды с вышивкой популярны среди марийского населения различных социальных и возрастных категорий. Современные модели одежды с марийской вышивкой шьют в ателье «Сайвер» в Йошкар-Оле, в сельских ателье, а также мастера-любители. Известными вышивальщицами и мастерицами изготовления национального костюма в Республике Марий Эл являются Л.В. Веткина, Н.Е. Майкова, И.А. Степанова, Л. Федорова, М.Т. Васильева, В.С. Поликарпова, Э.Н. Васильева и многие другие (фото 14). Возрождение вышивки вызвало интерес к ней со стороны сельских жительниц, а также и спрос на современные костюмы с марийской орнаментацией. Определенную роль в этом сыграли и практические семинары, обучающие приемам вышивки, проводимые «Республиканским научно-методическим центром народного творчества и культурно-досуговой деятельности». Начинающие вышивальщицы использовали и методическую литературу, изданную в республике. Так, например, народная мастерица В.Н. Милюткина, 1946 г.р., из д. Руж-

беляк Куженерского района заинтересовалась вышивкой, познакомившись с методической работой И.А. Степановой «Маритюр: Встречи с марийской вышивкой» [Степанова, 2005]. Валентина Николаевна шила народную одежду давно и решила воссоздать народный костюм в старинных традициях и украсить его традиционной вышивкой, пользуясь орнаментами из этой книги. В настоящее время ею создано много рубах, фартуков, кафтанов, платков, полотенец с традиционной вышивкой.

В республике работают мастера, профессионально овладевшие традиционными видами вышивки. Одной из таких является Лидия Васильевна Веткина – известная не только в Республике Марий Эл, но и далеко за ее пределами. Эта талантливая народная мастерица по традиционной марийской вышивке работает по счету нитей, вышивает с изнаночной стороны. Лидия Васильевна родилась в Сернурском районе, в марийской д. Тамшинер. Ее бабушка, мама хорошо вышивали и много знали о традиционной орнаментации народного костюма. Лидию Васильевну привлекала марийская народная одежда, она и сама вышивала гладью и крестом, но ее очень интересовала старинная вышивка шелком. Она решила научиться старинному ремеслу, а в то время уже никто не работал в этой технике. Особенность этой древней вышивки в том, что она выполняется с изнанки изделия по счету нитей (фото 18). Она подробно расспрашивала мать, других пожилых женщин об основных методах и приемах старинной орнаментации. И в 1993 г. вышила *шымакш* – традиционный женский головной убор – по всем правилам старинной техники. Это изделие послужило началом для создания коллекции полного традиционного женского комплекса костюма сернурских марийцев (рубаха, кафтан, передник, платок, пояс, обувь), сшитого из домашнего холста, вышитого старинной вышивкой по счету нитей. При создании этого комплекта были соблюдены все традиционные приемы, поэтому на Первом празднике-конкурсе марийского костюма в 2000 г. он получил самую высокую оценку. Л.В. Веткина – неперемнная участница всех региональных, межрегиональных и всероссийских фестивалей национального костюма,

проводившихся в Йошкар-Оле (2002–2015). На этих фестивалях она представляла и современные модные костюмы в этническом стиле. В 2010 г. мастерица выпустила книгу-альбом, посвященную традиционной вышивке [Веткина, 2010]. Мастерство Лидии Васильевны было по достоинству оценено высокими наградами, в 2011 г. она была удостоена российской премии «Душа народа» и стала лауреатом Государственной премии Республики Марий Эл. В настоящее время она на заслуженном отдыхе, но ведет активную творческую деятельность, участвует в различных семинарах и конференциях, дает мастер-классы по вышивке как в республике, так и за ее пределами. У мастерицы появились последователи на селе, некоторые молодые женщины и даже старшее поколение с желанием осваивают традиционную орнаментацию по счету нитей с изнаночной стороны [Иванова, 2011: 6].

Одной из известных мастериц вышивальщиц является предприниматель, краевед, мастер по вышивке, общественный деятель, популяризатор традиционной культуры марийского народа Ираида Александровна Степанова, которая начала заниматься вышивкой с 1998 г. Она участница различных фестивалей, конкурсов прикладного искусства, дефиле. Возглавляла кружки по вышиванию среди детей и взрослых, провела большое количество мастер-классов. В феврале 2019 г. ее стараниями был открыт Центр марийской вышивки, членами этого центра являются ее единомышленники. Центр планирует выпустить энциклопедию по марийской вышивке, а также создавать и реализовывать долговременные просветительские программы и проекты для разных категорий населения. Усилиями его членов собрана большая коллекция вышитых форм одежды.

Одной из талантливых подвижниц возрождения традиционной вышивки горных мари являлась учительница марийского языка, краевед, общественная деятельница Лидия Ивановна Хлебникова (10.05.1947–16.02.2011), которая возглавляла Дом ремесел в с. Арда Килемарского района. Ею были созданы коллекции, состоящие из салфеток, современных костюмов, детской школьной формы с гор-

номарийской орнаментацией. Она являлась участницей различных конкурсов, фестивалей и дефиле.

Интересны творческие поиски вышивальщицы Фелонии Николаевны Шестаковой. Работая в одном из Козьмодемьянских музеев, она заинтересовалась музейными экспонатами с интересной вышивкой. Традиционная горномарийская вышивка была в забвении, мастеров, вышивающих по счету нитей практически не было. И она решила освоить сложную технику вышивки. Горномарийская вышивка сочетает различные приемы – набор, счетная гладь, косая стежка, крестик. В настоящее время Ф.Н. Шестакова с интересом занимается вышивкой, ею создана коллекция нашлаков, поясных подвесок, свадебных платков, выполненных в старинных традициях орнаментации горных марийцев. Мастерница на основе плохо сохранившихся старинных образцов костюма восстановила их копии в той же технологии и цветовой гамме [Молотова, 2018: 8]. Одним из последних творений мастерницы является создание старинных костюмов для актеров Горномарийского театра. Творчество такой самодеятельной мастерницы необходимо всячески поддерживать (фото 15).

Весьма плодотворно в области народного костюма начал свою работу творческий коллектив Горномарийского дома ремесел, который был создан 2017 г. в с. Еласы. На X Межрегиональном конкурсе национального костюма «Марий вургем пайрем унала ўжеш» (Праздник марийского костюма приглашает в гости»), проходившего традиционно в г. Йошкар-Оле 24–26 октября 2019 г., были представлены старинные женские свадебные зеленые кафтаны и украшения, которые вышли из употребления в быту в начале XX в. В номинации фестиваля «Этнографический костюм» коллектив Дома ремесел занял первое место.

Особенностью современного периода в Республике Марий Эл является развитие спроса на модные стильные костюмы, созданные по народным мотивам. При этом современный покрой одежды из фабричных тканей сочетается с марийской вышивкой. Такая стилизованная одежда пользуется популярностью у различных слоев марийского населения.

Народная одежда профессионально шьется в ателье «Сайвер» (Йошкар-Ола). В ателье принимают заказы на различные формы одежды в этническом стиле. Кроме одежды шьют текстильные сувениры с вышивкой – салфетки, чехлы для телефонов, шарфы, полотенца. Заказы поступают не только от марийцев из различных регионов и городов России. Гости республики из Америки, Финляндии, Австрии заказывают в ателье модную одежду с марийской орнаментацией. Заказы исполняются по желанию клиента за несколько дней и очень качественно [Кушакова, 2011: 3].

Традиции марийской вышивки продолжают развивать и профессиональные художники. Так, талантливая мастерица-вышивальщица, заслуженный деятель искусств Республики Марий Эл, лауреат множества премий Алла Алексеевна Орлова преподавала мастерство вышивки студентам художественного училища и учащимся Национальной президентской школы. Определяющую роль в выборе профессии сыграли ее родители – профессиональные художники. Алла стала продолжательницей лучших достижений своей матери, заслуженной художницы Российской Федерации Лилии Александровны Орловой. За годы творческой деятельности Алла Орлова вышила огромное количество салфеток, скатертей, полотенец, панно, различные виды одежды с марийской орнаментацией. Одной из ее масштабных работ является вышитая карта нашей республики, которая хранится в Госсобрании Республики Марий Эл. Большое количество работ художницы хранится в государственных музеях России и за рубежом, а также в частных коллекциях.

Моделированием стилизованного марийского костюма занимаются не только профессиональные модельеры, художники, но и народные мастера, как в сельской местности, так и городах. Их творчество, с одной стороны, опирается на традиции марийского народного костюма, с другой – используется сплошная стилизация. Иногда в оформлении моделей применяются яркие цвета: синий, розовый, красный, что не было характерно для цветовой гаммы традиционных костюмов луговых и горных марийцев [Молотова, 1989: 117].

Художники-модельеры ищут новые элементы и приемы создания современных стилизованных модных национальных форм одежды. Объектом моделирования в большей степени является женский костюм. Мужской марийский стилизованный костюм шьют для участников художественной самодеятельности, который состоит из белых брюк, белой рубашки с вышивкой на груди, конце рукавов, подоле. Украшение костюма вышивкой это основной бренд одежды в этническом стиле у марийцев в современных условиях. Интерес к прикладному искусству возрос в начале 90-х г. XX в. с возрождением традиционной религии народа, так как на моления большинство женщин стараются надеть этническую одежду. Комплекты специальной марийской ритуальной одежды имеют и большинство языческих жрецов – картов. Их костюм состоит из орнаментированных вышивкой белых рубахи и кафтана, пояса, войлочной белой шапки, брюк обычно белого цвета, обуви. В орнаментацию костюма жреца входят вышитые сакральные знаки, символизирующие и особый статус носителя.

Большую роль в развитие спроса на вышивку, народную и современную одежду с марийским орнаментом сыграли праздники марийского народного костюма (2000–2002), региональные и всероссийские фестивали национального костюма (2003–2019), проводившиеся в Йошкар-Оле. 24–26 октября этого года в Йошкар-Оле традиционно был проведен юбилейный X Межрегиональный конкурс национального костюма «Праздник марийского костюма приглашает в гости». В конкурсе принимали участие мастера и творческие коллективы Воронежской, Свердловской, Кировской, Нижегородской областей, Краснодарского края, г. Москвы, Республик Коми, Удмуртии, Мордовии, Чувашии, Марий Эл. Необходимо подчеркнуть, что этот конкурс сыграл огромнейшую роль в развитии марийской вышивки, в сохранении традиционных форм народного костюма, в моделировании современной одежды с этнической символикой. Марийцы ценят свой костюм и стараются его сохранять в современных условиях.

Возрождение марийской вышивки играет большую роль в развитии современного при-

кладного искусства, в создании разнообразных современных костюмов, а также целого ряда декоративных текстильных изделий (скатертей, портьер, панно, салфеток, сувениров с марийским орнаментом, кукол в народных костюмах различных этнических групп).

Необходимо подчеркнуть, что и в современных условиях вышивка в традиционном стиле занимает значительное место в культуре марийцев. Она возрождена народными мастерами, отдельными студиями, сельскими и городскими ателье, предпринимателями. Марийская вышивка широко используется для оформления современной одежды, текстильных изделий интерьера и является национальным брендом Республики Марий Эл.

Однако вышивка гладью и крестиком тоже широко применяется в современных условиях для орнаментации национальной одежды. Так, цветочный орнамент, выполненный гладью, используется для украшения платья с оборкой (*сорокан, йошкар-ола тувыр*), а также фартуков луговых мариек. Вышивку крестиком применяют при орнаментации традиционной рубахи мариек (*шымакшан тувыр*), относящихся к локальной группе марийцев *шымакшан марий*. По свидетельству двух мастериц, сестер Якимовых из д. Большая Коклала Сернурского района Республики Марий Эл, на вышивку гладью одного фартука, где орнамент располагается на груди, карманах, подоле в два ряда, уходит около месяца, а на вышивку платья с оборкой больше 1,5–2 месяцев. Как видно, изготовление народного костюма достаточно трудоемкий и сложный процесс. Мастерицы также шьют свадебные зеленые кафтаны и лисьи шапки, изготавливают современные традиционные комплекты марийских праздничных украшений по заказу сельчан, так как и в настоящий период свадебный костюм востребован во время марийских свадеб. Свою продукцию мастерицы реализуют на Сернурском рынке [Иванова, 2011: 9]. В Моркинском районе существует три мастерских, где занимаются вышивкой и шьют народные марийские костюмы и одежду с этническими мотивами. Так, в социально-культурном центре «*Мастар кид*», открытом в 1993 г. и расположенном в с. Шиньша, две ма-

стерицы Людмила и Эльвира Васильевы первоначально вышивали гладью цветочные узоры на платьях и передниках. Затем появился спрос на современную одежду с традиционной вышивкой, которую они стали выполнять по канве [Камелетдинова, 2011: 16]. Почти два десятка лет успешно работает студия по изготовлению марийской национальной одежды в д. Чодраял Моркинского района. Первоначально народный костюм изготавливался в традициях моркинско-звениговских марийцев. В настоящее время в этой студии можно заказать модные современные формы одежды с марийской орнаментацией из ткани, которую соткали из фабричных ниток в студии. Ткачеством такого полотна занимается Галина Валерьяновна Федорова, которая отмечает, что ткачество – очень трудоемкая работа. Однако для создания традиционного комплекта одежды необходима рукотворная ткань, поскольку в прошлом использовалась именно такая ткань и на ней легче вышивать (фото 17). Предварительно ткань раскраивается и на нее наносится вышивка по счету нитей. Орнаментация на одежде выполняется вручную. Затем отдельные вышитые детали будущего изделия стираются, сушатся и только потом сшиваются. Заказов поступает много не только от сельских жителей, но и от городских.

Очень результативно работают вышивальщицы студий и мастерских Шоруньжинского сельского поселения, где функционирует колхозная мастерская по пошиву народной одежды, а также кружок национальной вышивки «Усталык памаш» Шланьского СК и Шоруньжинский культурный комплекс «Акрет тўр». У данных творческих коллективов много заказов как на народные одежды, так и современные с этнической вышивкой (фото 16).

Очень плодотворно в создании народной одежды и современных моделей с этнической вышивкой работает кружок традиционной марийской вышивки в г. Звенигово под руководством Надежды Евсеевны Майковой и клуб «Унавий» при доме народных умельцев. Мастерицы создали коллекции одежды не только для взрослых, но и модные модели летней детской одежды из натуральных тканей с тради-

ционной марийской вышивкой. На многих фестивалях и дефиле они были удостоены самых высоких оценок [Москвина, 2012: 12].

Народный костюм один из самых важных элементов культуры марийцев и в настоящее время. У восточных марийцев под влиянием тюркских соседей сложился своеобразный комплекс костюма. В культуре восточных марийцев и в современных условиях национальный костюм играет большую роль. У всех групп этноса он был очень важным идентификационным маркером и сохранился в той или иной степени у всех групп марийцев в зависимости от района проживания, от типа поселений и ряда других факторов. В районах Башкирии, где преобладает марийское население, в сельской местности у старшего поколения женщин народный костюм бытует еще как повседневный. В этнически смешанных селениях марийки используют народный костюм как празднично-обрядовый и сценический. У большинства сельских жителей имеется такая одежда, если она не надевается, то просто хранится дома в качестве реликвий. Комплект современного костюма состоит из платья (*тувыр*) с оборками на подоле, украшенными тесьмой, лентами, и фартука с грудкой (*ончыла сакыш*) из фабричных, преимущественно однотонных ярких тканей. Нередко комплект украшается вышивкой гладью, основным сюжетом которой является цветочный орнамент. В современных условиях, когда есть возможность приобрести ткани разного качества и различные виды отделки для народной одежды, костюм восточных марийцев представляет красивое и яркое явление, подчеркивающий принадлежность именно к этой этнической группе. Народный костюм часто шьют сами женщины в домашних условиях. Среди восточных мариек есть и народные мастера, которые шьют платья, фартуки по индивидуальным заказам, а также продают их на местных рынках г. Бирска, с. Калтаса и Мишкино. В Калтасинском, Мишкинском, Бирском, Дюртюлинском районах марийский народный женский костюм широко используется как празднично-обрядовый. Так, во время марийской свадьбы обычно женщины наряжены в народные костюмы. Комплектами марийского народного костюма невеста одаривает близ-

ких родственниц жениха (мать, сестер, теток и др.). Нередко и невеста облачается в марийское платье из белой ткани, которое специально шьется для свадебного обряда [Полевые заметки автора].

Марийский традиционный народный костюм – это цельный художественный ансамбль, в котором согласованы и соподчинены все виды одежды: рубаха, кафтан, передник, головной убор, украшения. В нем гармонично сочетаются фактура и цвет ткани, вышивка, аппликация, отделка лентами, бисером, блестками, позументом. Народную одежду у восточных марийцев принято надевать также во время похорон и поминок. В сельской местности народная одежда у старшего поколения используется и в качестве похоронной.

В последние годы среди восточных марийцев популярными становятся современные модные формы одежды с этническими мотивами – платья, костюмы преимущественно белого цвета с традиционной марийской вышивкой. Такие виды одежды пользуются спросом среди восточно-марийской интеллигенции (артисты, певцы, учителя и др.). мода на такую одежду пришла из Республики Марий Эл, где она очень популярна среди марийского населения различных слоев [Полевые заметки автора].

Необходимо отметить, что в настоящее время в марийском декоративно-прикладном искусстве модны куклы в национальных вышитых нарядах. В интерьере дома такие куклы в национальных костюмах были и раньше, но в последние годы это приобрело более широкие масштабы, что, вероятно, было связано с различными фестивалями и смотрами, где демонстрировались рукотворные куклы и куклы фабричные в национальных костюмах народов России. Как правило, кукольные наряды для фабричных кукол выполняются в стиле локальных костюмных комплексов различных групп марийцев из соответствующих фабричных тканей (иногда домашнего холста), различной отделки и украшаются вышивкой. Кукольные наряды украшаются соответствующей вышивкой, также характерной для данной территориальной группы марийцев. В сельских домах часто в интерьере дома можно увидеть кукол в свадебной оде-

жде, характерной для данного района. Такие куклы в национальном костюме присутствуют и в детских садах, школах, которые используются для знакомства не только с марийским народным костюмом, но и прикладным искусством народа.

По нашим данным, потребность в народных костюмах ощущается весьма значительно. Возрастание спроса на него связано с тем, что народный костюм широко применяется не только в празднично-обрядовой сфере, а также фольклорно-этнографические ансамбли используют костюмы в качестве сценического. Возросло количество людей, желающих иметь модные одежды с вышивкой среди сельских жителей как в Республике Марий Эл, так и у марийцев, проживающих в других регионах.

У всех групп марийцев народный костюм с традиционной орнаментацией был очень важным идентификационным маркером и сохранился или практически исчез в той или иной степени в зависимости от района проживания, от типа поселений и ряда других факторов. Функциональное применение народного костюма все более перемещается в празднично-обрядовую сферу, что дает возможность сохранить и развивать лучшие традиции марийского орнаментального искусства.

Очевидно, что в создании изделий этнического характера необходимо опираться на традиционную вышивку. В современных народных костюмах и текстильных изделиях нужно учитывать половозрастные и социальные особенности, а также расположение вышивки на одежде и цветовую гамму традиционного орнамента.

В современных условиях ощущается нехватка модельеров, творящих современную одежду в этническом стиле, знающих законы создания традиционного марийского костюма.

Для развития вышивки, народного костюма необходимо методическая литература, раскрывающая особенности традиционной вышивки различных этнографических, локально-территориальных групп финно-угорских народов. Ощущается нехватка научной литературы, раскрывающей подробную семантику традиционной народной вышивки.

Необходимо подчеркнуть, что в современных условиях существует стойкий интерес к вышивке и традиционному костюму марийцев. Сохраняют и развивают эту область материальной культуры народа мастера, мастера профессионалы, студии и ателье, специализирующиеся на изготовлении марийских костюмов и вышивки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Веткина Л.В. Жизнь, расшитая на холсте. Костюмы сернурских мари. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. – 64 с.

Иванова Л. Тувыр, сывын, рывыжупш келшалеш да ургыктат... // Марий Эл. – 2011. – 3 сентября.

Камелетдинова Л. «Шинча ужмо годым тўрлыде чыташ огешак лий» // Марий Эл. – 2011. – 20 сентября. – С. 16.

Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. – 156 с.

Кушакова С. Марий лўман ателье // Кугарня. – 2011. – 26 августа. – С. 3.

Молотова Т.Л. Эстетические функции марийского женского костюма // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусств. Вопросы марийского фольклора и искусств. Вып. 7. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. – С. 116–127.

Молотова Т.Л. Калык поянлыкым аралыше // Марий Эл. – 2018. – 22 апреля. – С. 8.

Москвина И. С шарпана читали судьбу человека // Марийская правда. – 2012. – 4 апреля. – С. 12.

Молотова Т.Л. Традиционное марийское ткачество: Монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 152 с., ил.

Полевые материалы автора (ПМА) 2006 г. Менделеевский, Агрызский, Муслумовский, Мензелинский р-ны Татарстана; Мишкинский, Краснокамский, Белебеевский р-ны Башкирии; ПМА 2008 (Бирский, Балтачевский, Калтасинский р-ны Башкортостана); ПМА 2015 г. Куморский, Балтасинский, Менделеевский, Мензелинский р-ны Татарстана.

Степанова И.А. Маритўр: Встречи с марийской вышивкой. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2005. – 160 с., ил.

Фецина О.Ф. Неувядающие орнаменты. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. – 82 с.

Tamara Molotova

THE ROLE OF FOLK WORKSHOPS AND MASTERS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN MARI COSTUME AND PRESERVATION OF EMBROIDERY TRADITIONS

The article considers functioning of folk costume types – traditional, modern and fashionable with ethnic motives of different Mari ethnographic groups under modern conditions. The role of masters, workshops, embroidery circles, festivals and competitions targeting at the development of embroidery and ethnic costumes is described.

Key words: folk costume; traditional embroidery; masters; workshops; circles; designers.

Молотова Тамара Лаврентьевна

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
направления «Этнология» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova

Candidate of History,
Leading Researcher of Ethnology Department
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 391/395(470.343)

ТРАДИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ КОСТЮМА СЕРНУРСКИХ МАРИЙЦЕВ

© 2019 г. Т.Л. Молотова, Л.В. Веткина

В сообщении рассматриваются особенности орнаментации костюма сернурских мариЙцев – способы исполнения вышивки, расположение орнамента на различных формах одежды, цветовая гамма вышивки, ее эволюция; показывается творчество известной вышивальщицы Л.В. Веткиной, восстановившей старинную традиционную вышивку сернурских мари.

Ключевые слова: техника исполнения вышивки; мотивы орнаментации; сернурские мариЙцы; возрастные и социальные отличия в орнаментации.

Традиционная мариЙская вышивка богата, многолика, наполнена образами и символами. Она словно жизнь, расшитая на холсте, хранит память народа, его самобытность, историю наших предков. Вышивка передает не только мастерство вышивальщиц, но и характерные черты быта, ценности, жизненные устои мариЙцев прошлых столетий.

В середине XX в. с появлением современной техники вышивания (болгарский крест, гладь), украшения праздничного костюма монетами, бисером, разноцветной тесьмой, кружевом искусство вышивания по счету нитей с изнаночной стороны было практически утеряно у сернурских мариЙцев. Чтобы восстановить уникальное культурное наследие мариЙского народа некоторые вышивальщицы обратили внимание на традиционную мариЙскую вышивку.

На территории МариЙского края традиционно сложилось несколько территориальных комплексов костюма с характерным женским головным убором. Отличительные особенности в данных костюмных комплексах проявлялись также в определенных типах рубах, кафтанов, в специфике их орнаментации, комплексе украшений, способах ношения отдельных форм одежды и обуви. Уникальность территориальных комплексов костюма строго соблюдалась их носителями в прошлом и принятые формы одежды, украшений, обуви не за-

менялись другими элементами. Естественно, что формы костюма локального комплекса со временем эволюционировали, модернизировались с использованием новых тканей, отделки, красителей, но это происходило в рамках традиций данной территориальной группы.

Характерной особенностью в локальных группах были и представления об этике и эстетике народного костюма, о качестве орнаментации. Группе сернурских мариЙцев, относящихся к *шымакшан мари* (сернурско-торъяльский комплекс), проживающих в настоящее время в северо-восточной части МариЙ Эл, в прошлом был характерен *шымакш* – традиционный женский остроконечный головной убор, от которого и произошло их название. У *шымакшан мари* был свой комплекс традиционного костюма, имеющий особенности в покрое, орнаментации, цветовой гамме, способе надевания костюма, в общей композиции и силуэте.

В пределах костюмного комплекса *шымакшан мари* существовали различия, определявшиеся возрастом носителя, а также функциональным назначением. По составу и орнаментации женского традиционного костюма можно выделить следующую возрастную градацию: 1) до 10 лет; 2) от 10 до 16 лет; 3) возраст девушки-невесты; 4) замужняя женщина молодого возраста; 5) от 40 и далее [Молотова, 1992: 70].

С 10–12-летнего возраста одежда мальчиков и девочек начинает отличаться. С этого момента обязательным для девочек становится ношение онучей с лаптями, усложняется орнаментация одежды, появляются украшения в виде ожерелий из бус и бисера. При достижении 15–16 лет к ее костюму добавляются налобные венчики из бисера и монет (*вуй-шудыи*), шейные ожерелья (*шүшер*), серьги (*көрж*), кольца (*шергаи*), браслеты (*кидшол*). Девушки и молодые женщины уделяли особое внимание красоте и опрятности своей одежды. Тщательно следили за собой девушки-невесты. Если девушка была неряшлива, то окружающие считали, что такая девушка не может стать хорошей женой и хозяйкой [Молотова, 1992:71].

Особым богатством орнаментации и украшений отличался костюм невесты, молодухи. В прошлом молодуха не должна была показываться родственникам мужа без головного убора и обуви. Если она допускала оплошность, т.е. кто-нибудь из старших членов семьи видел ее без обуви и головного убора, то в этом случае она платила своеобразный штраф (дарила платок, рубаху, головной убор и т.п.) [Молотова, 1992: 77–78]. Богатством орнаментации и украшений отличалась одежда женщин фертильного – детородного возраста. Женщины старшего возраста одевались скромно, в их костюме присутствовало минимальное количество украшений.

У каждого этноса существовали свои эстетические представления о цветовой гамме одежды. Так, у марийцев предметы народного костюма: платки, рубахи, головные уборы, летние кафтаны, штаны, передники, были белыми. Белый цвет – древняя специфическая особенность марийского костюма. Белая холщовая одежда марийцев была белой и чистой, ее тщательно и часто стирали. Для придания холсту белого цвета марийки его подвергали долгому трудоемкому процессу отбеливания. Для традиционной одежды марийцев (рубах, легких летних кафтанов) характерен туникообразный покрой. Туникообразная одежда относится к одному из древних типов костюма. Подобный покрой одежды был рационален и прост. Такая одежда была прямоспинной, не отрезной в талии, но удобной и не сковывающей движения,

что было важно при выполнении сельскохозяйственных работ – жатве, косьбе, молотье.

Для каждого территориального костюмного комплекса марийцев был характерен определенный способ ношения отдельных форм одежды. Для туникообразной рубахи (*ныл анан тувыр*) сернурско-торъяльского комплекса одежды было характерно ношение рубахи без напуска. Рубаха была расклешенной за счет клиньев (*велыж*), которые пришивались к основным точкам рубахи со спины. Туникообразный летний кафтан (*шовыр*) также был расклешенным за счет 3–4 клиньев с каждого бока, пришитых у талии, спускающихся к подолу в виде складок. У группы *шымакшан мари* в традиционном костюмном комплексе одежды подчеркивалась талия носительницы, в других территориальных группах поволжских марийцев, наоборот, она была скрыта напуском рубахи или кафтана.

В рубахе с поясом женщина могла находиться только в домашних условиях. Отправляясь на базар, в гости, т.е. выйдя за пределы своего дома, она обычно надевала поверх рубахи передник и кафтан.

В марийском традиционном костюме полагалось не закрывать орнаментированные элементы рубахи. У группы *шымакшан мари* летние легкие кафтаны не закрывали вышивку рубахи ни на груди, ни на концах рукавов, ни на подоле. Кафтаны имели открытый ворот, были короче рубах настолько, чтобы была видна вся вышивка на подоле рубахи. Летний кафтан у мариек ассоциировался с крыльями, поэтому в погребальном комплексе одежды это был обязательный элемент. По древним представлениям с помощью *шовыра*, как на крыльях, душа умершей поднимается в потусторонний мир.

Марийская народная одежда украшалась сложной и богатой вышивкой по счету нитей, которая располагалась на груди, рукавах, подоле и на спине. Красоте, цветовой гамме и качеству вышивки марийки уделяли большое внимание. При обучении вышивке девочкам поручали вышить для себя платье. В 8–10 лет на это у нее уходило много времени, но это учило ее трудолюбию, аккуратности, и она с малых лет осознавала необходимость этого мастерства, так как в будущем должна была одевать всю свою семью. Сложная вышивка

у сернурско-торъяльских марийцев выполнялась по счету нитей с изнанки ткани, и женщины старались, чтобы изнаночная сторона была красивой, на ней не должны были торчать нитки. Если вышивка была исполнена неаккуратно, то о такой орнаментации говорили, что «ворона может застрять лапками в этой вышивке» (*тыгай тўрыште корак йолжо дене пижеи*). Вот поэтому в одежде, преподносимой в качестве подарков на свадьбе, тщательно рассматривали изнаночную сторону вышивки. Искусство вышивки высоко ценилось у марийцев. В приданом невесты красиво вышитая одежда занимала значительное место. Умение красиво вышивать было одним из основных качеств девушки-невесты. У марийцев считалось, что девушка, не владевшая искусством вышивки, непригодна для семейной жизни. Необходимо отметить, домашний холст для одежды традиционно ткали из конопляных нитей и ткань имела малозаметный красноватый оттенок, в отличие от льняного холста, которому был характерен сероватый оттенок. Основным цветом орнамента одежды был красный различных оттенков, который в цветовой гамме хорошо сочетался с конопляной тканью. Орнамент на одежде *шымакшан мари* до середины XIX в. исполнялся шерстяными нитками, а затем шелковыми. С развитием текстильной промышленности в Российской империи в домашнем ткачестве стали применяться фабричные нитки, что сделало ткани тоньше и белее.

Для группы *шымакшан мари* было характерно сохранение в народной одежде своих особенностей покроя, традиционное расположение орнамента на различных формах костюма. Однако старинная вышивка по счету нитей заменилась крестиком из цветных фабричных ниток. Современный народный костюм данной группы из белой ткани, состоящий из рубахи (*шымакшан тувыр*), легкого кафтана (*шовыр*), передника (*ончылсакыш*), богато украшенный вышивкой крестиком, разноцветной тесьмой, лентами, используется как празднично-обрядовый и сценический. Сохраняются и традиционные особенности надевания форм одежды – легкий летний кафтан короче рубахи, чтобы была видна орнаментация подола рубахи, связанная с характерной особенностью костюма этой группы с древности.

Своеобразием отличался и свадебно-праздничный костюм данной территориальной группы луговых марийцев. У исследуемой группы и в современных условиях существует свой традиционный комплекс свадебной одежды, характерной особенностью которого является наличие зеленого свадебного кафтана (*ужсар сывын*) и лисьей шапки (*рывыжупи*). Через функционирование этой одежды носители подчеркивают свой менталитет – принадлежность к определенной территориальной группе луговых марийцев, свои особенности и специфику народного костюма.

В традиционной технике по счету нитей работает Л.В. Веткина. Мастерница отмечает, что в настоящее время для изготовления костюмов помимо холста выбирают двунитку и фабричную редину. Цветовая гамма включает три основных цвета: красными нитками заполняется основной рисунок, черными – выполняется контур, зеленые нитки оживляют узор, придавая ему особый колорит. Традиционная марийская вышивка выполняется по счету нитей ткани с изнаночной стороны без нанесения предварительного рисунка. Данная техника требует высокого мастерства вышивальщицы, умения предвидеть будущий рисунок.

Наиболее сложным приемом традиционной вышивки считается двусторонняя гладь: рисунок композиции передается совершенно одинаково с обеих сторон. В этой технике выполнен свадебный платок *вуйтидыш*, который является точной копией музейного экспоната конца XIX в.

Традиционная марийская вышивка отличается не только выразительной эстетикой, но и смысловой нагрузкой. Символика вышивки предполагает наличие нескольких мотивов. Орнамент марийской вышивки состоит из геометрических, растительных и зооморфных мотивов. Преобладающим является геометрический орнамент; узоры представляют комбинации из прямых и кривых линий, фигур в виде ромбов, квадратов, прямоугольников, наклонных крестов, реже стилизованных кругов, овалов, сложных мотивов, составляемых в различных сочетаниях. Зачастую фигуры снабжаются отростками, крючками ответвлениями, заполняются внутри другими фигурами. Ромб,

как наиболее часто встречающийся мотив у многих народов, связан с символом солнца.

Орнитоморфный мотив в марийской вышивке прослеживается в стилизованном изображении водоплавающих птиц. Домашние птицы (утки, гуси) являются символом плодородия, лебеди передают в вышивке значение женского и мужского начала. Элементы птиц наглядно представлены в свадебном платке луговых мари XIX в. Первый орнаментальный мотив представляет собой восьмилучевую розетку, от которой в диагональном направлении отходят четыре прямые линии («столбы»). Их завершают сидящие на гнезде птицы. Во втором мотиве внутри вышитого ромба изображено сплетение туловищ птиц, что усиливает воспроизводящую значимость птиц для платка невесты.

Следует отметить, что до середины XX в. в Сernурском районе луговые марийцы по-

читали глухаря, считая его родовой тотемной птицей. Фигуры глухаря на свадебном платке окружают мотив, называемый «мировое дерево». Фигура, выполненная в коричнево-зеленых цветах, напоминает букву Ж и символизирует характерные для Поволжья березы и ели.

Таким образом, изучение техники традиционной марийской вышивки, символики и орнаментальных мотивов позволило обновить некоторые предметы этнографии марийского народа. Появилась возможность пополнить фонды музеев воссозданными по образцам XIX в. копиями старинных головных уборов *шымаки*, *шурка*, свадебный платок.

Веткина Л.В. активно обучает молодежь, проводит мастер-классы по освоению традиционной техники вышивания по счету нитей ткани с изнаночной стороны, стараясь сохранить богатое наследие марийской культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Веткина Л.В. Жизнь, расшитая на холсте. Костюмы сernурских мари. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. – 64 с.

Иванова Л. Тувыр, сывын, рывыжупш келшалеш да ургыктат... // Марий Эл. – 2011. – 3 сентября.

Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. – 112 с., ил.

Tamara Molotova, Lidiya Vetkina

TRADITIONAL FEATURES OF THE SERNUR MARI'S NATIONAL COSTUME ORNAMENTATION

The article deals with specific features of the Sernur Mari's national costume ornamentation – how embroidery is performed, how the ornament is done on different types of clothes, its colour scheme and evolution. The article also describes L.V. Vetkina's creative embroidery works, who restored old traditions in embroidery of the Sernur Mari.

Key words: embroidery techniques; ornamentation motives; the Sernur Mari; age-related and social differences in ornamentation.

Молотова Тамара Лаврентьевна

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
направления «Этнология» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova

Candidate of History,
Leading Researcher of Ethnology Department
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Веткина Лидия Васильевна

мастер марийской вышивки,
п. Сernур Республики Марий Эл
e-mail: liduk4232@mail.ru

Lidiya Vetkina

Expert in Mari embroidery,
Sernur, the Republic of Mari El
e-mail: liduk4232@mail.ru

УДК 784.4

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА В МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ МАРИЙЦЕВ

© 2019 г. Н.В. Мушкина

Песни с любовной тематикой получили большое распространение в марийской народно-песенной традиции. Они относятся к более позднему историческому периоду, не связаны с ритуалами, однако истоки берут в обрядовой культуре. Охватывая широкий спектр чувств и переживаний, они более полно раскрывают внутренний мир человека. В каждой этнографической группе сложились свои характерные особенности, касающиеся как поэтики, так и музыкальной стороны песен. Наиболее резкие различия наблюдаются в музыкальной сфере – мелодических, ладовых, композиционных особенностях.

Ключевые слова: любовные песни; образы цветов; протяжные песни; частушки; игра; развлечение.

Песни о любви и дружбе – *йöратымаиш муру* – относятся к одному из жанров необрядовой лирики, составляя самый крупный его пласт. Любовная тематика занимает большое место в песенном фольклоре марийцев. Сфера чувств и переживаний, связанных с отношениями между полами, очень разнообразна и многогранна, что открывает большой простор для фантазии певца.

Марийское слово *йöратаиш* ‘любить’ близко татарскому *ярату*, чувашскому *юрат*, башкирскому *яратам*, удмуртскому *яра*; в целом восходит к древнетюркскому *йарат*. Для обозначения любимого человека у марийцев существует и другой термин – *тан*.

В марийском этномузыкальном знании нет устоявшегося термина для обозначения любовных песен. Исследователи, выделяя их в отдельную группу, каждый раз дают им разные определения: *лирический муру-влак* (лирические песни) [Марий калык муру, 1951]; *йöратымаиш нерген* (лирические песни), *йöла ден йöратымаиш нерген* (обрядово-лирические) [Смирнов, 1955]; *пöртүс, йöратымаиш кумыл нерген муру* [Кульшетов, 1990]; *ильиш, көргö шонымаиш нерген муру* (песни личной лирики) [Герасимов, 1997]; *йöратымаиш муру* (любовные песни) [Шабердин, 1980; Свод марийского фольклора, 2013] и др. Наиболее емкое жанровое определение дал, на наш взгляд, В.М. Васильев, обозначив

эти песни как «*тангыме, йöратыме коклам мурымо*» (песни о дружбе и любви) [Васильев, 1931]. Действительно, темы любви и дружбы в марийской песенности тесно переплетены.

Возникновение жанра лирических песен, как считается, относится к более позднему историческому периоду. По мнению марийского ученого, фольклориста К.А. Четкарева, до начала XVII в. песни мари «не разнообразились в жанровом отношении», существовали лишь военная одноголосная песня, исполняемая группой стрелков, свадебная плясовая, а «лирическую песню могли заменить песни-речитативы, вроде недавно вышедших из обихода песен в древнемарийских сказках и песен с вопросо-ответным исполнением. Затем, в XVII–XVIII вв. на основе этих простых песен сложились протяжные песни – рекрутские, сиротские, лирические» [Марий калык муру, 1951: 30–31].

Истоки лирической песни – в недрах обряда, в календарных, праздничных, свадебных песнях. Так, многие земледельческие обряды календарного цикла часто переплетались с человеческими взаимоотношениями. «Любовные отношения в древнем земледельческом обществе, – пишет Л.В. Покровская, – были моделью, по аналогии с которой осознавались природные связи» [1983: 69]. Например, осенью, на празднике *Удырйушо* часто проводили

смотрины невест; здесь девушки, достигшие совершеннолетия, демонстрировали свои навыки в умении принимать гостей, петь и танцевать. К весенне-летнему периоду (в частности, к *Семыку*), когда природа расцветала, приурочивалось большое количество свадеб.

В отличие от обрядовой песни, где текст и мелодия, манера исполнения регламентируются содержанием, смыслом обряда, песни, не приуроченные к какой-либо ситуации, характеризуются бóльшим образно-поэтическим и музыкальным богатством, расширяют рамки замкнутой системы, присущей обрядовым жанрам.

Следует отметить, что большое значение для характера любовных песен, их поэтического, музыкально-стилевого своеобразия имеет принадлежность к той или иной этнографической группе, а также «возраст» песни – древняя или современная. Для архаичных образцов лирических песен, представленных в основном в источниках XIX в., характерны повествовательность, развернутый поэтический текст, отсутствие строгой рифмы, например:

<i>Шинчылдальым, лўяльым,</i>	Присев, выстрелил я,
<i>Пар пикшыым лўяльым.</i>	Пару стрел выстрелил.
<i>Иктыжым лўйышыым канде вуян шудышко,</i>	Одна попала в траву с голубыми цветками,
<i>Весыжым лўйышыым ужсар вуян шудышко.</i>	Другая попала в траву с зелёными цветками.
<i>Ужаргым чийдымеш, кандым чийыза.</i>	Чем одевать зелёное, голубое наденьте.
<i>Чонем тыйым йўрата.</i>	Душа моя любит тебя.

[Свод марийского фольклора, 2013: 99; Васильев Ф., 1887: 15]

Тематика лирических песен разнообразна, представляет такие грани любовных взаимоотношений, как верность, ожидание, разлука, расставание, обман, ревность, соперничество и т.п.

Большое распространение любовные песни получили в молодежной среде, особенно на различных посиделках и гуляниях, устраивавшихся в деревне. Встречаясь, парень и девушка говорят друг другу о своих чувствах, признаются в любви, клянутся в верности. Жить без любви и дружбы очень трудно, а разлука и расставание ранят душу, заставляют страдать, обжигают сердце – *чоным йўлатат*.

По отношению поющего к адресату любовные песни условно можно разделить на три группы: 1) песни женщин о мужчинах, 2) песни мужчин о женщинах и 3) универсальные песни о любви и дружбе, которые могут исполняться как мужчинами, так и женщинами.

Наиболее значительный пласт любовной лирики – это девичьи и женские песни о мужчинах. Девушки часто жалуются на парней, на их несерьезное к ним отношение, выражающееся в обмане и игре. Например, в следующей песне недолговечная любовь парня сравнивается с цветами черемухи, расцветающими также лишь на некоторое время.

Пример 1.

Шуялтен ♩ = 84

Лом - бо пе - ле - дыш, ош пе - ле - ды - шет, мўкш о - та - лыш пе - ле - ды - шет.

Лом - бо пе - ле - дыш, ош пе - ле - ды - шет, (ы) - жап йот - ке ве - ле о - та - ла.

<i>Ломбо пеледыш, ош пеледышет –</i>	Цветы черёмухи, белые цветы –
<i>Мўкш оталыш пеледышет.</i>	Цветы для обмана пчёл.
<i>Ломбо пеледыш, ош пеледышет,</i>	Цветы черёмухи, белые цветы,
<i>Жап йотке веле отала.</i>	Обманывают только на время.
<i>Мемнан танжат – ломбо пеледыш –</i>	Наш друг, как цвет черёмухи –
<i>Жап йотке веле отала.</i>	Обманывает только на время.

[Свод марийского фольклора, 2013: 154; Васильев, 1937, 2 ч.: 89. Медведевский р., д. Большая Ноля. 1919. Исп. Анна Прокопьевна Шумелёва]

Напев данной песни представляет собой *кужу муро* – протяжную мелодию. Для нее характерны замедленный темп, распевность, широкий мелодический диапазон (ундецима), нечетный пятидольный метр, образующийся из-за удлинения окончаний фраз. Квадратная форма, вопросо-ответное соотношение между предложениями (с реальным ответом), движение мелодии по звукам аккордов или опевание их – черты, характеризующие медведевский музыкальный диалект.

Для девушки парень – это утешитель ее души, защитник, опора:

<i>Тыштат уке веселаже,</i>	И здесь нет веселья,
<i>Туштат уке весела.</i>	И там не весело.
<i>Уло гынат, уло, уке гынат, уке –</i>	Хоть есть, хоть нет –
<i>Йолташемлан ўшанем.</i>	Верю лишь своему другу.

[Зап. автора. 2012. Сернурский р., д. Кучукенер. Исп. Кутузова Анна Григорьевна (1921)]

Но случается так, что парень бросает девушку, и в ней рождается ревность, злость, она проклинает его; в песнях с таким содержанием тексты очень напоминают любовные заговоры и заклинания:

<i>Если йолташем весе дене кутыра гын,</i>	Если мой друг станет общаться с другой,
<i>Йолташыжын ўмыржым лугыч ыштем:</i>	Его подругу я уничтожу:
<i>Икияш воштырым кузе тодыл налам,</i>	Как я сломаю годовалую ветку,
<i>Тудынат ўмыржэ тугак лийже.</i>	Так же пусть ломается её жизнь.

[Свод марийского фольклора, 2013: 211; Галкин, 1976, тетр. 2: 13 об.]

Одним из распространенных символов в любовных песнях является образ яблока. «Яблоко – символ любви и плодородия, обладающий магической силой, характерный для всей Европы» [Шабдарова, 2015: 39].

<i>Мемнан урем ўлыкө тайыл,</i>	Наша улица вниз пологая,
<i>Пар олмаже пар пәрдеш.</i>	Катится по ней пара яблок.
<i>Пар олма гай пар улына,</i>	Как пара яблок, и мы в паре,
<i>Күзе ойырлен каена?</i>	Как же мы расстанемся?

[Айста муралтена, 1991: 83. Параньгинский р., д. Мурзанаево (Янгетсола). Исп. Березина Ольга Федоровна, 1913 г.р.]

С яблоком чаще всего сравнивается лицо любимого человека.

Пример 2.

Икмардан
Умеренно ♩ = 96

Ок-нам по-чын во-зы-нат, кё-лан пись-мам во-зе-нат? Ол-ма шўр-ган, шоп-тыр шин-чан,

көн пи-ал верч шо-чы-нат? Ой, э-нъж-ше, э-нъж-ше, йош-кар тў-сан со-лык гай.

<i>Окнам почын возынат,</i>	Высунулась ты из окна,
<i>Кёлан письмам возенат?</i>	Кому письмо ты написала?
<i>Олма шўрган, шоптыр шинчан,</i>	Слицом, подобным яблоку, глазами, как смородина,
<i>Кён пиал верч шочынат?</i>	На чьё счастье ты родилась?
<i>Ой, энъжше, энъжше,</i>	Ой, малина, малина,
<i>Йошкар тўсан солык гай.</i>	Словно красный платок.
<i>Ой, ўдыржат-моторжат,</i>	Ой, девицы-красавицы,
<i>Кўын шушо мёрё гай.</i>	Вы словно созревшая клубника.

[Свод марийского фольклора, 2013: 118; НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 35, тетр. 1: 1. Мари-Турекский р. 1933. Исп. С.В. Трофимов, колхозник]

Очень распространено сравнение любимого человека с цветком розы, мака, черемухи, сирени и др.

Пример 3.

Му - рем=ро - за пе - ле - дыш да, шуш - ке - м' = ро - за пе - ле - дыш да.

Йö - ра - та - л' - ме йо - л' - та - шем - же = че - ве - р' ма - ке пе - ле - дыш.

Мурем – роза пеледыш да,

Шушкем – роза пеледыш да.

Йöраталме йолташемже –

Чеве́р маке пеледыш.

Тый сиреньжым, мый ломбыжым

Давай тодыл ончена да.

Тый изаж ден, мый шольыж ден

Давай келиен ончена.

Пою я – цветок розы,

Свищу – цветок розы.

Мой любимый друг –

Яркий цветок мака.

Ты сирень, а я черёмуху

Давай попробуем сломать.

Ты со старшим братом, а я с младшим братом

Давай попробуем подружиться?

[Свод марийского фольклора, 2013: 225; Зап. автора. Параньгинский р., д. Мурзанаево. 2008. Исп. Романова Римма Петровна (1945)]

Данная мелодия относится к сернурскому музыкальному диалекту: строится на «сернурском звукоряде», имеет «малую» квадратную форму, «руническую» композицию, неширокий диапазон (большая секста).

Сравнение любимого существа со цветком характерно также для другого финно-угорского народа – венгров. У них существует отдельный жанр «цветочных песен» (вроде немецких *Buhlenlied* XVI в. – мирских любовных песен), которые «с удивительной откровенностью повествуют о любовных отношениях» [Кодаи, 1961: 118].

Образы цветов присутствуют во многих марийских любовных песнях, например:

Парняштет уло ший шергаи,

Модылдымаш вереш йомылден.

Йомылдымаш верже пале вер –

Күжиö курык вуйышто сяксаите.

На пальце твоём серебряное кольцо

Потерялось на месте игр.

Место потери известно –

Среди цветов на вершине холма.

[Васильев, 1931: 119. Урал марий гыч (от уральских марийцев)]

Песни парней, обращенные к девушкам, часто носят несколько шуточный, ироничный и даже язвительный характер. Молодые люди часто несерьезно относятся к своим подругам, которые воспринимаются ими лишь как развлечение, игра – *модыш*:

Ошак-ошак шовычышым

Шовын ден мушдеак пидыда мо?

Чеверак-чеверак чеве́р шовычышым

Чиялтыдеак пидыда мо?

Чарла марийын үдыржö ден

Йöратыдеак модыда мо?

Белый-белый платок

Повяжете, не постирав с мылом?

Яркий-яркий платок

Повяжете, не покрасив?

С девушками царевкокшайских мари

Будете играть, не любя?

[Свод марийского фольклора, 2013: 101; Евсеев Т. Муро орланге: 346. Зап. Т. Евсеев. Медведевский р., д. Поланур. 1907]

Идеалом девушки у мужчин считается сероглазая красавица-блондинка – *шара шинчан ош мотор*, с волосами, белыми как кудель (*үнет ошо, күляш гае*), губами, тонкими словно лист (*түрвет вичкыж, лышташ гае*), и станом, подобным дягилю (*шымавуч гай капкылан*).

Пример 4.

$\bullet = 54$

Гар - мо - не - тын йўк - шō ян - дар, ко - лыш - тал - мет ве - ле шу - а - леш.
 Тү - сет мо - тор, мо - гай че - вер, он - ча - лал - мет ве - ле шу - а - леш.
 Ё - пет о - шо, кү - ляш га - е, ни - ял - тал - мет ве - ле шу - а - леш.
 Түр - вет вич - кыж, лыш - таш га - е, шуп - ша - лал - мет ве - ле шу - а - леш.

*Гармонетын йўкшō яндар,
 Кольшталмет веле шуалеш.
 Түсет мотор, могай чевер,
 Ончалалмет веле шуалеш.
 Ёпет ошо, күляш гае,
 Нияталмет веле шуалеш.
 Түрвет вичкыж, лышташ гае,
 Шупшалалмет веле шуалеш.*

Звук твоей гармонии ясный,
 Так и хочется слушать.
 Внешность у тебя красивая, такая яркая,
 Так и хочется смотреть.
 Волосы твои светлые, словно кудель,
 Так и хочется погладить.
 Губы твои тонкие, как листок,
 Так и хочется поцеловать.

[Свод марийского фольклора, 2013: 133; Cheremis Folksongs, 1971: 268. Моркинский р., д. Себеусад. 1958. Исп. Казакова О.Н. (1938)]

Мелодия по своим характеристикам близка описанной выше медведевской протяжной «Ломбо пеледыш».

Образец моркинской частушки *лудыш муро* д. Большие Шали:

Пример 5.

$\bullet = 126$

Ший шер - га - шем и - зи ма - нын, чий - де ит кошт, йол - та - шем.
 То - ра у - лат, у - жын ом керг, ит ку - дал - те, йол - та - шем.
 Вүд дек ка - яш = вүд ту - ра, кү - зап ок лий = сер ту - ра.
 Эх, йол - та - шем, то - ра у - лат, у - жаш ок лий = чон йў - ла.

Ший шергашем изи манын,
 Чийыде ит кошит, йолташем.
 Тора улат, ужсын ом керт,
 Ит кудалте, йолташем!
 Вүд дек каяш – вүд тура,
 Күзаш ок лий – сер тура.
 Эх, йолташем, тора улат,
 Ужаш ок лий – чон йўла.
 Ший шергашем ший вуян –
 Шортньо шергашлан йбра.
 Йбратыме йолташемже
 Шымавуч гай капкылан.

Говоря, что подаренное мною серебряное
 колечко мало,
 Не ходи, не надевая его.
 Ты далеко, увидеться не можем, –
 Не бросай меня, моя подруга!
 Плыть по реке – вода крутая,
 Наверх не подняться – берега круты.
 Ах, подруга, ты далеко:
 Не увидеть – душа болит.
 Колечко мое серебряное – с серебряной головкой,
 Сойдет и за золотое.
 У моей любимой подруги
 Фигура подобна дягилю.

[Свод марийского фольклора, 2013: 204–205; Фонотека. Диск 7. Моркинский. 1-04. Зап. Егоров В.Л., Степанов Ю.А. и др. Моркинский р., д. Большие Шали. 1970]

Мелодия песни имеет плясовой характер, представляет моркинский музыкальный диалект, имеющий следующие особенности:

- ладовая основа – ангемитонный *звукоряд «d»* (по М.Г. Кондратьеву [1995: 87]), известный в марийском этномузыкознании как «медведевский звукоряд»;
- структура квадратного периода, состоящего из двух предложений;
- кварто-квинтовое соотношение между построениями;
- широкий диапазон мелодии – дуодецима.

В горномарийской музыкальной культуре неприуроченные лирические песни составляют центральный и наиболее развитый пласт. «Одни и те же песни могли звучать в разные календарные сезоны и в различных жизненных ситуациях: на молодежных посиделках *шйинзйишволкы* в любое время года, на гуляньях, приуроченных к крупным церковным праздникам – Рождеству, Пасхе, Троице, на свадебных застольях, проводах в армию, а также во время летнего сенокоса или других полевых работ» [Белогурова, Смирнова, 2015: 91].

Горномарийские лирико-любственные песни демонстрируют довольно развитую традицию. Для них характерно разнообразие тематики и сюжетных линий. Из песен узнаем, что молодежь часто знакомилась на ярмарках.

Пример 6.

А - тя-мьн пёрт - шй кечй гыц тупынь шйн-зә, а - тя-мьн пёрт - шй кечй гыц тупынь шйн - зә.
 А - я - рым уж-де-лам, са-ры я - жо ли-де-лам, а - я - рым уж-де-лам, са-ры я - жо ли-де-лам.

<i>Атямьн пёртишй кечй гыц тупынь шйнзә.</i>	– 2 гәнә	Дом моего отца стоит не на солнечной стороне.
<i>Аярым ужделам, сары яжо лиделам.</i>	– 2 гәнә	Не видела солнца – не выросла блондинкой красивой.
<i>Авәмьн кудывичй пушйнгьбёмь.</i>	– 2 гәнә	Двор мамы моей без деревьев.
<i>Бімьлём ужделам, кужы вйцкбйж лиделам.</i>	– 2 гәнә	Не видела тень – не стала высокой и стройной.
<i>Бзәмьн капка – рушла капка.</i>	– 2 гәнә	У брата ворота русские.
<i>Капка анзык ләкделам, солайлым шйм пәлй.</i>	– 2 гәнә	Не стояла у ворот – не знала, что за люди в селе.
<i>Бзәмьн садвичй кок карем гач.</i>	– 2 гәнә	У снохи сад – через два оврага.
<i>Садвичйш миделам, йәл корным шйм пәлй.</i>	– 2 гәнә	Не была в саду – не знала, где тропинка.
<i>И гыц ишкй йәрмингә шоэн лези.</i>	– 2 гәнә	Каждый год проходит ярмарка.
<i>Йәрмингәш каштделам, млоец тәнгьбём шйм пәлй.</i>	– 2 гәнә	На ярмарке не была – с парнем не познакомилась.
<i>Арня вуй гыц арня вуйыш пазар шоэн лези.</i>	– 2 гәнә	Каждую неделю бывает базар.
<i>Пазарыш миделам, вьдёр тәнгьбём шйм пәлй.</i>	– 2 гәнә	На базар не ходила – с девушкой не познакомилась.

[Мари муро, 1919: 36; Васильев, 1937, 2 ч.: 78]

Горномарийским лирическим песням присущи следующие черты:

- многострофная строфа, построенная по принципу многочленного параллелизма;
- внутрострофовая композиция поэтического текста типа **а а в в**;
- квадратность формы, вопросо-ответное соотношение двух предложений (тональный ответ);
- в мелодии используется движение по звукам аккордов, скачки на широкие интервалы;
- широкий амбитус мелодии.

Таким образом, в музыкально-стилевом отношении мелодии марийских народных песен различаются в зависимости от принадлежности к той или иной этнографической группе.

Часто любовные песни носят шуточный, ироничный характер. Особенно ярко это выражено в коротких песнях частушечного типа – *лудыш муро, такмак-влак*. В основе стиха таких песен лежит 4-дольный хорей.

*Айда, йолташ, вўдлан волаш
Тошкалтышым ыштена.
Айда, йолташ, келшен илаш
Договорым ыштена.*

Давай, дружок, чтобы спуститься за водой,
Построим лестницу.
Давай, дружок, чтобы жить дружно,
Заклучим договор.

[Китиков, 1988: 26. Медведевский р., д. Какшансола. 1988. Исп. Смирнова Нина Ивановна]

Из песен узнаем, что девушки часто ставят себя наравне с молодыми людьми:

*Тангем кемым чиялеш гын,
Мыят кемым чиялам.
Тангем весым ончалеш гын,
Мыят весым ончалам.*

Если мой друг наденет сапоги,
И я сапоги надену.
Если мой друг посмотрит на другую,
И я посмотрю на другого.

[Айста муралтена, 1991: 126. Записал С.С. Сабитов в 1990 г. от студентов МарГУ]

Ансамблевое, групповое исполнение лирических песен отличается от сольного. В ансамблевом исполнении часто наблюдаются черты гетерофонии. В приведенном ниже примере запекает песню пожилая женщина, ее подхватывают женщины среднего возраста:

Пример 7.

Ош ку - эш - те ош пе - ле - дыш пе - лед ок керт ни - гу - нам.

Эх, йо - л - та - шем, мы - й - же ты - йым мон - ден ом керт ни - гу - нам.

*Ош кузште ош пеледыш
Пелед ок керт нигунам.
Эх, йолташем, мыйже тыйым
Монден ом керт нигунам.*

На белой березе белые цветы
Никогда не могут расцвести.
Эх, друг мой, я тебя
Не могу забыть никогда.

[Зап. автора. 2014. На Пеледыш пайреме. Исп. группа женщин д. Верхний Кугенер Сернурского района]

Любовно-лирические песни восточных мари, проживающих в Татарстане и Башкирии, несколько отличаются от луговых и горномарийских. Они испытали большое влияние соседних турецких народов. Особенности восточномарийских песен *кужу муро* (протяжные песни):

- замедленный темп, распевность;
- переменный метр, прихотливая ритмика, обусловленные импровизационно-повествовательной манерой исполнения;
- преимущественно 3-частная мелодическая композиция – **а в в**;
- ладовая основа – *пентатоника «g»* либо ее параллель – *пентатоника «e»*;
- сравнительно широкий мелодический диапазон;
- широкое употребление мелизматике и украшений.

Пример 8:

Эркын
Медленно. С грустью ♩ = 72

Кү - за - ла - льым = ку - рык=лай, во - ла - льым = о - лык.
Ош - кы - ла - льым Ош Ви - че вўд вок - тен.
Шем кож-лаш - ке пур - мем го - дым кўр - лын на - льым ик ол - мам.
Эй, са - гы - на - лам мый та - нем.

Кўзалалыым – курык-лай,

Волалыым – олык.

Ошкылалыым Ош Виче вўд воктен.

Шем кожлашке пурьмем годым

Кўрлын налыым ик олмам.

Эй, сагыналам мый танем.

Поднялась – гора,

Спустилась – луга.

Пошла вдоль реки Белой.

Когда зашла в темный лес,

Сорвала одно яблоко.

Ой, стосковалась я по любимому.

[Смирнов, 1951: 157–158. Башкирия, Калтасинский р. 1947. Исп. Тихонова Асия Сайрановна, уроженка с. Калтасы]

Итак, марийские любовно-лирические песни отличаются большим жанровым и стилевым многообразием. При опоре на обрядовую традицию, в поэтике и музыкальном содержании песен наблюдается расширение средств художественной выразительности, обогащение тематики и образной системы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Айста муралтена. Марий калык муро ден такмак-влак / сост. С.С. Сабитов. – Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1991. – 192 с.

Белогурова Л.М., Смирнова А.Н. Лирические песни горных мари: искусство транспозиции // Вопросы этномузыкознания. – 2015. – № 3. – С. 90–112.

Васильев В.М. Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо. – М.: Центриздат народов СССР, 1931. – 189 с.

- Васильев В.М.* Марий муро. Ч. 1. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1937. – 148 с.
Васильев В.М. Марий муро. Ч. 2. 1937 // МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 4.
Васильев Ф. Грамматика черемисского языка. Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии. – Казань: Православ. миссион. об-во, 1887. – 197 с.
Галкин Г.К. Марий муро-влак. В 2-х тетр. Советский район. 1976 // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 887.
Герасимов О.М. Элнет кундемын поянлыкше. – Йошкар-Ола: МПИК, 1997. – 240 с.
Евсеев Т. Муро орланге // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 2196.
Китиков А.Е. Материалы научной полевой экспедиции // МФЭ-88, № 159.
Кодаи З. Венгерская народная музыка. – Будапешт: Корвина, 1961. – 186 с.
Кондратьев М.Г. Основные свойства чувашской пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры. – Казань: Казанская гос. консерватория, 1995. – С. 86–91.
Кульшетов Д.М. Шернур корнет. – Йошкар-Ола, 1990. – 357 с.
Мари муро. Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. – Казань: Типо-литография университета, 1919. – 98 с.
Марий калык муро. Марийские народные песни / сост. В.Ф. Коукаль. Ред. и вст. ст. К.А. Четкарева. – М.-Л.: Музгиз, 1951. – 340 с.
Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 67–90.
Свод марийского фольклора. Песни луговых мари. Ч. 2. Необрядовые песни / сост. Мушкина Н.В. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. – 502 с.
Смирнов К.А. Олык марий муро. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1955. – 228 с.
Смирнов К.А. Эрвел марий муро. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1951. – 184 с.
Фонотека МарНИИЯЛИ в дисках.
Шабдарова Л.Е. Проблемы марийского фольклора и литературы. Избранные труды. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 38–41.
Шабердин И.Г. Шернур вел калык муро. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1980. – 144 с.
Этнай Я.А. Марий калык муро. 1955. В 2-х тетр. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 35.
Cheremis Folksongs bi László Vikár and Gábor Bereczki. – Budapest. Akadémiai Kiadó, 1971. – 544 с., илл.

Natalya Mushkina

LOVE LYRICS IN MUSICAL MARI TRADITIONS

Songs about love are widespread in Mari folk songs. They belong to a later historical period but being not connected with rituals find their sources in them. Embracing a large spectrum of feelings and emotions they reveal person's inner world more deeply. Each ethnographic group has its peculiar features concerning poetics as well as music. The most significant differences are observed in musical sphere – melodic, modal and compositional characteristics.

Key words: love songs; images of flowers; continuous songs; chastushka; game; entertainment.

Мушкина Наталья Валерьевна
научный сотрудник
направления «Этнология» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола,
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

Natalya Mushkina
Researcher of Ethnology Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

УДК 27:391/395(343+344)

МОНОТЕИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ И МАРИ

© 2019 г. Н.С. Попов

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проявлениями монотеистических тенденций в религиозных представлениях чувашей и мари, подчеркивается влияние мифологических представлений о демиургах, а также ислама и христианства на формирование образа Единого Бога.

Ключевые слова: монотеизм; политеизм; религиозные воззрения чувашей и мари; верховные божества *Кугу Юмо, Турй*.

Чуваши и мари в процессе тесного исторического и этнокультурного взаимодействия выработали не только типологическую, но и генетически родственную культуру, что отразилось в их хозяйственной деятельности и материальной культуре, языке, религиозных воззрениях, фольклоре, этномызыке и т.д. О схожести религиозных представлений этих народов отмечали многие исследователи XVIII–XIX вв. [Георги, 1795; Золотницкий, 1875; Магницкий, 1881; Миллер, 1791; Смирнов, 1889; Фукс, 1840]. В работах Н.И. Золотницкого, И.Н. Смирнова [Золотницкий, 1877; Смирнов, 1889] подчеркивалось влияние болгаро-чувашских религиозных традиций чувашей на марийскую религию. При этом авторы чаще всего опирались на результаты сравнительно-сопоставительного анализа языкового материала.

Углубленное сравнительное изучение чувашского и марийского пантеона еще только начинается. Пионерами оказались языковеды. В кандидатской диссертации В.В. Ивановой «Теонимы в чувашском и марийском языках: опыт сопоставительного анализа», защищенной в 2011 г., была предпринята попытка выявить существующие параллели в сакральном ономастиконе живущих в тесном соседстве народов [Иванова, 2011]. Одной из задач ее работы было установление иерархии в пантеоне теонимов чувашского и марийского языков [Иванова, 2011: 6]. Иванова В.В. отметила наличие в названиях богов многих семантических совпадений, часть из которых встречается

и в лексике других народов. Она выявила соответствие фонетической структуры чувашских теонимов фонетическим особенностям марийского языка [Иванова, 2011: 227]. По мнению автора, формированию одинакового образа Бога в чувашской и марийской лингвокультурах способствовали близость культурного развития, сходный образ жизни, единое когнитивное пространство [Иванова, 2011: 226]. Опыт языковеда подтверждает важность этнографического и историко-сопоставительного анализа пантеона богов чувашей и мари.

В данной статье автор поставил перед собой цель изучить особенности проявлений монотеистических тенденций в религиозных представлениях марийцев и чувашей. О проявлениях монотеистических представлений у чувашей и мари в научной литературе можно встретить немало интересных, порой противоречивых высказываний. Это и не удивительно, ибо в народных представлениях о божествах древние религиозно-мифологические воззрения причудливым образом переплелись с финно-угорскими, древнеиранскими, тюркскими, славянскими верованиями, традициями ислама и христианства. К тому же, как отмечал немецкий этнолог Пауль Эрнрайх, «вопрос о происхождении идеи Бога и отношении богов в менее или более развитых культурах друг к другу, как и вообще вопрос о ходе развития от первоначальных этапов до Бога в религиях откровения является труднейшим в истории религии вообще» [Цит. по: Зёдерблом, 1998: 272].

Вопрос о происхождении представлений о *Турӑ* (*Торӑ*) у чувашей и *Юмо* у мари долгое время рассматривался с двух противоположных точек зрения: теологического и эволюционистского. В.А. Сбоев, Н.И. Золотницкий, В.М. Черемшанский, А.Н. Филимонов, Г.Я. Яковлев и другие исследователи, придерживающиеся теологического понимания религии как божественного откровения и признающие истинной религией только христианство, считали, что эти народы в древности поклонялись Единому Богу [Золотницкий, 1875: 145; Сбоев, 1865: 101, 149; Филимонов, 1868: 132; Черемшанский, 1859: 175; Яковлев, 1887: 5]. Яковлев Г.Я., например, писал: «Можно предположить, что черемисы в древности поклонялись единому Творцу вселенной; но смотря на прекрасные творения Божии и желая выразить величие, могущество и славу Его, придавали Ему единому различные названия, выражающие разные проявления Его могущества, каковы суть: владыка и предопределитель мира, бог или творец солнца, и подобные имена» [1887: 5].

Представители эволюционной школы этнографии доказывали, что возникновению монотеизма предшествовали анимизм, фетишизм, тотемизм, культ племенного божества, политеизм, и только после этого сформировался образ Верховного божества – прообраз Единого Бога. Этой точки зрения придерживались С.А. Нурминский [1862: 250–277; 1893: 12], П.В. Знаменский [1867: 37]. Фукс А.А. на основе собственных наблюдений за жизнью крестьян отметила, что чувашаи в первой половине XIX в. оставались многобожниками [1840: 49]. Последовательным сторонником эволюционного развития религиозных представлений марийцев был И.Н. Смирнов. По его мнению, марийский *Юмо* воплощал небо, богом он стал восприниматься в условиях финно-угорской общности. Смирнов был склонен считать, что уржумские марийцы даже в конце XIX в. не знали абстрактного образа бога, представляли его лишь в облике видимого неба [1889: 169].

Часть исследователей религиозных верований народов Поволжья утверждала, что чувашаи и марийцы достигли уровня монотеизма благодаря влиянию православия и ислама. Еще

в 1877 г. священник П.М. Мальков, описывая мифологические представления симбирских чувашей, отметил, что под влиянием христианства божество *Торӑ* обрело черты Единого Бога и стало восприниматься как воплощение «всех прежних языческих божеств» [Мальков, 1877: 10]. Другой священник А.В. Рекеев писал, что чувашаи не многобожники, верят только в одного Бога, называемого *Аслӑ Турӑ* [1896: 338]. Автор охарактеризовал его как «Бог истинный», «Бог великий, милостивый». Других же божеств, почитаемых чувашами, он отнес к разряду духов. В то же время Рекеев отметил, что чувашаи не хотят отказываться от почитания божеств земли, воды и других явлений природы, признают их творческую созидательную силу, деятельность по возрождению и продолжению жизни на земле, увеличению плодородных сил природы [Рекеев, 1896: 338].

На роль ислама в развитии религиозных представлений чувашей впервые обратил особое внимание венгерский ученый Дюла Месарош. В своей работе, написанной в 1909 г. на основе собственных полевых исследований, он утверждал, что чувашам характерно единобожие. По его мнению, культ единого Бога *пер Турӑ* (единственный бог), известного в народе под названиями *Сюлти Турӑ* (Всевышний, Верховный Бог), *Ман Турӑ* (Великий Бог), *Чун сортатакан Турӑ* (порождающий, создающий души Бог), а также как бог, порождающий детей, хлеба, домашних животных, жильё, имущество, пчел, птиц и других, сформировался у чувашей под влиянием ислама [Месарош, 2000: 21–22].

Вопрос о проявлениях монотеизма в религиозных представлениях мари и чувашей продолжал обсуждаться и в XX в. Этому способствовали труды автора концепции прамотеизма Вильгельма Шмидта [Schmidt, 1933]. Идеи В. Шмидта не получили поддержки со стороны большинства его современников – этнографов и религиоведов, в советское время их подвергли критике и местные ученые [Капустин, 1968: 34; Макаров, 1976: 173]. Тем не менее они получили дальнейшее развитие в работах философа, культуролога религии Мирча Элиаде. Известный ученый в своих исследованиях обращал внимание и на культ Верховных

божеств чувашей и мари [Элиаде, 1994: 143; 1999: 69]. Автор считал, что маришцы и чувашаи поклонялись Единому Богу еще на начальных этапах своей истории, а многобожие у них развилось в результате утери древних религиозных традиций. Сторонники прамотеизма выделили несколько этапов перехода архаического сознания от прамотеизма к политеизму. Они считали, что обезличивание образа пророческого Бога привело к зарождению образов множества богов – олицетворений природных сил. Почитаемая природа чаще всего мыслилась как богиня-мать, как общая родоначальница всех живущих на земле [Элиаде, 1994: 54]. В дальнейшем появляются образы других божеств. В то же время сохраняются отголоски представлений о первоначальном Боге, воспринимаемых религиозным сознанием как некая мировая духовная сила.

В советское время в изучении религиозных представлений чувашей и мари господствовала эволюционная точка зрения. Маторин Н.М., например, утверждал, что маришцы, чувашаи, удмурты остались политеистами, не приняли идею единобожия, троичности бога [1929: 44]. С критикой идеи чувашского первоначального монотеизма выступил П.В. Денисов [1959: 350–351]. Ярыгин А.Ф. считал, что дохристианская религия маришцев в своем развитии не достигла монотеизма [1976: 36]. По его мнению, образ бога *Кугу Юмо* сформировался у маришцев до установления этнокультурных контактов с тюркскими племенами. Ярыгин писал: «Кугу Юмо не получил такого оформления, как Аллах, Саваоф или Будда. Он остается примерно на том же уровне как Нишке и Шкай у мордвы, Инмар у удмуртов, Сўлти тура у чуваш. Кугу Юмо не является творцом мира и человека...» [1976: 43].

Современные исследователи пытаются глубже осознать происходящие перемены в религиозном сознании чувашей и мари, увидеть особенности проявления монотеистических тенденций в религиозных представлениях народов. Чувашский философ-религиовед Г.М. Матвеев в своей докторской диссертации отметил, что чувашаи имели представления о «единственном Боге Великом Властителе Вселенной» [2007: 218]. Он утверждает: «В ми-

ропонимании чувашей существует только один главный Бог, которому поклоняются все остальные боги» [Матвеев, 2007: 219]. В то же время автор вынужден был заметить, что надеваемые Всевышнему Богу *Турь* эпитеты могли восприниматься верующими и как самостоятельные божества [Матвеев, 2007: 220].

В отличие от Г.М. Матвеева, этнолог и религиовед А.К. Салмин считает, что «религии чувашей свойственна политеистическая система» [2007: 21]. Он убежден в том, что чувашская религия, несмотря на влияние монотеистических традиций ислама и христианства, не достигла монотеизма [Салмин, 2007: 382]. Поэтому чувашаи, исповедующие народную религию, в его работе названы многобожниками [Салмин, 2007: 385]. Эту точку зрения поддерживает и культуролог Н.И. Герасимова [2017: 30]. По ее мнению, религиозное сознание чувашей «двигалось от абстрактного обожествления природных стихий и явлений через их постепенную антропоморфизацию и персонализацию к созданию божественного пантеона, наконец, приходу к мировым монотеистическим учениям» [Герасимова, 2003: 46]. Автор отметила, что новые теонимы создавались верующими в результате конкретизации известных до этого представлений о почитаемых божествах. Это, по мнению Герасимовой, является косвенным свидетельством наличия прамотеистического мышления в религиозном сознании чувашей [Герасимова, 2003: 51], сохранившейся общечеловеческой памяти о едином прародителе всего сущего [Герасимова, 2003: 64].

Вопрос о политеистичности или монотеистичности чувашской народной религии все еще остается предметом обсуждения исследователей [Никитин, 1999: 249–255; Чувашская мифология, 2018: 45]. В современном религиоведении этому вопросу не придается столь существенное значение, ожесточенные споры по этому поводу уже не ведутся. Современное религиоведение не дает однозначного ответа на вопрос: что является первичным – монотеизм или политеизм? Религиоведы, стоящие на позициях первичности монотеистических верований, утверждают, что знания о вселенском Боге-творце известны почти всем неписанным народам [Зубов, 1997: 186]. По их

мнению, информация о всемогущем, предвечном Творце распространилась по Земле гораздо раньше библейских откровений. Как считает А.Б. Зубов, «Бог Творец – это и не поздний плод религиозного развития... не активный Бог «первобытного откровения»... не вывод философствующего дикаря. Это Бог забытый... не отвергнутый. Бог палеолита, неолита» [1997: 194].

В этом высказывании автора проявляется его стремление увидеть глубинные истоки монотеистических воззрений. Сам А.Б. Зубов не разъясняет, что он имеет в виду под «богом забытым». Чтобы понять его происхождение, важно, на наш взгляд, обратить внимание на мифологические представления о творцах демиургах – первопредках, прародителях. Именно их усилиями или же в результате их жертвоприношения, согласно древним мифам, создается (творится) мир, Вселенная. В финно-угорских мифах говорится, что мир зародился из яйца, землю достали со дна первичного океана водоплавающие птицы (у марийцев – утки) [Первухин, 2005: 7]. В мифологических рассказах демиурги выступают в качестве помощников божества или же как его зримое воплощение.

Немаловажным фактором, способствующим зарождению веры в Бога, вмещающего в себя Абсолют, Космос, Небо, по мнению Г.Е. Шкалиной, могли стать представления о единстве Мира, Вселенной, человека, выступающих как воплощение невидимого единого живого организма [2000: 39]. Марийцы верили в существование «Ю» – неведомой духовной субстанции, живительной силы, мощи, олицетворяющей «нечто всеобъемлющее, что заслоняет все пространство, стоит надо всем и царит во всем, соединяет человека и мир, убирает ограниченность, одномерность человеческого сознания...» [Шкалина, 1999: 69]. Ю, по мнению Г.Е. Шкалиной, близко по своему значению и смыслу к таким понятиям, как «дао», «прана», «манна», «оренда», «ваги» [2000: 39].

Из этих примеров видно, что монотеистическое сознание или представления о Боготворце имеют многотысячелетнюю историю, ибо «желание культивировать чувство трансцендентного» является самой главной особенностью человека [Армстронг, 2012: 30].

Монотеизм – понятие, обозначающее веру в одного единственного Бога-творца – «Высшую Сущность, божественную Личность, сотворившую мир и все, что в нем» [Армстронг, 2012: 11]. Монотеизм признает только почитание одного Бога, одну форму поклонения, не признает культ других богов. Монотеистические религии опираются на божественное откровение, отрицают существование неподконтрольных Творцу сил.

В традиционных политеистических религиях можно проследить некоторые проявления монотеизма. Выделяются такие переходные ступени от политеизма к монотеизму, как монолатрия и генотеизм. Под монолатрией принято понимать веру во множество богов с одним выделившимся Верховным божеством. Понятием генотеизм определяется вера в то, что богов может быть много, но сам верующий предпочитает взаимодействовать только с одним из них, которого он признает как «Бога вообще», «Бога всего на свете, Бога, наделенного свойствами, качествами, ролями других богов» [Рейвен, 2015: 19–20].

Большинство современных ученых считает, что монотеистические тенденции впервые проявились в бронзовом веке в ближневосточных религиях [Райт, 2012: 97]. На территории Поволжья отголоски влияния монотеистических традиций прослеживаются довольно давно. По мнению марийских археологов, образ племенного главного божества, тесно увязываемого с культом солнца, сформировался еще в раннем железном веке под влиянием религиозных представлений степного и лесостепного населения индоиранского мира [Большов, 2007: 24]. В эпоху средневековья у марийцев проявился культ верховного бога Юмо. Правда, его влияние, как считают археологи, ограничивалось рамками территориальных религиозных общин. К тому же марийский пантеон на том этапе не мог иметь четкой структуры [Большов, 2004: 456].

На основе имеющихся исторических свидетельств можно достоверно говорить о том, что марийцы и чуваше ко времени присоединения края к России верили в разумное начало Юмо, Туря (Торя), сотворившее мир и человека из небытия, придавшее с помощью неведомой силы (у марийцев – Ю) движение миро-

зданию, одухотворившее его. Эти племенные божества олицетворяли собой небеса, явления и силы природы. Они заботились о благе и долгосрочной перспективе человека и мира в целом. Люди воспринимали их как воплощение святости, мудрости, обладающие недоступными человеку знаниями о мире, обществе, будущем, о неведомых взаимосвязях и взаимовлияниях разнообразных сил, причин и следствий. Согласно народным верованиям, эти божества могущественны, но не беспредельны, действуют в соответствии со складывающимся естественным порядком вещей, подчинены законам Вселенной. Они, как показывают мифологические рассказы, ограничены в своих возможностях, могли действовать исходя из собственных представлений, которые оказываются за пределами понимания человека [Лаптев, 1861: 482; Марий калык, 1991: 23–33].

В народной религии чувашей и мари отчетливо прослеживается проявление монолатрии и генотеизма. По мнению чувашей и мари Бог один, но имеет разные имена и проявляется по-разному.

Каждый этнос вырабатывал свои представления о верховном небесном божестве, главенствующем над другими божествами и духами [Георги, 1795: 31, 39]. Эти представления у чувашей и мари, как видим, во многом тождественны, что объясняется сходным уровнем социально-экономического развития этносов, их этногенетическими связями, тесными этнокультурными контактами.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. *Кугу Юмо* (Великий Бог) марицам казался божеством могущественным, благим, «бессмертным, благодетельнейшим существом» [Фукс, 1840: 183], управляющим вселенною [Вишневский, 1858: 209], дающим людям счастье и благополучие, защищающим их от зла [Миллер, 1791: 37–38]. Управлять земными делами *Кугу Юмо* помогали подчиненные ему божества, сам же он только наблюдал за жизнью на земле и следил за правильностью действий своих помощников. Помощниками *Кугу Юмо* считались его мать (жена – ?) (*Юмын Ава*) – прообраз Великой Богини-Матери, от которой зависит продолжение рода человеческого [Вишневский, 1858: 209], творец-предопределитель (*Пурьшо*), пророк (*Пи-*

амбар), докладчик (*Витнызые*), ангел (*Суксо*), хранитель (*Серлагыш*). В состав семьи *Кугу Юмо*, по мнению В.П. Вишневского, входили также божество, управляющее небесами и миром (*Тюнча Юмо*), бог грома (*Кудырчө Юмо*), богиня рождения, заботящаяся об увеличении семьи и домашней скотины (*Шочын Ава*) и богиня земли (*Мланде Ава*) [Вишневский, 1858: 209–210]. *Кугу Юмо*, по представлениям марицев, вел типично крестьянский образ жизни: держал скот, растил хлеб [Нижегородские марицы, 1994: 33]. Марицы считали, что дочь *Кугу Юмо* – *Юмынудыр* вышла замуж за марица и этим закрепила родственную связь *Юмо* с народом [Марий калык, 1991: 78–82]. Подобные мифологические рассказы сохранились и среди чувашей [Матвеев, 2007: 222]. В мифологических преданиях марицев и чувашей говорится, что небесный бог периодически спускался на землю, чтобы оказать помощь людям. Согласно марицким мифологическим преданиям, бог специально спустился на землю, чтобы посетить марицкое моление. Однако верующие не смогли полностью угодить ему, вследствие чего народ не получил независимой жизни [Нижегородские марицы, 1994: 33–36; Ситников, 2006: 148].

Марицкий Верховный Бог в разных местах мог называться по-разному. Горные мари его почитали под именем владыки и хранителя мира и вселенной (*Сандалыкым Кычен Урдышы*) [Знаменский, 1867: 42]. Луговые марицы Казанской губернии во второй половине XVIII в. творцом неба и земли называли *Тинзябыр Юмо* (*Тюня поро Юмо* – букв. Доброе божество мира) [Рычков, 1770: 78]. В некоторых источниках в качестве Бога Вселенной упоминается *Мер Юмо* [Иванов, 2013: 328]. Восточные мари в это же время своим верховным божеством считали бога-творца и предопределителя (*Пуйуршо Юмо*) и подвластных ему пророка (*Пиамбар*) и ангела (*Шукчо*).

Из работы Н.П. Рычкова видно, что среди восточных мари второй половины XVIII в. существовали отличия в культовой практике мужчин и женщин. Он писал, что женщины молились отдельно от мужчин небесным богиням: Солнца (богиня семейного согласия, счастья и богатства), *Каба* (защитница от бо-

лезней, нужд и напастей), Деторождения (*Кугу Шочын Ава*) и богине-покровительнице гадальщиц *мужанче* [Рычков, 1770: 83–85]. Подтвердить это сообщение современными этнографическими материалами не удастся. Однако, без всякого сомнения, можно утверждать о том, что по мере усиления влияния монотеистических религий, восприятия этнокультурных традиций соседних народов происходило дальнейшее обогащение образа Верховного Бога.

Чуваши своего Верховного Бога *Турӑ* (чуваши-анатри), *Торӑ* (чуваши-вирьялы) представляли примерно так же, как и мариццы. Его они называли *Џӹлти Турӑ* – высшее божество, *Мӑн Турӑ* – великий бог, считали, что он воплощает вечное, всемогущее начало, обитает на небесах. Чуваши, как и мариццы, подверглись большому влиянию ислама и христианства. Поэтому в характеристике чувашского Верховного божества нередко можно встретить понятия и термины, присущие монотеистическим религиям. Так, *Турӑ* чуваша считали всевышним, великим, всеблагим, вседержателем, в верховном свете почивающим, главенствующим над всеми другими божествами и стихиями. Он творец мира, человека, 77 народов и языков. *Турӑ* – властитель и распорядитель мира (мироправитель) [Вишневский, 2004: 178], определяет счастье людей, воплощает высшую справедливость. Он предопределил и упорядочил жизнь на земле, утвердил ритуалы и праздники [Салмин, 2007: 388–389]. Управлять земной жизнью, защищать и охранять жизнь на земле ему помогают другие божества [Миллер, 1791: 43]. Одним из воплощений *Турӑ* является бог-громовержец *Аслати*, с помощью которого Верховное божество преследует воплощения зла на земле.

Турӑ, как и *Кугу Юмо*, имеет мать (*Ама*), а также отца и детей. Ему помогают *Кене* (*Кебе*) – божество судьбы, *Пӹлӹх* – вестник, предписатель участи (сравни марицское божество *Пӹрышӹ*), *Пихампар* – божество, раздающее людям душевные качества, сообщающее пророческие видения, *Хӹрпан* (возносящее жертву *Турӑ*) и др. [Иванов, 2016: 121, 137]. Чувашские божества *Пӹлӹх* и *Пихампар* имеют определенное сходство с членами семьи *Юмо* не только в названии, но и в функциональном их назначении, а божество *Хӹрпан* напоминает известное мариццам слово *курбан* (жертво-

приношение). В отличие от *Юмо*, чувашскому верховному божеству прислуживали многочисленные его помощники: «предстоящий», «предшествующий», «отворяющий двери», «затворяющий двери», «божье дуновение», «милость», «производящий силу», «посылающий силу», «гнев божий», «божие наказание» и др. [Никольский, 2004: 94]. Мариццы подобными помощниками наделяли племенное божество *Кугурак* (Старейшина), образ которого начал формироваться в период зарождения марицского этноса [Ярыгин, 1976: 30–31, 36].

Изучение этнографических материалов по религии чувашей и мари показывает, что по мере укрепления государственной системы управления крестьянами, распространения ислама и христианства, расширения этнокультурных контактов вырабатывалось представление о признаваемом всеми народами и религиями Едином Боге, которого приверженцы каждой религии представляли по-своему. Этому в немалой степени способствовало то, что служители церкви понятия *Юмо*, *Турӑ* использовали для обозначения христианского Единого Бога [Вишневский, 2004: 209; Филимонов, 1868: 132]. Соответственно, Верховным божествам стали приписываться качества идеального Бога, всеведущего и вседержителя, покровительствующего не только своему, но и многим другим народам [Нурминский, 1862: 25]. Более явно стали проявляться начатки иерархии богов. Одновременно формировались образы новых божеств, дополняющих, расширяющих представления о Верховном Боге. Так, в первой половине XIX в. у мариццев зародились образы новых божеств: *Тӹн Юмо* (Бог изначальный), почитаемых первыми обитателями земли [ГАКО. Ф. 237. Оп. 132. Д. 1303: 43]; *Тӹнямбал Кугу Юмо* (Великий бог над всей планетой), *Тӹнямбал Шочын Ава* (Великая богиня рождения над всей планетой). Как видим, мариццы пытались внедрить в свою религиозную практику культ божества, покровительствующего всему миру [Емельянов, 1922: 21].

Исследуемые народы каждый по-своему, в то же время примерно одинаково, развивали образ Верховного Бога, символизирующего не только безостановочный процесс творения, возрождения и созидания, но и представления о мировом порядке, идеале, высшей справедливости на земле.

Формированию образа Единого Бога способствовала и культовая практика. Чуваши, марийцы во время коллективных молений стремились одновременно умиловить всех наиболее важных почитаемых божеств. Во время всемарийского моления 3 декабря 1828 г. в роще возле д. Куприяново было совершено одновременно жертвоприношение 99 божествам при 134 огнищах [Андриевский, 1999: 172, 173]. Нередко имена почитаемых божеств одновременно озвучивались во время марийских праздников.

Распространению монотеистических представлений способствовало усиление миссионерской деятельности монотеистических религий. Приверженцы народной религии, защищая свою веру от критики церковнослужителей, нередко заявляли, что Бог один, лишь вера разная, веры все угодны Богу, поэтому нельзя отказываться от своей религии [Вишневецкий, 1858: 209]. При этом последователи народной религии хотели видеть свое Верховное божество всеобщим признанным. Марийцы, например, думали, что именно *Юмо* распределил каждому народу свою, характерную только ему, веру. Он же якобы периодически созывал к себе национальных богов, чтобы творить суд за периодически возникающие между ними ссоры [Знаменский, 1867: 39]. Подобные представления были характерны и для чувашей.

Большие перемены в деле постижения монотеистических идей марийцами произошли под влиянием нововведений организаторов религиозной секты «Кугу Сорта». Сектантам удалось заметно сократить количество почитаемых божеств. В основу учения секты была положена идея единого Бога [Васильев, 1927 а: 140]. Показательно в этом отношении письмо сектантов, где отмечалось: «Наша вера есть только всевышнему пренебесному богу, не позволяем себе поклонения какому-нибудь кумиру или предку, поэтому бог есть один и ни что-либо другое, а как только дух, и находится выше нас, т.е. на небесах» [ГАКО. Ф. 582, Оп. 74. Д. 1: 47].

В 1890 г., по словам местных служителей церкви, сектанты якобы отказывались признавать троичность Бога, говорили, что Бог-Отец выше Сына-Бога и Святого Духа. Христа же они не считали богом, потому что «имел плоть, страдал и умер, что не характерно Богу»

[ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 335: 2 об.]. Кугусортинцы считали, что Бог-Отец благословил держать языческую веру праведникам, один из которых – Авраам был марийцем. Отсюда они делали вывод, что их вера восходит к временам праотца Авраама [ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 496: 13].

В 1918 г. кугусортинцы говорили В.М. Васильеву, что Бога они представляют тройко. В первой ипостаси единого бога ими выделены такие его аспекты, как «изначальность» (*Тун тунгалтыш*), «сотворение жизни» (*Тун илыш кугу юмо*) и «предопределение всего сущего» (*Кугу Пуйрыкшо*). В этих определениях слово «Тун» используется вместо привычного понятия «Юмо». Первая ипостась Бога кугусортинцев дает возможность представить его как изначального, извечного, единственного творца жизни, всемогущего предопределятеля и создателя. Во второй его ипостаси выделяется изначальное существующая Великая прама-терь, сотворившая основы жизни и наделившая жизнью Бога. В третьей ипостаси выделяются изначальные существующие и породившие Бога мужское и женское родительские начала.

Сектанты, согласно В.М. Васильеву, считали, что Бог, сотворив мир, продолжал помышлять о нем, для чего создал 17 положительных (созидательных) мужских и женских начал – повседневных творцов. Десять из них причислены к разряду высших (небесных) начал, а 7 – к низшим (земным).

К числу «высших» первоначал были отнесены образы создателей – предопределятелей (*Пуршо*), небесных сил: солнца, звезд, грозы, молнии, облаков, рождающей матери (*Илыкш Шочын Ава*) и пятницы (по-видимому, результат переосмысления почитаемого среди русских крестьян образа Параскевы Пятницы и пятничных дней). К числу «низших» – земных первоначал, отнесен человек, точнее начало, творящее человека испокон веков, руководящее и властвующее над ним. Остальные 6 «начал»: творческая первооснова конопли, хлеба, дерева, пчел, скота, трав, по мнению сектантов, находились под контролем и влиянием человека [Васильев, 1927 б: 32].

Благодаря нововведениям кугусортинцев, в XIX в. среди марийцев получает признание культ Единого Бога *Тун Ош Кугу Юмо* (Единый Светлый Великий Бог). Его марийцы ста-

ли считать вечным, всемогущим, вездесущим, всеведущим и всеправедным Богом.

Поиски образа Единого Бога на базе традиционных религиозных верований среди мариЙцев продолжаются и в наши дни. Своего Верховного Бога современные почитатели мариЙской религии представляют в образе 9 божеств-ипостасей. Их условно можно подразделить на 3 группы. Первая группа отвечает за спокойствие, процветание и наделение энергией всего живого. Это Бог Светлого Мира (*Тўня Юмо*), животворящий бог (*Илян Юмо*), божество творческой энергии (*Агавайрем Юмо*). Во вторую группу отнесены божества, отвечающие за милость, праведность, согласие в мире – Бог судьбы предопределения и созидания жизни (*Пўршў Юмо*), всемилостивый бог (*Кугу Серлагыш*) и Бог согласия и примирения *Мер Юмо*. Третью группу составляют божества, способствующие утверждению на земле благодати, регулярному и своевременному возрождению жизни и сохранению ее неиссякаемости, а также богини рождения, земли и изобилия [Попов, Таныгин, 2003: 132].

Единого Бога современные мариЙцы воспринимают как бесконечный источник бытия. Представление о нем постоянно меняется, развивается, совершенствуется. Его верующие представляют как покровителя всего мироздания, человечества [Попов, Таныгин, 2003:

133]. Вместе с этим не исчезает культ и других божеств. Во время коллективных молений жертвы приносятся не одному только *Кугу Юмо*, но и другим божествам перед пятью семью и более священными деревьями.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о проявлениях монолатрии и генотеизма в религиозных воззрениях чувашей и мари. Они своего Единого Бога видели «как бы через тусклое стекло, гадательно...» [Первое послание, гл. 13: 12] Вопреки признанию тезиса о наличии в мире Единого Бога, мариЙцы до сих пор в своей культовой практике остаются приверженцами многобожия. В то же время верующие приложили немало усилий, направленных на то, чтобы познать образ этого, Единого для всех народов и религий, Бога. Духовному поиску способствовали мифологические представления о демиургах, единстве мира, Вселенной, человека – воплощений единого живого организма. Развитие монотеистических воззрений чувашей и мари происходило главным образом под влиянием ислама и христианства. Религиозный опыт мариЙцев по формированию образа Единого Бога на основе традиционных религиозных представлений свидетельствует о том, что монотеистические воззрения на базе политеизма могут сформироваться лишь при наличии соответствующих социально-политических условий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- А.А. Андриевский о Всемарийском языческом молении 1828 года в Вятской губернии. Подготовка текста, предисловие и примечания А.Г. Иванова // *Марийский археографический вестник*. – 1999. – № 9. – С. 169–186.
- Армстронг К.* Биография Бога: Все, что человечество успело узнать. – М.: Эксмо, 2012. – 430 с.
- Большов С.В.* Древние культовые памятники Марий Эл (К реконструкции мифологической картины мира древнего населения края) // *Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов*. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 454–456.
- Большов С.В.* Археологические культовые памятники как источник реконструкции древних верований (эпоха камня – ранний железный век) // *К истории межконфессионального согласия: Материалы Республиканской науч.-практ. конф. «Межконфессиональное согласие как фактор общественной модернизации»*. – Йошкар-Ола: МПИК, 2007. – С. 8–28.
- Васильев В.М.* Марийская религиозная секта «Кугу сорта» // *Марий Эл*. – Апрель-июнь, 1927 а. – № 7–9. – С. 133–163.
- Васильев В.М.* Марийская религиозная секта «Кугу сорта». – Краснококшайск: Маробиздат, 1927 б. – 84 с.
- Вишневский В.П.* О религии некрещеных черемис Казанской губернии // *Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом*. Вып. IV. – СПб., 1858. – С. 209–218.
- Вишневский Виктор.* Письменная культура раннего просветительства. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 608 с.
- ГАКО. Ф. 237. Оп. 132. Д. 1303.
- ГАКО. Ф. 582. Оп. 74. Д. 1.
- ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 335.
- ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 496.

- Георги И.Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. О народах финского племени. – СПб.: Имп. академия наук, 1795. – 76 с.
- Герасимова Н.И.* Культуроросизидательная роль религии в процессе формирования чувашского этноса. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. культурологии. – Киров, 2003. – 195 с.
- Герасимова Н.И.* Мифологические универсалии традиционных чувашских верований // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2017. – № 3 (95). – Ч. 2. – С. 30–36.
- Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 408 с.
- Емельянов А.И.* Языческие моления черемис в д. Нурумбал Себе-Усадской волости Краснококшайского уезда Казанской губернии 26–27 сентября 1919 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXXI. Вып. 4. – Казань, 1922. – С. 7–39.
- Зёдерблом Н.* Становление веры в Бога // Мистика, религия, наука. Классики мирового религиоведения. – М.: Канон, 1998. – С. 263–314.
- Знаменский П.В.* Горные черемисы Казанского края // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. Второй год. Т. IV. Декабрь. – СПб., 1867. – С. 30–71.
- Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань: Типография императорского университета, 1875. – 280 с.
- Золотницкий Н.И.* Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Из лекций в Казанском миссионерском институте. – Казань: в Университетской типографии, 1877. – 27 с.
- Зубов А.Б.* История религий. Книга первая. Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 344 с.
- Иванов А.Г.* Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начало XX вв.). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 544 с.
- Иванов В.П.* Пантеон богов в чувашской мифологии (к вопросу ранжирования иерархии) // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: Материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 октября 2015 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – С. 121–137.
- Иванова В.В.* Теонимы в чувашском и марийском языках: опыт сопоставительного анализа. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Чебоксары, 2011. – 262 с.
- Капустин Н.С.* Пережитки древних религиозных верований и борьба с ними. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. – 60 с.
- Красников А.Н.* Методологические проблемы религиоведения: учебное пособие. – М.: Академический Проект, 2007. – 239 с.
- Лантев М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. – СПб.: Печатано в военной типографии, 1861. – 634 с.
- Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии В. Магницким. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. – 268 с.
- Макаров Д.М.* Культ дерева у народов Поволжья и Приуралья // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Сборник статей. Вып. 4. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1976. – С. 173–194.
- Мальков П.М.* Симбирские чувашы и поэзия их. – Казань: Тип. император. ун-та, 1877. – 39 с.
- Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 288 с.
- Матвеев Г.М.* Мифоязыческая картина мира этноса (на примере чувашской мифологии и язычества). Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра фил. наук. – Чебоксары, 2007. – 338 с.
- Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество – Ислам – Православие – Сектанство. – М.: Безбожник, 1929. – 176 с.
- Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.
- Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1791. – 101 с.
- Нижегородские марийцы. Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев / сост. Н.В. Морохин. – Йошкар-Ола: Министерство культуры РМЭ, 1994. – 249 с.
- Никитин В.П.* Табуированный пантеон чувашской религии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 248–259.
- Никольский Н.В.* Собрание сочинений в четырех томах. Том I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 527 с.
- Нурминский С.А.* Очерки религиозных верований черемис // Православный собеседник при Казанской духовной академии. – 1862. – Часть III. – С. 240–296.
- Нурминский С.А.* Секта «Кугу сорта» среди черемис Яранского уезда. – Вятка: Типография Маишеева, 1893. – 24 с.

- Первое послание к коринфянам // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. По заказу Казанской епархии. – Казань: Татарское газетно-журнальное изд-во, 1994. – С. 1256.
- Первухин В.Я.* Мифы финно-угров. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2005. – 463 с.
- Попов Н.С., Таныгин А.И.* Юмын йўла. – Йошкар-Ола: Марий Эл Республикысе тўвыра да калык кокласе кыл шотышто министерство. Республикысе усталык рўдер, 2003. – 272 с.
- Райт Р.* Эволюция Бога: Бог глазами Библии, Корана и науки. – М.: Эксмо, 2012. – 608 с.
- Рейвен Кальдера.* Что такое Боги и как с ними быть. – М.: Thesarus Deorum, 2015. – 222 с.
- Рекеев А.В.* Из чувашских преданий и верований // Известия по Казанской епархии. – 1896. – № 18. – С. 337–341.
- Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1770. – 189 с.
- Салмин А.К.* Система религии чувашей. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.
- Сбоев В.* Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. – М.: Типография С. Орлова. 1865. – 188 с.
- Ситников К.И.* Словарь марийской мифологии. Том I. Боги, духи, герои. – Йошкар-Ола, 2006. – 159 с.
- Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань: Тип. император. ун-та, 1889. – 212 с.
- Филимонов А.* О религии некрещеных черемис и вотяков Вятской губернии // Вятские епархиальные ведомости. – 1868. – № 8. – С. 131–139.
- Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань: в типографии Императорского Казанского ун-та, 1840. – 329 с.
- Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Типография Оренбургского губернского правления. 1859. – 179 с.
- Чувашская мифология: этнографический справочник. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 591 с.
- Шкалина Г.Е.* Традиционная культура в современном самосознании народа мари // Вестник Марий Эл. – 1999. – № 3. – С. 68–73.
- Шкалина Г.Е.* Марийское язычество – феномен современной культуры // Этнологические проблемы в поликультурном обществе: Материалы Всероссийской школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность». Йошкар-Ола, 28–29 июня 2000 г. Вып. I. – Йошкар-Ола: Мар. гос. пединститут, 2000. – С. 37–47.
- Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 423 с.
- Яковлев Г.Я.* Религиозные обряды черемис. Издание Православного миссионерского общества. – Казань: Тип. и литография В.М. Ключникова, 1887. – 87 с.
- Ярыгин А.Ф.* Современные проявления дохристианских верований марийцев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. – 76 с.
- Schmidt W.* Der Ursprung der Gottesidee. Bd. 4. – Münster, 1933. – 831 с.

Nikandr Popov

MONOTHEISTIC TENDENCIES IN CHUVASH AND MARI BELIEFS

The article considers questions connected with monotheistic tendencies in the religious beliefs of the Chuvash and Mari. It emphasizes the impact of mythological beliefs about demiurges, Islam and Christianity on the formation of the image of the One God.

Key words: monotheism; polytheism; religious beliefs of the Chuvash and Mari; presiding deities of *Кугу Юмо*, *Турӓ*.

Попов Никандр Семенович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
направления «Этнология» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола,
e-mail: popovnik50@mail.ru

Nikandr Popov
Candidate of History,
Senior Researcher of Ethnology Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: popovnik50@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.151

К ЮБИЛЕЮ Л.А. АБУКАЕВОЙ

© 2019 г. В.Н. Максимов

25 декабря отмечает свой юбилей ученый-лингвист, фольклорист, переводчик Любовь Алексеевна Абукаева, доктор филологических наук, доцент. Она автор более 140 научных и учебно-методических работ, в том числе четырех монографий по проблемам марийской лексикологии, грамматики, диалектологии, исторического и экспрессивного синтаксиса марийского языка, марийского фольклора, также изданий лексикографического, учебно-методического характера; постоянный участник республиканских, всероссийских и международных научных форумов.

Любовь Алексеевна родилась в 1969 г. в деревне Новоключево (Шаде Шогертен) Мишкинского района Башкирской АССР. Примечательно, что деревня эта находится около горы Абыкай, на берегу реки Шады, в удивительно

красивом и живописном месте. Именно здесь зародилась её любовь к фольклору, поэзии и культуре родного народа.

В воспитании будущего ученого большую роль сыграли бабушки Ёялче и Айвыкеч, которые знакомили её с фольклором, историей, культурой местных мари, богатством родного языка. Будучи ученицей 6 класса Чебыковской средней школы, Любовь перевелась в школу № 73 города Уфы в связи с переездом родителей. В 1987 г. окончила вышеназванную школу с серебряной медалью и поступила на филологический факультет Башкирского государственного университета, где начала активно заниматься родным языком, литературой и фольклором. В 1990 г. была направлена на обучение в Марийский государственный университет. В 1992 г. получила диплом с отличием по специальности «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы».

После окончания Марийского государственного университета с 1992 г. начала свою трудовую деятельность в alma mater на кафедре русского и общего языкознания. С 1992 по 2019 г. работала в Марийском государственном университете (преподаватель кафедры русского и общего языкознания (1992–1993), заведующая кабинетом финно-угорской филологии (1995), старший преподаватель кафедры русского и общего языкознания (1997–1998), доцент кафедры русского и общего языкознания (1999–2001), с 2001 по 2004 г. – докторант кафедры финно-угорских языков; профессор кафедры русского и общего языкознания (2006–2017), с 2017 по 2019 г. – заведующая научно-образовательным

центром языковых технологий «Марий йылме», профессор кафедры марийского языка и литературы). В настоящее время – главный научный сотрудник отдела этнологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Научная деятельность профессора Л.А. Абукаевой весьма многогранна. Она распространяется на различные области языкознания. Её талант и жажда творчества привели сначала в аспирантуру, а потом в докторантуру Марийского университета. В 1996 г. она досрочно защитила кандидатскую диссертацию («Принципы классификации и история сложноподчинённых предложений нерасчленённой структуры в марийском языке»), научным руководителем был доктор филологических наук, профессор Ю.В. Андуганов. В 2005 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Экспрессивные синтаксические конструкции в марийском языке».

Абукаева Л.А. проводит научные исследования по актуальным проблемам марийской, финно-угорской и сопоставительной филологии. В марийской фольклористике впервые исследовала жанр запретов, опубликовала с переводами на русский язык тексты свадебных и гостевых песен восточных (мишкинских) мари.

Абукаева Л.А. вносит значительный вклад в подготовку высокопрофессиональных специалистов и научно-педагогических кадров, являясь руководителем аспирантов, членом диссертационных советов Д 212.301.03 по защите диссертаций при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, Д 212.117.09 при Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарёва. Под ее руководством защищены две кандидатские диссертации (О.Г. Рубцова – «Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)» (Чебоксары, 2016); А.А. Фокина – «Фразеологизмы с соматическим компонентом голова / вуй / head в разноструктурных языках (на материале русского, марийского и английского языков)» (Чебоксары, 2017).

В соответствии с современными требованиями активно разрабатывает и внедряет в процесс обучения и воспитания студентов и аспирантов инновационные технологии и методы обучения. Подтверждением служат тренинги риторики, проводимые для студентов,

аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации, специалистов министерств и ведомств Республики Марий Эл.

Абукаева Л.А. проводит фундаментальные исследования в рамках грантов: 1) «Запреты в системе воззрений мари: лингвопрагматический аспект» (грант Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований, 2016–2017 гг.); 2) «Марийские гостевые песни в контексте традиций гостевания» (грант Российского фонда фундаментальных исследований, 2019 г.). Рецензирует и редактирует монографии, словари, сборники научных трудов и материалы конференций.

Абукаева Л.А. осуществляет научные разработки по актуальным проблемам прикладной науки: 1) «Ойөрö: кугезе ой да илыш умылымаш» (Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности, 2007 г.); 2) «Мишкан мари уна муро» (Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности, 2008 г.); 3) «Словарь сравнений марийского языка» (Государственная программа Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы», подпрограмма: Этнокультурное развитие, межнациональные и межконфессиональные отношения в Республики Марий Эл, 2018 г.).

Абукаева Л.А. – постоянный участник теле- и радиопередач, культурных и общественно значимых мероприятий, посвященных вопросам сохранения марийской культуры и марийского языка. Она инициирует создание общественно значимых проектов и оказывает им всемерную поддержку (Воскресные курсы по изучению марийских традиций, курсы специалистов в сфере межнациональных и религиозных отношений, Фонд сохранения и развития нематериального культурного наследия мари «Ош кече» и др.).

Любовь Алексеевна Абукаева проводит лингвистические экспертизы текстов на русском и марийском языках, результаты которых способствуют укреплению межнациональных отношений.

Абукаева Л.А. – член редколлегии журналов, рецензируемых ВАК («Вестник Марийского государственного университета», «Вестник Чувашского государственного уни-

верситета), заместитель главного редактора журнала «Финно-угроведение», член Совета научного направления «100200 – Языки и литература народов России и зарубежных стран» (Марийский государственный университет), член Ученого совета МарНИИЯЛИ, член Правительственной комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл, эксперт РФФИ.

Читатели также знакомы с ее поэтическим творчеством. В 2018 г. был опубликован сбор-

ник «Эре ўшаныме шуэш» («И хочется верить всегда»).

За профессиональные достижения награждена почетными грамотами Государственного Собрания Республики Марий Эл (2006, 2012), Марийского государственного университета (2016) и медалью «Служение народу» в честь 100-летия Марий Эл. Петров Иван Петрович (1893–1938).

Кужу ўмыран, таза лийза! Марий йылмышанче Тендан дене кугешна.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Ойёрö молан туныкта? // Марий Эл учитель. – 1991. – № 3. – С. 52–54.

О генезисе подчинительных отношений в марийском языке // Финно-угроведение. – 1995. – № 3–4. – С. 79–87.

Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в марийском языке // Финно-угроведение. – 1996. – № 1. – С. 23–38.

Генетические связи простых и сложных предложений (на материале топонимических и исторических легенд и преданий) // Марийское краеведение в школе: материалы науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 35–40.

Использование компьютерной программы в исследовании синтаксиса марийского языка // II Вавиловские чтения. Материалы постоянно действующей Всероссийской междисциплинарной научной конференции. – Ч. I. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 261–262.

Из истории сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры в марийском языке // Финно-угроведение. – 1997. – № 3. – С. 26–38.

Функционирование присубстантивно-определятельных предложений в марийском языке // Материалы Международного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век» // Финно-угроведение. – 1999. – № 2–3. – С. 198–200.

Семантика синтаксических фразеологизмов оценки в марийском языке // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. – Саранск, 2000. – С. 20–22.

Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в марийском языке. – Йошкар-Ола, 2000. – 98 с. Национальное самосознание и культура речи мари // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ. – Казань, 2002. – С. 173–174.

Синтаксические фразеологизмы отрицания в русском и марийском языках // Сопоставительная филология и полилингвизм. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Казань, 2002. – С. 3–5.

Экспрессивные синтаксические конструкции в современной марийской прозе // Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности. Материалы постоянно действующей Всероссийской междисциплинарной научной конференции. Ч. I. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 246–248.

Именительный представления как конструкция экспрессивного синтаксиса в марийском языке // Финно-угроведение. – 2003. – № 1. – С. 46–56.

Словарь синтаксических фразеологизмов марийского языка. – Йошкар-Ола, 2004. – 48 с.

Синтаксические фразеологизмы в марийском языке. – Йошкар-Ола, 2005. – 192 с.

Фразеологизированные конструкции со значением оценки как соответствия норме в русском и марийском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2005. – Вып. 4. – С. 107–111.

Выражение необходимости, целесообразности синтаксическими фразеологизмами в марийском языке // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 38–40.

Фразеологизированные конструкции со значением несогласия, неприятия, отрицания в марийском языке // Лингвистика-Уралика. – 2006. – № 2. – С. 94–102.

Заимствованные теонимы в марийском языке // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы Региональной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Л.П. Грузова. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 37–40.

Репрезентация эмоций в романе Я. Ялкайна «Круг» // Башкортостан и Марий Эл: Исторический опыт и перспективы сотрудничества: Материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Первого Всероссийского съезда мари. – Бирск, 2007. – С. 136–142.

Фразеологизированные конструкции со значением множественности в марийском и мордовских языках // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: Материалы Междунар. науч. конф. – Казань, 2007. – Т. 2. – С. 35–36.

Ойёрб: кугезе ой да илыш умылымаш. – Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тўвыра, печать да калык коклае паша шотышто министрствыже. Республикысе калык усталык рўдер, 2007. – 48 с.

Экспрессивные синтаксические конструкции в прозе М. Кудряшова // VII Игнатевские чтения. Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования. Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 6–13.

Писатели Марий Эл: Библиографический справочник. – Йошкар-Ола, 2008. – 752 с. (Соавт. Абукаев В., Васинкин А., Соловьев Ю.).

Репертуар синтаксических фразеологизмов марийского языка // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика. IV часть. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. – С. 170–179.

Словообразовательные модели марийских теонимов // Материалы студенческой научной конференции по итогам НИР. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 5–9 (Соавт. Александрова Е.А.).

Структура синтаксических фразеологизмов множественности в марийском и мордовских языках // Проблемы сохранения культуры и языка в условиях глобализации: Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья». – Казань: КГУ, 2009. – С. 11–13.

Фразеологизированные конструкции с нормативно-оценочным значением в русском и марийском языках // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новаторство): Материалы Международной научной конференции. – Ижевск, 2009. – С. 687–694.

Прагматический аспект употребления фразеологизированных конструкций в марийском языке // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Материалы Международной научной конференции. – Чебоксары: ЧГНИИ, 2009. – С. 51–52.

Компаративные конструкции в сборнике В. Колумба «Порылык» («Доброта») // Третьи Флоровские чтения. Материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 75-летию удмуртского поэта Ф.И. Васильева. – Глазов, 2009. – С. 138–140.

Символы в свадебных песнях восточных мари // Концепция мира и человека в русской и зарубежной литературе. Материалы I Всероссийской науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 279–286.

Принципы формирования моделей синтаксических фразеологизмов в марийском языке // Материалы VIII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья». – Йошкар-Ола, 2011. – С. 13–18.

Компонеты ал, гўл в частушках мишкинских мари // Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения: Материалы Всероссийской научной конференции. Йошкар-Ола, 16 сентября 2010, МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 7–12.

Синтаксические фразеологизмы со значением выделения в марийском языке // Динамика структур финно-угорских языков. Материалы Всероссийской финно-угорской языковедческой конф. – Сыктывкар, 2011. – С. 34–39.

Словообразовательные особенности марийских языческих теонимов // Материалы Международной науч.-практ. конф. (3–4 декабря 2011 г.) «Язык и литература в поликультурном пространстве». – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2011. – В. 7. – С. 14–17.

Фразеологизированные синтаксические конструкции с союзными постоянными компонентами в марийском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2. www.science-education.ru/102-5795

Репрезентация образа адресата в величальных песнях восточных мари // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. <http://www.science-education.ru/103-6015>

Выражение положительного эмоционально-оценочного значения в марийском языке // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 195–199 (соавт. Романова М.М.).

Сегментированные конструкции в марийском языке // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции. (19–21 октября 2011 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2012. – С. 83–86.

Образ адресата в свадебных песнях мишкинских мари // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: Материалы IX Всероссийской науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 138–146.

Конструктивный повтор в марийской прозе // Третьи Грузовские чтения: новации и традиции филологической науки: материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Л.П. Грузова. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 5–8.

Языковая репрезентация категорий адресанта и адресата в текстах марийских заговоров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5. – Ч. 2. – 13–15.

Семантическая характеристика названий лекарственных растений в разнотипных языках (на материале русского, латинского, марийского и немецкого языков) // Вестник удмуртского университета. – 2013. Сер. 5: История и филология. Вып. 2. – С. 47–55 (соавт. Глизерина Л.М., Рубцова О.Г.).

Выражение субъективно-модальных значений фразеологизированными конструкциями в марийском языке // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Международного симпозиума, Саранск, 13–15 июня 2013 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 133–139.

Языковая репрезентация образа адресата в марийских гостевых песнях // XIII Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Республиканской ежегодной науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Л.П. Васиковой. – Йошкар-Ола, 2014. – С. 18–27.

Концепты шўм / чон ‘сердце / душа’ в сборнике Вячеслава Абукаева «Вўротыза» («Мозоли на сердце») // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 97–101.

Структура и семантика многосоюзных конструкций в марийском языке // Ашмаринские чтения: Материалы Международной науч.-практ. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2014. – С. 48–51.

Культовые запреты в системе воззрений мари // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 72–76.

Конструкции с именительным представлением в марийском языке // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. – Петрозаводск, 2014. – С. 157–159.

Запреты в системе марийских календарных праздников // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/121-18405> (дата обращения: 08.04.2015) (Соавт. Фокина А.А.).

Лингвистика и фольклористика: взаимосвязи и взаимодействие // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 61–64.

Symbols in Mari Wedding Songs // Mediterranean Journal of Social Sciences. Rome, Italy 2015. – Vol. 6, No. 3, June 2015 28 29 Supplement 7. – P. 17–20.

Концепт родо-шочшо ‘родные/ близкие’ в марийских гостевых песнях // XV Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Международной науч.-практ. конф. «Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья» (Козьмодемьянск, 21–22 мая 2015 г.). – Йошкар-Ола, 2016. – С. 74–80.

Культ земли в запретах финно-угров // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сборник статей / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 232–235.

Экспрессивные синтаксические конструкции в романе С.Г. Чавайна «Элнет» // Марийская словесность в контексте развития культур народов Урало-Поволжья: материалы конференций. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 8–17.

Запреты марийского свадебного обряда // XVII Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной Региональной науч.-практ. конф. с международным участием «Горные мари в поликультурном пространстве», посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, почетного профессора МарГУ Л.П. Васиковой. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 180–186.

Роль родного языка в формировании коммуникативных универсальных учебных действий в школе // Марийское краеведение: опыт и перспективы развития: Материалы XXIV республиканской науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 3–5.

Запреты в системе воззрений мари. – Йошкар-Ола, 2018. – 204 с.

Средства создания комического в пьесе Вячеслава Абукаева «Изуремыште кугу сўан» // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 167–168 (соавт. Александрова Е.А.).

Компаративные модели и образы в восточномарийских величальных песнях // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 124–130.

Эпистолярная тема в марийских частушках // Финно-угроведение. 2018. – № 1. – С. 115–118.

Экспрессивные синтаксические конструкции в романе С. Чавайна «Элнет» // Марийская словесность в контексте развития культур народов Урало-Поволжья. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. – С. 8–17.

Концепт йылме ‘язык’ в языковой и обыденной картинах мира мари // Финно-угорский мир. – 2018. – № 3. – С. 6–12.

Гостевые песни мари как особая форма фольклорной коммуникации // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: Материалы VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. – С. 369–374.

Репрезентация традиций гостеприимства в марийских гостевых песнях // Вестник Марийского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 220–227.

Фактор адресата в марийских гостевых песнях // Урал–Алтай: через века в будущее: Материалы VIII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) «Урал–Алтай: через века в будущее», посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана, Героя Социалистического Труда Мустая Карима. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. – С. 366–371.

Словарь сравнений марийского языка. – Йошкар-Ола, 2019. – 493 с. (соавт. Чемышев А.В., Митрускова А.А.).

Гостевые песни мари как особая форма фольклорной коммуникации // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы. Материалы VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Ижевск, 2019. – С. 369–374.

Лексикографическая репрезентация концепта юмо ‘бог’ // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2019. – С. 40–44.

Афористичность марийских и чувашских гостевых песен // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: Материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. – Чебоксары: ЧГИГН, 2019. – С. 206–212.

Максимов Валерий Николаевич

кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы Марийского государственного
университета, г. Йошкар-Ола
e-mail: sernur@rambler.ru

Valery Maksimov

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Mari language and literature,
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sernur@rambler.ru

УДК 902(470.343)

А.В. МИХЕЕВУ – 50© 2019 г. **В.В. Никитин, Т.Б. Никитина**

Алексей Викторович родился 6 марта 1969 г. в Йошкар-Оле в семье служащих. В январе 1994 г. после окончания Марийского государственного университета принят в отдел археологии МарНИИЯЛИ на должность лаборанта, в 1995 г. переведен на должность младшего научного сотрудника.

В 1997 г. начинает работу в качестве полевого исследователя. Его первые успешные разведки в Звениговский район показали, что он овладел профессиональными навыками полевой работы. В следующем 1998 г. не менее успешные работы были проведены в Юринском районе на Починковской дюне. Выявлены новые поселения эпохи камня и Горношумецкой могильник эпохи средневековья. На основании проведенных в 1999 г. раскопок А.В. Михеев провел прямые аналогии между Горношумецким и ранее изученным А.Х. Халиковым Мари-Луговским могильником и на этой основе установил дату XIII–XV вв. [Михеев, 2000]. Последующие антропологиче-

ские исследования показали, что Горношумецкая серия материала по своим краниометрическим признакам может иметь истоки среди местного финно-угорского населения и позднее на этом антропологическом субстрате шло формирование физического облика марийского народа [Газимзянов, 2004]. Таким образом, обнаруженный и раскопанный А.В. Михеевым Горношумецкой могильник до настоящего времени является единственным погребальным памятником указанного периода, связанный с формированием марийцев.

В 1999 г. окончил заочную аспирантуру при УдмНИИ УрО РАН. В 2000 г. в Удмуртском государственном университете под руководством доктора исторических наук, профессора В.В. Напольских успешно защитил кандидатскую диссертацию «Эволюция погребального обряда марийцев в средние века (VI – начало XVIII вв.)», в которой обобщил все материалы по погребальным памятникам, полученные Марийской археологической экспедицией с 1956 г. Ряд новых положений по верованиям марийцев в эпоху средневековья в ходе подготовки монографии были опубликованы в виде статей [Михеев, 2001–2004].

В 2000 г. А.В. Михеев был переведен на должность старшего научного сотрудника МарНИИЯЛИ и приступил к разработке исследования «Первые века н.э. на территории Республики Марий Эл». По данной теме им возобновлены раскопки на Климкинских курганах в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Полученные новые материалы были представлены на конференциях в г. Казани [Михеев, 2009] и г. Уфе [Зубов, Михеев, 2006], а чуть позже в полном объеме опубликованы в трудах АЭМК [Михеев, 2007].

Благодаря скрупулезному анализу вещевых комплексов Климкинского могильника в сравнительном плане с Писеральским Михееву удалось уточнить существующую на то время датировку этих памятников. Предшественники датировали их II–III вв. н.э., а А.В. Михеев уточнил датировку в пределах I–II вв. и высказал свое мнение о пришлое облике населения, оставившего эти памятники, которое было скорее связано с Зауральем и прилегающими районами Южного Урала.

В 2008 г. начал новое научное исследование «Оборонительная система у населения Марийского края в I тыс. н.э.» и для его реализации раскопал несколько марийских городищ: Юльяльское (2008), Барковское (2010) и Иванова гора (2016) в Горномарийском, Большая Гора в Куженерском (2011), Ардинское (2013) в Килемарском районах Республики Марий Эл, Русенихинское в Воскресенском районе Нижегородской области (2015), также провел обследование городищ в верховьях р. Ветлуги в Шарьинском районе Костромской области, традиционно связываемых с этногенезом марийцев: Одоевского, Троицкого. Результатом стала серия статей [Михеев, 2010–2013, 2015, 2018] и содержательных докладов на конференциях республиканского, регионального и всероссийского уровней (Биляр, Болгар, Москва, Казань, Ижевск, Чебоксары, Саранск, Самара, Сыктывкар, Кострома, Козьмодемьянск, Юрино, Йошкар-Ола, Муром, Городец).

В 2015 г. исследователь переведен на должность заведующего отделом археологии. Под его руководством проведены значительные работы по обследованию территории Республики Марий Эл в зонах хозяйственного освоения.

Особым направлением в деятельности А.В. Михеева является работа по сохранению культурного наследия Республики Марий Эл. С 2008 по 2011 г. были проведены значительные разведочные работы в рамках мониторинга состояния памятников археологии в зоне влияния Чебоксарской ГЭС

[Михеев, 2015]. С 2013 г. ежегодно под руководством А.М. Михеева по поручению Министерства культуры проводятся работы по установлению границ объектов археологического наследия; были обследованы объекты всех эпох в Юринском, Горномарийском, Звениговском районах. По результатам этих работ обследованные объекты нанесены на кадастровую карту Республики Марий Эл. В 2018, 2019 гг. А.В. Михеев – активный участник мониторинга объектов культурного наследия в рамках поручения Министерства культуры Российской Федерации. На основании практических работ по сохранению объектов культурного наследия А.В. Михеев ведет научную работу по разработке методики постановки различных объектов археологического наследия. Его разработки и методические рекомендации были обсуждены на ряде конференций и получили признание со стороны профессионалов, а также отражены в научных публикациях [Михеев, 2017; Никитин, Михеев, 2007].

Значительное место в профессиональной деятельности А.В. Михеева занимает работа по популяризации археологического наследия: участие на школьных конференциях, выступления на телевидении и публикации в средствах массовой информации.

Желаем Алексею Викторовичу дальнейших творческих успехов и удачи в поисках новых археологических объектов!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Газимзянов И.Р. Палеоантропологический материал из Горношумецкого могильника // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 131. – (АЭМК, вып. 27) – С. 129–133.

Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 205–226.

Михеев А.В. Горношумецкой могильник (предварительное сообщение) // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. – С. 47–50.

Михеев А.В. Истоки и причины появления обряда кремации в древнемарийских могильниках (историография вопроса) // Древности Поволжья и Прикамья. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. – С. 137–136. – (АЭМК, вып. 25).

Михеев А.В. О так называемых «жертвенно-ритуальных комплексах» в погребениях средневековых древнемарийских могильников // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы II Халиковских чтений. – Казань: Изд-во Института истории АН Республики Татарстан, 2002. – С. 161–164.

Михеев А.В. Символические захоронения древнемарийских могильников // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 226–256.

Михеев А.В. Кенотафы древнемарийских могильников, как рудимент наземных захоронений (к проблеме возникновения) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 62–67. – (АЭМК, вып. 27).

Михеев А.В. Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Археология Евразийских степей. Вып. 10. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 81–91.

Михеев А.В. Климкинский и Писеральский могильники (К проблеме идентификации) // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. – С. 85–102. – (АЭМК, вып. 30).

Михеев А.В. Юльляское городище (по материалам исследований 2008 года) // Средневековая археология Поволжья. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010. – С. 280–302.

Михеев А.В. Проблемы и перспективы исследования древнемарийских городищ // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 132–137.

Михеев А.В. Барковское городище (по материалам исследований 2009 года) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – С. 102–116.

Михеев А.В. Обороноспособность Пайгусовского городища / Финно-угроведение. – № 1. – 2013. – С. 44–58.

Михеев А.В. Оборонительные возможности городища у д. Большая Гора // Материалы III Республиканской науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш». – Йошкар-Ола, 2015. – С. 84–99.

Михеев А.В. Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследований 2013 года) // Поволжская археология. – 2018. – № 1. – С. 311–326.

Михеев А.В. Новые материалы эпохи камня в зоне затопления Чебоксарской ГЭС // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Прикамье. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. – С. 99–116. – (АЭМК, вып. 31).

Михеев А.В. К методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МарАЭ) // Поволжская археология. – 2017. – № 1. – С. 311–326.

Никитин В.В., Михеев А.В. Памятники археологии в зоне Чебоксарской ГЭС: проблемы сохранения и научного изучения / Финно-угроведение. – 2007. – № 1. – С. 58–61.

Никитин Валерий Валентинович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник направления «Археология» МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола

Никитина Татьяна Багишевна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник направления «Археология» МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола
e-mail: tshikaeva@yandex.ru

Valeriy Nikitin

Doctor of History, Chief Researcher of Archeology Department, Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola

Tatyana Nikitina

Doctor of History, Chief Researcher of Archeology Department, Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola
e-mail: tshikaeva@yandex.ru

УДК 398.340.470

**СОБИРАТЕЛЬ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА КИТИКОВА)
(1929–2013)**

© 2019 г. М.В. Пенькова

Известный в финно-угорском научном мире учёный-фольклорист, заслуженный деятель науки Марийской АССР (1989), доктор филологических наук (1992), профессор (1994) Александр Ефимович Китиков оставил в марийской гуманитарной науке глубокий след как талантливый исследователь, трудолюбивый собиратель образцов устного народного творчества.

Его особенно интересовали малые жанры фольклора, о них он часто отмечал следующее: «Малые жанры фольклора – это бесценный клад жемчужин народной мудрости...». Именно вдумчивая кропотливая работа по записи разнообразнейших примеров устного словесного творчества народа мари и дальнейшее теоретическое исследование этого собранного материала способствовали тому, что А.Е. Китиков достиг больших научных высот, став одним из ведущих теоретиков по малым жанрам и первым доктором наук в истории марийской фольклористики.

Родился будущий учёный 28 февраля 1929 г. в деревне Якайсола Ронгинского (в настоящее время Советского) района Марийской АССР. По окончании Ронгинской средней школы в 1948 г. устроился на работу в качестве технического секретаря Ронгинского райкома партии. С 1949 по 1953 г. обучался на историко-филологическом факультете Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. После института трудовая деятельность А.Е. Китикова была связана с преподавательской деятельностью в средних образовательных учреждениях (директор, учитель марийского языка и литературы, русского языка и литературы Руясолинской семилетней школы (1956–1958); директор, учитель марийского и русского языков Медведевской средней школы (1958–1960); учитель марийского языка и литературы Большечигашевской восьмилетней школы (1960–1962), и с общественной работой (редактор детского и молодёжного вещания Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Марийской АССР (1962–1969).

Интерес к фольклору, по воспоминаниям Александра Ефимовича, возник ещё в далёком детстве, когда он долгими зимними вечерами внимательно слушал незамысловатые рассказы стариков, а в 1955 г. во время работы в Ронгинской средней школе, ученики, выполняя домашнее задание, принесли богатейший материал словесного искусства народа мари.

Учёный отмечал: «Фольклор бытует у каждого народа с глубокой древности, его можно считать величайшим творением наших предков, воплощением их мудрости, художественного дара, одним из факторов человеческого взаимопонимания и материалом взаимного

духовного обогащения народов... Жизненный опыт предков – это кладезь их мудрости» [Хранитель, 2004: 8–9].

Полновесный путь в науке начался у Александра Ефимовича с 1 ноября 1969 г., когда он был принят в Марийский научно-исследовательский институт на должность младшего научного сотрудника. Уже через неполные восемь лет он занял должность заведующего сектором фольклора.

Вся научная жизнь А.Е. Китикова связана непосредственно с работой в МарНИИ. В институте научно-исследовательскую деятельность он органично совмещал с общественно-административной. В обоих направлениях он достиг хороших результатов. Высокую оценку профессиональной деятельности Александра Ефимовича дал доктор филологических наук, профессор, широко известный учёный-лингвист Иван Степанович Галкин, руководивший в то время институтом: «Александр Ефимович Китиков не только высококвалифицированный учёный, собиратель и аналитик устного народного творчества марийского народа, но и прекрасный организатор научно-исследовательской работы. На должности учёного секретаря он выполнял большую работу, будучи ответственным работником под его руководством происходили контроль и обсуждение научных исследований, планирование на год и на перспективу; много сил он вкладывал в издание научных работ сотрудников, благодаря его стараниям институт имел собственный фонд типографской бумаги» [Хранитель, 2004: 10].

В исследовательском плане его вклад более значим – это логичное подведение итогов и счастливое завершение определённых этапов научной деятельности в виде защиты кандидатской и докторской диссертаций. 25 июня 1971 г. решением Совета Тартуского государственного университета ему была присуждена учёная степень кандидата филологических наук. Тема кандидатской диссертации – «Марийские народные загадки» (руководитель – заслуженный деятель науки, профессор В.Я. Евсеев, оппонентами выступили известные эстонские учёные, академик, профессор Пауль Аристе и доктор филологических наук Эдуард Лаугасте). В кандидатской диссертации впервые поднимаются

проблемы связи марийских загадок с другими жанрами фольклора и использование их в произведениях национальной художественной литературы.

3 июля 1992 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького состоялась защита докторской диссертации на тему «Интернациональное и национальное в пословицах финно-угорских народов Поволжья и Приуралья». Оппонентами выступили именитые профессора В.П. Аникин (г. Москва), А.К. Микушев (г. Сыктывкар), И.Г. Иванов (г. Йошкар-Ола). Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР А.Е. Китикову была присуждена учёная степень доктора филологических наук. Данное исследование – это сравнительно-сопоставительный анализ образительно-выразительных средств, общих основ и локальных особенностей финно-угорских пословиц, учёный исследует межжанровые связи малых образцов словесного творчества.

Александр Ефимович Китиков – автор двух научных монографий, 13 сборников образцов устного словесного творчества народа мари, шести методических пособий для учителей «Как собирать фольклор»; им опубликовано свыше 100 научных статей и 70 научно-популярных работ, посвящённых марийскому фольклору и литературе.

Первые сборники учёного «Марийские народные загадки» (1967), «Марийские народные приметы» (1977), «Күслезе тукум: Марий калык йомак-влак» («Поколение гусяров: Марийские народные сказки») (1979) являются первыми итогами собирательской деятельности автора. Тем не менее сбор образцов словесного творчества учёный не прекращал на протяжении всей своей исследовательской деятельности. Всю жизнь собирал и изучал народные приметы, и, как следствие, после издания, опубликованного в 1977 г., в печати вышел переизданный сборник с дополнениями «Марий калык пале-влак» («Марийские народные приметы») (1989). Издания о приметах – обобщающий итог многолетних исследований. В первую книгу были включены 1272 приметы, связанные с погодой и сельскохозяйственными работами. Вошли в книгу и народные изречения о природе и погоде. В исправленном и дополненном издании

за 1989 г. представлены 1369 примеров народных наблюдений о временах года.

В 1981 г. вышел в печати сборник «Калыкмут» («Пословицы»), где образцы словесного искусства народа мари расположены тематически и в алфавитном порядке. Исследования А.Е. Китикова практически всегда носят сравнительный характер, что помогает ему устанавливать историческое развитие малых жанров, взаимопроникновение и взаимовлияние устного творчества финно-угорских и других народов.

В 1989 г. увидела свет монография «Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального)». Данному исследованию предшествовала кропотливая работа по изучению фольклора мари, мордвы, коми и удмуртов. Работа строится на основе текстолого-тематического и поэтического анализа обширного материала афоризмов финно-угорских и других народов региона. В исследовании доказательно представлены характер параллелей типов афоризмов, широта их распространения, указаны особенности их современного бытования.

Учёному всегда интересовал детский и игровой фольклор. Рассматривая жанры в двуедином симбиозе, исследователь прежде всего выделял их этнопедагогическую ценность. В данном исследовательском ракурсе опубликованы издания «Марий калык модыш» («Марийские народные игры») (1990), «Пире, пире – йолагай: Йочалан шотлеммут да койдарчык-влак» («Ленивый волк. Считалки, скороговорки и смешинки для детей») (1993), «Ўдырсий» («Девичье угощение. Описание праздника») (1993), «Модыш – уш погыш: Марий калык модыш-влак» («Игра – житница ума. Марийские народные игры») (1993). Его научные исследования являются богатым средством для реализации их в учебно-воспитательной работе, для понимания проблем этнопедагогики, педагогической культуры и духовного прогресса народа как народного идеала человека, помогают понять современное функционирование народной педагогики [Апакаев, 2002: 226].

В 1992 г. вышла книга «Марий калыкмутер» («Словарь марийских пословиц и по-

говорок»). В издании собраны и обобщены материалы фольклорных экспедиций, где широко представлены обычаи и традиции народа мари, отражены его жизненные принципы, нравственные устои.

Сборник «Пословицы и поговорки финно-угорских народов» (2004) – это своеобразное выделение материала докторской диссертации в доступный формат источниковедческого издания. В книге собраны уникальные образцы малых жанров финно-угорского фольклора.

Работа над книгами на протяжении всей научной деятельности шла методично и усердно, издания дополнялись новыми материалами, имели общую теоретическую основу, но отдельную тематическую направленность. Одним из значимых событий, связанных с выпуском изданий учёного, является пополнение Свода марийского фольклора двумя новыми томами: в 2004 г. вышел в печати сборник «Марий калык ойпого. Калык мут-влак» («Свод марийского фольклора. Пословицы и поговорки»), а в 2006 г. – «Марий калык ойпого. Марий калык тушто-влак» («Свод марийского фольклора. Загадки»).

Долгий труд был награждён сторицей – в 2005 г. за книгу «Марий калык ойпого. Калык мут-влак» («Свод марийского фольклора. Пословицы и поговорки») А.Е. Китикову присуждена Государственная премия Республики Марий Эл имени М.Н. Янтемира. Также необходимо отметить, что в 2006 г. сборник «Марий калык ойпого. Марий калык тушто-влак» («Свод марийского фольклора. Загадки») был представлен на республиканском конкурсе «Книга года Марий Эл» в номинации «Книга для всей семьи».

Отмечая важность и значимость изданий учёного, напомним, что фольклор является бесценным национальным достоянием каждого народа, он исключительно богат и представляет важную составную часть духовной культуры. Им нескончаемо и, что важно, искренне, нередко – интуитивно интересуются самые широкие круги читателей, простые обыватели, о чём говорит та огромная популярность, которой пользуются сборники народно-поэтических произведений и многочисленные переводы на другие языки различных жанров уст-

ного творчества многих народов. С помощью фольклора осуществляется усвоение нравственно-поведенческих этических норм и ценностей, закреплённых в культуре какого-либо народа. Нравственно-поведенческие нормы находят выражение в системе многих жанров, но особая роль здесь отведена малым жанрам. По этой причине ценность изданий по устному творчеству несомненна и приоритетна. У многих народов изданы фундаментальные сборники, содержащие много тысяч пословиц. Это только часть бытующих в народе произведений данного типа. Фольклор – живой организм, он динамичен и «вбирает» в себя все проявления современности. И в настоящее время издания А.Е. Китикова могут быть рекомендованы широчайшему кругу читателей, не только интересующихся народной историей и традиционной культурой народа мари, но в первую очередь стремящихся воспитать граждан с высоким уровнем культуры и образования. На основе народного фольклора создаётся огромный пласт этико-педагогических идей: трудолюбие, толерантность, доброжелательность, терпимость к чужому мнению. Фольклор с воспитывающим содержанием – это те ценности, которые оказывают огромное влияние на формирование национального характера.

Являясь практически пионером, стоявшим у истоков профессионального изучения малых жанров фольклора, Александр Ефимович был активным участником многих научно-практических форумов различного уровня, в частности знаменитого Международного конгресса финно-угроведов. Исследователь принимал участие в работе III Международного конгресса финно-угроведов в г. Таллинне (Эстония) (17–23 августа 1970 г.), выступив с научным докладом «Параллели в марийских и эстонских пословицах», на IV Международном конгрессе финно-угроведов в г. Будапеште (Венгрия) (сентябрь 1975 г.) представил доклад на тему «Семья и брак в пословицах и поговорках поволжских и приуральских финно-угорских народов», на V Конгрессе в г. Турку (Финляндия) (20–27 августа 1980 г.) тема его научного выступления называлась «Виды параллелизмов в пословицах финно-угорских народов (к проблеме генезиса)». С докладом на тему «Взаимосвязь пословиц и поговорок

народов Поволжья и Приуралья с другими жанрами фольклора (к проблеме интернационального и национального)» учёный выступил на VI Международном конгрессе финно-угроведов, состоявшемся в г. Сыктывкаре 24–30 июля 1985 г., а с 15 по 21 августа 2005 г. для проведения юбилейного X Конгресса финно-угроведов свои двери гостеприимно распахнула Республика Марий Эл, и у многих марийских учёных появилась возможность радушно принять в гостях своих зарубежных коллег и друзей, обменяться с ними результатами своих научных изысканий. На данном Конгрессе А.Е. Китиков представил научный доклад «Синкретизм жанров марийского фольклора».

Александр Ефимович – кропотливый учёный-собирающий, неустанный труженик «полю», что доказывают его многочисленные фольклорные экспедиции. Он много лет собирал ценный словесный материал, им объезжены все районы Республики Марий Эл, практически все места проживания народа мари. Учёный работал в республиках Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, продолжал свои изыскания в Нижегородской, Кировской, Пермской, Свердловской областях.

Немалый вклад внесён учёным в подготовку научных кадров республики. Под его руководством написали и защитили кандидатские диссертации литературоведы Н.И. Кульбаева («Художественное своеобразие творчества марийского писателя В.М. Иванова»), Г.Н. Бояринова («Проблема характера в современной марийской драматургии»), Л.Н. Бурков («Становление и развитие марийской детской литературы»), фольклористы Л.Е. Шабдарова («Символика образов растительного мира в марийских народных песнях»), А.Н. Петухова («Марийский детский фольклор») [Шабдарова, 2014: 70]. Воспитанником А.Е. Китикова является один из фольклористов республики, кандидат филологических наук С.С. Сабитов. Большинство молодых специалистов, работавших в Марийском научно-исследовательском институте, высоко ценят его наставления, замечания, уроки мудрости. А.Е. Китиков был членом диссертационного совета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по защите докторских диссертаций по литературе народов Российской Федерации

и сопоставительного исследования языков, Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва, Удмуртского института истории, языка и литературы Уро РАН.

Результаты многолетней научной деятельности учёного разноплановы. В истории марийской фольклористики он первым подготовил методическую основу для изучения малых жанров устного народного творчества. В фольклористике финно-угорских народов Поволжья и Приуралья до исследовательских работ А.Е. Китикова отсутствовали исследования, посвящённые изучению жанров пословиц и поговорок в сравнительно-историческом плане с охватом всего региона. Подобный схематичный типизированный труд в области фольклористики с применением сопоставительных и сравнительных методов явился первоосновой для раскрытия общих тенденций в формировании общего потенциала данных малых жанров устного творчества.

Фольклорист подошёл к исследованиям с новаторских позиций, в частности, выделяя изучаемый материал как паремии – народные речевые жанры малой формы, характеризующиеся устойчивостью и клишированностью. Ему удалось проанализировать в большом объёме пословичный репертуар, список паремий народов Поволжско-Приуральского региона, опубликованных с начала XVIII в. до современности. Их насчитывается более 35 тысяч текстов. Для сравнения привлечены и использованы материалы русского и других народов. А.Е. Китиков – великолепный знаток истории собирания и изучения пословиц и поговорок финно-угорских народов. Это дало возможность показать своеобразие отражения воззрений финно-угорских народов на окружающий мир, её явления, на хозяйственную деятельность, социально-классовые отношения, семейную жизнь, конкретно проследить генетические корни и развитие отдельных

типов образцов малых жанров фольклора. Он обратил внимание на поэтические средства языка изречений на уровне звуковой организации, лексики, синтаксиса и поэтических тропов. Автор справедливо утверждает, что пословицы и их варианты можно встретить органически включёнными в заклинания, приметы, загадки, сказки, народные рассказы, частушки и песни. Анализ таких межжанровых связей дал автору возможность проследить не только соотношения национального и интернационального, но также и генезис, и эволюцию пословичного жанра [Апакаев, 2002: 223–224].

Александр Ефимович всегда отличался высокой требовательностью к себе, глубокими профессиональными знаниями, исключительным трудолюбием и внимательным отношением к людям, чем снискал глубокую любовь и уважение. Вся его жизнь – это неустанные поиски материала, качественный сбор материала, трудоёмкая научная работа, ответственный подход к каждому изданию, к каждой книге... Значение книги учёный ставил очень высоко, не случайно на свою личную именную печать он включил замечательные слова марийского классика С.Г. Чавайна: «*Ой, книга, книга! Чылажымат тый кертат*» («Ой, книга, книга! Всё тебе подвластно»).

За заслуги в развитии научно-педагогической деятельности ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Марийской АССР» (1989). Награждён медалями «Ветеран труда» (1984), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне» (2004), Почётной грамотой Правительства Республики Марий Эл (1999), Благодарностью Президента Республики Марий Эл за вклад в развитие гуманитарных научных исследований в области филологии, истории и культуры марийского народа (2005). Он лауреат Государственной премии Республики Марий Эл имени М.Н. Янтемира (2005).

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ А.Е. КИТИКОВА

Монографии

Марийские народные загадки. – Йошкар-Ола, 1973. – 180 с.

Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального). – Йошкар-Ола, 1989. – 178 с.

Сборники

- Марийские народные загадки / сост. и автор предисловия А.Е. Китиков. – Йошкар-Ола, 1967. – 184 с.
- Марийские народные приметы. – Йошкар-Ола, 1977. – 224 с.
- Кўслезе тукум: Марий калык йомак-влак. А.Е. Китиков поген [Поколение гусяров: Марийские народные сказки / сост. А.Е. Китиков]. – Йошкар-Ола, 1979. – 96 с.
- Калыкмут [Пословицы и поговорки]. – Йошкар-Ола, 1981. – 120 с.
- Марий калык пале-влак [Марийские народные приметы]. – Йошкар-Ола, 1989. – 288 с.
- Марий калык модыш [Марийские народные игры]. – Йошкар-Ола, 1990. – 60 с.
- Марий калыкмут мутер [Словарь марийских пословиц и поговорок]. – Йошкар-Ола, 1991. – 336 с.
- Пире, пире – йолагай: Йочалан шотлеммут да койдарчык-влак [Ленивый волк. Считалки, скороговорки и смешинки для детей]. – Йошкар-Ола, 1993. – 14 с.
- Ўдырсий [Девичье угощение. Описание праздника]. – Йошкар-Ола, 1993. – 40 с.
- Модыш – уш погыш: Марий калык модыш-влак [Игра – житница ума. Марийские народные игры]. – Йошкар-Ола, 1993. – 72 с.
- Пословицы и поговорки финно-угорских народов. – Йошкар-Ола, 2004. – 336 с.
- Марий калык ойпого. Калык мут-влак [Свод марийского фольклора. Пословицы и поговорки]. – Йошкар-Ола, 2004. – 206 с.
- Марий калык ойпого. Марий калык тушто-влак [Свод марийского фольклора. Загадки]. – Йошкар-Ола, 2006. – 432 с.

Научные и научно-популярные статьи

- Общность элементов поэтики загадок поволжских и пермских финно-угорских народов // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщения. Май-июнь. – Йошкар-Ола, 1969. – С. 218–225.
- Параллели в марийских и эстонских пословицах // III Международный конгресс финно-угроведов. Таллин, 17–23 августа 1970 г. – Таллин, 1970. – С. 94.
- Акустические приметы марийского и мордовского народов // Вопросы советского финно-угроведения. Топонимия, фольклористика, литературоведение, археология, антропология, этнография. – Саранск, 1972. – С. 81–82.
- Семья и брак по материалам марийских пословиц // Вопросы советского финно-угроведения: Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвящённой 250-летию академии наук СССР. Часть II. – Петрозаводск, 1974. – С. 104–106.
- Акустические приметы марийского и мордовского народов // Вопросы финно-угроведения. Вып. 6. – Саранск, 1975. – С. 321–326.
- Современное состояние малых жанров марийского фольклора // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1977. – С. 87–97.
- Фольклор в дореволюционных письменных памятниках на марийском языке // 200 лет марийской письменности. – Йошкар-Ола, 1977. С. 87–97.
- Собственные имена в марийских пословицах и поговорках // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 1978. – С. 48–52.
- Сюжетно-тематические сходства пословиц коми и марийцев // Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Июнь 1979 г. Часть II. – Сыктывкар, 1979. – С. 117–118.
- Виды параллелизмов в пословицах финно-угорских народов (к проблеме генезиса). V Международный конгресс финно-угроведов. – Турку, 20–27 августа 1980 г. – С. 276.
- Сходство пословиц финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1980. – С. 27–43.
- Изучение межэтнических общностей и связи в марийской фольклористике // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. – Казань, 1983. – С. 43–48.
- Фольклорное наследие Г.Г. Кармазина // Из истории марийской филологии. – Йошкар-Ола, 1984. – С. 62–69.
- Адекватные пословицы финно-угорских и тюркских народов Поволжья // Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1984. – С. 15–26.
- Взаимосвязь пословиц финно-угорских народов Поволжья и Приуралья с другими жанрами фольклора (к проблеме национального и интернационального) // Тезисы докладов VI Международного конгресса финно-угроведов. Часть 2. – Сыктывкар, 1985. – С. 20.
- Связь пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья с народными песнями и частушками // Проблема изучения марийского фольклора и искусства. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 24–37.

Общее и особенное в поэтике пословиц финно-угорских народов Поволжья и Прикамья // Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы докладов. Часть 2. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение. – Устинов, 1987. – С. 254–256.

Лексические особенности пословиц восточных финно-угров // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. Вып. 7. – Йошкар-Ола, 1989. – С. 12–19.

Марийские пословицы и поговорки в трудах венгерских учёных Э. Беке и Д. Пастолаи // Венгерские учёные о Марийском крае и народе. – Йошкар-Ола, 1990.

Отражение воззрений на природу и её явления в пословицах финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1986–1990 гг. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 25–27.

Кырык марын игечы гишан палывлажы да кызытшы наука [Приметы горных мари в свете современной науки] // У сем. – 1992. – № 1. – С. 98–102.

Художественный мир детских игровых считалок // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1991–1993 гг. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 63–67.

Народные приметы горных мари в свете науки // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1994 – С. 28–35.

Н.В. Игнатъевын произведенийвлаштыжы кычылтмы халык шая [Фольклор в произведениях Н.В. Игнатъева] // У сем. – 1995. – № 1. – С. 79–82.

Январь. Пүртүс да илыш йўла [Природа и обычаи] // Ончыко. – 1998. – № 1. – С. 185–191.

Февраль. Пургыж тылзе. Лывыртыш тылзе [Месяц метели. Месяц сырого тепла] // Ончыко. – 1998. – № 2. – С. 186–190.

Март. Кылмыктыш тылзе. Шошо тылзе [Месяц утренних заморозков. Весенний месяц] // Ончыко. – 1998. – № 3. – С. 184–187.

Апрель. Вўдшор тылзе [Месяц половодья] // Ончыко. – 1998. – № 4. – С. 186–190.

Май. Шошо ага тылзе [Месяц весенних полевых работ] // Ончыко. – 1998. – № 5. – С. 187–190.

Июнь. Кенгеж тылзе. Кўсө тылзе [Месяц молений] // Ончыко. – 1998. – № 6. – С. 187–190.

Июль. Кенгеж рўдө тылзе. Сўрем [Месяц летней страды. Праздник Сўрем] // Ончыко. – 1998. – № 7. – С. 187–191.

Август. Уржа-сорла тылзе. Угинде тылзе [Месяц жатвы. Месяц нового хлеба] // Ончыко. – 1998. – № 8. – С. 184–188.

Сентябрь. Шыже тылзе. Вўд йўкшымө тылзе. Идым тылзе [Месяц осени. Месяц остывания воды. Месяц гумна] // Ончыко. – 1998. – № 9. – С. 188–191.

Октябрь. Шыже тылзе. Покро тылзе. Сусла тылзе [Месяц осени. Месяц Покрова. Месяц сусла] // Ончыко. – 1998. – № 10. – С. 186–189.

Ноябрь. Кылме тылзе. Кўсө тылзе. Йўштө тылзе [Месяц заморозков. Месяц молений. Месяц холода] // Ончыко – 1998. – № 11. – С. 189–198.

Декабрь. Теле Тылзе. Йўштө тылзе [Месяц зимы. Месяц холода] // Ончыко. – 1998. – № 12. – С. 183–186.

Чимарий вераште пүртүсым пагалымаш [Почитание природы в традиционной языческой религии] // Марийская религия и культура: Материалы науч.-практ. конф., сентябрь, 1995 г. – Йошкар-Ола, 1998. – С. 22–24.

Йўкын да шке кельштарыме ўзгарын полшымышт дене игечым палымаш [Предсказание погоды при помощи звуков и самодельных приборов] // Ончыко. – 2000. – № 3. – С. 171–173.

Шорыкйол [Святки марийские] // Марла календарь. – 2000. – С. 407.

Арвид Генец да марий калык ойпого [Арвид Генец и марийский фольклор] // Ончыко. – 2000. – № 3. – С. 175–182.

Марийская фольклористика 90-х годов XX века // Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 123–126.

Марийская фольклористика в МарНИИ за 70 лет // МарНИИ 70 лет. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 92–104.

Сельскохозяйственный опыт марийского народа в его загадках, приметах и пословицах // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Материалы VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья / отв. ред. А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, МарНИИ, 2002. – С. 398–408.

Художественный мир марийских детских считалок // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. XI. Народное творчество и профессиональное искусство. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 17–26.

Фольклорные материалы в собрании Волмари Поркка // Финские учёные о языке и культуре марийского народа. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 71–77.

Быль о Чумблате. Ретроспективное издание статьи этнографа С.К. Кузнецова «Поездка к древней черемисской святыне, известной со времён Адама Олеария». – Йошкар-Ола, 2002. – 32 с.

Йомакын волгыдо кышаже. Арвид Генетцын погымо 10 йомак [Сказки светлые следы. 10 сказок, собранные Арвидом Генетцом] // Ончыко. – 2002. – № 7. – С. 178–189; – № 8. – С. 158–160.

Йоча модыш шотлеммутын сылнылык тўняже [Мир художественной красоты детских игровых считалок] // Ончыко. – 2003. – № 1. – С. 185–190.

Калык ойлымаш – йомын кодшо жанр [Устный рассказ – потерявшийся жанр] // Ончыко. – 2003. – № 6. – С. 171–177.

Методические издания

Марий йылмым туныкташ таблица-влак [Таблицы по марийскому языку]. – Йошкар-Ола, 1956.

Марий йылме грамматика дене таблицым кучылтмо шотышто методический руководство [Методическое руководство по использованию таблиц по грамматике марийского языка]. – Йошкар-Ола, 1956. – 96 с. (в соавторстве с А.Г. Чемяковой).

Марий йылме грамматика (синтаксис) дене таблицым кучылтмо шотышто методический руководство [Методическое руководство по использованию таблиц по грамматике (синтаксис) марийского языка]. – Йошкар-Ола, 1959. – 42 с.

Пале мутым тунеммаш [Изучение имён прилагательных] // Марий йылмым да литературым туныктым нерген статья-влак. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1960. – С. 15–26.

Марий йылме грамматикым (синтаксисым) туныкташ таблица-влак [Использование таблиц при изучении грамматики (синтаксис) марийского языка]. – Йошкар-Ола, 1967. – 184 с.

Фольклорым кузе погаш? [Как собирать фольклор?]. – Йошкар-Ола, 1978. – 42 с.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анакаев П.А. Образование и просветительское движение в Марийском крае (историко-педагогические очерки). – Йошкар-Ола, 2002. – 352 с.

Хранитель народной мудрости (К 75-летию со дня рождения А.Е. Китикова). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. – 32 с.

Шабдарова Л. Якайсола ялын лўмлō шочшыжо // Ончыко. – 2014. – № 2. – С. 65–70.

Пенькова Мария Викентьевна

кандидат филологических наук,
заместитель директора-учёный секретарь
МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола
e-mail: penkova25@mail.ru

Maria Penkova

Candidate of Philology,
Deputy Director – Scientific Secretary of The Mari
Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: penkova25@mail.ru

УДК 811.511.151

СИРККА СААРИНЕН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА ИЗ СУОМИ

© 2019 г. О.А. Сергеев, В.Н. Максимов

Сиркка Ауликки Сааринен – один из ведущих специалистов по уральским языкам, крупнейший специалист по волжско-финским и пермским языкам, доктор философии, профессор (по финно-угроведению). Заведующая кафедрой финно-угорского и общего языкознания (1998–2009), заведующая кафедрой языка и переводоведения университета г. Турку (2010–2012); член редакционной коллегии журналов «Dialectologia et Geolinguistica» (Германия, 1997–2012), «Finnisch-Ugrische Forschungen» (Хельсинки, 1998–2018), «Ural-Altische Jahrbücher» (Гёттинген, с 2010 г.), электронного журнала «Finno-Ugric Languages and Linguistics» (с 2012 г.); главный редактор журналов «Sananjalka» (Турку, 1998–2015); ответственный за издание Европейского лингвистического атласа с финской стороны (с 1986 г.), член правления комитета Европейского лингвистического атласа (с 1987 г.), председатель Финского национального комитета Европей-

ского лингвистического атласа (с 1994 г.); член правления общества М.А. Кастрена (1990–2012), заместитель председателя общества М.А. Кастрена (2002–2012); член Международного оргкомитета по изучению волжско-финских языков при Туркуском университете (с 1993 г.); член правления Общества финского языка (1997–2018), вице-председатель Общества финского языка (2000–2018); заместитель председателя Международного диалектологического и геолингвистического общества (1997–2003); второй вице-председатель Финно-угорского общества (2000–2001), первый вице-председатель Финно-угорского общества (с 2001 г.); член Академии наук Финляндии (с 2002 г.), секретарь отдела финно-угристики Финской Академии наук (2004–2008), председатель отдела финно-угристики Финской Академии наук (2009–2013); вице-президент «Societas Uralo-Altaica» (с 2006 г.); главный редактор словаря «Tschermisssches Wörterbuch» (1986–2008); член Международного комитета финно-угроведов (с 1995 г.), член исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов (2000–2010), заместитель председателя исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов (2010–2015), заместитель председателя комитета конгрессов финно-угроведов Финляндии (1995–2000, с 2010 г.), председатель комитета конгрессов финно-угроведов Финляндии (2000–2010).

Сиркка Сааринен является продолжателем финской научной школы марийского языка профессора Алхо Алхониemi в университете г. Турку. Ею опубликовано более 300 научных работ и учебно-методических пособий, из них – девять монографий и несколько словарей. В своих исследованиях она, опираясь

на новейшие достижения общей лингвистики и финно-угроведения, скрупулезно изучает вопросы волжских, пермских, венгерского и, конечно, родного финского языков. Фундаментальные работы талантливого ученого известны как в Финляндии, так и за ее пределами.

Сиркка Сааринен родилась 25 декабря 1954 г. на юге-западе Финляндии, в г. Турку. В этом году ей исполняется 65 лет. После школы она училась в гимназии. С 15 лет стала интересоваться финно-угроведением. Любовь к этой науке пробудила статья, опубликованная в газете «Helsingin sanomat» о немецком ученом Мартине Фогеле (1635–1675), который исследовал финно-угорские языки. Сиркка стала самостоятельно изучать родственные ей языки. Уже в школьные годы она знала шведский, немецкий, английский и латинский языки. В настоящее время хорошо владеет французским, русским, венгерским, эстонским, мордовским, удмуртским, коми и марийским языками. Свободно говорит и пишет на немецком, английском, шведском, венгерском и русском языках.

Весной 1974 г. сдала экзамен на аттестат зрелости. В этом же году Сиркка Сааринен поступила в университет г. Турку, один из старинных университетов Европы. С июня 1979 г. С. Сааринен – магистр философии. В магистратуре успешно изучала финно-угорское языкознание, фольклористику, русский язык и литературу, религиоведение, теоретическую философию.

Следующим этапом в биографии С. Сааринен является усиленное изучение русского языка и литературы в Туркуском университете, по которым она показала хорошие знания. Прошла курсы по охране окружающей среды и фольклористике.

28 февраля 1990 г. защитила лицензиатскую работу по финно-угорскому языкознанию.

16 октября 1991 г. в Туркуском университете Сиркка Сааринен блестяще защитила диссертацию на тему «Marilaisen arvoituksien kielioppi», 16 октября этого же года диссертация была одобрена. 30 октября 1991 г. молодой исследователь стала доктором философии.

Свою трудовую деятельность С. Сааринен начала в 1976 г. на кафедре финно-угорского языкознания Туркуского университета, где она работала стипендиатом Финно-угорского

общества и редактировала марийские рукописные материалы соотечественника Ю. Вихманна, собранные в начале XX века среди марийцев. С 1 сентября 1979 г. по 31 июля 1981 г. замещала должность временно исполняющего обязанности ассистента кафедры финно-угорского языкознания. С 1 сентября 1981 г. по 30 ноября 1986 г. являлась исследователем, а с 1 января 1986 г. по 1998 г. – главным научным сотрудником Центра исследования языков Финляндии. Здесь в течение 17 лет кропотливо занималась над проектом «Tscheremissisches Wörterbuch». Работа завершена в 2008 г., и марийский диалектный словарь, составленный ею совместно с Арто Мойсио, издан в Хельсинки. С 1 января 1997 г. является профессором университета г. Турку (область – финно-угроведение).

Научная деятельность профессора С. Сааринен весьма многогранна. Она распространяется на различные области финно-угорского языкознания.

В своей докторской диссертации на тему «Грамматика марийских загадок» С. Сааринен подвергла тщательному анализу 951 загадку. Фактической базой для исследования послужили фольклорные тексты марийского этнографа и краеведа Тимофея Евсеева. В работе выявлены такие особенности марийских загадок, как обилие в них подражательных слов и идеофонов, их метафоричность и нереалистичность.

Огромен вклад С. Сааринен в исследование марийских диалектов. По проблемам диалектологии марийского языка она часто выступала на научных форумах разного уровня. Изпод её пера вышли весьма интересные работы «Die Dialekte des Tscheremissischen: Einteilung und Klassifizierungskriterien» (1985), «Stand der Erforschung der tscheremissischen Dialekte» (1990) и мн. др. Несомненно, крупным достижением является словарь «Tscheremissisches Wörterbuch», написанный совместно с А. Мойсио. В него вошли марийские диалектные материалы конца XIX – первой половины XX в., собранные В. Поркка, А. Генцом, Ю. Вихманном, М. Рясаненом, Т. Утила и Э. Итконеном. Словарь дает четкую картину говоров марийского языка того времени. Этому немало способствовало и сохранение графического оформления первоисточников, на что не зря

обратил внимание венгерский исследователь марийского языка Г. Березки: «А. Мойсио и С. Сааринен в основном сохранили фонетическую транскрипцию своих источников. Их модификации незначительны и служат унификации подачи материала».

К сфере научных интересов С. Сааринен относятся также морфология и синтаксис марийского языка. В таких работах, как «Ns. Marginaaliset sijat marin sijasysteemissä» (1993), «Diachronische Variation in der morphologischen Beschreibung der tscheremissischen Sprache» (1999), «Marin lainaperäiset postpositiot» (2003), «Die lativischen Postpositionen im Mari» (2005), «Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen» (2005), «Die entlehnten Wortbildungssuffixe in der ost- und in der westmarischen Schriftsprache» (2005), «Entwicklungstendenzen der Postpositiossysteme im Mari und im Mordwinischen» (2007), «Über dialektale Variation der Postpositionen im Mari» (2012) и других, глубоко освещены вопросы различных грамматических категорий марийского языка, о послеложных конструкциях и их вариациях в диалектах, роли личных местоимений, заимствованных словообразовательных суффиксах. Отдельные статьи посвящены проблемам современного марийского литературного языка и языковым контактам: «Marin kirjakielen kehitys» (1984), «Volgalaiskielten sanaston nykytilasta» (1994), «Language Contacts in the Volga Region: Loan Suffixes and Calques in Mari and Udmurt» (1997), «Тюрко-татарские заимствования в марийском и удмуртском языках» (1999), «Sprachgesetze und Neologismenbildung bei den wolgaischen und permischen Völkern» (2003), «Роль суффиксального словообразования в формировании литературного языка» (2004).

Как зарубежный исследователь профессор С. Сааринен активно занимается популяризацией марийского языка в мире. Об этом свидетельствуют, например, следующие ее публикации: «Mari el eller Marilandet» (1992), «Säilyttävätkö marit kielensä?» (2007), «Suomalais-ugrilaiset kielet Venäjällä nyt. Volgan mutkasta Siperiian. Sukulaiskansat tämän päivän Venäjällä» (2012). Она является автором словарных статей о марийцах в ряде иностранных энциклопедий: «Tscheremissisch» (Klagenfurt, 2002), «Tscheremissen» (Berlin – New York, 2010), «Maris» (Santa Barbara, Denver, Oxford, 2011).

С. Сааринен часто выступает в качестве рецензента новых изданий по марийскому языку. Ею написаны объективные содержательные рецензии на монографию А.А. Саватковой «Горное наречие марийского языка» (2003–2004), словарь И.Г. Иванова «Мутвундынам пойдарена. У мут-влак мутер» (2004). Высокая оценка дана ею первому тому «Словаря марийского языка» (1992). Положительный отзыв нашли учебники и монографии зарубежных исследователей марийского языка и истории А. Алхониemi (1994), Й. Луутонена (1999), А. Хессельбака (2002), С. Лауллукка (2004).

Значительную работу С. Сааринен проводит по составлению и редактированию коллективных сборников. Наиболее ценными являются лингвистические, фольклорные и этнографические материалы марийского языка Ю. Вихманна, подготовленные к изданию совместно с профессором А. Алхониemi (1978). Вместе с А. Алхониemi составила и выпустила первые два тома фольклорных и этнографических материалов нашего земляка Т. Евсеева, хранящихся в архиве Финно-угорского общества, и отредактировала последние два тома («Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen» I–IV, Helsinki: 1983, 1989, 1992, 1994 – MSFOu 184:212 S., 199:313 S., 211:237 S., 219:448 S.). В этих томах нашли место сказки, сказания и народные байки, молитвы и заклинания, толкования снов, пословицы, стихи-насмешки и загадки, песни.

С. Сааринен активно участвует в академическом и научно-педагогическом сотрудничестве финно-угорских вузов и научных центров. Благодаря ей продолжается начатый еще профессором А. Алхониemi обмен аспирантами, преподавателями российских вузов в финно-угорских регионах. По приглашению кафедры лекторы из Республики Марий Эл, Республики Коми, Мордовской Республики и Удмуртской Республики преподают свой родной язык в университетах г. Турку и Хельсинки, а лекторы из Туркуского и Хельсинкского университетов – финский язык в вузах России.

С. Сааринен часто приглашают для чтения лекций в зарубежные учебные центры. С большим интересом слушали ее глубокие и содержательные лекции студенты и преподаватели Мюнхенского, Гёттингенского университетов Германии, университета г. Упсала Швеции,

Сегедского университета Венгрии, Киевского лингвистического университета, Удмуртского и Сыктывкарского государственных университетов России.

Профессор С. Сааринен является кавалером ордена Белой Розы Финляндии I степени (2008), почетным профессором Удмуртского государственного университета (2012). За большую и плодотворную работу она награж-

дена Офицерским крестом Венгерского ордена заслуг (2013).

Коллеги и многочисленные друзья от всей души поздравляют уважаемого профессора с Днем рождения и желают ей крепкого здоровья, творческих успехов в дальнейшей научной и педагогической деятельности.

Шочмо кечыда дене, пагалыме профессор!
Кужу ўмыран, таза лийза!

МОНОГРАФИИ, КНИГИ (редактирование, перевод), ИЗДАННЫЕ

С. СААРИНЕН; РЕЦЕНЗИИ НА ПУБЛИКАЦИИ, КАСАЮЩИХСЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Marilaisen arvoituksen kielioppi. (Väitöskija) Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia 210. Helsinki 1991. 184 s.
Tscheremissisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXII. Helsinki 2008, XIX+924 S (Arto Moision kanssa).

Редактирование, перевод

Tscheremissische Sätze gesammelt von Yrjö Wichmann. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 163. Helsinki 1978. 343 S.

Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen I. Märchen, Sagen und Volkserzählungen. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 184. Helsinki 1983. 212 S.

Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen II. Vorzeichen, Traumdeutungen, Sprichwörter, Spottverse und Rätsel. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 199. Helsinki 1989. 313 S.

Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen III. Gebete und Zaubersprüche. Herausgegeben von Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 211. Helsinki 1992. 237 S.

Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen IV. Lieder. Herausgegeben von Sirkka Saarinen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 219. Helsinki 1994. 448 S.

Рецензии

Slovar' marijskogo jazyka – Marij muter I. Arvostelu. Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge Band 11. Wiesbaden 1992.

Alhoniemi, Alho: Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Arvostelu. Ural-Altäische Jahrbücher, Neue Folge Band 13. Wiesbaden 1994.

Areaalinen näkökulma Volgan alueen kieliiin. Arvostelu Walter Wintschalekin teoksesta, Die Areallinguistik am Beispiel syntaktischer Übereinstimmungen im Wolga-Kama-Areal. Sananjalka 37. Turku 1995.

Die rätselhafte Reihenfolge von Morphemen. Arvostelu teoksesta Jorma Luutonen: The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Finnish-Ugrische Forschungen 55. Helsinki 1999.

Der Einfluss der türkischen Sprachen auf das Tscheremissische. Arvostelu teoksesta André Hesselbäk: Tatariska och tjuvassiska kodkopier i mariskan. Finnish-Ugrische Forschungen 57. Helsinki 2002.

Arvostelu teoksesta A.A. Savatkova, Gornoe narechie marijskogo jazyka. Ural-Altäische Jahrbücher N.F. 18 Wiesbaden 2003/2004.

Die Mari in der Diaspora. Arvostelu teoksesta Seppo Lallukka, From Fugitive Peasants to Diaspora. The Eastern mari in Tsarist and Federal Russia. Finnish-Ugrische Forschungen 58. Helsinki 2004.

Kurzrezension: I.G. Ivanov, Mutwodynam pojdarena. U mut-wlak muter. Finnish-Ugrische Forschungen 58. Helsinki 2004.

Сергеев Олег Арсентьевич

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник направления «Лингвистика»
МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола
e-mail: olsemar@rambler.ru

Oleg Sergeev

Candidate of Philology, Leading Researcher of Linguistics Department, Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola
e-mail: olsemar@rambler.ru

Максимов Валерий Николаевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола
e-mail: sernur@rambler.ru

Valery Maksimov

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Mari language and literature, Mari State University, Yoshkar-Ola
e-mail: sernur@rambler.ru

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.511.151.0

Рец.: Федосеева Н.А. Истоки формирования художественной словесности народа мари. – Йошкар-Ола, 2017. – 232 с.

© 2019 г. И.П. Карпов

Новое исследование Надежды Александровны Федосеевой истоков марийской литературы прочитывается с огромным интересом. Читатель, не только мари, но и русский, а книга написана на русском языке, узнаёт много нового из истории Марийского края и марийской литературы.

Монография состоит из трех частей. Первая часть – обзор культурно-просветительских предпосылок зарождения марийской литературы; вторая – письменные памятники и переводная христианская литература на марийском языке XVIII – начала XX в., их роль в формировании культурного марийского слоя, марийского литературного языка; третья – зарождение собственно художественной словесности в начале XX в. (роль просветителей, традиции русской литературы, «Марла календари», раннее творчество Сергея Чавайна, Михаила Герасимова-Микая, лирика Николая Мухина).

Одна из задач исследования – вписать марийскую литературу в общероссийский исторический, культурный и литературный контекст. Исходное утверждение Н.А. Федосеевой: «С вхождением в состав России народ мари стал постоянным участником общероссийской жизни, что дало возможность не только русским, но и зарубежным авторам поближе познакомиться с черемисским краем» [2017: 21].

Федосеева Н.А. убедительно доказала, что художественная марийская литература начала XX в. (С. Чавайн и др.) родилась не вдруг, но имела долгую предысторию.

Конечно, многое из того, о чем пишет Н.А. Федосеева, с той или иной степенью пол-

ноты было отмечено марийскими исследователями [История, 1989: 18–57; Иванов, 1975: с. 18–36; Куторов, 1976: 51–89; Васин, 1975: 121–130, Кудрявцева, 2008: 20–65].

В марийском литературоведении советского времени господствовало предубеждение против христианской литературы, в пределах которой происходило становление национальных литератур Поволжья, следовательно, не обращалось должного внимания на предысторию художественных литератур этого региона.

Владимир Мухин-Сави, первый марийский литературовед, писал: «духовная литература» служила «определенной классовой политике», что делает ее «малоценной с точки зрения подлинного выражения идеологии того или иного слоя марийского населения» [1928: 65].

Федосеева Н.А. отмечает основные факты становления марийской письменности и возникновения марийской литературы: фиксирование марийских слов и текстов в XVII–XVIII вв., переводческая литература духовного характера, многолетний труд русских и марийских просветителей: от митрополита Вениамина (Василия Пуцек-Григоровича) и А. Альбинского, создателей черемисской грамматики (соответственно: 1775, 1837 гг.) – до Г. Яковлева, С. Нурминского, В. Васильева, П. Ерусланова, П. Григорьева, Т. Ефремова и др.; создание марийской книжной культуры, образование слоя грамотной марийской интеллигенции (сначала в основном священнослужителей), приобщение и просветителей, и первых писателей к русской культуре (а через нее

и к мировой), обращение к родному устному народному творчеству.

Первый текст на марийском языке (латинскими буквами), как отмечает Н.А. Федосеева, опубликовал голландский ученый Николас Витсен во втором издании своей книги «Северная и Восточная Татария». Это был 1705 г., это была молитва «Отче наш». Так что стихотворению «Роща» («Ото») (1905) Сергея Чавайна предшествовали двести лет большой работы зарубежных, русских и марийских просветителей.

Федосеева Н.А. особое внимание обращает на стихотворения, посвященные Екатерине II в честь ее приезда в Казань в 1767 г., причем в сравнении с подобными стихами других народов Поволжья. К этому же периоду относятся марийские тексты, посвященные открытию Казанского наместничества и архиепископу Казанскому и Свияжскому Амвросию.

Федосеева Н.А. при оценке первых марийских текстов ссылается на венгерского ученого Петера Домокоша: «Эти чувашские, мордовские, марийские и удмуртские “стихотворения” могут считаться своего рода первыми ласточками национальных литератур» [1993: 130].

Федосеева Н.А. подробно анализирует эти «первые письменные памятники народа мари», подчеркивая, что «они, будучи началом марийской литературы, стали основой зарождения просветительского процесса, который был продолжен» и в следующем веке [2017: 60].

Кратко отметим: в XIX столетии – катехизис митрополита Платона; переводчики катехизиса священники Матфей Кувшинский (г. Царевосанчурск), Филипп Михайлов (с. Великополье), дьяконы Василий Семенов (с. Люперсола), Егор Петров (с. Упша), Герасим Иванов; организационные старания архиепископа Амвросия (Протасова) по открытию отделений Российского библейского общества и перевод на марийский язык Четвероангелия; переводы священников Козьмодемьянского уезда Димитрия Пернягашева, Ивана Померанцева, Андрея и Игнатия Альбинских, Ивана Ардатского; богослужения на марийском языке и «Черемисская грамматика» Андрея Альбинского; переводы

священников Михаила Кроковского, Павла Вишневецкого и др.

На рубеже веков: переводы житий (автор особое внимание уделяет этим книгам) [Федосеева, 2017: 83–92], издание катехизисов, проповедей, поучений, бесед, писем (священники Гавриил Яковлев, Павел Глезденев, Михаил Сидоров), послание архиепископа Казанского и Свияжского Никанора, письмо Уфимской епархии; буквари Гавриила Яковлева, Ивана Кедрова, учебные книги для совместного обучения черемис и русских Петра Ерусланова, которые были насыщены пословицами и поговорками, «Наглядный букварь» Валериана Васильева и Гурия Кармазина, также с пословицами, поговорками, загадками, песнями, частушками, сказками.

Выводы автора: 1) «Золотой фонд дореволюционной марийской литературы рассматриваемого периода составляют переводные памятники. В данном случае особая роль принадлежит церковной литературе» [Федосеева, 2017: 81];

2) «Переводная литература на родном языке народа мари выполняла функцию художественной литературы» [Федосеева, 2017: 115];

3) способствовала развитию книжной культуры.

Федосеева Н.А. впервые в марийском литературоведении с такой полнотой пишет о переводной духовной литературе на марийском языке, указывая на положительную оценку влияния церковно-богослужебной литературы на чувашскую литературу в исследованиях Е.В. Федотовой, Л.А. Васильевой, О.Р. Студенцова, в мордовской литературе – Л.А. Тингаевой, О.А. Игошиной.

И далее: 4) «рассмотрение этой литературы только с точки зрения ее религиозности было бы неверным, поскольку эта литература содействовала росту образования и культуры народа мари» [Федосеева, 2017: 82];

5) в этой литературе вырабатывались и формировались основы литературных норм марийского языка;

6) эта литература «стала своего рода одной из причин взаимодействия национальных литератур и культур народов Урало-Поволжья» [Федосеева, 2017: 82] (очень важное обстоятельство!);

7) в процессе написания и издания церковной и учебной литературы происходило формирование национальной интеллигенции;

8) «Огромная работа по просветительству марийского народа велась священнослужителями Русской православной церкви» [Федосеева, 2017: 83], особое значение имели Казанская учительская семинария, школы Братства святителя Гурия.

Федосеева Н.А. впервые, обращаясь к архивным материалам, анализирует литературные памятники марийского народа 1800–1860-х гг., переводы на марийский язык священных книг архиепископа Амвросия (Протасова), священников Андрея Альбинского, Михаила Кроковского, Павла Вишневецкого, Алексея Канцеровского и др.

Причем интерес исследовательницы именно филологический. Она показывает, как в переводных изданиях происходило становление и совершенствование марийской письменности.

Без всей этой творческой, переводческой, издательской деятельности были бы невозможны поэзия, проза, публицистика первых марийских писателей, потому что процесс рождения писателя связан и с процессом рождения читателя, т.е. хотя бы минимальной образованной среды.

Из книги Н.А. Федосеевой очевидно, какие огромные силы – материальные и людские – были задействованы в деле просвещения народов Урало-Поволжья: от составителей грамматик чувашского, черемисского (марийского) и вотского (удмуртского) языков – до типографии Академии наук в Санкт-Петербурге, где эти грамматики были напечатаны (1770-е гг.) [Федосеева, 2017: 52].

Драгоценны для истории марийской литературы многие открытия автора, дополнения, уточнения. Например, Н.А. Федосеева указывает на искажение смысла стихотворения «Кок онар» («Два богатыря») Тихона Ефремова («Война увер», 1916), представленного в сборнике «Сылнымут памаш» [Сылнымут, 1982: 99–100]. По жанру это стихотворение песня-молитва, изъятиями оказались строки, в которых поэт-священник призывает читателя обратиться к Богу, пишет о том, что белый онар (Россия) победит черного онара (Германию) [Федосеева, 2017: 167–168].

Необходимо заметить, что марийская литература существует как бы в двух вариантах – полном (для марийцев, которые владеют и русским языком), и неполном – для русских, марийским языком не владеющих. Н.А. Федосеева многое, что было уже оглашено в марийском литературоведении, делает достоянием и русскоязычного читателя. Например, сюжет с тремя вариантами стихотворения С. Чавайна «Роцца», которые уже опубликованы (на марийском языке) [Чоткар, 2013: 9–10].

В 1956 г. комиссия по реабилитации Чавайна название знаменитого стихотворения «Роцца» перевела как «Мольбище» [Сануков, 2011: 184]. Оказывается, для этого были основания. Н.А. Федосеева указывает на три варианта этого стихотворения. Во втором варианте («Йошкар кече», 1920) присутствовала картина моления [Федосеева, 2017: 139–140].

Среди раскидистых деревьев истинный мариец¹
Богу неба молится².

Дзинь-дзинь ударяет железо мариец.

Как снег белую бороду

правой рукой гладит:

– Большой Бог, дай народу покой,

Всей вселенной дай мир!

Кругом цветы цветут,

Вкусно, сладко пахнет.

Всякий разный живой³

радуется,

во вселенной шумит.

Молитва марица теперь дойдет:

И марийский народ, объединившись,

станет жить спокойно.

(Построчный перевод Н.А. Федосеевой).

Это очень важный факт – как для широкого марийского читателя, так и для русского, не углубляющихся в текстовые особенности произведений любимого писателя Сергея Чавайна. Значит, после революции марийские писатели в одночасье не стали атеистами. Значит, сегодня широкий русскоязычный читатель знаком только с одним вариантом стихотворения, в котором автор проклинает тех, что выруба-

¹ Истинный мариец – имеется в виду чимарий, приверженец марийской традиционной религии, у Чавайна «ош марий» – белый, светлый.

² Если дословно – «поклоняется».

³ Возможно – «тварь», земное существо.

ет роши. И это может быть понято в пределах экологической проблемы сохранения лесов. Оказывается, проклинаются те, кто вырубает священные роши. А это уже совсем другой смысл стихотворения.

Еще одно попутное чтению замечание. В марийском литературоведении марийских писателей, в большинстве своем священников, часто называют просветителями. Это наименование использует и Н.А. Федосеева. Но для русского читателя слово «просветители» вызывает ассоциации со светскими писателями второй половины XVIII в. Марийские «просветители» в большинстве своем были священниками и переводили произведения церковных жанров. Русская литература тоже начиналась с переводов – церковной литературы с греческого языка, и митрополитами долгое время были греки. Таких писателей принято называть «писателями духовного чина» [Евгений, 1995], или просто духовными писателями [Православная, 2000].

Николай Ильминский основал Братство во имя святителя Гурия (1867), открыл Казанскую учительскую семинарию (1872), выпустил «Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарские и другие инородческие языки в начале текущего столетия» (1885), автором поучения-проповеди «Оставьте почитание кереметей на черемисском языке» (1913) был священник П.П. Глезденев, авторы «букварной» литературы: священник Г.Я. Яковлев, выпускник Казанской учительской семинарии П.Е. Ерусланов. Всё это марийская духовная литература. Просветителями, т.е. писателями, ставшими перед собой собственно просветительские (образовательные) цели, можно назвать В.М. Васильева, Г.Г. Кармазина.

Выделение православных писателей из общего круга просветителей обогащает марийскую литературу, тематически ее усложняет, разнообразит, делает богаче. Хотя явление это – соотношение церковной проповеди и светского просветительства – явление сложное. Примером чему может быть жизнь и творчество Тихона Ефремова, в 1887 г. окончившего Казанскую учительскую семинарию, а в 1919-м отказавшемуся от сана священника и ставшего кандидатом в члены РКП(б).

Эта проблема приводит нас к понимаю марийского национального мировосприятия,

к тому, как сложно сочеталось в нем язычество (традиционная национальная вера), православие, советский атеизм.

Хочется пожелать автору продолжить работу с исследуемым материалом, ведь на многое в ее книге только указано, многое только слегка обозначено.

Марийская интеллигенция развивалась вместе с интеллигенцией других народов Марийского края (в основном русской). Как происходил общий культурный подъем Марийского края – об этом есть разносторонние исследования (указываю только на некоторые издания): и о развитии школы [Паймаков, 1970], и земской интеллигенции [Акшиков, 2018], и о становлении библиотечного дела [Мансурова, 2007; Петрова, 2019; Петрова, 2013], и об истории и культуре народов Республики Марий Эл [Иванов, Свечников, 2018].

Продолжение предполагает и решение проблемы влияния русской литературы на первых марийских поэтов – Сергея Чавайна, Михаила Герасимова-Микая, Николая Мухина. Дело ведь не только в том, что их первые поэтические опыты часто были переложением произведений Александра Пушкина, Ивана Никитина или Николая Некрасова, но важно понять, как эти поэты использовали достижения русского стиха в своем зрелом творчестве.

В исследовании художественных публикаций «Марий календарей» можно в большем объеме учесть работы Владимира Мухина-Сави, в которых впервые в марийском литературоведении дается анализ календарей. Кстати, Владимир Мухин-Сави указал на влияние А. Фета на поэзию И. Алексея [Мухин, 1929: 71] – не затронутая еще тема в русскоязычной марийской литературе.

Читая монографию Н.А. Федосеевой, более ясно, всесторонне понимаешь, что возникновение марийской письменности и литературы происходило в пределах русского мира, русской культуры. Русская литература веками накапливала опыт художественного освоения действительности, вырабатывала системы жанров, осваивала новые стили, несколько раз реформировала стихосложение, создала материальную базу книгопечатания. Художественная марийская литература это расстояние прошла за период творческой жизни одного

поколения. Лучший тому пример – Сергей Чавайн: от стихотворения «Роща» (1905) до романа «Элнет» (1935–1937), как минимум – 25 прижизненных книжных изданий.

Книга Надежды Александровны Федосеевой вышла тиражом в 300 экземпляров, уже в силу этого она становится библиографической редкостью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акишков А.Г. Земская интеллигенция Марийского края во второй половине XIX века: Монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. – 274 с.

Васин К.К. Просветительство и реализм: К проблеме генезиса социалистического реализма в марийской литературе: Историко-литературоведческие очерки. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 248 с.

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / пер. с венг. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – 288 с.

Евгений (Болховитинов), митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. – М.: «Русский Двор», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 416 с.

Иванов А.Г., Свечников С.К. История и культура народов Республики Марий Эл: Информационно-просветительский сборник: В 2 ч. Ч. 1. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2018. – 256 с.

Иванов И.Г. История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 256 с.

История марийской литературы / отв. редакторы К.К. Васин, А.А. Васинкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 432 с.

Кудрявцева Р.А. Марийский рассказ XX века (история и поэтика жанра): Монография. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. – 208 с.

Куторов Н.И. Марийское стихосложение. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. – 120 с.

Мансурова Л.Р. Развитие традиций В.Ф. Иваницкого в библиографической деятельности Национальной библиотеки: Очерк. – Йошкар-Ола: Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна, 2007. – 59 с.

Мухин В. Марийская литература в 1917 г. // Марий ильш (Марийская жизнь): Периодический Орган Марийского Обл. Об-ва Краеведения. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1929. – С. 52–81.

Мухин В. Первые шаги Марийской литературы // Марий Эл: Журнал Марийского Областного Исполнительного К-та. – Йошкар-Ола, 1928. – № 12. – Декабрь. – С. 61–84.

Паймаков А.С. Развитие школы в Марийской АССР (1917–1969). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. – 244 с.

Петрова Т.А. Пётр Леонтьевич Клементьев: Историко-биографические материалы. – Йошкар-Ола: Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна. 2019. – 130 с.

Петрова Т.А. Становление и развитие библиотечного дела в Марийском крае. В 2 ч.: Монография. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – Т. 1. 571 с. – Т. 2. 651 с.

Православная энциклопедия / под общей ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Т. I. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. – 752 с.

Сануков К.Н. Наши земляки: Пути и судьбы. – Йошкар-Ола: «Изд-во Мари Книга», 2011. – 340 с.

Сылнымут памаш. Революций деч ончычсо марий легенда, йомак, ойлымаш, почеламут, очерк (Родник художественного слова. Дореволюционные марийские легенды, сказки, рассказы, стихотворения, очерки) / сост. К.К. Васин. – Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1982. – 152 с.

Федосеева Н.А. Историка формирования художественной словесности народа мари: Монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017. – 232 с.

Чоткар патыр: Сергей Чавайн: палыме да палыдыме: Почеламут, поэме, пьесе, статья, шарнымаш (Чоткар патыр: Сергей Чавайн: известное и неизвестное: Стихи, поэмы, пьеса, статьи, воспоминания) / сост. Г.З. Зайниев. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2013. – 240 с.

Карпов Игорь Петрович

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
литературы и журналистики
Марийского государственного университета,
г. Йошкар-Ола
e-mail: kip52@yandex.ru

Igor Karpov

Doctor of Philology,
Full Professor of the Chair of the Russian Language,
Literature and Journalism,
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: kip52@yandex.ru

ХРОНИКА

УДК 001:811:511.151

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«I ЁПЫМАРИЙ ЛУДМАШ (I ВАСИЛЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ):
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ»**

© 2019 г. Л.Я. Григорьева

26 апреля 2019 г. в г. Йошкар-Оле в рамках мероприятий, приуроченных ко Дню национального героя (Марий талешке кече), прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «I Ёпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики». Её организатором выступил Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при поддержке Правительства Республики Марий Эл, Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийского государственного университета, Марийского регионального комитета финно-угроведов и Марийского национального конгресса.

В 1983 г. Марийскому научно-исследовательскому институту присвоено имя выдающегося учёного, основоположника марийского языкознания, талантливого просветителя народа мари, активного общественного деятеля Валериана Михайловича Васильева (1883–1961), что является признанием его больших заслуг в развитии научного учреждения и в целом гуманитарных наук в республике. Обладая исключительным дарованием учёного-исследователя, неиссякаемой энергией, волей, стремлением, Валериан Михайлович неустанным трудом овладел сокровищами научного знания не только в области языкознания, но и фольклористики, литературоведения, этнографии, музыковедения, педагогики. Многогранные труды учёного составляют золотой фонд марийской гуманитарной науки. В целях раскры-

тия неизвестных страниц в изучении наследия марийских просветителей, их роли в истории Марийского края открылись Васильевские чтения (Ёпымарий лудмаш).

Первые Васильевские чтения посвящены 90-летию известного финно-угроведа и тюрколога Николая Исанбаевича Исанбаева, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, зарубежного члена Финно-угорского общества, и связаны с его научными интересами. В современных условиях глобализации актуально изучение вопросов традиционных областей компаративистики, развития сравнительного и сопоставительного языкознания, сравнительного литературоведения, сравнительной культурологии в XXI в., обсуждение проблем диалога в поликультурном образовании. «Компаративистика (< лат. comparatio ‘равное соотношение, соразмерность, сравнение, взаимное соглашение’>) (в широком значении. – Л.Г.) – общее название совокупности сравнительных методов в различных областях гуманитарного знания (политология, правоведение, литературоведение, языкознание, культурология, история, религиоведение и др.)» [Политология, 2001]. Сравнительные, сопоставительные и типологические анализы как в синхронном, так и диахронном аспектах необходимы для выявления тенденций развития систем, возможностей и пределов заимствования достижений других культур, путей сохранения собственных традиций, норм и ценностей.

В научном форуме приняли участие более 100 человек – учёные, государственные деяте-

ли и руководители республиканских и муниципальных учреждений, работники отрасли науки, образования и культуры, общественные деятели, студенты и учащиеся общеобразовательных школ. География конференции была представлена Финляндией, Ханты-Мансийским автономным округом, республиками Башкортостан, Коми, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, муниципальными районами Республики Марий Эл.

Торжественно открыл конференцию директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Е.П. Кузьмин. Заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Г.С. Ширяева поздравила всех с праздником, отметив важность проведения Васильевских чтений как необходимого общественно значимого мероприятия и научного бренда МарНИИЯЛИ. В адрес участников конференции поступили поздравление с Днём национального героя Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл Ю.А. Минакова, приветствия Заместителя Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл А.Н. Иванова, председателя Всемарийского совета – Мер Канаш Э.В. Александрова. Директор Дома-музея В.М. Васильева с. Сусады-Эбалак Янаульского муниципального района Республики Башкортостан Е.М. Гильмитдинова поделилась своей радостью, что помнят и ценят труд их земляков, и отметила, что на малой родине В.М. Васильева планируется проведение «Малых Васильевских чтений», участниками которых будут обучающиеся школ. В видеобращении тепло и трогательно прозвучали благодарственные слова юбиляра – профессора Н.И. Исанбаева. Творческое приветствие народного ансамбля песни и танца «Эрвел марий» («Восточные мари») добавило ноты праздника и торжества.

На пленарном заседании были заслушаны три научных доклада: «Роль В.М. Васильева в развитии марийских гуманитарных наук» (С.С. Сибатрова), «Научное наследие профессора Н.И. Исанбаева и вопросы компаративистики» (Л.Я. Григорьева), «Становление филологической компаративистики Поволжья в первой половине XIX века» (В.Г. Родионов, Э.В. Родионова). Работа основных участников конференции проходила в пяти секциях: «В.М. Васильев – основоположник марийской лингвистической науки, выдающийся учёный, просветитель и общественный деятель», «Историко-культурные и языковые контакты финно-угорских народов», «Актуальные проблемы финно-угорского языкознания», «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур», «Неизвестные страницы в изучении наследия просветителей, их роли в истории Марийского края и России».

В секционном заседании, посвящённом В.М. Васильеву, активное участие принял Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин. В своем выступлении он подчеркнул прикладную значимость научно-практических конференций, способствующих не только углублённому изучению актуальных вопросов марийской науки, но и социально-экономическому развитию республики.

На заключительном пленарном заседании было принято решение о проведении «Упымарий лудмаш (Васильевских чтений)» с периодичностью раз в три года. Основные итоги I Васильевских чтений, приоритетными направлениями работы которых стали актуальные проблемы языкознания, фольклористики и литературоведения, этнической истории и культуры, представлены в сборнике материалов конференции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Политология: словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001. – 328 с.

Григорьева Людмила Яковлевна
кандидат филологических наук,
заместитель директора МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: ludyagrig@mail.ru

Ludmila Grigoryeva
Candidate of Philology,
Deputy Director of The Mari Research Institute of
Language, Literature and History, Yoshkar-Ola
e-mail: ludyagrig@mail.ru

УДК 001:39

ХIII КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ© 2019 г. **О.В. Орлова, Т.Л. Молотова**

Со 2 по 6 июля 2019 г. в Казани проходил XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Основная тема конгресса «Системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект». В работе Конгресса приняли участие российские и зарубежные ученые. Тематика научных исследований была представлена достаточно широко: историографические традиции, междисциплинарные связи, методы исследования в антропологии и этнологии и многие другие. Наряду с вопросами, традиционно изучаемыми антропологами и этнологами, обсуждались современные процессы: мигранты, диаспоры, этноконфессиональные процессы. Так, на секции «Стратегии пришлых и местных. Проблемы культурных контактов» состоялось заинтересованное обсуждение о взаимодействии местного населения с мигрантами. Исследователи отмечали, что у некоторой части россиян присутствуют антимигрантские установки. Кроме трудовых мигрантов в последние годы практически во всех регионах России увеличивается численность иностранных студентов.

В связи с этим говорилось о необходимости формирования социально-политических интеграционных стратегий. Отмечалась необходимость пристального внимания органов государственной власти, общественных организаций, средств массовой информации к разработке эффективных механизмов социокультурной адаптации и интеграции мигрантов. С целью предупреждения возможных рисков необходим мониторинг ситуации в области реализации государственной миграционной политики, а также научное сопровождение при подготовке программ с учетом особенностей регионов и общественного мнения в них. На секции «Методы этнологических исследований и полевая этностатистика» были представ-

лены доклады по результатам исследований в различных регионах России по изучению миграционной ситуации, полевым методам оценки общественного восприятия иностранных мигрантов, предупреждению конфликтов в полиэтничных регионах. Исследователи отметили необходимость проведения научного мониторинга и экспертной оценки для того, чтобы были своевременно приняты управленческие решения и протестные настроения не перерастали в массовые конфликты.

В рамках XIII конгресса антропологов и этнологов России, проходившего 2–6 июля 2019 г. в Казани, работала 21 секция «Казанская этнографическая школа: научное сообщество в историческом времени и пространстве». Формирование и развитие этнографической школы связано с Казанским университетом и насчитывает более чем 200-летнюю историю. За это время проведено огромное количество исследований и написаны крупные научные труды, которые вошли в «золотой фонд» российской этнологической науки, поэтому в рамках конгресса обосновано была выделена специальная секция.

Важную роль в оформлении Казанской этнографической школы сыграло образование в 1878 г. при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии. В этнографических исследованиях ОАИЭ можно выделить три основных направления – Поволжье, Северная и Средняя Азия. Самым большим по количеству исследований и собранного вещевого материала было поволжское направление (в основном финно-угроведение и тюркология). Докладчиками на секции были ученые из различных регионов России: Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Саранска, Набережных Челнов, Чебоксар, Йошкар-Олы и др.

Большинство докладов было посвящено непосредственно представителям Казанской этнографической школы, а также деятельности ОАИЭ.

В сообщении Ф.Ф. Башкирцевой «Этнографическое исследование народов Средней Азии в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете» рассмотрены исследования ученых о народах Средней Азии. Этим же исследованиям посвящено сообщение А.А. Бурханова «Историко-археологические и этнографические исследования казанских ученых в Средней Амударье (Восточный Туркменистан)». Л.А. Тоймасов в своем докладе остановился на роли Казанского университета в изучении чувашской этнографии. С.В. Сулова и Р.Н. Мусина посвятили свой доклад этапам становления тюркско-татарской этнографии в Казани.

Ряд докладов был посвящен деятельности отдельных ярких представителей школы. Содержательный доклад с анализом и выводами

о жизни и научно-исследовательской деятельности известного этнографа И.Н. Смирнова представила Н.И. Ивановская «Казанский исследователь истории Волго-Камского региона И.Н. Смирнов – корреспондент Этнографического отдела Русского музея» (СПб). Два сообщения были посвящены научному наследию известного этнографа, профессора Б.Ф. Адлера в период работы в Казанском университете (К.А. Руденко) и петербургскому периоду жизни (А.И. Терюков). В последующих докладах освещалась творческая деятельность известных этнографов, получивших образование в Казани в советский период. Была рассмотрена научная деятельность ученых, принадлежащих Казанской школе: Г.А. Сепеева (Т.Л. Молотова), Р.Г. Мухамедовой (М.А. Сафаров), Л.С. Токсубаевой (Т.А. Титова). Завершающим докладом, подводящим результаты заседания секции, было выступление В.И. Яковлева «Казанская этнографическая школа: научное сообщество в историческом времени и пространстве».

Молотова Тамара Лаврентьевна

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
направления «Этнология» МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova

Candidate of History,
Leading Researcher of Ethnology Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Орлова Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, ведущий научный
сотрудник направления «Социология»
МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола
e-mail: marsoc_orlova@mail.ru

Olga Orlova

Candidate of History,
Leading Researcher of Sociology Department,
Mari Research Institute of Language, Literature and
History, Yoshkar-Ola
e-mail: marsoc_orlova@mail.ru

УДК 001:94:80/81:94

**VI ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ
«ФИННО-УГОРСКИЙ МИР В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ»**

© 2019 г. О.В. Титова

4–7 июня 2019 г. в г. Ижевске состоялась VI Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы». Ее организатором выступил Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН при поддержке Правительства Удмуртской Республики, Комитета финно-угроведов Российской Федерации, Удмуртского государственного университета, а также Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-20018) и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

В работе конференции приняло участие более 250 специалистов по проблемам финно-угроведения из 20 регионов Российской Федерации, а также из Венгрии, Финляндии, Эстонии, Австрии, Великобритании, Германии, Франции.

В рамках конференции состоялись два пленарных и восемь секционных заседаний, круглые столы «Проблемы создания национальных корпусов языков» и «Образование без границ», симпозиумы «Новая история удмуртской литературы: актуальность, моделирование, концепции» и «Этнокультурное наследие финно-угорских народов в музейном пространстве Удмуртии».

На двух пленарных заседаниях прозвучало шесть докладов: «Финно-угроведение в парадигме развития современной гуманитарной науки» (Н.В. Кондратьева), «Лингвогеография в контексте этимологических исследований (на материале финно-угорских и славянских языков)» (С.А. Мызников), «Финно-пермский мир в евразийском пространстве (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)» (Р.Д. Голдина), «Энотерриториаль-

ные группы удмуртов: состояние источников, проблемы и итоги изучения» (Н.И. Шутова), «Удмуртская традиционная музыка в звучащем пространстве Евразии» (И.М. Нуриева), «Финно-угорские литературы России: этнокультурные «рельефы» развития» (А.А. Арзамазов).

В рамках секции I «Актуальные вопросы грамматики и истории языка» были озвучены результаты исследований в области фонетики, морфологии, синтаксиса финно-угорских языков. В ряде докладов были затронуты проблемы изучения письменных памятников и их роли в становлении и развитии литературных языков и лингвистики в целом.

В ходе работы секции II «Лексико-семантические исследования финно-угорских языков и вопросы языковых контактов» обсуждались актуальные вопросы лексикологии, лексикографии, семасиологии, фразеологии, этимологии. В центре внимания отдельных докладов были проблемы взаимодействия финно-угорских языков с другими языками.

На секции III «Вопросы диалектологии и ономастики финно-угорских языков» был рассмотрен широкий диапазон диалектологических проблем: выявление диалектных ареалов, диалектное членение, описание отдельных говоров и некоторых морфологических явлений в диалектах, изучение диалектной лексики. Многие доклады были посвящены исследованию роли собственных имен различного типа в духовном наследии финно-угорских народов как своеобразных памятников истории этносов.

В рамках секции IV «Финно-угорские языки и культуры в образовательном пространстве и современном социуме» обсуждалась языковая ситуация в регионах проживания финно-угорских народов. Докладчиками были

предложены меры для сохранения исчезающих языков и расширения сферы их функционирования. Значительное внимание было уделено проблемам национального образования, особенно актуальным в последнее время в условиях глобализации. В ряде докладов были рассмотрены особенности функционирования традиционной культуры финно-угорских народов в современных условиях.

На секции V «Литература финно-угорских народов: история, современные реалии и перспективы исследования» были затронуты актуальные вопросы изучения литератур финно-угорских народов, в частности проблемы теории и методологии, этноспецифики, типологических связей.

В работе секции VI «Традиционная культура финно-угорских народов в современных исследованиях» обсуждались важные вопросы финно-угорской фольклористики, этномузыковедения.

Секция VII «Вопросы этнической истории, этнокультурного и хозяйственного взаимодействия финно-угорских народов» была посвящена новым исследованиям по этногенезу и этнокультурному взаимодействию разных групп финно-угорского населения с тюркоязычными и славянскими этносами в Урало-Поволжском регионе. В ряде докладов были освещены вопросы хозяйственного развития и демографии финно-угорских народов.

На секции VIII «Религиозные верования, историко-культурное и духовное наследие финно-угорских народов» были рассмотрены особенности религиозных верований, семейной и календарной обрядности финно-угорских народов, а также особенности их историко-культурного и духовного наследия.

В рамках работы круглого стола «Проблемы создания национальных корпусов языков» были озвучены основные проблемы и задачи, стоящие перед лингвистами при подготовке и созданию корпусов, намечены различные пути их решения. Были обозначены и обсуждены возможные варианты практического использования корпусов в работе творческой интеллигенции и широкого круга пользователей.

Титова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск
e-mail: ovtitova@rambler.ru

Главной целью круглого стола «Образование без границ», приуроченного к 25-летию подписания соглашения между Удмуртским государственным университетом и венгерскими вузами, было обсуждение наиболее актуальных проблем и приоритетных направлений развития сотрудничества Удмуртского государственного университета и венгерских вузов в области науки, образования и культуры. Были рассмотрены вопросы расширения сотрудничества посредством инновационного сетевого образования на базе современных информационно-коммуникационных технологий.

В рамках конференции была проведена презентация фильма «Мөр вöсь: окружное моление», авторами которого являются Ливо Ниглас, Ранус Садиков, Ева Тулуз. Была организована выставка архивных документов «Устремленная в будущее... (к 100-летию государственности Удмуртии)», выставка комиксов на финно-угорских языках, а также выставка детских рисунков «Этнопространство в движениях, действиях, изменениях».

Во время конференции состоялось заседание Комитета финно-угроведов Российской Федерации, на котором обсуждался ряд важных вопросов, в частности, вопрос о месте проведения VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов.

По результатам конференции издан сборник статей «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы» (Ижевск, 2019. 578 с.). Представленные в нем материалы раскрывают актуальные проблемы финно-угорского языкознания, литературоведения, фольклористики, этнографии, этнической истории.

На заключительном заседании по подведению итогов был отмечен высокий уровень проведения конференции, подчеркнута ее большое значение для развития финно-угорской науки. Принято решение провести очередную VII Всероссийскую научную конференцию финно-угроведов в 2024 г. в г. Йошкар-Ола на базе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Olga Titova

Candidate of Philology, Research Associate, Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS, Izhevsk
e-mail: ovtitova@rambler.ru

УДК 94(470.343)

**ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА КАЗИМОВА
(19.08.1948–23.08.2019)**

23 августа 2019 г. ушёл из жизни известный учёный и общественно-политический деятель, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл, бывший директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (2000–2016) Александр Сергеевич Казимов.

Казимов А.С. родился 19 августа 1948 г. в г. Йошкар-Оле в семье служащих. Успешно окончил Марийский государственный педагогический институт имени Н.К. Крупской с присвоением квалификации «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» (1970), аспирантуру Института истории СССР Академии наук СССР (1980). В 1970–1974 гг. работал в школах республики учителем истории, географии и немецкого языка, в 1972–1973 гг. – директор Салтакъяльской восьмилетней школы Куженерского района Марийской АССР. Службу в рядах Советской Армии проходил в военной части 45463-Н в г. Казани Татарской АССР, был заместителем командира взвода.

С 1975 г. его трудовая деятельность связана с Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В декабре 2000 г. Постановлением Правительства Республики Марий Эл Александр Сергеевич был назначен директором МарНИИЯЛИ и 16 лет возглавлял институт. Как руководитель и организатор науки А.С. Казимов всегда придавал большое значение изданию фундаментальных и прикладных исследований, практическому участию в научных конференциях и форумах, организации и проведению научных конференций, экспедиций и социологических исследований, укреплению сотрудничества с ведущими научными учреждениями страны.

Александр Сергеевич плодотворно занимался изучением актуальных вопросов истории Марийского края различных периодов, политологии, финно-угроведения. Является автором глав в обобщающем труде «История Марийской АССР» (1986), монографии «Марий Эл на рубеже веков: очерк социально-экономического и общественно-политического развития в 1990–2005 гг.» (соавтор – Л.А. Гаранин) (2006), «Козьмодемьянск. 1583–2008» (2008). Под его руководством создавались такие коллективные труды, как «Марийцы» (2005, 2013), «Энциклопедия Республики Марий Эл» (2009), «Молодежь Республики Марий Эл» в семи частях, «История Марийского края в лицах» в трёх томах и др. Появилось новое серийное издание «Этнографическое наследие».

Мы запоем Александр Сергеевича как очень компетентного человека, внёсшего большой вклад не только в научную жизнь, но и в общественно-политическую жизнь нашей республики. В 1993–1996 гг. он был депутатом Государственного Собрания Республики Марий Эл, выполнял обязанности заместите-

ля председателя постоянной Комиссии по законодательству и законности. В 1997–2000 гг. работал в аппарате полномочного представителя Президента Российской Федерации в Республике Марий Эл специалистом-экспертом. С 2005 г. – активный член Общественного совета при Министерстве внутренних дел Республики Марий Эл, а в 2013–2016 гг. – председатель этого совета. Также он был председателем Регионального экспертного совета по гуманитарным наукам Республики Марий Эл, председателем Геральдического совета при Главе Республики Марий Эл, заместителем председателя Комиссии по правам человека при Главе Республики Марий Эл, заместителем председателя Правительственной Комиссии по реализации Концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл, заместителем председателя Комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве Республики Марий Эл, членом Координационного совета по правам человека при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Поволжском федеральном округе, членом Комиссии при Главе Республики Марий Эл по Государственным премиям Республики Марий Эл в области литературы, искусства, архитектуры, науки и техники, внештатным экспертом-политологом по

Республике Марий Эл Фонда развития информационной политики (г. Москва).

Заслуги А.С. Казимова отмечены почетными грамотами Министерства внутренних дел Марийской АССР (1969), Государственного Собрания Республики Марий Эл (2007, 2008, 2010, 2012), медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл» (2008), медалью «За укрепление правопорядка» (2009), нагрудными знаками «За особый вклад в развитие законодательства Марий Эл» (2007), «За содействие полиции» (2011), Благодарностью Главы Республики Марий Эл (2011). Он лауреат конкурса Фонда развития отечественного образования «За лучшую научную книгу 2006 года», лауреат Национальной премии России «Достоиние поколений» (2006).

Добрые человеческие качества, высокий интеллектуальный и нравственный уровень, колоссальная работоспособность и неустанная творческая и общественно-политическая деятельность снискали глубочайшее уважение всех, кто так или иначе соприкасался с энергией этого уникального человека, руководителя и учёного. Коллектив МарНИИЯЛИ, творческая интеллигенция и научное сообщество глубоко скорбят об этой невозполнимой утрате. Светлая память об Александре Сергеевиче Казимове навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Правила оформления статей для журнала «Финно-угроведение»

1. Сведения об авторе(ах):

- ФИО всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках); если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации;
- должность, звание, ученая степень;
- адрес электронной почты для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес с индексом (для пересылки авторского экземпляра), телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

2. Название статьи

Приводится на русском и английском языках.

3. Аннотация

Приводится на русском и английском языках.

4. Ключевые слова

Приводятся на русском и английском языках.

Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

5. Тематическая рубрика (код)

Обязательно – код УДК и/или ГРНТИ и/или код ВАК (согласно действующей номенклатуре специальностей научных работников).

Опционально – другие библиотечно-библиографические предметные классификационные индексы.

6. Список литературы

Пристатейные ссылки и/или списки пристатейной литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5-2008.

Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

7. Объем

Объем (включая пробелы) научных статей докторов и кандидатов наук – до 40 тыс. знаков; научных статей аспирантов и соискателей – до 25 тыс. знаков; рецензий – до 12 тыс. знаков.

8. Статья должна быть представлена в формате doc и обязательно pdf, назван по ФИО (например, Иванов И.И.doc). Формат А4, поля – 2 см со всех сторон, шрифт – Times New Roman (при использовании дополнительных шрифтов с некириллической и нелатинской графикой в редакцию должны быть предоставлены файлы этих шрифтов), кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1, без постановки страниц, без переносов. Объем аннотации (на русском и английском языках) – до 1000 знаков. Количество ключевых слов и фраз – 5–7. Ссылки оформляются по образцу: [Иванов, 2005: 123], список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат несут авторы.

Научные статьи направляются по адресу:

peksheevaelya@rambler.ru – ответственному секретарю журнала Пекшеевой Эльвире Ивановне.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44, тел. 8(8362)45-14-73, 8(8362)45-06-47.

«Финно-угроведение», 2019 (№ 60)

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *С.Л. Яковлевой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес издателя: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362)64-19-28, 45-39-94
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 30.12.2019. Вышел в свет 30.01.2020. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 23,95. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95